

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

МИР ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ

**Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
Севастополь, 17 ноября, 2025 г.**

Севастополь

СевГУ

2025

УДК [159.9:316.4/.7](470+571)(06)
ББК 88.5(2Рос)я43
М630

Составители: канд. психол. наук, доцент кафедры «Психология»
Кондрашихина О. А., канд. пед. наук, доцент кафедры «Психология» Ковалев В.Н.

М630 Мир единства народов России : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Севастополь, 17 ноября 2025 г. / Севастопольский государственный университет, Гуманитарно-педагогический институт ; сост.: О. А. Кондрашихина, В. Н. Ковалев. — Севастополь : СевГУ, 2025. — 326 с.

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Мир единства народов России» составлены на основе полных текстов докладов участников конференции. На конференции обсуждались ключевые вопросы развития психологии в поликультурном пространстве; задачи и перспективы развития мультикультурного подхода в психологическом сопровождении личности. Базовыми направлениями конференции явились межкультурная коммуникация и развитие межкультурной компетентности в различных сферах профессионального взаимодействия; направления сохранения российских традиционных духовно-нравственных ценностей; проблема психологического благополучия в ситуации вызовов современности. Доклады сгруппированы в алфавитном порядке по фамилии первого автора доклада. Доклады опубликованы в соответствии с оригиналами, полученными Оргкомитетом конференции, и не подвергались научному и литературному редактированию.

УДК [159.9:316.4/.7](470+571)(06)
ББК 88.5(2Рос)я43

© Севастопольский государственный
университет, 2025
© Коллектив авторов, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ахметзянова Ф. С., Гилязова И. И., Ибатуллина Г.Г.	
Народная культура в дошкольном образовании как направление сохранения российских традиционных духовно-нравственных ценностей	5
Бессонова Т.И. Поиск психологических факторов долголетия в межкультурном контексте	13
Борисенко З.В., Ильина Н.А. Психосемантические представления о себе и об игровом персонаже	19
Борисенко З.В., Новикова Д.А. Особенности учебной мотивации и профессиональной идентичности у курсантов военного училища	25
Бухинник Д.А. Особенности эмоционального интеллекта подростков	29
Василенко. И.В. Соотношение профессиональной и духовной культуры в акмеологии	36
Вахрушева Т.А. Гендерные особенности психологического благополучия личности в студенческом возрасте	41
Власова М.М. Игромания как психологическая и социально-культурная проблема молодёжи	46
Ганиева И.С., Масгутова Р.А., Насибуллина Л.М. Воспитание любви к малой родине у дошкольников через семейные истории	53
Герасева О.А. Психологическое благополучие современных женщин	58
Гернер И.П. Мультикультурный подход к психологическому консультированию	65
Деулин Д.В. Сознательный выбор «бездетности» как социально-психологическая угроза сохранения российских традиционных духовно-нравственных ценностей	73
Дубинина Н.Н., Ежов В.В. Сущностные проявления методики в формах организации воспитательного процесса и воспитательной деятельности в высшей школе по формированию российской цивилизационной идентичности: «Поэтический атлас России и мира», «Пять уроков патриотизма»	79
Ермолаева А.В. Роль внутренних ресурсов личности в развитии межкультурной компетентности обучающихся из числа вынужденных переселенцев	89
Ефремова И.В. Роль привязанности в процессе формирования эмоциональной сферы личности	95
Кирейчева Е.В., Кирейчев А.В. Исследование Я-концепции будущих психологов: разработка базовой модели	102
Кондратенко Е.Н., Иванова Л.Лю, Сехвейл Салах М. Развитие эмоционального интеллекта и когнитивной гибкости как основа профессионального здоровья	110
Кондрашихина О.А., Кондрашевская Л.Г. Социальные аксиомы как предиктор диалога поколений	116
Кривович Е.М. Когнитивный диссонанс с позиции межкультурного общения	122
Кузьмина М.Н., Мешальникова А.А. Аксиологические ориентиры: ведущая роль психологии в формировании проектного мышления и развитии гражданского общества	128
Лавров М. Н., Семенкова Е.В. Финансовая социализация детей в многокультурном обществе	134
Лучникова И.А., Султанова И.В. Маркеры психологической сепарации и эмоциональной зрелости молодых людей	139
Мамутова А.Р., Ковалев В.Н. Теоретические предпосылки связи эмоционального интеллекта и тревожности	146
Марченко Е. В., Шабаловская М. В. Традиционные духовно-нравственные ценности как ресурс субъективного благополучия личности в условиях межкультурной неопределенности	152
Меликова Н.В., Кажарская О.Н. Особенности мотивации деятельности волонтеров, оказывающих помощь участникам специальной военной операции	158
Миронова Е.П. Когнитивные компоненты готовности личности к вызовам будущего	165
Михайлова Т.Н. Кризис среднего возраста у женщин в современных условиях	173
Наумчик К.В. Гуманистическая направленность педагогических центраций вожакого как проявление его психологической компетентности	178
Падяш М.А., Косцова М.В. Модель структуры цифрового мышления у подростков	186
Петров Д.А. Психологические особенности личности интернет-активной молодежи со склонностью к рискованному поведению	193

Пожиленкова А.А. Содержание высшего образования в глобальном мире: поликультурный контекст	198
Полищук Э.Д., Берсенева Л.В. Особенности эмоционально-волевой сферы современных подростков	204
Пономаренко И.Л., Кадышева Л.Б. Взаимосвязь идентичности и религиозной ориентации у молодежи	210
Рыбак А.А. Теоретическое исследование проблемы формирования коммуникативной компетентности у студентов-психологов	219
Салахова В.П., Кабирова А.А. Роль эмпатии и межличностных отношений в эпоху искусственного интеллекта (ИИ): подготовка клинических психологов к взаимодействию с пациентами в условиях возрастания популярности платформ оказания психологической консультации на базе ИИ	224
Саргсян Д.Д. Опыт участия в проекте «Сириус. лето: начни свой проект. 5 сезон»	230
Сикач А. И., Султанова И.В. Основные конструкты реабилитационных программ для жен, участников сво, находящихся в зоне боевых действий	236
Смирнова С.В. Позитивная транскультуральная психотерапия как инструмент укрепления межкультурного взаимодействия в многонациональной России	243
Смородникова В.Н., Шабаловская М.В. Факторы психологического благополучия семьи	251
Сошникова Е.Е. Основные стрессоры студентов во время академической сессии	257
Тесленко А.Н. Жизненный успех в молодежном сознании	262
Торопова Ж.В. Влияние билингвизма на уровень стрессоустойчивости у студенческой молодежи (на примере иностранных студентов севгу)	267
Харькова М.В., Подойница М.А. Переживание аутоагрессии у творческих личностей	272
Харченко А.В. Когнитивная готовность к обучению в школе у дошкольников	277
Чабаненко С.В. Кибербуллинг как фактор деформации аффективного компонента Я-концепции у подростков: концептуальный анализ	282
Чабаненко С.В., Бачинская Д.С. Роль преподавателя в успешной реализации активного обучения студентов гуманитарных направлений	290
Чечина О.Н., Борисенко З.В. Социально-психологические аспекты учебно-ознакомительной практики по направлению подготовки 37.03.01 «Психология» (дельфинотерапия)	296
Шабукаева М.Р. Коллективный нарциссизм и психологические особенности различных национальных групп	300
Шайхутдинова К. Х., Чечина О.Н. Изменение психоэмоционального состояния студентов под воздействием виртуальной дельфинотерапии	306
Шишкина Т.В. Понимание и проявление патриотизма у современных студентов	310
Якубовская К.Г., Гвоздѣва А.О., Горбенко А. Р. Особенности психологического благополучия студентов гуманитарных направлений подготовки	320

УДК 373.2

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОХРАНЕНИЯ РОССИЙСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

*Ахметзянова Фарида Сафуановна**воспитатель МБДОУ №132**Кировского района г.Казани**Гилязова Илюза Ильдусовна**воспитатель МБДОУ №132**Кировского района г.Казани**Ибатуллина Гулюза Габтелбаровна**воспитатель МБДОУ №132**Кировского района г.Казани*

Аннотация. Данная статья посвящена роли народной культуры в формировании духовно-нравственных ценностей у детей дошкольного возраста. В работе рассматривается значимость введения элементов народной культуры в образовательные процессы, подчеркивая их роль в сохранении и передаче потомкам богатого культурного наследия России. Особое внимание уделяется влиянию фольклора, народных праздников и традиций на нравственно-патриотическое развитие детей. Дошкольный возраст играет ключевую роль в формировании личности ребенка, поскольку именно в этот период закладываются фундаментальные представления об окружающем мире, обществе и культуре. Одной из важнейших задач современного дошкольного образования является сохранение и передача российским традиционным духовно-нравственным ценностям, которые воплощены в народной культуре. Наряду с развитием интеллектуальных и физических способностей, важным аспектом воспитания становится привитие детям понимания и уважения к своим корням, традициям и обычаям родного народа.

Ключевые слова: фольклор, народные традиции, дошкольное образование, духовно-нравственные ценности, патриотизм, культурное наследие.

FOLK CULTURE IN PRESCHOOL EDUCATION AS A WAY TO PRESERVE RUSSIAN TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES

*Akhmetzyanova Farida Safuanovna**Kindergarten teacher at Municipal Budgetary Preschool Educational Institution №132**Kirovsky District of Kazan**Gilyazova Ilyuz Ildusovna*

Kindergarten teacher at Municipal Budgetary Preschool Educational Institution №132

Kirovsky District of Kazan

Ibatullina Gulyuza Gabtelbarovna

Kindergarten teacher at Municipal Budgetary Preschool Educational Institution №132

Kirovsky District of Kazan

Abstract. This article examines the role of folk culture in the development of spiritual and moral values in preschool-aged children. The paper examines the importance of incorporating elements of folk culture into educational processes, emphasizing their role in preserving and transmitting Russia's rich cultural heritage to future generations. Particular attention is paid to the influence of folklore, folk festivals, and traditions on children's moral and patriotic development. Preschool age plays a key role in the development of a child's personality, as it is during this period that fundamental understandings of the world around them, society, and culture are established. One of the most important tasks of modern preschool education is the preservation and transmission of traditional Russian spiritual and moral values, embodied in folk culture. Along with the development of intellectual and physical abilities, an important aspect of education is instilling in children an understanding of and respect for their roots, traditions, and customs.

Key words: folklore, folk traditions, preschool education, spiritual and moral values, patriotism, cultural heritage.

Постановка проблемы. Современное общество сталкивается с проблемой утраты традиций и отчуждения молодого поколения от культурно-исторического наследия. Этот разрыв особенно заметен в дошкольном возрасте, когда формируются базовые представления о морали, этике и социальной ответственности. Возрождение интереса к народной культуре становится необходимым условием для передачи последующим поколениям традиционных духовно-нравственных ориентиров, составляющих ядро российской цивилизации.

Цель. Основная цель данной статьи заключается в обосновании важности включения элементов народной культуры в программу дошкольного образования как инструмента сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей россиян.

Изложение основного материала исследования. Народная культура представляет собой уникальное хранилище мудрости, накопленной веками. Она включает в себя широкий спектр элементов, таких как сказки, легенды, песни, танцы, ремесла и праздничные обряды. Через знакомство с этими формами культурной идентичности

ребенок получает представление о нормах и правилах поведения, принятых в обществе, развивает уважение к старшим, приобретает навыки сотрудничества и взаимопонимания. Например, русские народные сказки (рисунок 1 - личное фото воспитателя) учат доброте, честности, смелости и справедливости, формируя базовые понятия о добре и зле [1].

Рисунок 1 – Народная сказка «Царевна Несмеяна»

Изучение традиций и обычаев помогает детям ощутить связь со своей культурой и обществом. Это развивает у них осознание принадлежности к конкретной этнической общности, укрепляет понимание личной значимости и места в коллективе. Образование такого типа пробуждает стойкий интерес к истории и культурному наследию, стимулирует желание сохранять прошлое и изучать исторические события и выдающихся представителей своего народа. Народные традиции, таким образом, играют важную роль в воспитании патриотизма и преданности Родине.

Народное искусство, будь то декоративно-прикладное творчество, живопись, архитектура или музыка, обладает большой эстетической привлекательностью и вдохновляет на творческий подход к миру. Занятия такими видами искусства позволяют раскрыть индивидуальные таланты и творческие способности детей, стимулируют воображение и фантазию, развивают мелкую моторику и сенсорное восприятие. Так, занятия резьбой по дереву, раскрашивание деревянных изделий или изготовление народных кукол (рисунок 2 - включен в текст статьи с согласия родителей) открывают простор для фантазии и вдохновения, одновременно давая важные практические навыки и уверенность в собственных силах [2].

Рисунок 2 – Настольный кукольный театр «Волк и семеро козлят»

Декоративно-прикладное искусство – это простое, искреннее, подлинное искусство, подобное детской душе. Поэтому оно находит путь к сердцу каждого человека, закладывает первичные основы мелодии в сердцах наших детей. Именно поэтому оно оказывает большое влияние на духовное развитие человека, воспитывая чувство национальной принадлежности ещё с детства и заложив основу эстетического воспитания. Являясь искусством, наполненным яркими красками, особенно ярко демонстрируя изделия ручной работы нашего народа, оно служит основой для посева семян красоты в детских душах.

Эффективным инструментом передачи духовных и культурных ценностей детям служат праздники и торжества, построенные на традиционных обычаях народа. Эти мероприятия способствуют глубокому восприятию детьми радости коллективного взаимодействия, лучшему пониманию нравственных уроков и освоению культурных норм и традиций. Так, народные гуляния вроде Масленицы (рисунок 3) включают задорные песни, танцы (рисунок 4), игры (рисунок 5, рисунок 6) и состязания (рисунок 7), способствующие развитию навыков общения и укреплению дружеских связей среди детей. Рисунки 3 – 7 содержат фотографии, которые включены в текст статьи с согласия родителей.

Рассказывание сказок, стихов и былин, прослушивание народных песен и участие в играх позволяют детям освоить богатство родного языка, расширить кругозор и углубить знание национальной культуры. Такой подход улучшает память, развивает образное мышление и стимулирует желание самостоятельно заниматься исследованиями истории и традиций. Можно проводить конкурсы чтения стихотворений, спектакли по сюжетам

народных сказок или кружковые занятия по изготовлению самодельных инструментов и декораций для театральных постановок.

Рисунок 3 – Праздник «Масленица»

Рисунок 4 –Русский народный танец с платками

Рисунок 5 – Русская народная игра «Прятки с платком»

Рисунок 6 – Татарская народная игра «Бой мешками на бревне»

Рисунок 7 – Татарское народное состязание «Бег с яйцом на ложке»

Формирование и разделение специальных уголков в патриотическом духе (рисунок 8 – личное фото воспитателя), посвящённых народному культурному наследию, способствует созданию среды, способствующей активному усвоению новых знаний и самостоятельному исследованию. Примером служат небольшие музеи (рисунок 9 - включен в текст статьи с согласия родителей), экспозиции и библиотеки (рисунок 10 - включен в текст статьи с согласия родителей), содержащие предметы народного творчества, литературу и учебные пособия, привлекающие детскую аудиторию и пробуждающие интерес к изучению истории и традиций своей родины. Подобные пространства предоставляют возможность ознакомиться с древними ремеслами, наблюдать процесс изготовления традиционных изделий и освоить практические умения работы с разнообразными материалами.

Рисунок 8 – Патриотический уголок

Рисунок 9 – Музей ко Дню Победы

Рисунок 10 – Библиотека в честь дня родного языка

Народная культура в дошкольном образовании служит мощным инструментом для сохранения и передачи российского культурного наследия последующим поколениям. Современные тенденции указывают на необходимость усиления внимания к вопросам духовно-нравственного воспитания детей, поскольку оно обеспечивает прочную базу для устойчивого развития общества и индивидов. Важно обеспечить каждому ребенку доступ к разнообразным источникам народной культуры, включить её элементы в повседневную практику детских садов и школ, а также привлечь к процессу семьи (рисунок 11 - включен в текст статьи с согласия родителей) и местные общины. Только тогда мы сможем сохранить уникальность нашей культуры и поддержать здоровые нравственные принципы, необходимые для успешного будущего всей страны.

Рисунок 11 – Участие родителей в народных конкурсах

Выводы. Через культуру наши дети усваивают нравственные эстетические ценности нашего народа, воспитывают первичные теплые правильные националистические чувства к Родине, вносят свой вклад в развитие личности, сформировавшейся для последующих поколений, и воспитываются как один из детей нашего народа, страны. Ностальгические и националистические чувства ярко проявляются в период взросления человека, эта эмоция прорастает в человеке в детстве, закладывает основы духовного развития. Поэтому часто со временем, когда взросление прокладывает путь к высотам жизни, человек душой и духовностью стремится к детству.

Литература:

1. Календарные обрядовые праздники для детей дошкольного возраста / Под ред. Н.В. Пугачевой. – Москва: Педагогическое общество России, 2005. – 143 с.
2. Литвинова М.Ф. Русские народные подвижные игры для детей дошкольного и младшего школьного возраста: Практическое пособие. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 186 с.

УДК 159.9

ПОИСК ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ДОЛГОЛЕТИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

*Бессонова Татьяна Ивановна**кандидат психологических наук, доцент,**доцент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. Сегодня ориентир на долголетие дает стимул к развитию здоровой нации, увеличению объемов прагматического поиска ресурсов здоровья. Долголетие – многомерный и многонаправленный процесс, изучаемый многими науками о человеке. Своеобразие жизненного мира человека в старости требует обращения к более глубокому анализу психологических источников, обосновавших психологические факторные модели долголетия с учётом социокультурного опыта, накопленного долгожителями. При этом, если культурно-философские позиции неоднократно являлись объектом геронтологических и иных научных исследований, то психологические доминанты, демонстрирующие, с одной стороны, уникальность их личностной глубины, с другой – связь с духовно-физической почвой, требуют скрупулезного постижения.

Ключевые слова: долголетие, психологические факторы, психологические концепции старости, психологические концепции долголетия, ресурсные личностные черты.

SEARCH FOR PSYCHOLOGICAL FACTORS OF LONGEVITY IN AN INTERCULTURAL CONTEXT

*Bessonova Tatyana Ivanovna**Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,**Associate Professor of the Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol*

Abstract. Today, the focus on longevity provides an impetus for the development of a healthy nation and the expansion of pragmatic research on health resources. Longevity is a multidimensional and multifaceted process that is studied by various human sciences. The unique nature of human life in old age requires a deeper analysis of the psychological sources that have shaped the psychological factor models of longevity, taking into account the sociocultural experiences of long-lived individuals. At the same time, while cultural and

philosophical positions have been the subject of gerontological and other scientific research, psychological dominants that demonstrate, on the one hand, the uniqueness of their personal depth and, on the other hand, their connection to the spiritual and physical ground, require meticulous understanding.

Keywords: longevity, psychological factors, psychological concepts of old age, psychological concepts of longevity, and resourceful personality traits.

Постановка проблемы. Темп роста продолжительности жизни стремителен: за последние 200 лет средняя продолжительность жизни человека удвоилась благодаря достижениям медицины и социальной сферы. В настоящее время людей, перешагнувших 100-летний рубеж, в мире десятки тысяч. На первом месте по числу долгожителей находятся США, где проживают более 50 тыс. человек старше 100 лет; в Японии – 3 тыс.; во Вьетнаме – 2,9 тыс.; в Западной Европе первенство принадлежит Франции – более 2,5 тыс. 100-летних граждан; в Россия насчитывает около 6 тыс. людей старше 100 лет [4; 6]. В странах, охваченных научными исследованиями, принята единая возрастная шкала долголетия – 90+. Основными ориентирами для исследователей стали поиски факторных моделей долголетия. Первоочередной методологической задачей в подобных работах выступает обеспечение допустимости сравнения национальных результатов с показателями долголетия ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения). Серьезную методологическую сложность представляет пересмотр, выбор и обоснование новых психологических факторов долголетия. Это объясняется, прежде всего, социокультурным контекстом, который меняет относительную значимость отдельных психологических характеристик долголетия. Физиологические параметры в последнее время остаются неизменными. В первую очередь активное долгожительство определяется функциональным состоянием коры головного мозга, высшего управляющего звена жизнедеятельности организма. Тип высшей нервной деятельности у долгожителей, как правило, сильный и уравновешенный. Они отличаются хорошей памятью, высокой умственной и физической активностью. Люди в возрасте 90+ общительны, доброжелательны, проявляют высокий интерес к событиям и явлениям окружающего мира. От этих качеств во многом зависит социальная продолжительность жизни человека, представляющая собой наибольшую ценность. Однако, в обществе к старым людям относятся двояко: негативно (например, сравнение старости с живой могилой) и позитивно (оценка старости как желанного возраста, периода опыта и мудрости). Понимание значимости долгой и качественной жизни в значительной степени зависит от уровня и полноты усвоения культурных ценностей, созданных человечеством.

Многочисленные исследования отмечают, что именно образованные люди дольше и качественнее живут, меньше болеют. Развивающийся человек в течение жизни культурологизируется и в поле его зрения помимо профессиональных и иных повседневных ценностей, включаются ценности всей культуры, которые выступают как созидательное и смысловое начало. Современные исследователи всё чаще называют не только «духовный код» долгожителя, но и его «психологический код», который включает личностные ресурсы, направленность мышления, виды и стили деятельности [6].

Цель статьи. Проанализировать модели психологических факторов долголетия в классической и современной психологии XXI века и определить эффективные модели выбора активного долголетия пожилыми людьми разных стран, подтверждённые доказательными научными исследованиями. Это определит наше понимание старости и увеличит возможности общества в разработке мер для адаптации пожилых людей к этому периоду жизни.

Изложение основного материала исследования. Прошлый век дал новое понятие для старости «серебряный возраст», сменив определение «седеющее население» XIX века [2]. В нашем веке национальными школами геронтопсихологии активно изучается новый тип пожилых – активные, продуктивные и независимые (люди-долгожители «золотого возраста»): Л. И. Анцыферова, О. В. Краснова, А.Г. Лидерс, В. П. Козырьков, Я. Стюарт-Гамильтон, Д. Б. Бромлей, П. Бальтес, Г. Крейг, Д. Коугилл и др. Достижением геронтологии стал единый понятийный аппарат для изучения долгожителей. Долголетие это достижение человеком возраста, значительно превышающего среднюю продолжительность жизни популяции. Долголетие ещё с периода основателя геронтологии И. И. Мечникова, рассматривается как результат сложного взаимодействия биологических, социальных и психологических факторов – генетики, средовых и личных условий [5]. Понятие успешное счастливое долголетие (Я. Стюарт-Гамильтон, П. Балтес, В. В. Фролькис, Н. Ф. Шахматов) включает трёхкомпонентную модель – отсутствие болезней, высокий уровень физической/когнитивной функции и социальную активность [6].

Базовыми теоретическими положениями нашего исследования стали: научный подход Л. И. Анцыферовой – создателя ресурсной концепции старости и долгожительства (творчество, духовно-нравственное развитие и активная жизненная позиция); теоретические положения Б. Г. Ананьева, создателя теории антропологической психологии и одной из многоуровневых психологических моделей долгожительства (здоровье, позитивный настрой, активность), утверждавшего что старость может идти по разным траекториям, не только «инволюции» [1; 2].

Западные подходы подчёркивают генетику, наследственность и активную позицию человека, его выбор целей и поддержки (генеративность, самостоятельность) как ключевое условие благополучного старения и долгожительства (биопсихосоциальные многоуровневые модели, мета-анализ, лонгитюдный анализ и эмпирическое исследование долгожителей) (П. Балтес, Б. Леви) [4].

Когнитивная сфера одна из наиболее исследованных в психологии старения. Связано это с тем, что ее нарушение самым непосредственным образом сказывается на изменении функциональности человека и его качества жизни. Только с 2018 года было опубликовано не менее 1920 статей, посвященных этой тематике (по данным базы Academic Search Ultimate, май 2021). Одним из важнейших результатов такой многолетней работы стало доказательство того, что работу когнитивных функций можно сохранить на уровне функций молодежи, однако это требует определенных усилий.

Среди первых механизмов, способствующих сохранению когнитивных функций, выделялись физическая активность, обучение и образование, регуляция эмоционального состояния, включенность в социальную деятельность. Концепция когнитивного резерва (П. Балтес) [3; 7] как нельзя лучше иллюстрирует возможности моделирования и конструирования работы некоторых функций в пожилом возрасте. Зная, какие виды деятельности дают наибольший эффект для сохранения когнитивного функционирования, мы можем включить такие деятельности в свою повседневную жизнь, снизив вероятность возникновения дегенеративных явлений.

Эмоциональная сфера пожилого человека, в отличие от многих других, демонстрирует различные позитивные новообразования, например, лучшую по сравнению с более молодыми возрастами регуляцию, позитивный парадокс старения (О. Ю. Стрижицкая) [6]. Исследования Темной триады личностных черт обнаружили схожий принцип: с возрастом оскорбительные черты становятся менее выраженными, что соответствует принципу развития психологической зрелости [7].

Результатом нашего исследования стало создание прогностической анкеты принятия себя в старости, включающей следующие психологические факторы долголетия в модели построения своего будущего долгожительства: жизненная установка и оптимизм, когнитивная гибкость и резерв, стрессоустойчивость и контроль, смысл жизни и мотивация, социальная активность, вовлечённость и поддержка, позитивные эмоции (счастье, благодарность), позитивное ощущение субъективного возраста. В качестве основной задачи развития в долголетьи нами рассматривается, по К.Г. Юнгу, А. Адлеру, Э. Эриксону, Р. Пеку, Г.М. Брюгману, А.Г. Лидерсу, Н.С. Пряжникову, Е.Е. Сапоговой, И.В. Шаповаленко, В.И. Слободчикову, Г.А. Цукерман и др., достижение пожилым

человеком собственной целостности / интегративности и нахождение смысла жизни. Основой анкеты стало положение о том, что долголетие невозможно без ясной и долговременной цели жизни, обеспечивающей духовный рост, творчество, активизацию социальных позиций, интеллектуального совершенствования личности, обогащения его внутреннего мира.

В рамках учебного задания по курсу «Геронтопсихология» нами было выстроено общение с пожилыми людьми возраста 90+ разных этносов г. Севастополя в количестве 79 человек. Структурированное интервью показало, что носителем долголетия является не этнос как таковой, а его гипотетические черты, способствующие долголетию, но не являющиеся исключительной его особенностью. Именно они создают особый психологический климат, который обеспечивает высокое уважение стариков-долгожителей (15 русских, 45 татар, 12 чувашей, 7 белорусов), придавая им реальную или номинальную власть (геронтократия), что переводит долголетие в аксиологическую норму. Было определено, что долгожительство опирается на интеллектуальное развитие, созидательную активность и позитивное общение с молодёжью.

Выводы. Долголетие – это долгая активная жизнедеятельность, складывающаяся из творчества, здорового образа жизни, духовного роста, интеллектуального совершенствования, мудрости, обогащения внутреннего мира. Долголетие человека определяется конкретным психологическими факторами. Современные трёхкомпонентные отечественные и зарубежные модели имеют много общего, выделяя внутреннюю целостность и полноту личностного содержания старого человека. Безусловным психологическим фактором принимается наличие смысла жизни в старости как медиатора во взаимосвязи психологического благополучия личности и жизненного оптимизма, а также желание постоянно обучаться чему-нибудь новому для дальнейшего раскрытия творческих сил и способностей.

Литература:

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Санкт-Петербург.: Питер, 2010. – 282 с.
2. Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии / Л. И. Анцыферова. – Санкт-Петербург.: Питер, 2014. – 276 с.
3. Балтес П. Б. Всевозрастной подход в психологии развития: исследование динамики подъемов и спадов на протяжении жизни / П. Б. Балтес // Психологический журнал. – 1994. – Т.15. – №1. – С. 60-78.
4. Коржова Е. Ю., Вережкина А. Б. Становление психологии жизненного пути личности: западный и отечественный подходы / Е. Ю. Коржова, А.Б. Вережкина //

Системная психология и социология. – 2019. – №3 (31). – С. 18-25. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.31.3.02

5. Мечников И. И. Этюды оптимизма / И. И. Мечников. – Москва: Речь, 1913. – 284 с.

6. Стрижицкая О. Ю. Психология позитивного старения: условия, факторы и социальные эффекты геротрансцендентности: дис. ... д-ра психол. наук / О. Ю. Стрижицкая. – Санкт-Петербург, 2018. – 263 с.

7. Baltes P. B., Baltes M. M. (1990) Psychological Perspectives on Successful Aging: The Model of Selective Optimization with Compensation. In: Baltes P. B., Baltes M. M. (eds.) Successful Aging: Perspectives from the Behavioural Sciences. UK: Cambridge University Press. Pp. 1–34. <https://doi.org/10.1017/CB09780511665684.003>.

УДК 159.9.07

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕБЕ И ОБ ИГРОВОМ ПЕРСОНАЖЕ

Борисенко Зинаида Викторовна*старший преподаватель кафедры психологии**Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова**Филиал в г. Севастополе**г. Севастополь****Ильина Николь Александровна****студентка факультета психологии**Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова**Филиал в г. Севастополе**г. Севастополь*

Аннотация. Исследование посвящено анализу соотношений между образом собственного «Я» и образом игрового персонажа в контексте ролевых игр. Используя метод контент-анализа ассоциативных рядов, получены три категории личностных качеств: доминирующие в «Я», переходные и преобладающие в персонаже. Первые отражают сильную самоидентификацию и признание личных черт, вторые — универсальность и гибкость качеств, третьи — стремление к идеалу и безопасную проекцию негативных аспектов. Результаты показывают, что ролевые игры являются эффективным инструментом самопознания и личностного роста, раскрывающим глубинные психологические процессы.

Ключевые слова: ролевые игры, психосемантический анализ, проекция личностных качеств, самопознание, образ «Я», образ персонажа.

PSYCHOSEMANTIC REPRESENTATIONS OF SELF AND THE GAME CHARACTER

Borisenko Zinaida Viktorovna*Senior Lecturer of the Department of Psychology**Sevastopol Branch of the M. V. Lomonosov Moscow State University**Sevastopol****Ilina Nicole Alexandrovna****Student of the Faculty of Psychology**Sevastopol Branch of the M. V. Lomonosov Moscow State University**Sevastopol*

Abstract. This study examines the relationship between individuals' self-concept and their game character's image within the context of role-playing games. Using content analysis of associative word lists, three categories of personality traits were identified: traits dominant in the self-image, transitional traits, and traits predominant in the game character. The first category reflects strong self-identification and acknowledgment of personal qualities; the second indicates universality and flexibility of traits; the third reveals aspiration toward an ideal self and a safe projection of undesirable or shadow aspects of the personality. The findings suggest that role-playing games serve as an effective tool for self-exploration and personal development, facilitating access to deep psychological processes.

Keywords: role-playing games, psychosemantic analysis, projection of personality traits, self-exploration, self-image, character image.

Постановка проблемы. Современная психология личности активно исследует феномен ролевых игр как особую форму самовыражения и самопознания. Одной из актуальных областей изучения является психосемантический анализ различий между образом собственного «Я» и образом игрового персонажа. Данная работа основана на результатах исследования, проведенного среди участников ролевых игр.

Цель - описать особенности проекции личностных качеств участников в игровом пространстве.

Изложение основного материала исследования. Исследование проводилось с использованием метода контент-анализа ассоциативных рядов, собранных от участников ролевых игр. Участники (83 человека) отмечали принадлежности различных личностных качеств к категориям «Я» и «Игровой персонаж». Было обработано 1527 слов, выделенных в 76 синонимических групп, из которых в исследовании использовались 26 наиболее частотных (не менее 20 упоминаний каждая). Эти группы были распределены по трём тематическим категориям.

Таблица 1 - Категория 1. Преобладает «Я» (доля «Я» $\geq 60\%$)

Качество	Частота «Я»	Частота «Игровой персонаж»	Всего
Добрый	43	28	71
Ответственный	29	15	44
Мирный	29	18	47
Творческий	28	5	33
Ленивый	25	0	25
Эмпатичный	20	9	29
Эмоциональный	16	10	26

Скромный	15	7	22
Активный	15	9	24
Вспыльчивый	15	10	25

В данной категории доминируют морально-этические качества («добрый», «ответственный», «мирный», «эмпатичный»), что подчёркивает гуманистическую направленность внутреннего «Я». Ярко выражены также интеллектуально-творческие черты («творческий», «эмоциональный»), свидетельствующие о глубокой рефлексивности и внутреннем богатстве личности. Показательно, что творческие качества практически полностью относятся к собственному «Я» (84,8%), подтверждая восприятие творчества как глубоко личной и интимной сферы, труднодоступной для внешнего влияния и проекции. Наличие негативных состояний («ленивый», «вспыльчивый») в сфере «Я» показывает открытость участников к восприятию своих недостатков и осознанию слабостей.

Формирование данной категории обусловлено процессами самораскрытия и формированием целостной «Я»-концепции. Самораскрытие предполагает искреннюю демонстрацию человеком своих качеств и переживаний, как положительных, так и отрицательных [4]. Полное присвоение качеств самому себе свидетельствует о высоком уровне осознания и принятия собственных достоинств и ограничений [2].

Таблица 2 - Категория 2. Переходные качества ($40\% \leq$ доля «Я» $< 60\%$)

Качество	Частота «Я»	Частота «Игровой персонаж»	Всего
Умный	37	28	65
Весёлый	19	23	42
Любознательный	19	14	33
Открытый	18	15	33
Заботливый	14	19	33
Честный	14	15	29
Мудрый	13	14	27
Закрытый	14	12	26
Внимательный	12	11	23

Качества второй группы отличаются незначительным расхождением между представлениями о собственном «Я» и образом игрового персонажа (разница ≤ 5 упоминаний). Это обстоятельство иллюстрирует восприятие таких характеристик как универсальных, нейтральных или легко адаптирующихся к разным ситуациям. Среди таких качеств выделяются интеллектуальные и коммуникативные признаки («умный», «любознательный», «открытый»), равноценно ценные как в личном, так и в игровом

контексте. Аналогично этому, эмоциональные и социальные черты («весёлый», «заботливый», «честный») свободно распределяются между двумя аспектами личности, демонстрируя гибкость перехода между ними.

Согласно Г. Олпорту, эти черты являются основополагающими, влиятельными и устойчивыми аспектами личности, которые проявляются в широком спектре ситуаций и участвуют в формировании целого спектра поведенческих реакций. Применительно к нашему исследованию, эти качества являются своего рода «ядром» личности, плавно проникающим как в обычную жизнь, так и в игровую реальность. Они воспринимаются участниками как универсальные и стабильные, используемые как в личной жизни, так и в игровой деятельности. Их небольшая разница в показателях подтверждает, что эти черты признаны игроками как необходимые и удобные для применения в разных контекстах. Они становятся надежным фундаментом личности, позволяющий свободно и естественно переходить между жизненными ролями, уменьшая риск дезорганизации и внутреннего конфликта [3].

Таблица 3 - Категория 3. Преобладает «Игровой персонаж» (доля «Персонаж» $\geq 60\%$)

Качество	Частота «Я»	Частота «Игровой персонаж»	Всего
Сильный	12	36	48
Смелый	7	25	32
Жестокий	5	21	26
Верный	6	20	26
Импульсивный	12	18	30
Лидер	5	16	21
Целеустремлённый	8	15	23

В данной категории превалируют доминантные качества («смелый», «сильный», «верный», «лидер»), символизирующие идеализированные черты, проявление которых ограничено в обычной жизни. Появление этих качеств обусловлено необходимостью компенсации, когда личность пытается восполнить дефицит силы или престижа, существующих в реальной жизни, путём гиперболизации нужных качеств в персонаже [1].

Параллельно отмечается некоторое число теневого характера характеристик («жестокий», «импульсивный»), которые нередко вытесняются из сферы личного «Я». Особое значение приобретает концепция проекции тени, предложенная К. Юнгом. Неприятная сторона личности может быть перенесена на игрового персонажа, освободив сознание от груза вины и тревоги, тем самым позволив участнику безопасно переживать неприятные или агрессивные наклонности [6].

Общие закономерности формирования данной категории можно увидеть в процессе индивидуации, также описанным К. Юнгом. Индивидуация предполагает постепенную интеграцию частей личности, включая как светлые, так и тёмные стороны, что достигается через переориентацию энергии и расширение границ сознания [5].

В результате исследования было выявлено, что образ собственного «Я» и образ игрового персонажа представляют собой сложную систему взаимоотношений, в которой отражаются глубинные психологические процессы.

Были выделены три основные категории, каждая из которых характеризует определенный аспект этого взаимодействия: Первая категория охватывает качества, уверенно относимые к «Я», демонстрируя сильную самоидентификацию и признание собственных черт, включая как положительные, так и отрицательные. Вторая категория представлена переходными качествами, имеющими приблизительно равное представительство как в «Я», так и в персонаже, что подчеркивает их универсальность и возможность свободного использования в разных контекстах. Третья категория выделяется преимущественным отношением качеств к игровому персонажу, символизирующим стремление к реализации нереализуемых в жизни идеалов и безопасной проработке социально неприемлемых или подавленных черт.

Выводы. Таким образом, проведённое исследование проливает свет на динамику формирования образов «Я» и персонажа, раскрывая как позитивные, так и теневые аспекты личности. Полученные результаты показывают потенциал ролевых игр как важного инструмента самопознания и личностного роста, позволяющего гармонично сочетать разные уровни личности и содействовать развитию психологически зрелой и открытой личности.

Литература:

1. Адлер, А. Понять природу человека [Текст] / Альфред Адлер ; [пер. Е. А. Цыпина]. . – Санкт-Петербург : Гуманитар. агентство «Академический проект», 2000. -. – 253, [1] с.; 21 см. . – (Библиотека зарубежной психологии).; ISBN 5-7331-0107-5
2. Маслоу, А. Психология бытия / Абрахам Маслоу ; пер. с англ. А. П. Хомика. - Москва : Академический проект, 2022. - 274, [1] с.; 21 см. . – (Психологические технологии: социальная психология).; ISBN 978-5-8291-3929-2
3. Олпорт, Г. Становление личности : Избр. тр. / Гордон Олпорт; [Пер. с англ. Л. В. Трубицыной и Д. А. Леонтьева]; Под общ. ред. Д. А. Леонтьева. - Москва : Смысл, 2002. - 461, [1] с. : ил., нот. ил.; 24 см. - (Серия "Живая классика").; ISBN 5-89357-098-7
4. Пеннебейкер, Дж. Откровение : исцеление через выражение эмоций / Дж. Пеннебейкер.. – СПб. : Питер, 2004. – 345 с.

5. Юнг, К.Г. Проблемы души нашего времени / Карл Густав Юнг. - СПб. [и др.] : Питер, 2002. . – 352 с.; 21 см. . – (Психология-классика).; ISBN 5-318-00683-3
6. Юнг, К.Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. - Москва : АСТ : Канон+, 1998. . – 397 с.; 20 см. . – (Классики зарубежной психологии).; ISBN 5-15-001035-9

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У КУРСАНТОВ ВОЕННОГО УЧИЛИЩА

Борисенко Зинаида Викторовна*старший преподаватель кафедры Психологии**Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова**Филиал в г.Севастополе**г.Севастополь***Новикова Дарья Александровна***студент-бакалавр**Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова**Филиал в г.Севастополе**г. Севастополь*

Аннотация. Данное исследование направленно на изучение особенностей учебной мотивации и профессиональной идентичности у курсантов военного училища. В работе представлены результаты эмпирического исследования связи между степенью выраженности типов учебной мотивации и степенью сформированности профессиональной идентичности. Выборку составили 45 курсантов в возрасте от 18 до 26 лет. Профессиональная идентичность исследовалась методикой Л.Б. Шнейдер, учебная мотивация- шкалой академической мотивации Т.О. Гордеевой. Обработка данных проводилась с помощью методов математической статистики. В ходе исследования удалось выявить статистически значимую связь между экстернальной учебной мотивацией и степенью сформированности профессиональной идентичности «мораторий». Наличие связи может быть обосновано ограничением автономии, характерным для военных ВУЗов. Еще одной причиной может быть эмоциональный фон. Постоянное избегание санкций связано с тревогой и негативными эмоциями. Все это поддерживает состояние кризиса мотивации и профессиональной идентичности.

Ключевые слова: учебная мотивация, профессиональная идентичность, курсанты, военный ВУЗ, статусы идентичности, экстернальная учебная мотивация.

FEATURES OF ACADEMIC MOTIVATION AND PROFESSIONAL IDENTITY AMONG MILITARY SCHOOL CADETS

Borisenko Zinaida Viktorovna*Senior Lecturer of the Department of Psychology**Lomonosov Moscow State University, Branch in Sevastopol**Sevastopol*

Novikova Daria Aleksandrovna

Bachelor's Degree Student

Lomonosov Moscow State University, Branch in Sevastopol

Sevastopol

Abstract. This study is aimed at investigating the features of academic motivation and professional identity among military school cadets. The paper presents the results of an empirical study on the relationship between the severity of types of academic motivation and the level of formation of professional identity. The sample consisted of 45 cadets aged 18 to 26 years. The study of professional identity was conducted using the L.B. Shneider methodology, while the features of academic motivation were investigated using the T.O. Gordeeva's Academic Motivation Scale. Data processing was carried out using mathematical statistics methods. The study revealed statistically significant relationship between external academic motivation and the «moratorium» status of professional identity. This connection can be explained by the restriction of autonomy, which is characteristic of military universities. Another reason may be the emotional background. The constant need to avoid sanctions is associated with anxiety and negative emotions. All this sustains a state of crisis in both motivation and professional identity.

Keywords: academic motivation, professional identity, military university cadets, identity statuses, pseudo-identity.

Постановка проблемы. Профессиональная идентичность является важным элементом структуры самосознания специалиста в любой области. Однако особое значение она имеет для студентов [6, с. 47].

Мотивация к обучению является неотъемлемой частью учебного процесса. Изучение мотивов, влияющих на успешность усвоения новых знаний, уже долгое время является популярной темой для исследований в области психологии и педагогики. На первый план выходят вопросы формирования профессиональной идентичности и роли мотивации в этом процессе.

Поэтому актуальность работы заключается в необходимости исследования связи учебной мотивации и профессиональной идентичности. В настоящее время эта задача является одной из главных для всех образовательных учреждений, особенно для военных ВУЗов.

В данных учебных заведениях процесс формирования профессиональной идентичности происходит большей частью под влиянием внешних факторов (устав, корпоративная культура, дисциплина) и важно, чтобы эта профессиональная идентичность была внутренне принята и осознана курсантом.

Ключевой проблемой в данном вопросе является выявление связи между тем, насколько осознано курсанты подходят к выбору своей профессии (профессиональная идентичность) и тем, ради чего они обучаются (учебная мотивация).

Цель исследования: изучение связи учебной мотивации курсантов военных училищ с профессиональной идентичностью. Мы предположили, что существует связь между степенью выраженности типов учебной мотивации и степенью сформированности профессиональной идентичности у курсантов военного училища.

Изложение основного материала исследования. В рамках эмпирического исследования на студентах-курсантах было проведено две методики: «Методика изучения профессиональной идентичности (МИПИ) Л.Б. Шнейдер» [6, с. 113]; «Шкала академической мотивации (ШАМ) Т.О. Гордеевой» [2, с. 100].

Проанализировав результаты, мы пришли к следующим выводам:

По методике МИПИ преобладающими являются псевдоидентичность и достигнутая позитивная идентичность. Согласно автору методики, псевдоидентичность характеризуется формальным принятием профессиональной роли. По словам самой Л.Б. Шнейдер данная ситуация происходит при жесткой регламентации.

При этом возможно усвоение внешних, а не внутренних атрибутов профессии [6, с. 58]. Для военных такая ситуация является нормальной. Примечательно, что следующей по частоте встречаемости является достигнутая позитивная идентичность, это означает, что большинство курсантов уже сформировали личностно значимые цели, ценности и убеждения. Они осознают свою принадлежность к профессии.

По результатам методики ШАМ мы выявили, что курсанты имеют высокие показатели в категориях познавательной мотивации, мотивации саморазвития, амотивации и экстернальной мотивации. Примечательно, что два из этих видов мотивации относятся к внутренней.

Интерпретация полученных результатов связана с закрытостью данного профессионального сообщества и жестким отбором на этапе поступления в военные университеты [3, с. 255]. Экстернальная мотивация связана с внешними стимулами [5, с. 106].

Амотивация может объясняться кризисами адаптации (среди студентов 1-2 курсов) [5, с. 106]. В ходе исследования удалось выявить статистически значимую связь между экстернальной учебной мотивацией и степенью сформированности профессиональной идентичности «мораторий». Наличие связи может быть обосновано ограничением автономии, которое характерно для военных ВУЗов, а также эмоциональным фоном [1, с. 107].

Выводы. Таким образом, специфическая для курсантов мотивационная структура характеризуется полярностью, которая выражается в сочетании познавательной мотивации, мотивации саморазвития и экстернальной мотивации, амотивации. Данное явление обусловлено спецификой образовательной среды.

Преобладание псевдоидентичности у этой группы респондентов свидетельствует о формальном усвоении норм.

Литература:

1. Гордеева, Т. О. Динамика учебной мотивации и ориентации на оценки российских подростков в период с 1999 по 2020 гг / Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, А. В. Сухановская // Культурно-историческая психология. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 104-112. – DOI 10.17759/chp.2022180313. – EDN EPOTHF.
2. Гордеева, Т. О. Опросник "Шкалы академической мотивации" / Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35, № 4. – С. 96-107. – EDN SJVWLN.
3. Курдубова, В. В. Методика диагностики мотивационного потенциала обучающихся российских военных образовательных организаций высшего образования / В. В. Курдубова, Е. О. Шахвердова // Научный аспект. – 2023. – Т. 9, № 6. – С. 1107-1114. – EDN EENGMT.
4. Родыгина, У. С. Психологические особенности студентов с различным уровнем профессиональной идентичности / У. С. Родыгина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. – Т. 13, № 1. – С. 95-98. – EDN MTBXAT.
5. Новый методический подход к проблеме военно-профессиональной мотивации кандидатов на обучение в военных вузах / Е. О. Филиппова, С. Н. Левич, Л. О. Марченко, А. И. Румянцева // Известия Российской военно-медицинской академии. – 2019. – Т. 38, № 3. – С. 104-110. – EDN GNCBGK.
6. Шнейдер, Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л.Б. Шнейдер. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 128 с.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПОДРОСТКОВ*Бухинник Даниил Андреевич**магистрант кафедры**прикладной психологии и развития личности**Херсонский государственный педагогический университет, Россия*

Аннотация. В данной статье рассматривается важная составляющая психики человека – эмоциональный интеллект. В настоящее время такой феномен, как EQ имеет популярность как в научной сфере, так и в социальной жизни каждого. Важность темы подчеркивает спрос, который подтверждает возрастающее число научных работ и исследований, востребованный запрос на полученные знания с целью духовного просвещения и практического применения в повседневности. Эмоциональный интеллект подростков характеризуется рядом уникальных особенностей, обусловленных возрастными изменениями, развитием мозга и влиянием окружающей среды.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональный интеллект, эмпатия, подросток, развитие эмоционального интеллекта.

FEATURES OF EMOTIONAL INTELLIGENCE OF TEENAGERS*Bukhninik Daniil Andreevich**Master's student of the Department**of Applied Psychology and Personality Development**Kherson State Pedagogical University, Russia*

Abstract. This article discusses an important component of the human psyche – emotional intelligence. Currently, the phenomenon of EQ is gaining popularity both in the scientific field and in the social life of everyone. The importance of the topic is highlighted by the demand, which is confirmed by the increasing number of scientific papers and studies, as well as the popular demand for knowledge in order to provide spiritual enlightenment and practical application in everyday life. The emotional intelligence of adolescents is characterized by a number of unique features that are influenced by age-related changes, brain development, and environmental factors.

Keywords: emotions, emotional intelligence, empathy, adolescence, development of emotional intelligence.

Постановка проблемы. Актуальность данной темы объясняется тем, что в социуме востребованы умственные знания, подтверждение социального статуса, развитие компетентности в выбранной области, усидчивость в образовательных учреждениях,

подавление эмоциональных вспышек. Но исследования ученых доказывают тот факт, что уровень IQ только на 20% используются человеком в течении всей жизни. Примеры, подтверждающие эту цифру, это те выдающиеся выпускники, окончившие любое образовательного учреждение, целью которого является лишь изучение заданного материала и развитие интеллектуальных способностей, акцентирующих развитие только рационального полушария человеческого мозга. Отличники, после окончания школ, вузов и академий зачастую ничем не отличаются от хорошистов, чьи старания были менее выдающимися.

Парадокс заключается в том, что некоторые «троечники» занимают руководящие должности, занимаются организацией своего бизнеса и гораздо легче способны заводить связи в социуме и пользоваться ими. Исследования показывают, что ступень их эмоционального интеллекта гораздо выше, чем у усердно обучающихся детей. 80% используются в связи с полученной информацией и навыками в способах коммуницировать с другими, осознавать и понимать себя на протяжении всей жизни человеком.

Цель исследования: выявить особенности эмоционального интеллекта подростков. **Метод исследования:** анализ теоретических исследований по исследуемой проблеме.

Изложение основного материала исследования. Эмоциональный интеллект (EQ) — это способность воспринимать, контролировать и оценивать свои эмоции и эмоции других людей. Этот термин впервые предложил американский психолог Дэниел Гоулман, выделив четыре ключевых компонента EQ:

1. Самосознание (способность осознавать свои чувства);
2. Управление эмоциями (умение регулировать свои эмоции);
3. Эмпатия (способность понимать чувства других);
4. Мотивация (умение мотивировать себя и достигать целей).

Понятие «эмоциональный интеллект» было введено П. Сэловеем и Дж. Мейером в 1990 году, с этого момента многие ученые трактуют его по-разному. По определению П. Сэловея, Дж. Мейера и Д. Карузо, под эмоциональным интеллектом понимают группу ментальных способностей, которые способствуют осознанию и пониманию собственных эмоций и эмоций окружающих (модель способностей). И. Н. Андреева дает следующее определение эмоционального интеллекта: «...это способность эффективно разбираться в эмоциональной сфере человеческой жизни (понимать эмоции окружающих людей, использовать эмоции для решения задач, связанных с отношениями и мотивацией)» [4].

В нашем обществе, такая проблематика, как умение выражать и принимать свои эмоции, обозначается довольно остро, потому как в этом вопросе искусственно созданным образом происходит насаждение культа рационального восприятия к ситуациям, воплощенного в определенном эталоне – несломленного супергероя, который напрочь лишен, каких либо чувств.

Кризисный возраст необходимо изучать не в качестве выделенного элемента в структуре периодизации, а в первую очередь на показателях динамического развития, так как без изучения условий формирования ребенка в онтогенезе, не представляется возможным выявление психологических особенностей. Фундаментальные идеи заложены в деятельностном подходе, который рассматривает формирование индивидуальности в качестве динамического процесса, важный поток которого – это в первую очередь урегулирование личных противоречий, происходящих внутри, кроме этого, изменение типа активности, что является формированием первоначального изменения установок на категорию потребностей. Эмоциональный интеллект подростков характеризуется рядом уникальных особенностей, обусловленных возрастными изменениями, развитием мозга и влиянием окружающей среды [2].

Подростковый возраст знаменуется интенсивным процессом формирования личностной идентичности. Молодые люди начинают глубже осознавать свои внутренние ощущения, желания и предпочтения. Однако этот процесс нередко сопровождается неопределенностью и внутренним конфликтом.

Вследствие бурного роста мозга и изменений гормонального фона подростки часто переживают сильные и непредсказуемые эмоциональные всплески. Они могут быстро переходить от радости к грусти или гневу, испытывая сложности с контролем своего эмоционального состояния.

Эмпатия развивается постепенно. В подростковом возрасте молодые люди учатся замечать и интерпретировать эмоции окружающих, однако иногда переоценивая или недооценивая реакции других. Им присущ эгоцентризм, затрудняющий восприятие чужих взглядов и точек зрения.

Для подростков особенно важны цели и мотивы, связанные с признанием сверстников, успехами в учебе и личной жизни. Недостаточная внутренняя мотивация может приводить к апатии, снижению успеваемости и проблемам в поведении.

В отношении эмоционального интеллекта подростков выделяется несколько значимых теорий, предложенных известными психологами и исследователями. Вот основные из них [4]:

1. Модель Джона Майера и Питера Саловея (1990):

Это одна из первых концептуальных моделей эмоционального интеллекта, разработанных специально для подростков. Авторы представили четырёхкомпонентную модель эмоционального интеллекта, направленную на диагностику и развитие эмоциональных способностей у молодёжи:

- Восприятие эмоций: способность различать эмоции у себя и других.
- Использование эмоций: умение применять эмоции для облегчения мышления и творчества.
- Анализ эмоций: понимание происхождения и значения эмоций.
- Регуляция эмоций: способность управлять собственными эмоциями и помогать другим регулировать их эмоции.

Майер и Саловей считают, что эмоциональный интеллект развивается поэтапно, начиная с детского возраста и достигая зрелого уровня к юности.

2. Теория Дэниела Гоулмана (1995):

Хотя изначально эта теория была разработана для взрослого контингента, позже её адаптировали и для подростков. Модель Гоулмана подчеркивает важность эмоционального интеллекта для успешных коммуникаций и профессионального роста. В ней выделено пять основных компонентов:

- Самосознание: осознание своих эмоций и их источников.
- Саморегуляция: способность контролировать эмоции и проявлять выдержку.
- Мотивация: нацеленность на выполнение задач и стремление к личным целям.
- Эмпатия: способность чувствовать и понимать эмоции других людей.
- Социальные навыки: владение искусством общения и разрешения конфликтов.

Гоулман утверждает, что эмоциональный интеллект важнее традиционного интеллекта (IQ) для предсказания будущих успехов в жизни.

3. Концепция Коннера-Смита и Дэвида Баррета (2005):

Авторы ввели дифференцированный подход к определению эмоционального интеллекта подростков. Они делят эмоциональный интеллект на три вида компетенции:

- Когнитивная компетенция: понимание и интерпретация эмоций.
- Метакогнитивная компетенция: мониторинг собственного эмоционального состояния и использование его для лучшего функционирования.
- Стратегическая компетенция: умение планировать действия на основе эмоций и достигать желаемого результата.

Данная модель демонстрирует, насколько многоуровневым и разносторонним является эмоциональный интеллект подростков.

4. Модели эмоционального интеллекта Бар-Она (1997):

Реувен Бар-Он предложил пятикомпонентную модель эмоционального интеллекта, предназначенную для молодежи и подростков:

- Интерперсональное общение: способность устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми.
- Интраперсональная ориентация: самоанализ и оценка своих качеств.
- Адекватность стрессоустойчивости: умение переносить стресс и восстанавливаться после неудач.
- Способность к управлению временем: рациональное распределение усилий и ресурсов.
- Оптимизм и способность ориентироваться на будущие перспективы: видение светлого будущего и реалистичное планирование достижений.

Бар-Он подчёркивал, что развитый эмоциональный интеллект повышает шансы подростков на успешную интеграцию в социум и профессиональное становление.

Современные теории эмоционального интеллекта подростков основаны на понимании многослойности эмоциональных процессов и необходимости их регулярного контроля и тренировки. Такие модели обеспечивают полезную основу для диагностических процедур и программ коррекционной работы с подростками, находящихся в сложных ситуациях или нуждающихся в дополнительной поддержке [4].

Анализируя данные теории выделяются несколько базовых этапов, объясняющих развитие EQ у старшеклассников:

1. Первый этап характеризуется как описывающий, он присущ самым первоначальным теориям и именно они являются на сегодняшний день классическими. Выбранному этапу свойственна не именно интерпретация реакций, а объяснение причин эмоционального поведения подростков.

2. Второй этап подразумевает поиски и обозначения ключевых изменений в старшем подростковом возрасте. В учениях, объясняющих его, осуществляется разработка специфических определений для обозначения и интерпретация феноменов аффекта юношей и старших подростков. Требуется заметить, что подразумевается не только исследование эмоционального формирования, а обобщенные изучения в школьном этапе старшеклассников, потому как именно тогда возникают определённые условия чувств, причины и их формирование.

Семейная обстановка, школьная атмосфера, взаимодействие со сверстниками и СМИ играют важную роль в формировании эмоционального интеллекта подростков.

Положительная поддержка родителей, дружеские связи и благоприятная образовательная среда способствуют развитию эмоциональной компетентности.

Развитый эмоциональный интеллект помогает подросткам успешно справляться с повседневными задачами, строить крепкие отношения, улучшать академическую успеваемость и укреплять психологическое здоровье. Родители, педагоги и специалисты могут способствовать этому процессу, предоставляя подросткам инструменты для осознания и регулирования своих эмоций [3].

Таким образом, эмоциональный интеллект подростков представляет собой динамичную и сложную структуру, зависящую от множества внутренних и внешних факторов. Эффективная работа по развитию эмоционального интеллекта может значительно повлиять на будущее благополучие молодых людей. Эмоциональный интеллект определяется как способность управлять эмоциями. Подростки, обладающие эмоциональным интеллектом, смогут правильно выражать свои эмоции в зависимости от ситуаций и условий. Во многих исследованиях обсуждается роль эмоционального интеллекта в поведении подростков, их проблем и переходных стадиях развития. Известно, что эмоционально неразумные подростки легко поддаются негативному влиянию.

Выводы. Эмоциональный интеллект важен для подростков, поскольку он обеспечивает эффективное функционирование в различных сферах жизни (социальной, образовательной, профессиональной). Раннее развитие эмоционального интеллекта способствует улучшению коммуникативных способностей, самоконтроля и учебной активности подростков.

Требуются дополнительные исследования для выявления конкретных механизмов формирования ЕИ и разработки эффективной программы подготовки учителей и родителей. Результаты исследования могут использоваться для проектирования профилактических программ, направленных на снижение числа эмоциональных и поведенческих проблем среди подростков.

Таким образом, исследование подтвердило высокую значимость эмоционального интеллекта для полноценного развития подростков и сформулировало конкретные рекомендации по его дальнейшему исследованию и применению в педагогике и психологии.

Литература:

1. Айзенк Г. Ю. Природа интеллекта. Битва за разум! Как формируются умственные способности. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2021. – 352 с.

2. Андреева, И. Н. Взаимосвязи эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности с ценностями: половые различия в период ранней взрослости / И. Н. Андреева // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2023. – № 1. – С. 75-81. – DOI 10.33581/2520-2251-2023-1-75-81. – EDN ZEYWAC.

3. Давыдова, Ю. В. Эмоциональный интеллект: сущностные признаки, структура и особенности проявления в подростковом возрасте : специальность 19.00.01 "Общая психология, психология личности, история психологии" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Давыдова Юлия Викторовна. – Москва, 2011. – 22 с. – EDN ZOJBAP.

4. Люсин, Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д. В. Люсин // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Институт психологии РАН; под редакцией Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – Москва : Институт психологии РАН, 2004. – С. 29-36. – EDN UVGYGB.

УДК 159.9

СООТНОШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В АКМЕОЛОГИИ

*Василенко Ирина Владимировна**Студент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ соотношения профессиональной и духовной культуры в контексте акмеологического подхода. На основе современных исследований в области психологии личности и акмеологии раскрывается системная взаимосвязь этих двух видов культуры, определяющая достижение вершин профессионального мастерства и личностного развития. Особое внимание уделяется роли духовной культуры как ценностно-смыслового фундамента профессионального роста и анализируются современные вызовы, связанные с дисбалансом в развитии профессиональных и духовных качеств личности. Делается вывод о том, что основой достижения акме является гармоничное единство профессиональной компетентности и духовной зрелости.

Ключевые слова: акмеология, профессиональная культура, духовная культура, самореализация, личностный рост, ценности, смыслы, гармоничное развитие.

THE CORRELATION OF PROFESSIONAL AND SPIRITUAL CULTURE IN ACMEOLOGY

*Vasilenko Irina Vladimirovna**Student of the Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol*

Abstract. The article presents a theoretical analysis of the relationship between professional and spiritual culture in the context of the acmeological approach. Based on modern research in personality psychology and acmeology, the systemic relationship of these two types of culture that determines the achievement of the heights of professional skill and personal development is revealed. Special attention is paid to the role of spiritual culture as a value-semantic foundation of professional growth and modern challenges associated with an imbalance in the development of professional and spiritual qualities of the individual are analyzed. It is concluded that the basis for achieving acme is the harmonious unity of professional competence and spiritual maturity.

Keywords: acmeology, professional culture, spiritual culture, self-realization, personal growth, values, meanings, harmonious development.

Постановка проблемы. В современном обществе, характеризующемся высокой динамикой профессиональных притязаний и возрастающей сложностью социальных взаимодействий, актуализируется проблема целостного развития личности. Несмотря на признание значимости как профессиональной, так и духовной составляющих развития, на практике наблюдается системное противоречие. С одной стороны, существует разрыв между теоретическим пониманием акме как вершины профессионального и личностного развития и его практическим сведением к достижению узкопрофессиональных компетенций и карьерного роста [3, с. 45]. Это приводит к феномену «профессионального выгорания» и экзистенциальному кризису, когда успешный специалист испытывает чувство пустоты и отсутствия толка в своей деятельности [7, с. 88]. С другой стороны, актуальной остается проблема дезинтеграции личности, когда духовные поиски не находят практического воплощения в профессиональной сфере. Увеличение числа людей, испытывающих внутренний конфликт между профессиональными обязанностями и личными ценностными ориентациями, свидетельствует о необходимости нового подхода к пониманию соотношения профессиональной и духовной культуры в акмеологии [4, с. 25]. Таким образом, задача исследования заключается в теоретическом анализе системных связей между профессиональной и духовной культурой как взаимодополняющих компонентов достижения акме.

Цель статьи. Целью данной статьи является теоретический анализ структуры и содержания соотношения профессиональной и духовной культуры в акмеологическом контексте, а также определение ключевых направлений их гармонизации для достижения вершин профессионального мастерства и личностной самореализации.

Изложение основного материала исследования. Проблема соотношения профессиональной и духовной культуры занимает важное место в системе акмеологических исследований. Согласно современным представлениям, профессиональная культура понимается как интегративное качество личности, включающее систему специальных знаний, умений, компетенций, профессиональную этику и нормы поведения, обеспечивающие высокую эффективность трудовой деятельности [3, с. 45]. Духовная культура трактуется более широко – как сфера внутренней жизни человека, связанная с поиском и утверждением высших смыслов, ценностей, нравственных принципов и мировоззренческих оснований бытия [2, с. 18].

Акмеологический подход рассматривает достижение вершин развития как процесс, требующий синтеза различных составляющих личности. Как справедливо отмечает А.А. Деркач, «акме – это не только высшая точка профессионального мастерства, но и состояние личностной зрелости и духовной гармонии» [1, с. 32]. В этой связи анализ соотношения профессиональной и духовной культуры позволяет выделить несколько ключевых аспектов их взаимодействия.

Первым фундаментальным аспектом выступает духовная культура как ценностно-смысловой фундамент профессионализма. Профессиональная деятельность, лишенная духовного стержня, рискует превратиться в рутинный, механистический процесс. Духовная культура наполняет труд смыслом, трансформируя его из средства заработка в форму служения, самовыражения и творчества. Ценности честности, ответственности, сострадания, заимствованные из духовной сферы, напрямую влияют на качество профессиональных решений и взаимоотношений в трудовом коллективе [4, с. 22]. Как отмечает Д.А. Леонтьев, «смысловая сфера личности выступает системообразующим фактором профессионального развития» [4, с. 28].

Вторым негативно важным аспектом является профессиональная культура как канал реализации духовных устремлений. Духовные искания и ценности требуют практической реализации. Профессиональная сфера становится одним из ключевых «полигонов» для воплощения гуманистических идеалов. Стремление к совершенству как духовная категория находит свое выражение в непрерывном профессиональном самосовершенствовании, а принципы служения – в ориентации на благо общества через качественное выполнение своих профессиональных обязанностей [6, с. 51]. По словам В.Л. Оссовского, «профессия становится путем духовного восхождения, когда она осмысливается как служение высшим ценностям» [6, с. 54].

Третьим аспектом выступает синергетический эффект интеграции профессиональной и духовной культуры. Наиболее ярко взаимосвязь двух культур проявляется в таких феноменах, как компетентная этика, корпоративная социальная ответственность, осознанное лидерство. Эти понятия рождаются на стыке требований профессии и универсальных нравственных законов. Синтез приводит к возникновению нового качества – «одухотворенного профессионализма», для которого характерны осмысленность, ответственность, креативность и устойчивость к вызовам [5]. Н.В. Кузьмина подчеркивает, что «истинное профессиональное мастерство всегда одухотворено и несет в себе нравственное начало» [5, с. 107].

В современную эпоху цифровизации и глобализации особую значимость приобретают вызовы, связанные с дисбалансом в развитии профессиональной и духовной

культуры. Исследования показывают, что интенсивная профессиональная деятельность в условиях высокой конкуренции может приводить к маргинализации духовных аспектов развития личности [7]. Это проявляется в росте числа случаев профессионального выгорания, экзистенциальных кризисов и потери смысла профессиональной деятельности среди успешных специалистов. В.И. Слободчиков отмечает, что «технократический подход к профессиональному развитию, исключая духовное измерение, ведет к обеднению личности и снижению качества профессиональной деятельности» [6, с. 92].

Выводы. Анализ показывает, что соотношение профессиональной и духовной культуры в акмеологии представляет собой сложную, динамическую систему взаимовлияний. Теоретической основой для понимания этого соотношения служат идеи целостного развития личности, где профессиональные достижения неразрывно связаны с личностной и духовной зрелостью. Исследования подтверждают, что духовная культура выступает смысловым фундаментом профессионального развития, наполняя трудовую деятельность высшими ценностями и смыслами. В то же время профессиональная культура является важным каналом практической реализации духовных устремлений личности.

В современном мире особую значимость приобретает проблема гармонизации профессиональной и духовной составляющих развития. Дисбаланс в их развитии может приводить к профессиональной деформации, экзистенциальному вакууму и снижению качества жизни. Поэтому акмеологический подход к развитию профессионала должен быть ориентирован на целостное развитие личности, где профессиональное мастерство органично сочетается с духовной зрелостью и нравственной ответственностью. Такое единство закладывает прочный фундамент для достижения подлинного акме – вершин профессионального мастерства, сопряженных с личностной самореализацией и духовной гармонией.

Литература:

1. Деркач, А.А. Акмеологические основы развития профессионала / А.А. Деркач. – М.: Изд-во МПСИ, 2021. – 208 с.
2. Маркова, А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 2021. – 312 с.
3. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – 4-е изд., испр. – М.: Смысл, 2023. – 511 с.
4. Кузьмина, Н.В. Акмеология качества профессиональной деятельности / Н.В. Кузьмина, О.В. Охрем. – СПб.: Политехника-сервис, 2022. – 190 с.

5. Шадриков, В.Д. Происхождение человечности: Учебное пособие для вузов / В.Д. Шадриков. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Логос, 2023. – 296 с.

6. Слободчиков, В. И. Содержание возрастов и возрастных переходов в антропологической теории развития / В. И. Слободчиков // Деятельностный подход в образовании : коллективная монография. Том Книга 3. – Москва : Некоммерческое партнерство содействия научной и творческой интеллигенции в интеграции мировой культуры «Авторский Клуб», 2020. – С. 160-197. – EDN JSVGDA.

УДК 159.9

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Вахрушева Татьяна Александровна*студент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь****Научный руководитель******Кондрашихина Оксана Александровна****кандидат психологических наук, доцент**кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу гендерных особенностей психологического благополучия личности в студенческом возрасте. На основе теоретического анализа научной литературы выявлены качественные различия в структуре и детерминантах психологического благополучия у студентов и студенток. Показано, что у девушек психологическое благополучие в большей степени связано с качеством межличностных отношений, эмоциональной близостью и ориентацией на социальную поддержку, в то время как у юношей оно основывается на академических достижениях, поведенческой автономии и инструментальных аспектах социального взаимодействия. Особое внимание уделяется роли академической среды как модератора гендерных различий психологическом благополучии. Определены перспективные направления психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса с учетом выявленной гендерной специфики.

Ключевые слова: психологическое благополучие, гендерные особенности, студенческий возраст, структурные компоненты, академическая среда, психолого-педагогическое сопровождение.

GENDER CHARACTERISTICS OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF AN INDIVIDUAL IN STUDENT AGE

Vahrusheva Tatyana Alexandrovna*student of Psychology Department**Sevastopol State University**Sevastopol****Scientific supervisor***

Kondrashikhina Oksana Alexandrovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Department of Psychology

Sevastopol State University

Sevastopol

Abstract. The article is devoted to the analysis of gender features of personal psychological well-being in student age. Based on the theoretical analysis of scientific literature, qualitative differences in the structure and determinants of psychological well-being among male and female students have been identified. It is shown that for female students psychological well-being is more associated with the quality of interpersonal relationships, emotional closeness and orientation to social support, while for male students it is based on academic achievements, behavioral autonomy and instrumental aspects of social interaction. Special attention is paid to the role of the academic environment as a moderator of gender differences. Promising directions of psychological and pedagogical support of the educational process taking into account the identified gender specificity are defined.

Keywords: psychological well-being, gender features, student age, structural components, academic environment, psychological and pedagogical support.

Постановка проблемы. Современная психологическая наука демонстрирует принципиальный парадигмальный сдвиг в понимании психического здоровья, который выражается в переходе от исключительного изучения патологии к комплексному исследованию позитивного функционирования личности. Этот концептуальный поворот, инициированный позитивной психологией, актуализировал изучение психологического благополучия как центральной, интегративной категории [2].

В студенческом возрасте, который характеризуется интенсивным личностным и профессиональным самоопределением, психологическое благополучие выступает ключевым условием успешной адаптации и развития. Особую значимость приобретает исследование гендерных особенностей данного феномена, поскольку период ранней взрослости совпадает с активным становлением гендерной идентичности [4].

Целью статьи является теоретический анализ гендерных особенностей психологического благополучия личности в студенческом возрасте.

Изложение основного материала исследования. Психологическое благополучие представляет собой комплексный многокомпонентный конструкт, качественно отличающийся от субъективного благополучия своей ориентацией на реализацию человеческого потенциала и полноценное психологическое функционирование личности.

Согласно модели К. Рифф, структура психологического благополучия включает шесть взаимосвязанных компонентов: самопринятие, позитивные отношения, автономию, управление средой, цель в жизни и личностный рост [2].

Проведенный анализ научной литературы позволяет утверждать, что гендерные особенности психологического благополучия проявляются не в количественных различиях общего уровня благополучия, а в качественной специфике структуры и детерминант. Исследования подтверждают существование устойчивых паттернов в проявлении компонентов благополучия у студентов и студенток [6].

Сравнительный анализ особенностей психологического благополучия у студентов разного пола позволяет выявить устойчивые закономерности в выраженности его отдельных составляющих. Как демонстрирует в своем исследовании А.Ю. Маленова, у девушек-студенток статистически значимо выше показатели по шкалам позитивных отношений и личностного роста, что отражает их ориентацию на установление и поддержание глубоких эмоциональных связей, развитие эмпатических способностей и восприимчивости к межличностному взаимодействию [4].

В то же время у юношей более выражены компоненты автономии и управления окружающей средой, что проявляется в их стремлении к независимости, самостоятельности в принятии решений, ориентации на достижение целей и эффективное взаимодействие с социальным окружением. Данные особенности отражают традиционные представления о маскулинности, акцентирующие такие качества, как компетентность, самостоятельность, способность контролировать жизненные обстоятельства [4].

Гендерная специфика психологического благополучия ярко проявляется в эмоционально-личностной сфере. Исследования А. Ю. Маленовой, А. А. Маленова, Е. Е. Федотовой выявили системные различия, показав, что девушки-студентки характеризуются более высокой эмоциональной чувствительностью, эмпатией и потребностью в эмоциональной близости, в то время как юноши демонстрируют большую эмоциональную сдержанность, инструментальную направленность и ориентацию на достижения [4].

Выявленные особенности оказывают непосредственное влияние на переживание ключевых компонентов психологического благополучия. Самопринятие формируется через различные механизмы: у девушек - через эмоциональное самоотношение и принятие своей чувствительности, у юношей - через оценку собственной компетентности и эффективности.

Академическая среда выступает значимым модератором гендерных различий в проявлении психологического благополучия студентов [2]. убедительно демонстрируют,

что институциональные и социально-психологические характеристики образовательного контекста оказывают существенное влияние на выраженность и характер гендерной специфики психологического функционирования студентов [3].

Гендерный состав учебных групп создает различный социально-психологический климат, который по-разному влияет на благополучие юношей и девушек. Специфика направления подготовки также обуславливает различную выраженность гендерных различий. На традиционно «женских» специальностях (педагогика, психология, филология) у девушек наблюдается более высокий уровень благополучия, связанный с соответствием гендерным стереотипам. На «мужских» специальностях (технические науки) юноши демонстрируют более высокие показатели автономии и управления средой [4].

Выводы. Проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Гендерные особенности психологического благополучия студентов проявляются в качественной специфике структуры и детерминант, а не в количественных различиях общего уровня благополучия.

2. У студенток психологическое благополучие в большей степени связано с качеством межличностных отношений, эмоциональной чувствительностью и ориентацией на социальную поддержку, в то время как у студентов оно основывается на академических и профессиональных достижениях, поведенческой автономии и инструментальных аспектах социального взаимодействия.

3. Академическая среда выступает значимым модератором гендерных различий, где гендерный состав учебных групп, специфика направления подготовки и особенности педагогического взаимодействия влияют на проявление гендерной специфики психологического благополучия.

Полученные результаты подчеркивают необходимость разработки дифференцированных подходов к психолого-педагогическому сопровождению студенческой молодежи. Учет гендерной специфики психологического благополучия позволяет создавать более эффективные программы поддержки, направленные на развитие дефицитных аспектов: для девушек - навыков самостоятельности и самоэффективности, для юношей - компетенций в сфере межличностных отношений и эмоциональной регуляции.

Литература:

1. Жуковская, Л. В. Шкала психологического благополучия К. Рифф / Л. В. Жуковская, Е. Г. Трошихина // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32, № 2. – С. 82-93. – EDN NTJYQD.
2. Кондрашихина, О. А. Психологическое благополучие студентов, обучающихся по разным моделям образования / О. А. Кондрашихина, С. А. Медведева, В. С. Харитонов // Живая психология. – 2025. – Т. 12, № 5(61). – С. 89-97. – EDN ННКХWO.3.
Кулакова, А. М. Специфика субъективного благополучия студентов: профильный и гендерный аспекты / А. М. Кулакова // Молодой ученый. – 2020. – № 49(339). – С. 522-525. – EDN MQGSVW.
3. Маленова, А. Ю. Структура субъективного благополучия и ее гендерные особенности у студенческой молодежи / А. Ю. Маленова, А. А. Маленов, Е. Е. Федотова // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2019. – № 3. – С. 22-33. – DOI 10.25513/2410-6364.2019.3.22-33. – EDN UJOPLL.
4. Психологическое благополучие юношей-старшеклассников с разными вариантами развития мужской идентичности / Л. Э. Семенова, В. Э. Семенова, Т. А. Серебрякова, И. А. Конева // Вестник Мининского университета. – 2019. – Т. 7, № 4(29). – С. 7. – DOI 10.26795/2307-1281-2019-7-4-7. – EDN CRBFRJ.
5. Matud, M.P. Gender and psychological well-being in older adults / Bethencourt J.M., Ibanez I., Fortes D. // The European Journal of Psychology Applied to Legal Context – 2022. – Vol. 14(2). – pp. 67-74. – DOI: 10.1017/S1041610220000824.

УДК 159.9

ИГРОМАНИЯ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА МОЛОДЁЖИ

Власова Мария Михайловна*студентка кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь***Научный руководитель****Бессонова Татьяна Ивановна***кандидат психологических наук, доцент**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. Статья посвящена проблеме игромании среди молодежи, в частности студентов, в условиях роста цифровых технологий. Рассматриваются психологические особенности, способствующие развитию игровой зависимости, её влияние на учебную деятельность, межличностные отношения и психическое здоровье. Приводятся данные анкетирования, подчеркивающего актуальность проблемы. Отмечается необходимость профилактики, информирования и взаимодействия специалистов и родителей для формирования здорового отношения к играм.

Ключевые слова: игромания, игровая зависимость, интернет-аддикция, молодежь, студенты, психическое здоровье, компьютерные игры, цифровые технологии.

IGROMANIA AS A PSYCHOLOGICAL PROBLEM OF YOUTH

Vlasova Maria Mikhailovna*Student of the Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol***Scientific supervisor****Bessonova Tatyana Ivanovna***Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor**Sevastopol State University**Sevastopol*

Abstract. The article is devoted to the problem of gambling addiction among young people, in particular students, in the context of the growth of digital technologies. The psychological features contributing to the development of gambling addiction, its impact on educational activities, interpersonal relationships and mental health are considered. The data

from surveys and diagnostic techniques are presented, emphasizing the urgency of the problem. The need for prevention, information and interaction between specialists and parents is noted in order to form a healthy attitude towards games.

Keywords: gambling addiction, gambling addiction, Internet addiction, youth, students, mental health, computer games, digital technologies.

Постановка проблемы. В последние годы мир цифровых технологий стремительно развивается, и компьютерные игры занимают важное место в жизни молодежи. Несмотря на то, что игры могут служить средством развлечения и обучения, растущее количество людей, особенно среди студентов и молодежи, сталкивающихся с проблемой игромании, вызывает серьезные опасения. По мнению В. И. Смирнова и Т. И. Бессоновой, наше общество в условиях информатизации столкнулось с проблемой новых информационных войн и их последствий, которые по итогам исследований выше указанных учёных влияют целенаправленно на сознание и поведение каждого студента, обрекая каждого второго на определённый тип зависимого поведения (игрового, эмоционального и т.д.) [3].

Временно-пространственная игровая зависимость у молодёжи как системное явление формирует социально опасное поведение и некритическое, клиповое мышление [1].

Увлечение компьютерными играми, стала значимой психологической проблемой, имеющей разрушительное влияние на личную жизнь, учебную деятельность и социальные отношения молодых людей.

В данной статье рассмотрена проблема игромании как актуального психологического и социально-культурного феномена в современном обществе, в частности среди молодежи. Изучение зависимости от компьютерных игр показывает, что игромания может иметь серьезные последствия для личной жизни, учебной деятельности и психического здоровья молодых людей. На основе опросов, проведенных ВЦИОМ, выявлено значительное количество молодежи, вовлеченной в различные виды игр, что подчеркивает необходимость обращения внимания на данную проблему.

Игромания - это сложное хроническое психическое расстройство, при котором у человека периодически возникает непреодолимое желание играть в азартные игры разных видов. Сегодня самая обыкновенная компьютерная игра включает элементы вещизма и приобретений. Азартные игры сами по себе не являются абсолютным злом, поскольку в различных формах распространены и считаются вполне приемлемыми в разных культурах и странах уже на протяжении не столетий, а тысячелетий.

Популярность и распространенность азартных игр обусловлена их психологической сущностью, которая заключается в постепенном нарастании психического напряжения с последующей разрядкой.

По данным научных социологических исследований, заболеваемость игроманией среди студентов продолжает расти, что подчеркивает необходимость глубокого анализа причин и последствий этого явления. Важно отметить, что игровая аддикция приобретает не только индивидуальные, но и социальные масштабы, негативно воздействуя на академическую успеваемость и психическое здоровье молодежи.

Цель статьи — проанализировать новые источники и рассмотреть игроманию как значимую психологическую проблему среди студентов и молодежи, представить материалы собственного исследования по выявлению игровых интересов и отношению молодёжи к игромании. Учитывая важность этого вопроса, статья нацелена на повышение осведомленности о рисках, связанных с лудоманией, и необходимостью формирования здорового отношения к играм в современном обществе.

Изложение основного материала. Зависимость от компьютерных игр, или игромания, становится все более актуальной проблемой среди молодежи и студентов. Это явление вызывает серьезные опасения у психологов, педагогов и родителей, поскольку оно может иметь разрушительные последствия для личной жизни, учебной деятельности и психического здоровья молодых людей.

К представителям геймерского сообщества с некоторыми оговорками можно причислить каждого пятого – по результатам июньского опроса ВЦИОМ (2025), 22% наших сограждан играют в видеоигры, еще 21% играли раньше. Ключевая аудитория видеоигр – зумеры, или 18-23-летние (играют 59%). Чаще других игровым опытом могут поделиться и миллениалы: продолжают играть 41% младших миллениалов и только 24% старших [4].

Игромания представляет собой патологическое пристрастие к различным играм (преимущественно азартным), развивающееся на уровне психологии, и проявляющееся нарушениями в эмоционально-волевой сфере.

Для обозначения зависимости человека от игры, помимо термина «игромания», также используются термины «гемблинг» (от английского gambling – игра на деньги) и «лудомания» (от латинского ludo – играть игрового ludus – влечение, страсть). Игромания проявляется тем, что человек часто принимает участие в азартных играх на деньги и не только, причем игра становится доминирующей ценностью в жизни, вытесняя социальные, семейные, профессиональные и материальные ценности. Человек уделяет основное время и внимание игре, а ко всем остальным обязанностям относится

по остаточному принципу. Поскольку игромания имеет хроническое течение, то ее главным признаком является неспособность человека сопротивляться импульсу к началу игры, вследствие чего больной вовлекается в эпизоды игры, несмотря на жизненные обстоятельства, что приводит к разрушению семейной жизни, проблемам на работе и в социуме [2].

Интернет-зависимость (интернет-аддикция) относится к классу нехимических зависимостей. Создаваемая компьютером реальность изменяет психическое состояние человека, чем пользуются склонные к интернет-аддикции личности. Описание характерного внешнего вида находящегося в изменённом состоянии сознания (психологическом трансе) компьютерного пользователя, склонного к аддикции, приводится в работе Е.А.Петренко: : застывшее лицо, уставленное на экран монитора, замедленная реакция (или её отсутствие) на внешние раздражители. Становится понятным, почему доктор И. Голдберг, автор термина «Интернет-зависимость», характеризует Интернет-зависимость как «оказывающую пагубное воздействие на бытовую, учебную, социальную, рабочую, семейную, финансовую или психологическую сферы деятельности» [6, с. 234].

Согласно К. Янг [2], признаками сформировавшейся интернет-аддикции, являются:

- всепоглощенность Интернетом;
- потребность проводить в Сети все больше и больше времени;
- повторные попытки уменьшить использование Интернета;
- возникновение симптомов отмены, причиняющих беспокойство при прекращении пользования Интернетом;
- проблемы контролирования времени;
- проблемы с окружением (семья, школа, работа, друзья);
- ложь по поводу времени, проведенного в сети;
- изменение настроения посредством использования Интернета.

Этим же автором были выделены пять основных типов Интернет-зависимости: киберсексуальная; пристрастие к виртуальным знакомствам; навязчивая потребность в Сети; информационная перегрузка и, наконец, компьютерная зависимость, включающая в себя болезненное пристрастие к компьютерным играм [2] .

Авторская анкета на выявление игровой зависимости среди студентов проводилась на помощи сервиса «Яндекс Формы» и представлена Таблице 1. Научной основой для построения вопросов нашей анкеты стали материалы, взятые из опросника GASA-RU (в % соответствующих ответов на каждый вопрос) [5].

Результаты проведённого диагностического исследования, в котором приняли участие 28 респондентов студенческого возраста, позволяют сделать ряд значимых выводов относительно распространённости и выраженности симптомов игровой зависимости среди молодежи. Полученные данные свидетельствуют о том, что в целом испытуемые демонстрируют умеренный уровень вовлечённости в игровую деятельность, без наличия выраженных признаков патологической игромании.

Таблица 1. Результаты анкетирования студентов

За последние 6 месяцев как часто... ?	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Очень Часто
1. На протяжении всего дня Вы думаете о том, чтобы поскорее поиграть в любимую компьютерную игру?	50%	32.1%	10.7%	7.2%	-
2 Вы тратили на игру больше времени, чем вначале планировали?	21.4%	14.3%	32.2%	25%	7.1%
3 Вы играли, чтобы отвлечься от реальной жизни?	25%	35.8%	25%	7.1%	7.1%
4 Другие люди (родители, родственники, друзья) безуспешно пытались уменьшить время, проводимое Вами за компьютерными играми?	67.8%	17.9%	7.1%	3.6%	3.6%
5 Вы чувствуете себя неважно, если Вам не удалось поиграть в этот день?	82.2%	10.7%	7.1%	-	-
6 У Вас бывают конфликты с другими людьми (родителями, родственниками, друзьями), потому что Вы слишком много времени потратили на компьютерные игры?	75 %	21.4%	-	3.6%	-
7 Вы нечаянно упустили другие важные для Вас дела (школьные,	67.9%	21.4%	7.1%	3.6%	-

спортивные, любые другие), потому что играли в компьютерную игру?					
---	--	--	--	--	--

Полученные данные свидетельствуют о том, что в целом испытуемые демонстрируют умеренный уровень вовлечённости в игровую деятельность, без наличия выраженных признаков патологической игромании. Так, большинство участников опроса (50, 0%) никогда не испытывают навязчивых мыслей о желании поиграть в течение дня, а 82,2% не испытывают ухудшения психоэмоционального состояния в случае, если в течение дня не удалось посвятить время компьютерным играм.

Анализ поведенческих маркеров зависимости показал, что значительная часть респондентов не сталкиваются с социальными последствиями избыточного увлечения играми. Например, 75 % отметили, что не имели конфликтов с близкими на фоне игровой деятельности, а 67,8% не упускали важные для себя дела (учёба, спорт и др.) из-за времени, проведённого за играми. Подобные результаты могут свидетельствовать о сохранности волевой саморегуляции и сформированных установках на приоритет реальных социальных и академических задач над виртуальной активностью.

Тем не менее, несмотря на общую благоприятную картину, в ряде ответов фиксируются отдельные поведенческие и эмоциональные индикаторы, потенциально указывающие на начальные формы игровой зависимости. Так, 32,2% опрошенных указали, что иногда тратят на игры больше времени, чем планировали, а 25% используют игры как способ отвлечения от реальности, что может рассматриваться как проявление эскапистского поведения и возможного снижения уровня стрессоустойчивости. Кроме того, наличие даже единичных случаев, когда респонденты испытывают сильную потребность в игре (очень часто), свидетельствует о формировании ригидных поведенческих паттернов, типичных для начальной стадии зависимости.

Выводы. Таким образом, можно заключить, что первичное изучение проблемы определило, что данная выборка студентов не находится в группе риска и их отношение к игровой деятельности не критическое.

Таким образом, необходимо развитие информирования молодежи о возможных рисках, связанных с чрезмерным увлечением играми. Рекомендуется активное сотрудничество психологов, педагогов и родителей для выработки эффективных стратегий по предотвращению и психокоррекции игровой зависимости, а также формирование личной ответственности за собственное время и здоровое поведение в виртуальном пространстве

Литература:

1. Бессонова Т. И., Воинская В. Ю., Григоренко М. С. Пространственные интересы студентов в Интернете (на примере студентов Гуманитарно-педагогического института) / Т. И. Бессонова, В. Ю. Воинская, М. С. Григоренко // В книге: Актуальные проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности личности. сборник тезисов докладов I Всероссийской научно-практической конференции. Севастопольский государственный университет. – 2018. – С. 32-38.
2. Лопатина А. А. Игромания как социально-психологический феномен и смысл жизни молодежи / А.А. Лопатина // Форум молодых учёных. 2018. – С.53-858. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igromaniya-kak-sotsialno-psihologicheskii-fenomen-i-smysl-zhizni-molodezhi>
3. Смирнов, В. А. Информационно-психологическая безопасность молодёжи в аспектах новых информационных войн / В. А. Смирнов, Т. И. Бессонова // Актуальные проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности личности в условиях вызовов современности : Материалы 2-ой Всероссийской научно-практической конференции, Севастополь, 20 октября 2023 года. – Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2023. – С. 181-187. – EDN GUF SOB.
4. Результаты опроса россиян о видеоиграх / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (2024) [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geiming-po-russki>
5. Терещенко, С. Ю. Валидация русскоязычной версии опросника оценки зависимости от социальных сетей (Social Media Disorder Scale, SMDS) у подростков / С. Ю. Терещенко, Л. С. Эверт, Ю. Р. Костюченко // Медицинский совет. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 302-311. – DOI 10.21518/ms2023-491. – EDN UFIYBI.
6. Тулегенова, А. Г. Компьютерные игры как фактор формирования аддиктивного поведения студентов / А. Г. Тулегенова // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Социология. Педагогика. Психология. 2014. – Том 27 (66). – № 4. – С. 107-118. // Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-igry-kak-faktor-formirovaniya-addiktivnogo-povedeniya-studentov>

УДК 373.2

ВОСПИТАНИЕ ЛЮБВИ К МАЛОЙ РОДИНЕ У ДОШКОЛЬНИКОВ ЧЕРЕЗ СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

Ганиева Ильмира Сайфетдиновна

воспитатель МБДОУ №132

Кировский район г.Казани

Масгутова Рамзиля Адехамовна

воспитатель МБДОУ №132

Кировский район г.Казани

Насибуллина Луиза Мансуровна

воспитатель МБДОУ №132

Кировский район г.Казани

Аннотация. Статья посвящена исследованию потенциала семейных ценностных ориентиров как средства формирования осознанной эмоциональной привязанности к малой родине у детей дошкольного возраста. В работе обосновывается ограниченная эффективность традиционных методов краеведческого воспитания, основанных на пассивной трансляции знаний. В качестве альтернативы предлагается модель целенаправленного включения семейных целей и перспективных устремлений в практику регионального воспитания. Подробно анализируются механизмы влияния проектной деятельности, экологических и социальных инициатив, реализуемых в семейном контексте, на становление личностно значимого образа малой родины.

Ключевые слова: малая Родина, дошкольники, семейные истории, любовь к Родине, воспитание любви.

FOSTERING A LOVE FOR THE HOMELAND IN PRESCHOOLERS THROUGH FAMILY STORIES FULL NAME ABOUT THE AUTHOR

Ganieva Ilmira Saifetdinovna

Kindergarten teacher

Municipal Budgetary Preschool Educational Institution №132

Kirovsky District of Kazan

Masgutova Ramzilya Adehamovna

Kindergarten teacher

Municipal Budgetary Preschool Educational Institution №132

Kirovsky District of Kazan

Nasibullina Luiza Mansurovna

Kindergarten teacher

Abstract. This article explores the potential of family value orientations as a means of fostering a conscious emotional attachment to the homeland in preschool-aged children. The paper substantiates the limited effectiveness of traditional methods of local history education based on the passive transfer of knowledge. As an alternative, a model for the targeted inclusion of family goals and long-term aspirations in regional education practices is proposed. The mechanisms by which project-based activities, environmental and social initiatives implemented within the family context influence the development of a personally meaningful image of the homeland are analyzed in detail.

Keywords: homeland, preschoolers, family stories, love for the homeland, fostering love.

Постановка проблемы. Любовь к малой Родине — это не абстрактное понятие из патриотического воспитания, а живое, трепетное чувство, которое прорастает в сердце ребенка через личную привязанность [1, с. 121]. Его невозможно навязать лекциями или плакатами. Оно рождается из узнавания, из ощущения своей принадлежности к чему-то настоящему, что было до него и останется после. И самый верный, самый глубокий путь к этому чувству лежит через семейные истории.

Для ребенка дошкольного возраста мир начинается с его семьи. Мама, папа, бабушка, дедушка — это его вселенная. И когда эта вселенная начинает рассказывать ему свои истории, прошлое перестает быть чем-то далеким и незнакомым. Оно становится осязаемым. Вот бабушка показывает пожелтевшую фотографию и рассказывает, как она, маленькая, бегала по тому самому двору, где сейчас играет ее внук. Она помнит старый дуб на углу, которого уже нет, и запах свежего хлеба из булочной, теперь превратившейся в магазин сотовой связи. Эти рассказы — не просто ностальгия. Это волшебство, которое оживляет для ребенка пространство вокруг. Он выходит на улицу и видит ее уже иначе: не просто ряд домов и асфальт, а место, где жила его бабушка. Улица становится «своей», наполненной смыслом.

Дедушка, вспоминая, как мастерил скворечник с отцом в своей мастерской, передает внуку не просто навык, а ощущение преемственности. Мальчик, зажимая в руке молоток, чувствует связь с прадедом, которого никогда не видел. Он понимает, что его руки могут делать то же, что делали руки его предков. Эта связь поколений, переданная через простое действие, через историю, крепче любого формального урока. Она дает ребенку чувство корней, уверенности в том, что он — часть большого и крепкого дерева.

Цель статьи – исследовать потенциал семейных ценностных ориентиров как средства формирования осознанной эмоциональной привязанности к малой родине у детей дошкольного возраста.

Изложение основных результатов исследования. Семейные истории – это еще и история самой малой Родины, пропущенная через судьбу одной семьи [2, с.342]. Переезд в новый район, работа на местном заводе, история знакомства родителей в парке — все это складывается в мозаику, из которой и состоит история города, поселка, улицы. Ребенок начинает осознавать, что его семья не просто жила «где-то», а была соучастником жизни этого места. Она строила его, меняла, любила его. И тогда любовь к своему двору, скверу, речке становится глубоко личным делом, почти долгом памяти перед своими же предками.

Задача взрослых – не просто иногда вспоминать, а сознательно создавать эту ткань воспоминаний. Семейный альбом должен быть не папкой на антресолях, а живой книгой, которую листают вместе с ребенком, комментируя каждую фотографию. Совместные прогулки – это возможность показать «места силы» семьи: «Здесь мы с папой гуляли, когда только познакомились», «А в этой школе училась тетя». Даже старый сервиз или вышитая салфетка, доставшиеся по наследству, могут стать поводом для рассказа, который наполнит домашнее пространство теплом прожитых лет.

Воспитывая любовь через семейные истории, мы даем ребенку нечто гораздо большее, чем знание о родном крае. Мы даем ему прочный внутренний стержень. Он начинает чувствовать себя не случайным человеком на случайном месте, а наследником и продолжателем.

Его малая Родина становится для него не точкой на карте, а живым существом, с которым связаны судьбы его близких. И эта связь, пронизанная личными переживаниями и памятью рода, остается с ним на всю жизнь, становясь источником настоящей, непоказной любви и ответственности за то место, которое он называет домом.

Семейные цели, понимаемые как система перспективных устремлений, разделяемых всеми членами семьи, создают содержательную основу для формирования осознанной привязанности к месту проживания. Проектная деятельность, инициируемая в семейном контексте, трансформирует восприятие ребенком окружающего пространства [3]. Совместное создание семейного герба с использованием символики родного города, ведение летописи рода с фиксацией значимых событий, связанных с различными локациями населенного пункта, или создание карты значимых семейных мест формируют у дошкольника устойчивые ассоциативные связи между семейной историей и территорией проживания.

Экологическая деятельность семьи как система целей обладает значительным педагогическим потенциалом. Участие в озеленении дворовой территории, шефство над конкретным деревом или цветником, регулярный мониторинг чистоты в парковых зонах формируют у ребенка позицию ответственного хозяйствования. Через практическую деятельность, направленную на улучшение состояния окружающей среды, у дошкольника развивается осознание личной причастности к сохранению и преобразению родного пространства.

Социально ориентированные семейные инициативы способствуют интеграции ребенка в местное сообщество. Совместное изготовление сувениров для пожилых соседей, подготовка творческих выступлений для общегородских праздников, участие в благотворительных акциях местного значения формируют у дошкольника понимание взаимосвязи семейного благополучия с процветанием всего сообщества. Через такую деятельность ребенок осваивает социальные роли и понимает значение личного вклада в общественное благо.

Культурно-познавательные семейные практики, такие как создание тематических фотоальбомов, посвященных архитектурным особенностям города, разработка собственных экскурсионных маршрутов по значимым для семьи местам, коллекционирование материалов о местных промыслах, способствуют глубокому эмоциональному присвоению культурного наследия. Ребенок начинает воспринимать объекты культурного наследия не как безликие артефакты, а как часть семейной истории.

Выводы. Таким образом, систематическая реализация семейных целей, интегрированных в контекст малой родины, создает условия для естественного формирования у дошкольника устойчивой эмоциональной привязанности. Данный подход позволяет трансформировать абстрактное понятие «малая родина» в лично значимую ценность, что обеспечивает основу для последующего развития гражданского самосознания и социальной ответственности личности.

Литература:

1. Рычихина, И.В. Воспитание у дошкольников любви к малой Родине / И.В.Рычихина // Образование в Кировской области. – 2025. – № 1 (73). – С. 121-123.
2. Ермашова, М. Г. Воспитание чувства любви к Родине через изучение истории семьи / М. Г. Ермашова // Межрегиональные Пименовские чтения. – 2020. – № 17. – С. 342-347. – EDN QOEYUU.
3. Плясунова, Е. С. Формирование патриотических мотивов через воспитание любви к малой родине / Е. С. Плясунова // Российская идентичность : Сборник материалов Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ, Москва, 25 сентября – 13

2023 года. – Москва: Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2023. – С. 432-438. – EDN PODRGJ.

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН**Герасева Оксана Александровна***магистрант кафедры**прикладной психологии и развития личности**Херсонский государственный педагогический университет, Россия***Научный руководитель: Олейник Нармина Оруджевна***кандидат психологических наук**Херсонский государственный педагогический университет, Россия*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению психологического благополучия и его детерминант у женщин. За основу психологического благополучия берется психологическое здоровье женщины. В данной статье рассматривается такая важная проблема, как особенности психологического консультирования женщин с нарушениями психологического здоровья. Психическое здоровье — важная составляющая общего благополучия каждого человека. Оно влияет на наше эмоциональное состояние, способность справляться со стрессом, эффективно функционировать в повседневной жизни и поддерживать здоровые отношения с окружающими.

Ключевые слова: психологическое благополучие, психологическое консультирование, нарушения психологического здоровья, психологическое здоровье женщин.

MODERN WOMEN'S PSYCHOLOGICAL WELL-BEING**Geraseva Oksana Aleksandrovna***Master's student**Department of Applied Psychology and Personality Development**Kherson State Pedagogical University, Russia***Scientific supervisor: Oleynik Narmina Orudzhevn***Candidate of Psychological Sciences**Kherson State Pedagogical University, Russia*

Abstract. This article examines psychological well-being and its determinants in women. A woman's psychological health is considered the basis for psychological well-being. This article discusses an important issue, namely, the features of psychological counseling for women with psychological health disorders. Mental health is an essential component of overall well-being for every individual. It affects our emotional state, our ability to cope with stress, to function effectively in our daily lives, and to maintain healthy relationships with others.

Keywords: psychological health, psychological counseling, psychological health disorders, psychological health of women.

Постановка проблемы. Проблема психологического здоровья женщин представляет собой многогранную тему, затрагивающую различные аспекты их жизни. Исследование этого вопроса и разработка соответствующих мер позволят укрепить психологическое состояние женщин, обеспечить их полноценное участие в развитии общества и сохранить личный потенциал для счастливой жизни [1].

Люди с хорошим уровнем психологического здоровья обладают высокой устойчивостью к внешним раздражителям и стрессовым факторам. Хорошее психологическое состояние поддерживает мотивацию и желание двигаться вперед. Устойчивость нервной системы способствует ясности ума и скорости принятия правильных решений. Психологически здоровые люди демонстрируют высокую продуктивность и творческий подход. Способность строить доверительные отношения и успешно взаимодействовать с окружающими напрямую зависит от внутреннего баланса и спокойствия. Психически стабильные люди умеют договариваться, разрешать конфликты мирным путём и устанавливать полезные связи, что облегчает продвижение по карьерной лестнице и укрепляет репутацию. Саморазвитие возможно лишь тогда, когда внутренние ресурсы и энергия не истощены негативными эмоциями и сомнениями. Хорошее психологическое здоровье даёт человеку силы заниматься своим образованием, профессиональными навыками и развиваться как личность.

Таким образом, поддержание высокого уровня психологического здоровья является необходимым условием успешного существования и полноценной реализации личности. Забота о своём внутреннем балансе и гармонии позволяет каждому человеку раскрыть собственный потенциал и добиться выдающихся результатов в жизни.

Цель – изучить факторы психологического благополучия современных женщин через призму психического здоровья. К методам проведенного исследования относится анализ теоретических исследований по проблеме.

Изложение основного материала исследования. Психологическое здоровье — это состояние эмоционального благополучия, которое позволяет человеку эффективно справляться с жизненными стрессами, продуктивно работать и взаимодействовать с окружающими людьми. Важно понимать, что психологическое здоровье не означает отсутствие жизненных трудностей, а его устойчивое состояние человека и возможность с ними справиться [2].

По мнению К. Рифф, к основным компонентам психологического здоровья относятся следующие:

- самоосознание и самовосприятие (человек принимает свои чувства, мысли, сильные и слабые стороны, имея четкое представление о себе и о ценности своей личности);
- эмоциональная устойчивость (способность переживать стресс адекватно - без значительного снижения общего самочувствия и без деструктивного влияния на других людей);
- адекватное восприятие реальности (понимание окружающего мира без значительных искажений, способность отличать реальные угрозы от воображаемых и выстраивать своё поведение соответственно);
- способность к планированию и адаптивность (человек может строить и реализовывать планы, но при изменении обстоятельств способен изменить свои действия в зависимости от новых условий);
- саморегуляция и ответственность (умение управлять своими эмоциями и действиями, осознавая и принимая их последствия).

Эта модель получила широкое признание в научной среде и используется для диагностики и оценки уровней психологического благополучия населения. Теория К.Рифф стала основой для разработки инструментов измерения психологического благополучия, применяемых в исследованиях и практике здравоохранения [4].

Психологическое здоровье женщин имеет ряд особенностей, связанных с биологическими, социальными и культурными факторами. Женщины сталкиваются с уникальными проблемами, такими как гормональные изменения, материнство, давление социальных ожиданий и дискриминация. Понимание этих аспектов помогает лучше поддерживать женское психическое здоровье.

Существует множество факторов, влияющих на психологическое здоровье женщин: гендерные особенности психоэмоционального состояния (менструация, беременность, роды, менопауза); рост роли женщины в общественной жизни (проблема совмещения роли матери, жены и профессионала); социальные стереотипы и давление общества (общественное навязывание стандартов, приводящее к внутреннему конфликту); возрастные кризисы и переходные этапы (особенности в каждой возрастной группе); роль семьи и воспитания; экономические и социально-экономические факторы; необходимость заботы о собственном здоровье [2].

Женщины подвержены ряду специфических проблем и расстройств, связанных с особенностями их биологии, социального положения и культурных норм. Рассмотрим наиболее распространенные из них:

1. Депрессия:

- Женщины примерно в два раза чаще мужчин испытывают депрессивные состояния.

- Основные причины включают биологические факторы (гормональные изменения), социальные роли (материнство, забота о семье), переживания насилия и дискриминации.

2. Тревожные расстройства

- Включают панические атаки, генерализованное тревожное расстройство, агорафобию и другие формы повышенной тревожности.

- Частые причины: стресс, хронический страх перед будущим, чрезмерные требования общества и завышенные стандарты.

3. Расстройства пищевого поведения

- Наиболее частые виды: анорексия, булимия, компульсивное переедание.

- Часто вызваны давлением общества на внешность, желание соответствовать определённому стандарту красоты, низкой самооценкой.

4. Послеродовая депрессия

- Возникает у многих женщин вскоре после родов.

- Симптомы: усталость, подавленное настроение, потеря интереса к ребёнку, чувство вины и беспокойства.

- Причины: гормональные изменения, недостаток сна, повышенная нагрузка, отсутствие поддержки семьи и окружения.

5. Синдром хронической усталости

- Проявляется постоянным чувством истощённости, слабостью, нарушением концентрации внимания.

- Возможные причины: длительные стрессы, нарушение режима сна, перегрузка на работе и дома.

6. Проблемы репродуктивного периода

- Предменструальный синдром (ПМС), перименопауза и климактерический период могут сопровождаться раздражительностью, нестабильным настроением, усталостью.

- Причинами являются резкие гормональные скачки, снижающие устойчивость нервной системы.

7. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР)

– Женщинам чаще приходится сталкиваться с травматичными событиями: домашнее насилие, изнасилование, тяжелые потери близких.

– Последствия: кошмарные сновидения, навязчивые воспоминания, приступы страха и тревоги.

8. Обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР)

– Навязчивые мысли и повторяющиеся ритуалы становятся частью ежедневной жизни некоторых женщин.

– Чаще всего проявляется стремление к чистоте, контролю над ситуацией, боязнь загрязнения или опасности.

Своевременная диагностика, профилактика и лечение позволят существенно повысить качество жизни миллионов женщин.

Консультирование женщин с нарушениями психологического здоровья требует особого подхода, учитывающего их уникальные потребности и ситуации. Ниже приведены рекомендации, основанные на лучших практиках психологической помощи, таких авторов, как Дж. Бек, С. Любомировски, Р. Каллахан, Н. Адлер и многих других [3]. Перечислим данные рекомендации:

1. Необходимо создание безопасной среды: атмосфера доверия и принятия, конфиденциальность и уважительное отношение является важной составляющей успешного налаживания контакта для успешного консультирования. Рекомендовано избегать осуждающих высказываний и оценочных суждений.

2. Индивидуализация процесса - важная составляющая любого психологического консультирования, особенно значимая для консультирования женщин с нарушениями психологического здоровья. Важными инструментами являются методы активного слушания, задавая уточняющие вопросы и демонстрируя искренний интерес к рассказу клиентки.

3. Применяйте когнитивно-поведенческие подходы для борьбы с негативными мыслями и поведением. Методы арт-терапии и телесно-ориентированной терапии могут облегчить выражение чувств и снятие напряжения. Рассмотрите возможность использования методов релаксации и дыхательных техник для снижения уровня стресса.

4. Очень важна работа с травмирующими событиями, необходимо уделять внимание прошлым травмам и насилию. Для успешной психологической работы важен подбор методик, способствующих проработке эмоций. К данным методикам можно отнести Гештальт-терапию (техника «Монодрама», техника «Пустой стул»), когнитивно-поведенческая терапия (ведение дневника, декастрофизация), арт-терапия (скульптура,

живопись, создание коллажей); гипнотерапия (ретроспективный анализ, десенсибилизация, перепрограммирование опыта).

5. Укрепление ресурсов и возможностей.

- Помогите клиенту развить навыки саморегуляции и самоорганизации.
- Разрабатывайте стратегии преодоления трудностей и повышения устойчивости.
- Повышайте осведомлённость о факторах риска и возможностях профилактики нарушений психического здоровья.

6. Сотрудничество с другими специалистами:

- Привлекайте врачей, специалистов по медицине репродуктивной сферы, эндокринологов и неврологов при необходимости комплексного лечения.
- Работайте совместно с врачами общей практики и педиатрами для поддержания здоровья всей семьи.

7. Образовательные мероприятия:

- Проводите лекции и семинары для информирования общественности о важности психического здоровья женщин.
- Организуйте группы поддержки и тренинговые программы для укрепления позитивного образа тела и улучшения взаимоотношений внутри семьи.

8. Организация регулярных консультаций:

- Периодически проводите профилактические консультации, направленные на выявление ранних признаков нарушения психического здоровья.
- Рекомендовать регулярное посещение специалиста при наличии симптомов тревоги, депрессии или бессонницы.

Совокупность теоретических разработок и практической деятельности перечисленных авторов послужила основой для выработки действенных рекомендаций по поддержке женщин с нарушенным психологическим благополучием. Их исследования формируют основу современной психологической науки и служат ориентиром для дальнейших клинических вмешательств и научно-исследовательской деятельности.

Соблюдение этих рекомендаций позволит обеспечить эффективную поддержку и улучшение качества жизни женщин, столкнувшихся с нарушениями психологического здоровья. Важно помнить, что каждая ситуация уникальна, и индивидуальный подход остаётся ключевым фактором успеха в консультировании.

Итогом качественного психологического консультирования женщин с нарушениями психологического здоровья становится комплекс положительных изменений. Эффективное консультирование предполагает сотрудничество между специалистом и клиентом, направленное на достижение поставленных целей и повышение

качества жизни. Ключевыми элементами успешного консультирования остаются профессионализм психолога, уважение к потребностям клиентов и создание доверительной атмосферы взаимодействия.

Выводы. Исследование подходов к совершенствованию психологического благополучия является значимым. Психологическое благополучие — ключевой компонент человеческой жизни, оказывающий непосредственное влияние на физическое здоровье, работоспособность и качество жизни индивидов. Совершенствование психологического благополучия требует постоянного мониторинга, систематического анализа результатов проводимых мер и своевременной коррекции подходов. Только комплексное использование всех вышеперечисленных направлений способно обеспечить устойчивое повышение уровня психологического благополучия населения.

Литература:

1. Бережковская, Е. Л. Психология развития и возрастная психология : учебник для вузов / Е. Л. Бережковская. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 357 с.
2. Сосновский, Б. А. Общая психология : учебник для вузов / Б. А. Сосновский, О. Н. Молчанова, Э. Д. Телегина ; под редакцией Б. А. Сосновского. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 342 с.
3. Рамендик, Д. М. Общая психология и психологический практикум : учебник и практикум для вузов / Д. М. Рамендик. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 274 с.
4. Рамендик, Д. М. Практикум по психодиагностике : учебное пособие для вузов / Д. М. Рамендик, М. Г. Рамендик. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 139 с.

УДК 159.9

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ КОНСУЛЬТИРОВАНИЮ

*Гернер Ирина Петровна**магистр кафедры психологии**Гуманитарно-педагогического института**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. Статья освещает феномен мультикультурного консультирования, рассматривая проблемы и перспективы формирования взаимопонимания между психологами и клиентами в условиях культурного многообразия. В работе подробно раскрываются теоретические основы мультикультурного подхода в психологической практике. В статье обсуждается, что мультикультурный подход соответствует этическим стандартам профессиональной деятельности психолога и является необходимым в современной психологической практике, обеспечивая возможность разработки индивидуализированных стратегий помощи, которые учитывают уникальные культурные контексты каждого клиента. Поэтому при работе с клиентами важно принимать во внимание множество факторов: половозрастные особенности, гендерную и сексуальную ориентацию, вероисповедание и конфессиональную принадлежность, этническую и расовую идентичность. Такой комплексный подход позволяет избежать различных форм дискриминации, включая расизм, сексизм и эйджизм.

Ключевые слова: мультикультурный подход, психологическое консультирование, культурные, этнические, религиозные и гендерные особенности клиента.

MULTICULTURAL APPROACH TO PSYCHOLOGICAL COUNSELING

*Gerner Irina Petrovna**Master's Degree in Psychology**Humanities and Pedagogical Institute**Sevastopol State University**Sevastopol*

Abstract. This article explores the phenomenon of multicultural counseling, examining the challenges and prospects for fostering mutual understanding between psychologists and clients in a culturally diverse environment. The paper explores in detail the theoretical foundations of a multicultural approach in psychological practice. It discusses how a multicultural approach aligns with the ethical standards of professional practice and is essential in modern psychological practice, enabling the development of individualized assistance

strategies that take into account the unique cultural contexts of each client. Therefore, when working with clients, it is important to consider a variety of factors, including age and gender, gender and sexual orientation, religion and denominational affiliation, and ethnic and racial identity. This comprehensive approach helps avoid various forms of discrimination, including racism, sexism, and ageism.

Keywords: multicultural approach, psychological counseling, client cultural, ethnic, religious, and gender characteristics.

Постановка проблемы. В условиях современной глобализации психологическая помощь становится востребованной во многих странах мира. Методики, разработанные в Западной Европе и США, активно адаптируются к различным культурным реалиям.

Современные психологи всё чаще сталкиваются с ситуациями, требующими адаптации к культурным, религиозным или этническим особенностям клиента. Многочисленные исследования подтверждают существенную вариативность ключевых факторов консультативного процесса, включая представления о психическом здоровье и особенности коммуникативного взаимодействия.

В этих обстоятельствах особую значимость приобретает мультикультурный подход в психологическом консультировании.

Цель статьи - раскрыть специфические особенности мультикультурного подхода в психоконсультировании.

Изложение основного материала исследования. Мультикультурный подход представляет собой особую стратегию работы психолога, при которой учитываются культурные особенности клиента. Его суть заключается в том, что специалист опирается на культурные ценности, религиозные убеждения и этнические модели поведения клиента, используя их как основу для построения эффективной терапевтической работы [1].

Выдающийся американский психолог Карл Роджерс считается одним из первых специалистов, кто начал систематически изучать влияние этнических факторов на процесс психологического консультирования. В своих работах он отмечал, что культурные ценности различных этнических групп, религиозные воззрения, а также специфические гендерные и социальные модели поведения могут выступать не просто как источник потенциальных проблем, но и как значительный ресурс в терапевтической работе с клиентом. Роджерс утверждал, что глубокое понимание этих аспектов позволяет создать более эффективную консультативную среду, позволяющую клиенту опираться на собственные культурные и социальные установки для решения своих психологических

проблем. Такой подход способствует формированию доверительных отношений между психологом и клиентом, а также повышает результативность консультативного процесса [3].

Галина Солдатова, известный исследователь в области межкультурных различий, акцентирует внимание профессионального сообщества на важности учёта духовного аспекта в процессе терапевтической работы. Она отмечает, что специалисты помогающих профессий должны уделять особое внимание духовным составляющим личности клиента, поскольку они выступают значимым источником личностного ресурса. По мнению Солдатовой, обращение к духовным ценностям и убеждениям клиента позволяет раскрыть дополнительные возможности для его личностного роста и развития в процессе терапии. Это способствует более глубокому пониманию внутреннего мира клиента и создаёт условия для более эффективного использования его собственных ресурсов в процессе психологической работы. Такой подход помогает установить более тесный контакт с клиентом и способствует достижению более устойчивых результатов в терапевтической практике [5].

Современный мультикультурный подход в психологической практике представляет собой тщательно разработанную стратегию взаимодействия с многообразным социальным окружением – это взвешенный ответ на вызовы глобализирующегося общества, в котором тесно переплетаются различные культурные традиции и ценности. Основой данного подхода является глубокое понимание культурных особенностей и специфики различных социальных групп. Главная отличительная черта мультикультурного консультирования – это способность психолога адаптировать терапевтические методы с учётом индивидуальных характеристик каждого клиента [1; 2].

Мультикультурное психологическое консультирование представляет собой специализированную методику работы с клиентами, которая учитывает их культурные, этнические и религиозные особенности. Этот подход базируется на уважительном отношении к культурным различиям и требует тщательной адаптации консультативных практик в соответствии с культурными характеристиками клиента. В процессе работы специалисты создают особую атмосферу безопасности и доверия – пространство, в котором клиенты из различных культурных контекстов могут открыто обсуждать свои проблемы. При этом внимание уделяется не только языковым особенностям, но и традиционным моделям поведения, религиозным убеждениям и социальным нормам, характерным для конкретной культурной группы. Основная цель мультикультурного подхода заключается в создании оптимальных условий для эффективной работы с клиентами, независимо от их культурного происхождения. Такой подход позволяет

максимально учитывать потребности и особенности каждого человека, обеспечивая более результативное психологическое сопровождение и поддержку. Один из основополагающих принципов мультикультурного подхода заключается в необходимости работы с учётом культурного контекста клиента [4].

Профессиональный психолог должен обладать способностью «вжиться» в мир своего клиента, чтобы осознать и понять существенные различия между их культурными мирами, проявляя при этом открытость и уважительное принятие этих различий. Важность мультикультурного консультирования обусловлена стремлением к точности в профессиональных выводах и построению толерантных взаимоотношений. Этот подход выполняет две ключевые функции:

- способствует преодолению культурных барьеров;
- использует развивающий потенциал межкультурного взаимодействия.

В рамках мультикультурного подхода система психологического консультирования претерпевает ряд существенных изменений:

1. Каждый консультант должен осознавать существование и специфику культурных различий в понимании, коммуникации, ценностях и образе жизни различных социальных групп.

2. Этический принцип «помогать и качественно выполнять свою работу» в мультикультурной практике трансформируется в принцип «быть точным» в своих профессиональных оценках и действиях.

3. Подготовка психологов включает обязательное изучение особенностей образа жизни, коммуникативных моделей, ценностей и иных специфических характеристик внутреннего мира представителей различных культурных меньшинств.

4. Существует необходимость расширения арсенала профессиональных навыков, стратегий и техник, адаптированных к культурным различиям, что значительно повышает эффективность коммуникативного взаимодействия с клиентами.

К. Ли и Б. Ричардсон выделили несколько важных моментов осмысления мультикультурной перспективы консультирования:

1. Мультикультурализм в реальном консультировании часто обсуждается, но не имеет большого значения в построении контактов и исследовании практики консультирования. Необходимо переосмыслить то, что сделано в рамках традиционного подхода к психологическому консультированию, с точки зрения мультикультурной перспективы.

2. Все формы консультирования могут быть неприемлемыми для представителей того или иного культурного меньшинства в силу того, что они являются частью

доминантной культуры. Консультирование может иметь относительную эффективность при учете факторов взаимодействия культур в сознании и жизнедеятельности консультанта и клиента, в том числе, как культур меньшинств и большинства.

3. Прекращение игнорирования межкультурных различий делает понимание менее стереотипным. Недооценка специфики культуры, попытка ориентироваться только на «общечеловеческие» закономерности приводит к новому виду расизма [7].

М. Ридли описывает препятствующие достижению взаимопонимания примеры межкультурной некомпетентности:

1) соответствующая культуре клиента степень закрытости (открытости), приводящая к ошибкам консультанта в оценке готовности клиента решать его проблемы (наличии сопротивления, диалогической интенции, ее силе и направленности), в понимании сути проблем клиента;

2) дискомфорт, испытываемый консультантом/клиентом в присутствии представителя той или иной культуры по не всегда и не во всем понятной для консультанта причине. Помощь иногда превращается в попытку доминирования (патерналистские отношения), что фиксируется показателями «дефицита гипотез»;

3) перенос позитивных или негативных чувств, переживаемых клиентом/консультантом к представителям иных этнокультурных групп на консультанта/клиента, может приводить к ошибкам интерпретаций происходящего во взаимоотношениях с консультантом/клиента и внутреннем мире клиента/консультанта.

Мультикультурный подход вносит в общую теорию консультирования ряд важных, развивающих теорию и практику, моментов [2; 6; 8; 10]:

1. Представление о нежелательности применения концепта «нормальный» к пониманию людей, ситуаций и культур, например, индивидуализм «развитых» культур – это не единственный способ человеческой жизнедеятельности, у коллективизма «традиционных» культур есть иные возможности и ограничения, в том числе психотерапевтические, которые могут быть поняты через особенности социального контекста в целом. Для культур с высоко контекстным общением сложно понять без примеров абстракции низко контекстных «высокоразвитых» культур;

2. Понимая человека или группу, невозможно игнорировать их историю (историю культуры), существует необходимость изучения межкультурных различий, их взаимодействия в мультикультурном мире, учёта различий как на уровне теоретических исследований, так и практической работы, в обучении, а также учёта уровней развития той или иной культурной идентичности клиентов, живущих, как и консультант, в мультикультурном мире с его «шоками аккультурации» и т.д.;

3. Для человека важна система естественной поддержки со стороны общества и близких людей, а также возможность опереться на свою культуру, ее ценности, модели общения, способы осмысления мира, необходимо внимание к этнокультурной среде клиента, которая может существенно отличаться от среды, привычной для специалиста, оказывающего помощь, особенно важно внимание к религиозным и духовным аспектам культуры клиента;

4. Линейное (логическое, опирающееся на знания, усвоенные в рамках своей культуры) осмысление должно иногда дополняться нелинейным (интуитивным, обращённым к осмыслению феноменов чужой культуры как несводимых к «аналогичным» феноменам своей).

5. Консультанты нуждаются в том, чтобы проанализировать собственные взгляды и их культурные основы. Взаимодействие консультанта и клиента представляет собой процесс взаимопонимания, в ходе которого происходит осознание и развитие:

- ценностно-смысловых установок позиций субъектов общения, в том числе за счёт «культурного» обмена и принятия ценностей клиента как представителя иной этнокультурной группы;
- способов понимания себя и мира клиентом и консультантом, возможностей и ограничений, которые имеют реализуемые субъектами мультикультурного диалога способы понимания в данной ситуации;
- осмысление моделей общения и поведения участников контакта как индивидуально специфических способов «воплощения», проявления в ситуации общения человеческих культурно-специфических ценностей.

Важно понимать, что «...когда мы пытаемся понять опыт, отличающийся от нашего, мы обнаруживаем себя в пожизненном процессе обучения». Ни один подход и стратегия вмешательства не могут быть эффективными и конструктивными по отношению ко всем людям и жизненным ситуациям. Помощь эффективна, когда специалист «...использует такие техники и стратегии и ставит такие цели, которые согласуются с жизненным опытом и культурными ценностями клиента» [7, с.41].

Важно удерживать внимание на человеке как индивиде и как члене культурно специфической группы. Такой подход требует от специалиста проверки собственных убеждений и установок в отношении различных культурно-специфических групп и их представителей, готовности к обсуждению межэтнических и расовых вопросов, проблем притеснения, выходящих далеко за рамки встречи [10]. Основная задача консультанта в этом контексте – помочь клиенту в развитии его индивидуальной культурной

идентичности, помочь ему осмыслить особенности его восприятия мира, а также понять, как его культурные корни и семейные традиции влияют на его жизнь и мировоззрение.

Ключевым аспектом в мультикультурном консультировании является развитие у клиента чувства лояльности и уважения к собственной культуре, включая её важнейшие составляющие: семью, род и этнос. Консультант должен быть способен помогать клиенту осознавать себя как уникальную личность, одновременно являющуюся частью определённой культурной группы. Особую значимость приобретает умение консультанта анализировать собственные этнические и расовые установки, а также понимание того, как они соотносятся с реальными культурными различиями между отдельными людьми и группами. Важно отметить, что мультикультурные консультанты не стремятся к изменению культуры клиента. Их задача заключается в предоставлении клиенту возможности для личностного роста и развития. При этом цели консультирования не ограничиваются достижением самореализации исключительно в рамках одной культуры.

В процессе работы консультант может успешно применять существующие психотехнические методы и подходы, адаптируя их для эффективного взаимодействия с представителями различных культур. Это позволяет адекватно реагировать на запросы клиентов из разных культурных контекстов без необходимости полного отказа от традиционных методик психологической работы. Существенное значение имеет готовность как клиента, так и консультанта к открытому обсуждению вопросов, касающихся различных рас и этносов, а также особенностей их взаимодействия. Все эти аспекты формируют неотъемлемую часть мультикультурного компонента психологической культуры личности. Этот компонент определяет готовность и стремление человека к установлению и развитию взаимопонимания в процессе взаимодействия, направленного на позитивные изменения в жизни обеих сторон.

Выводы. В мультикультурном психологическом консультировании ключевое значение имеют как фундаментальные основы человеческой жизни, так и понимание базовых различий между людьми, независимо от их культурной принадлежности. Важно осознавать, что чрезмерное внимание к этническим различиям может способствовать формированию предвзятости и стереотипов. Необходимо учитывать, что несмотря на культурные различия, у людей разных культур есть много общего, в то время как внутри одной культуры могут существовать значительные различия — это явление называется интракультурной вариативностью. Культура как целостное явление оказывает существенное влияние на личность и процесс оказания психологической помощи. Поэтому при работе с клиентами важно принимать во внимание множество факторов: половозрастные особенности, гендерную и сексуальную ориентацию, вероисповедание и

конфессиональную принадлежность, этническую и расовую идентичность. Такой комплексный подход позволяет избежать различных форм дискриминации, включая расизм, сексизм и эйджизм.

Литература:

1. Арпентьева, М. Р. Мультикультурное психологическое консультирование: особенности взаимопонимания / М. Р. Арпентьева // Актуальные вопросы экономики, управления и права: сборник научных трудов (ежегодник). – 2016. – № 4. – С. 44-65. – EDN YSRHXF.
2. Павлова, О.С. Мультикультурное консультирование в современной России: проблемы и перспективы / О.С.Павлова, М.Ю.Чибисова // Консультативная психология и психотерапия, – 2025. – 33(3). – С. 64—80. <https://doi.org/10.17759/cpp.2025330303>
3. Роджерс К. Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической психологии. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. — 512 с.
4. Сковородников, А. В. Проблема исследования особенностей мультикультурного консультирования / А. В. Сковородников, С. Н. Сибирякова // Язык. Культура. Образование. – 2023. – № 8. – С. 121-130. – EDN QNCEQB.
5. Солдатова Г. У. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности. — М.: Смысл, 2002. — 479 с.
6. Gielen, U.P. Principles of Multicultural Counseling and Therapy (1st ed.). / Gielen U.P., Draguns J.G., Fish J.M. – Routledge. 2008. – 488 p. <https://doi.org/10.4324/9780203893302>
7. Ivey, A. E. Counseling and psychotherapy: A multicultural perspective / A. E. Ivey. – Needham Heights, Mass.: Allyn & Bacon, 1997. –212 p.
8. Lee, C. C. Multicult issues in counseling / C.C. Lee, B.L. Richardsjon. –Alexandria, VA: AACD, 1991. – 230 p.
9. Locke, D. C. Increasing multicultural understanding: A comprehensive model / D. C. Locke – L.: Sage Publications, 1998. – 254 p.
10. Lewis-Fernanda, R. Cultural psychiatry: Theoretical, clinical and research issues / R.Lewis-Fernanda, A. Kleiman // The Psychiatric Clinics of North America. – 1995. – Vol. 18. – p. 433–448.
11. Pedersen, P. Multiculturalism as a generic approach to counseling // J. of Counseling and Development. – 1991. – V.70. – №1. – p.6–12.

УДК 159.99

**СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ВЫБОР «БЕЗДЕТНОСТИ» КАК СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА СОХРАНЕНИЯ РОССИЙСКИХ
ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ**

Деулин Дмитрий Владимирович

кандидат психологических наук, доцент,

*декан факультета «Экстремальная
психология»*

*Московский государственный психолого-
педагогический университет*

г. Москва

Аннотация. Демографическая ситуация в России вызывает озабоченность. Молодые семьи отказываются от семьи в традиционном смысле слова, предпочитая ее суррогаты. В работе рассматривается индивидуально-психологический профиль лиц, склонных к сознательной бездетности (отказу от рождения ребенка) как проблема разрушения системы традиционных ценностей. Автор анализирует отечественные и зарубежные исследования, связанные с проблемой «сознательной бездетности». На основе предыдущих эмпирических исследований, автор делает вывод о распространении тенденции к «сознательной бездетности». Основными индивидуально-психологическими особенностями личности, склонной к «сознательной бездетности», автор считает следующие: цинизм, эгоизм и гедонизм. Современное общество либерального «инклюзивного капитализма» препятствует формированию таких качеств-протекторов как чувство ответственности и высокой «жертвенности», интолерантность к удовольствиям, аскетизм, трудолюбие и др.

Ключевые слова: сознательная бездетность, духовно-нравственные ценности, феномен «чайлдфри», гедонизм, эгоизм, демография.

**THE DELIBERATE CHOICE OF "CHILDLESSNESS" AS A SOCIO-
PSYCHOLOGICAL THREAT TO THE PRESERVATION OF RUSSIAN
TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES**

Deulin Dmitry Vladimirovich

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,

Dean of the Department of Extreme Psychology

Moscow State University of Psychology and Education

Moscow

Abstract. The demographic situation in Russia is of concern. Young families reject family in the traditional sense of the word, preferring its surrogates. The paper considers the individual psychological profile of individuals prone to conscious childlessness (refusal to give birth to a child) as a problem of the destruction of the system of traditional values. The author analyzes domestic and foreign studies related to the problem of «conscious childlessness». Based on previous empirical studies, the author concludes that the trend towards «conscious childlessness» is spreading. The author considers the following to be the main individual psychological characteristics of a personality prone to «conscious childlessness»: cynicism, selfishness and hedonism. The modern society of liberal «inclusive capitalism» hinders the formation of such protective qualities as a sense of responsibility and high "sacrifice", intolerance to pleasure, asceticism, hard work, etc.

Keywords: conscious childlessness, spiritual and moral values, the childfree phenomenon, hedonism, selfishness, demography.

Постановка проблемы. Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей является приоритетом для обеспечения национальной безопасности и суверенитета России. Вместе с тем, одной из угроз разрушения традиционного каркаса «русской духовности» является сознательный отказ от продолжения рода, сокращения численности населения и уничтожения государственности. Проблема «бездетных» граждан приобретает особую актуальность, особенно на фоне демографического спада. В текущем году установлена административная ответственность за пропаганду субкультуры «чайлдфри». Таким образом, запрещается распространение информации, которая направлена на формирование привлекательности отказа от деторождения, либо искаженного представления о социальной равноценности рождения детей и отказа от деторождения, либо навязывание информации об отказе от деторождения, вызывающей к этому интерес [1]. Законодательная мера является вполне обоснованной, поскольку защищает права тех граждан, которые являются родителями, либо собираются ими стать от негативного информационного воздействия и манипулирования. Основываясь на многочисленных подходах, можно сказать, что «сознательно бездетные» — это категория граждан, которые, не имея никаких ограничений и медицинских противопоказаний в плане своей фертильности или наличия хронических заболеваний, делают осознанный выбор в пользу отказа от деторождения [7]. Огромный отпечаток формирование субкультуры накладывает трансформация представлений о семье и семейных ценностях благодаря эмансипации, изменению гендерных ролей и другим факторам. Как отмечается в некоторых исследованиях, артикуляция индивидуализма, преобладание личных

интересов над общественными, ценностно-рациональный выбор приводят к формированию установки на бездетное существование [5]. Конечно, выбор «бездетности» определяется многочисленными факторами. Как отмечает Т.В. Снигерева, такая модель семьи может быть результатом ее самодетерминации в ходе спонтанной адаптации к определенным жизненным условиям [7].

Граждане, которые не могут иметь детей по медицинским основаниям или оказались в трудной жизненной ситуации, в которой рождение ребенка становится дополнительным обременением, никакого отношения к «сознательно бездетным» не имеют. До принятия соответствующих поправок в административное законодательство «свобода» отказа от деторождения не являлась полностью автономной. Было понимание того, что существовала проблема внушения определенной модели репродуктивного поведения, создание установки для молодых людей, подталкивающих их к отказу от деторождения.

Цель статьи – определить факторы сознательного выбора «бездетности» как социально-психологической угрозе сохранения российских традиционных духовно-нравственных ценностей.

Изложение основного материала исследования. Вопрос «сознательно-внушенной бездетности» является острым, дебаты по которому развернулись в последние годы в Рунете. В научных публикациях упоминается, что еще в первой половине XX века «объединённый запад» осуществлял попытки пересмотра репродуктивной функции семьи и человека. И эти попытки увенчались успехом, поскольку в большинстве своем пропагандировалась траектория индивидуального выбора каждого гражданина. Сегодня можно говорить о стратегии мягкого внушения «сознательной бездетности». И это является инструментом психологического контроля рождаемости. Многие публицисты и историки, связывают тренд на бездетность с докладом Римского клуба «Пределы роста», где фактически закладывалась установка на депопуляцию населения.

Если обобщить результаты предыдущих исследований, то мы вынуждены говорить еще и про определенную индивидуально-психологическую предрасположенность к «сознательной» или «внушенной» бездетности [2]. Как правило, сознательный отказ от рождения ребенка предопределяется следующими психо-поведенческими маркерами: отсутствие уверенности в размере своего дохода; психологическая травматизация в раннем детстве (жестокое обращение родителей, социального окружения, делегирование обязанностей по уходу за младшими братьями и сестрами); рационализация (вариация психологической защиты, направленная на логическое объяснение «бездетности»); эгоизм и гедонизм (повышенные требования к личному комфорту); приоритет других ценностей

(например, трудоголизм); чувство неприязни или ненависти к детям (феномен «чайлдхейт»); наличие страха перед физическими аспектами воспроизводства детей; нарушения морально-нравственной сферы личности; страх перед изнашиванием и старением организма (политика трансгуманизма) и др. Особое внимание все-таки заслуживает проблема культивирования в обществе эгоизма и гедонизма. Именно эти психические образования в структуре личности, по мнению некоторых исследователей, с большой долей вероятности могут оказывать влияние на принятие решения о создании семьи и появлении детей [9]. От молодых людей, создающих новую семью, можно часто услышать – «пока поживем для себя». Это бессознательное проговаривание проблемы. Американский психолог Э. Фромм в своей книге «Искусство любить» высказывал опасения относительно людей, страдающих эгоизмом. С его точки зрения, такой человек интересуется только собой, желает всего только для себя, чувствует удовлетворение не тогда, когда отдает, а когда берет. Автор констатирует, что *«...На внешний мир он смотрит только с точки зрения того, что он может получить от него; у этого человека отсутствует интерес к потребностям других людей и уважение к их достоинству и целостности»* [8, с. 154]. Но, пожалуй, самое основное - такой человек в принципе не способен любить. Дословно, свою мысль Э. Фромм выражает так: *«Он не может видеть ничего, кроме самого себя; все и вся он оценивает с позиции полезности ему; он в принципе не способен любить. Эгоистичный человек любит себя не слишком сильно, а слишком слабо, а на самом же деле он ненавидит себя»* [8, с. 156]. А дети как раз испытывают потребность в любви. Эгоистичный человек парадоксальным образом воспринимается в концепции психоанализа, поскольку З. Фрейд придерживается мнения, что такой индивидуум влюблен в себя, он страдает нарциссизмом, по причине отказа другим в своей любви и направления ее на свою собственную личность. И здесь тоже мы упираемся в проблему того, что такие люди не имеют возможности не только любить других, но они не способны любить даже самих себя.

Другой проблемой, которая, с моей точки зрения затормаживает «родительские инстинкты», является выраженная шкала «гедонизма». Человек проживает свою жизнь в бесконечных удовольствиях. А потенциальный ребенок становится преградой на пути в мир соблазнов. Знаменитый американский философ Г. Маркузе в своей работе «Одномерный человек» критикует западное общество за искусственное и агрессивное создание развращающих людей потребностей, представление о тождественности технологического и духовного развития общества. Автор высказывает мнение, что именно социально-экономическая ситуация культивирует одержимость потребления и полагает, что ценности западного общества возвращают одномерных людей на основе суммы

ложных потребностей: расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами [6].

Из-за этого всего, в человеке воспитывается презрение к труду, к испытаниям и созиданию. А появление ребенка всегда связано с прохождением таких испытаний и иногда даже очень сложных. «Воспитание» инфантильного взрослого в такой парадигме ценностей, где он фактически сам является ребенком, не позволяет формировать чувства гражданского долга, ответственности, эмпатии и многих других качеств, необходимых для создания семьи и продолжения рода.

Выводы. Таким образом, к сожалению, цинизм, эгоизм и слабость перед удовольствиями являются характерными индивидуально-психологическими маркерами «сознательно бездетных». По всей видимости, происходит формирование определенного симптомокомплекса - ограничительного психологического механизма на пути к созданию семьи и рождению детей. Поскольку, как известно, психологическая готовность к рождению ребенка может быть связана с чувством ответственности и высокой «жертвенности», отказом от удовольствий, вынужденным объективным аскетизмом, наличием навыков решения бытовых проблем и способностью справляться с чрезмерными моральными и физическими нагрузками, то «гедонизм» и «эгоизм» блокируют эту социально-психологическую траекторию, делают невозможным реализацию родительской функции.

Литература:

1. Федеральный закон от 23.11.2024 № 401-ФЗ №О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Консультант Плюс [Электронный ресурс] <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87133.html>
2. Деулин, Д. В., Пеньков, А. М. Психологические аспекты отказа от деторождения в современном обществе / Д.В. Деулин, А.М.Пеньков // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – №7(5). – С.20-34. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-20-34>
3. Деулин, Д. В. Психологические и правовые аспекты пропаганды идеологии чайлдфри как экстремистской деятельности / Д. В. Деулин // Психология и право в современной России. Коченовские чтения, Москва, 06–08 ноября 2024 года. – Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2024. – С. 236-237. – EDN PBNLKZ.
4. Гараева, Э. И. Добровольная бездетность в современной России: отношение со стороны общества / Э. И. Гараева, Н. Б. Костина // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе : сборник статей

Х Уральского демографического форума. В 2-х томах, Екатеринбург, 10–11 июня 2019 года / Институт экономики Уральского отделения Российской Академии Наук; ответственный редактор О. А. Козлова. Том I. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2019. – С. 93-98. – EDN NZBLAL.

5. Ломакин, И.В. Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований неродительства в России / И.В.Ломакин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 394-436. <https://doi.org/10.14515>

6. Маркузе, Г. Одномерный человек / Герберт Маркузе ; [Пер. с англ. А. А. Юдина]. — Москва : АСТ, Ермак, 2003. — 331 с.

7. Снегирева, Т. В. «Добровольно бездетная» семья глазами семейного психолога / Т. В. Снегирева // Культурно-историческая психология. – 2010. – № 3. – С. 99-109. – EDN MUNIGP.

8. Фромм Э. Искусство любить / Фромм Эрих; Пер. с англ. Л. В. Трубицыной и др.; Сост., вступ. ст. Д. А. Леонтьева; Оформ. В. Гореликов. — 2-е изд. — СПб.: Азбука-классика, 2007. — 224 с.

9. Халфина, Р. Р. Психосоциальные причины развития чайлдфри в России / Р. Р. Халфина, Т. В. Тимченко, Е. В. Сафронова // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60-4. – С. 475-478. – EDN YAUMSL.

УДК 159.9

**СУЩНОСТНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ МЕТОДИКИ В ФОРМАХ ОРГАНИЗАЦИИ
ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ПО ФОРМИРОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: «ПОЭТИЧЕСКИЙ АТЛАС РОССИИ И
МИРА», «ПЯТЬ УРОКОВ ПАТРИОТИЗМА»**

Дубинина Наталья Николаевна

кандидат педагогических наук,

профессор РАЕ, старший преподаватель кафедры психология

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

Филиал в г.Севастополе

г.Севастополь

Ежов Владимир Владимирович

кандидат физико-математических наук,

и.о.заведующий кафедрой прикладной математики

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

Филиал в г.Севастополе

г.Севастополь

Аннотация. В статье актуализируется проблема формирования у подрастающих поколений самосознания носителей российской культуры, традиционных ценностей объективно обусловлена обострением международных противоречий, новыми вызовами нашего времени и приоритетами государственной политики России, ориентированной на обеспечение национальной безопасности, суверенитета, воспроизводства национальной культуры. Обращение к новым подходам, фундаментальным категориям социо-гуманитарных наук, уровням организации воспитания требуют разработки новых источников и способов построения содержания воспитания, психологических механизмов усвоения социокультурного опыта, важнейшими среди которых является идентификация себя с носителями определенных ценностных ориентаций, интериоризация образцов гражданского поведения, привлечение к воспитанию многообразие социальных структур, придав воспитательной системе форму открытого воспитательного пространства.

Ключевые слова: методика, патриотизм, культура, концепция, поколение.

**ESSENTIAL MANIFESTATIONS OF THE METHOD IN THE FORMS OF
ORGANIZING THE EDUCATIONAL PROCESS AND EDUCATIONAL ACTIVITIES
IN HIGHER EDUCATION FOR THE FORMATION OF RUSSIAN CIVILIZATIONAL**

IDENTITY: «POETIC ATLAS OF RUSSIA AND THE WORLD», «FIVE LESSONS OF PATRIOTISM»

Dubinina Natalya Nikolaevna

Candidate of Pedagogical Sciences,

Professor of the Russian Academy of Education,

Senior Lecturer of the Department of Psychology

Lomonosov Moscow State University, Branch in Sevastopol

Sevastopol

Yezhov Vladimir Vladimirovich

Candidate of Physical and Mathematical Sciences,

Acting Head of the Department of Applied Mathematics

Lomonosov Moscow State University, Branch in Sevastopol

Sevastopol

Abstract. This article addresses the challenge of developing a self-awareness among younger generations as bearers of Russian culture and traditional values. This challenge is objectively driven by the aggravation of international contradictions, new challenges of our time, and the priorities of Russia's state policy, which is focused on ensuring national security, sovereignty, and the reproduction of national culture. Appealing to new approaches, fundamental categories of the social and human sciences, and levels of educational organization require the development of new sources and methods for constructing educational content and psychological mechanisms for assimilating sociocultural experience. The most important of these are identifying with bearers of certain value orientations, internalizing models of civic behavior, and engaging a diversity of social structures in education, transforming the educational system into an open educational space.

Keywords: methodology, patriotism, culture, concept, generation.

Постановка проблемы. Актуализация проблемы формирования у подрастающих поколений самосознания носителей российской культуры, традиционных ценностей объективно обусловлена обострением международных противоречий, новыми вызовами нашего времени и приоритетами государственной политики России, ориентированной на обеспечение национальной безопасности, суверенитета, воспроизводства национальной культуры.

Цель статьи – рассмотрение сущностные проявления методики в формах организации воспитательного процесса и воспитательной деятельности в высшей школе

по формированию российской цивилизационной идентичности: «поэтический атлас России и мира», «Пять уроков патриотизма».

Изложение основного материала исследования. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации в 2023 году, Россия охарактеризована как самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая «русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [4]; отмечается ценность суверенной российской государственности, основанной на внешне- и внутривнутриполитическом, идеологическом, научном, технологическом, экономическом, образовательном и интеллектуальном суверенитете.

Открывая проекты патриотического воспитания в российском городе-герое Севастополь в 2015 году, мы ставили цели формирования у студенческой молодежи российской цивилизационной идентичности как деятельной способности человека и включенности граждан Российской Федерации в культурно-исторические и духовные традиции народов нашей страны, в историю и культуру российской государственности и российского общества; их развитие; осознание связи с прошлым и будущим российской цивилизации; стремление и готовность к служению стране и ее народу. Сегодня это понятие находит множество интерпретаций, в которых комплексно отражено развитие всех сфер личности. Как отмечают в своей монографии протоиерей Геннадий Заридзе, В. М. Меньшиков и С. В. Перевезенцев «Российская цивилизационная идентичность – это особый мировоззренческий комплекс, особое и одновременно непосредственно переживаемое эмоциональное состояние человека» [6].

Научно-методический центр патриотического воспитания и молодежной политики, созданный в городе-герое Севастополь на базе Филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в 2015 году под руководством автора статьи, на протяжении 8 лет осуществлял ряд масштабных проектов в области патриотического воспитания обучающихся, включая проект «Образ и содержание российской цивилизационной идентичности: региональная модель цифровой культурной и воспитательной среды» и разработку научно-методического комплекса «Пять уроков патриотизма» и его последующую реализацию в системе высшего образования во взаимодействии с общеобразовательными организациями в целом спектре мероприятий, включая цифровую среду. В реализации проектов были задействованы педагоги и обучающиеся высшей школы и образовательных организаций общего образования, гг. Севастополя и Москвы, представители институтов образования и культуры Крыма, информационные платформы образовательных организаций высшего образования, интерактивные технологии. Результаты реализации

данных проектов довольно широко представлены в сети интернет, включая лекции автора статьи. Поэтому мы не будем останавливаться на пересказе их содержания, а остановимся на тех ключевых моментах из опыта их реализации и концептуализации, которые представляются нам наиболее значимыми сегодня для развития системы воспитания в высшей школе, проектирования новых моделей формирования у подрастающих поколений российской идентичности, традиционных российских ценностей, образа Родины, самосознания носителей российской культуры.

Созданная нами на базе Филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в городе Севастополь многоуровневая модель патриотического воспитания обучающихся в системе высшего образования была ориентирована на формирование у них российской цивилизационной идентичности, создание условий для их личностного становления как представителей этноса, гражданского общества, российской культуры, государства-цивилизации.

Патриотизм мы рассматривали как системное качество личности, представляющее собой совокупность социально-психологических чувств, идеологии, морально-нравственных установок, духовных ценностей, этнической идентичности, деятельностного служения Родине, Отечеству, а патриотическое воспитание – как ценностно-ориентационный процесс, направленный на поиск эффективных организационных форм и технологий пробуждения патриотических чувств молодежи и их закрепление и развитие в разнообразных видах деятельности на пользу обществу и самому себе, что отражено в ряде наших работ ([3] и др.). Мы убеждены в том, что для обеспечения нерушимого авторитета государства необходимо в каждом гражданине страны с малых лет воспитывать чувство любви к Родине и развивать представление о ценности своей страны, ценности российского государства-цивилизации. Важно подчеркнуть, что патриотизм является одной из базовых традиционных духовно-нравственных ценностей российской культуры, и потому мы рассматриваем патриотизм как основополагающий компонент российской цивилизационной идентичности.

Сформулированный Н. А. Бердяевым «метод переживания» при «вхождении в глубину истории», мы рассматривали как одно из направлений процесса формирования российской цивилизационной идентичности, как пути установления тождества между жизненным миром личности и всеми реальными основами, что составляют мир его Родины. На этом пути изучения воспитания мы пришли к эмпирическому обобщению, выделив два подраздела: мир личности и мир Родины. Нашу задачу мы определили в данном контексте так: объяснить, каким образом происходит взаимодействие между миром личности и миром Родины, как происходит восприятие пространства дома, страны,

мира, формируется российская цивилизационная идентичность, какие условия необходимы для воспитания стремления и готовности к служению Отечеству?

Опираясь на встречный ток гуманитарных и естественнонаучных идей, мы выделили фундаментальные основы российской цивилизационной идентичности в пространственном и временном масштабе. Каждая из них напрямую связана с личностью и средой, ее формирующей, и являет собой зримое неопровержимое свидетельство самобытности национального миропонимания.

1. Менталитет проявляется в ряде его масштабных характеристик: духовность, народность, державность. Все три обобщающих понятия связаны с тремя категориями – личность, общество и государство. Задача воспитания: помочь найти способ постижения, сохранения и преобразования качеств менталитета в каждом, кто именует себя русским, россиянином.

2. Язык – единственная и естественная материальная оболочка нашей этнической ментальности. Язык – идентификатор личности в современном мире. Уникальный речевой «паспорт» – показатель достигнутого личностью духовно-интеллектуального уровня. Самопознание себя и своей страны-цивилизации в зеркале речи – тоже задача образования.

3. Историческая география ландшафтов играет важную роль в происхождении этносов – основной единицы биосферы, подлежащей человеческому управлению; это единство памяти этносов и памяти ландшафтов [7]. Задача образования – донести их смысл и пути внедрения в жизненный мир личности растущего человека с целью сохранения биологического разнообразия, красоты природы и спасения мира.

4. Историческая память, представляющая собой сложный феномен общественного сознания – передаваемые из поколения в поколения представления социума об историческом прошлом. Сегодня школа, вуз не просто передают знания, а формируют определенную личностную позицию.

5. Образ будущего страны-цивилизации как устремленность в счастливое будущее, вера в Истину и Слово Божие, «познавательное усилие духа в ответ на призыв Бога» [8] как идеал и мечта, запрос на радость бытия, созидание будущего. Современные дети и молодежь как субъекты социального движения творят свой социальный мир (национальный, культурный, цивилизационный) и себя в нем, т.е. являются его созидателями. Образ России, страны, Родины – ядро аксиосферы культуры. Именно наличие этого ядра и образа и есть основание самоопределения личности [1].

Разработанный нами совместно с учеными и педагогами-практиками города-героя Севастополь научно-методический комплекс «Пять уроков патриотизма» реализовывался

в образовательных организациях, учреждениях культуры, военных учебных заведениях. Пять уроков патриотизма включали в себя: цивилизационный, технологический, исторический, духовно-ментальный, урок будущности. В их реализации учитывался опыт изучения природно-климатических и социально-психологических особенностей России, моделей и факторов влияния на выбор пути развития России средствами математического моделирования, которыми занимается Центр долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования МГУ им. М. В. Ломоносова [5]. Цивилизационный и духовно-практический опыт России становится актуальным, что позволяет сегодня раскрыть потенциал использования отечественного и регионального историко-педагогического опыта в организации воспитательного процесса в образовательных организациях с акцентом на государственную идеологию (В. Э. Багдасарян), механизмы самоорганизации и мобилизационных меры по обретению реальной субъектности (С. Ю. Малков), мирное разрешение международных конфликтов и противодействие информационным диверсиям (А. В. Манойло), сохранение российской модели ценностей и создание основ новой образовательной политики (О. В. Гукаленко), а также обосновать цивилизационную направленность регионального компонента федеральной программы воспитания и обогатить содержание дополнительных профессиональных программ на принципах духовного и мировоззренческого суверенитета (И. Н. Панарин, В. П. Борисенков), в основе которых – культура, традиции, ценности (В. В. Путин. Валдайский форум, 2022) [2].

В этом аспекте наметившееся в последние годы сближение НОШ МГУ им М. В. Ломоносова с Крымской митрополией РПЦ, Школой молодых гуманитариев, Департаментом образования и науки города Севастополя открывает возможности для расширения содержания воспитательной деятельности, благодаря приобщению к ценностям и духовному наследию православной культуры. В рамках соглашения, заключённого между Ассоциацией научных школ и исследователей патриотического и гражданского воспитания и Роспатриотцентром был проведен Всероссийский семинар наставников в сфере патриотического воспитания на базе Нового Херсонеса в Севастополе в мае 2025 года. Площадка семинара собрала более 900 наставников со всех регионов России. Была апробирована методика «Пять уроков патриотизма», в ходе которой были представлены и совместно спроектированы «уроки» – направления работы, которые помогут педагогам понять их великую и почетную миссию – «вдохнуть» в каждое сердце образ Родины; вооружить «тайнами» ремесла на основе традиции, опыта, практики.

Проведена презентация юбилейного проекта МГУ им. М. В. Ломоносова «Поэтический атлас России и мира» (сборник о городах России, СНГ, мира с приложениями в различных форматах): печатный материал, видео, аудио и цифровые изображения стал ярким «прообразом» настоящего пособия по знакомству со всеми регионами России. Планируется создание постоянно действующей Мастерской Наставничества в сфере духовного просвещения в Севастополе, где наследие Церкви, Армии, Науки, Культуры будет дан «зеленый свет» в разработке прорывных технологий будущего: переживание слова как дара и энергии Ипостасного Слова Отца; «невидимое вечно, видимое временно»: учить молодежь видеть невидимое; воспитание готовности к защите Родины, «положить жизнь за други своя»; умение «примечать следы Провидения Божиего в природе, культуре, судьбе человека, истории цивилизаций»; нет жизни без единства: учить противодействию силам, что рассекают личность, семью, народы, государства. Рассекать – значит убивать» [8].

Цель Мастерской – формирование структуры сознания, смысловых установок, ценностей и норм наставников, лидеров общественных и творческих объединений. Освоение технологий духовного производства – воспитательного искусства, высочайшего из всех видов деятельности (К. Д. Ушинский) будет проходить в формате панельной дискуссии, интерактивных лекций и тренингов для наставников из приграничных регионов и новых территорий, работающих с детьми и молодежью. Итогом работы Мастерской станет выдача сертификатов повышения квалификации; методическая помощь в разработке Дорожной карты опорным площадкам; запуск музыкально-поэтического конкурса «Вдоль по атласу России, вдоль по атласу Земли», создание видеофильмов.

Таким образом, в своей работе мы рассматриваем российскую цивилизационную идентичность как фундаментальную категорию педагогической антропологии и философии образования. Как категория – универсальная априорная форма рассудочного мышления и бытия, она обладает: объективностью, универсальностью, надиндивидуальностью.

Созданная нами модель воспитания позволяет раскрыть образ будущего России как стратегическую сверхзадачу: «органичное развитие общества, обладающего передовой научно-технологической и материально-технической базой на основе отечественных духовно-нравственных и культурно-исторических традиций» [6]. Содержание воспитания определяется ценностно-смысловым контекстом российской цивилизационной идентичности. Категории-ценности – смысложизненные ориентиры, значимые сами по себе и воспринимаемые на веру, наличие/отсутствие иррационального духовного

компонента в ядре национального самосознания: Бог, Отечество, Совесть, Победа, Служение, Соборность, Святая Троица, Язык, Дом, Природа, Человек, Семья, Патриотизм, Труд, Любовь, Добро, Счастье, Истина, Мир, Знание, Культура, Здоровье, Природа, Красота. Это и есть духовно-нравственные ориентиры человека, определяющие ценностные стереотипы в поведении единого этнического сообщества России.

Анализ практики формирования российской цивилизационной идентичности с учетом региональных особенностей осуществляется нами сегодня на базе региональных опорных площадок, деятельности профессионально-педагогических сообществ классных руководителей и наставников по воспитанию общеобразовательных организаций Республики Крым и города-героя Севастополя, г. Краснодар, г. Калуги, Алтайского края, Волгоградской области, Республики Карелия с позиции следующих подходов:

- сравнительно-исторический подход, что по мысли М. В. Ломоносова выявляет взаимосвязи ландшафтов, почв, обычаев, исторических судеб, культурного наследия народов, населяющих Россию. Этот подход актуализирует понимание страны-цивилизации и сопричастность к общему для них смыслу.

- аксиологический подход в отечественном образовании продолжает оставаться столь же традиционными, как и в XI–XVII вв., в частности, понятия «воспитание», «правда» и «справедливость», «служение благу Отечества» и «культурный опыт поколений», в XVIII–XXI в. продолжают сохранять свое значение как важнейшие ценностные духовно-политические и историко-просветительские категории;

- деятельностный и проектный подходы погружают участников воспитательного процесса, связывающих себя и свое будущее со своей малой Родиной, регионом и Россией – страной-цивилизацией, в социально-значимую деятельность, направленную на формирование российской цивилизационной идентичности, реализуемое в воспитательном пространстве, создаваемое полисубъектной системой социальных связей и отношений, направленных на организацию основных компонентов цивилизационно-антропологической практики: целевого, ценностного, компетентностного, структурного, управленческого;

- философско-антропологический подход уделяет внимание положению личности учителя как стержневому фактору его профессиональной позиции, формирует новый тип мышления – личностно-ориентированный, гуманистический диалоговый; отношение к ученику как субъекту образования выделяет у учителя умения межсубъектного взаимодействия с учеником в поликультурной среде и владение технологиями духовного просвещения;

– цивилизационный подход в социально-педагогических науках еще в XIX веке имел особую значимость. Родоначальником этого подхода был Н. Я. Данилевский. Цивилизационный подход учитывает не только развитие производства и классовых отношений, но и духовно-культурные факторы, особое внимание уделяя соотношению между факторами развития исторических личностей, масштабных, думающих о Родине и уровне развития общества, государства, цивилизации, в целом.

Выводы. Обращение к новым подходам, фундаментальным категориям социо-гуманитарных наук, уровням организации воспитания требуют разработки новых источников и способов построения содержания воспитания, психологических механизмов усвоения социокультурного опыта, важнейшими среди которых является идентификация себя с носителями определенных ценностных ориентаций, интериоризация образцов гражданского поведения, привлечение к воспитанию многообразие социальных структур, придав воспитательной системе форму открытого воспитательного пространства.

Литература:

1. Борисенков, В. П. Педагогическое образование в классическом университете: мысли Н.Х. Розова / В. П. Борисенков // Качество педагогического образования: состояние и проблемы : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 21 февраля 2023 года. – Москва : ООО "МАКС Пресс", 2023. – С. 10-17. – EDN RJFDIY.
2. Бугайчук, Т. В. Гражданская идентичность молодого поколения россиян: специфика и закономерности становления / Т. В. Бугайчук // Социально-политические исследования. – 2022. – № 1(14). – С. 70-80. – DOI 10.20323/2658-428X-2022-1-14-70-80. – EDN URISLW.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н.Я.Данилевский. – М. : Известия, 2003. – 606 с.
4. Леонов, В. А. Основы православной антропологии : учебник. – 3-е изд., испр. и доп. / В.А. Леонов. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2023. – 544 с.
5. Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века : материалы Всерос. научно-общест. конф. (Великий Новгород, 19 сентября 2012 г.) / Центр нац. славы [и др.]. – М. : Научный эксперт, 2013. – 991 с.
6. Русская школа в XXI веке. Кн. 2. Мировоззренческие основания современного российского образования : коллективная монография / Под ред. протоиерея Геннадия Заридзе, В. М. Меньшикова, С. В. Перевезенцева. – М.; Курск : Квадрига, 2022. – 776 с.

7. Тюрюканов, А. Н. Н. В. Тимофеев-Ресовский: биосферные раздумья / А.Н.Тюрюканов, В.М.Федоров; Акад. естеств. наук Рос. Федерации, Ассоц. «Космонавтика-Человечеству». — М. : Б.и., 1996. — 368 с. — ISBN 5-86917-011-7.

8. Дроздов, В. М. (Филарет) Избранные труды. Письма. Воспоминания. — М. : Православ. Свято-Троиц. богосл. ин-т, 2003. — 985 с.

УДК 159.923

РОЛЬ ВНУТРЕННИХ РЕСУРСОВ ЛИЧНОСТИ В РАЗВИТИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ИЗ ЧИСЛА ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Ермолаева Анна Валериевна

*Федеральный координационный центр по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»*

г. Москва

Аннотация. В статье рассматривается проблема психолого-педагогического сопровождения обучающихся из числа вынужденных переселенцев, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (ТЖС) в результате внутренней миграции. Анализируется роль внутренних личностных ресурсов как ключевого фактора формирования межкультурной компетентности и успешной адаптации в новой поликультурной образовательной среде. Теоретической основой исследования выступает концепция совладающего поведения (копинга), а практической – программа «Я в мире и мир во мне», направленная на целенаправленное развитие этих ресурсов. На основе данных эмпирического исследования доказывается эффективность ресурсного подхода в повышении адаптационного потенциала учащихся и гармонизации межкультурных отношений в школьной среде. Особое внимание уделяется трансформации копинг-стратегий от избегающего поведения к конструктивному межкультурному взаимодействию.

Ключевые слова: внутренние ресурсы личности, межкультурная компетентность, вынужденные переселенцы, трудная жизненная ситуация, копинг-стратегии, психолого-педагогическое сопровождение.

THE ROLE OF INTERNAL PERSONAL RESOURCES IN THE DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMPETENCE OF STUDENTS FROM THE NUMBER OF FORCED RESIDENTS

Ermolaeva Anna Valerievna

*Federal Coordination Center for the Development of Psychological and Pedagogical Assistance in the Education System of the Russian Federation
Moscow State University of Psychology and Education
Moscow*

Abstract. The article discusses the problem of psychological and pedagogical support for students from among internally displaced persons who find themselves in a difficult life situation as a result of internal migration. The article analyzes the role of internal personal resources as a key factor in the formation of intercultural competence and successful adaptation in a new multicultural educational environment. The theoretical basis of the research is the concept of coping behavior (coping), and the practical one is the program "I am in the world and the world is in me", aimed at the purposeful development of these resources. Based on the data of the empirical study, the effectiveness of the resource approach in increasing the adaptive potential of students and harmonizing intercultural relations in the school environment is proved. Special attention is paid to the transformation of coping strategies from avoiding behavior to constructive intercultural interaction.

Keywords: internal personal resources, intercultural competence, forced migrants, difficult life situations, coping strategies, and psychological and pedagogical support.

Постановка проблемы. Современная образовательная система Российской Федерации столкнулась с новым вызовом – необходимостью интеграции значительного числа обучающихся из числа вынужденных переселенцев из Донецкой и Луганской Народных Республик, а также территории Украины. Процесс вынужденного переселения является глубокой травмой для детской психики, создающей трудную жизненную ситуацию, которая объективно нарушает привычный уклад жизни, социальные связи и требует серьезной внутренней трансформации для адаптации в новых условиях. Вхождение в новую образовательную среду, даже при схожести языка и культурных кодов, сопряжено с высоким уровнем стресса, порождая риски эмоциональных и поведенческих расстройств, трудностей в межличностном общении и снижения учебной мотивации.

В этом контексте особую актуальность приобретает задача развития межкультурной компетентности как у детей-переселенцев, так и у принимающей стороны. Однако эффективное межкультурное взаимодействие невозможно без опоры на внутренний потенциал самой личности. Таким образом, научно-практический интерес представляет исследование роли внутренних ресурсов личности в преодолении последствий ТЖС и становлении успешной межкультурной коммуникации.

Сохраняется тенденция к увеличению числа детей, оказавшихся в ТЖС ввиду вынужденной миграции, что делает востребованным поиск эффективных инструментов их психолого-педагогического сопровождения. Как показывают исследования Г.У.Солдатовой, О.Е. Хухлаева и пр. [1], дети-переселенцы демонстрируют широкий

спектр психологических проблем: эмоциональная неустойчивость, агрессивность, повышенная тревожность, конфликтность, трудности в установлении контактов со сверстниками. Эти проблемы не только снижают качество жизни самого ребенка, но и угрожают психологическому благополучию всего учебного коллектива, создавая барьеры для конструктивной межкультурной коммуникации.

Цель статьи. Теоретически обосновать и эмпирически доказать роль внутренних ресурсов личности как ключевого фактора в развитии межкультурной компетентности и успешной психолого-педагогической адаптации обучающихся из числа вынужденных переселенцев, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

В рамках программы «Я в мире и мир во мне» межкультурная компетентность рассматривается не как набор внешних навыков, а как комплексное личностное образование, формируемое на основе актуализации и развития внутренних ресурсов. Теоретико-методологический анализ, проведенный разработчиками программы, позволил выделить ключевые ресурсы, наиболее значимые для успешной межкультурной коммуникации в условиях трудной жизненной ситуации (ТЖС). К ним относятся:

1.Способность к саморегуляции. В контексте переселенцев – это базовая способность управлять своими эмоциями, поведением и познавательными процессами в стрессовой ситуации. Низкий уровень саморегуляции, как показал констатирующий этап исследования (данные методик ССПД-М1 и ССПД-М2), характерен для многих обучающихся из числа переселенцев, что проявляется в трудностях планирования, моделирования условий достижения целей и гибкости поведения. Развитие этого ресурса позволяет ребенку сохранять внутреннее равновесие, снижать тревожность и адекватно реагировать на незнакомые и потенциально угрожающие ситуации межкультурного взаимодействия.

2.Конструктивные копинг-стратегии. Копинг-стратегии понимаются как осознанные поведенческие, когнитивные и эмоциональные усилия по преодолению стресса. Исследование, использующее опросник копинг-стратегий для младших школьников (авт. И.М. Никольская, Р.М. Грановская) и «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана для подростков, выявило первоначальное доминирование у многих испытуемых неконструктивных стратегий, таких как избегание, агрессивное или аффективное реагирование, отрицание проблем.

3.Толерантность и этнокультурная идентичность. Как отмечает В.Ю. Хотинец, «обращение к традициям и культуре своего народа может служить мощным идентификационным ресурсом, дающим опору и личностную устойчивость в новой среде» [3, с. 233]. В то же время О. Б. Большакова [2] отмечает, что развитие

толерантности и принятия иных точек зрения позволяет преодолеть этноцентризм и установить диалог с представителями другой культуры. Система ценностей и просоциальное поведение. Установление морального единения, общности оценочных суждений и норм является залогом «здоровых» отношений в поликультурной учебной группе. Развитие внутренней системы гуманистических ценностей и просоциального поведения (направленности на помощь и сотрудничество) способствует бесконфликтному взаимодействию, эмпатии и совместному созиданию.

4. Коммуникативность. Данный ресурс подразумевает не только речевые навыки, но и способность к эмпатии, пониманию вербальных и невербальных сигналов, установлению доверительных отношений. Его развитие напрямую влияет на снижение тревожности в ситуации межкультурного диалога.

Изложение основного материала исследования. Экспериментальная программа психолого-педагогического сопровождения была реализована Федеральным координационным центром по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации в 2023-2024 учебном году в общеобразовательных организациях нескольких городов РФ (Скадовск, Ростов-на-Дону, Краснодар). Выборка включала обучающихся 1-11 классов, разделенных на экспериментальные (ЭГ) и контрольные (КГ) группы.

Программа, основанная на принципах системности, активности, личностного подхода и диалога культур, была нацелена на комплексное развитие вышеперечисленных ресурсов через систему тренинговых занятий, киноклубов, тематических классных часов. Логика программы выстраивалась поэтапно: от сплочения группы и принятия правил через развитие конкретных ресурсов (толерантность, саморегуляция, конструктивное поведение) к взаимопринятию систем ценностей и закреплению навыков. Эффективность программы оценивалась с помощью комплекса психодиагностических методик на констатирующем и контрольном этапах. Результаты контрольного этапа продемонстрировали статистически значимую положительную динамику по всем ключевым конструктам в экспериментальных группах при отсутствии таковой или менее выраженной динамики в контрольных группах.

Так, по опроснику ССТ Р. Гудмана в ЭГ было зафиксировано достоверное снижение количества учащихся с отклоняющимся уровнем по шкалам «Эмоциональные симптомы», «Проблемы со сверстниками» и «Проблемы с поведением», что свидетельствует о улучшении психоэмоционального состояния и социального взаимодействия. Методики диагностики саморегуляции (ССПД-М1, СППД-М2) показали значимый рост по компонентам «Планирование», «Гибкость», «Самостоятельность» и

«Общий уровень саморегуляции» у участников ЭГ, особенно в городах Ростов-на-Дону и Краснодар.

Наиболее показательными являются изменения в структуре копинг-стратегий. У младших школьников ЭГ значительно снизилась частота выбора неконструктивных стратегий (избегание, агрессия, отрицание) и возросла доля конструктивных (решение проблемы, общение, поиск социальной поддержки, смена деятельности). У старшеклассников ЭГ по методике Д. Амирхана была выявлена положительная динамика в использовании стратегии «Разрешение проблем» и снижение зависимости от стратегии «Избегание». Качественные данные педагогического наблюдения подтвердили эти результаты. Педагоги отмечали, что совместная работа по программе способствовала сплочению классов, расширению круга общения детей вне зависимости от их культурной принадлежности. Отношения стали более открытыми и доверительными, снизилось количество конфликтов. Обучающиеся-переселенцы стали увереннее чувствовать себя в коллективе, а дети принимающей стороны – проявлять больше эмпатии, терпения и интереса к их культуре и опыту.

Выводы. Проведенное исследование в рамках верификации программы «Я в мире и мир во мне» убедительно доказывает, что внутренние ресурсы личности играют ключевую роль в развитии межкультурной компетентности обучающихся из числа вынужденных переселенцев. Трудная жизненная ситуация, связанная с миграцией, не только истощает психологический потенциал ребенка, но и создает запрос на его перестройку и обогащение.

Целенаправленное психолого-педагогическое воздействие, сфокусированное на развитии саморегуляции, конструктивных копинг-стратегий, толерантности, позитивной этнокультурной идентичности и системы просоциальных ценностей, позволяет сформировать прочный внутренний фундамент для успешной адаптации. Такой ресурсный подход трансформирует личностные качества в эффективные инструменты совладания с трудностями, что, в конечном итоге, проявляется в гармонизации межличностных и межкультурных отношений в полиэтническом учебном коллективе.

Таким образом, программа «Я в мире и мир во мне» может рассматриваться как эффективная модель психолого-педагогического сопровождения, которая через актуализацию внутренних ресурсов личности способствует не только преодолению последствий ТЖС, но и формированию межкультурной компетентности как основы для успешной интеграции и личностного роста в современном многокультурном мире.

Литература:

1. Абакумова, И. В. Организация психологического сопровождения детей беженцев и вынужденных переселенцев из регионов локальных военных конфликтов : Учебно-методическое пособие / И. В. Абакумова, А. В. Гришина, П. Н. Ермаков. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Кредо", 2015. – 48 с. – ISBN 978-5-91375-091-4. – EDN VDPURD.
2. Большакова, О. Б. Психологические особенности межкультурной коммуникативной компетентности студентов / О. Б. Большакова // Психологическая наука и практика: инновации в образовании : Материалы Пятой конференции психологов образования Сибири, Иркутск, 20–22 июня 2018 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2018. – С. 258-265. – EDN NLYZVI.
3. Хотинец, В. Ю. Этнокультурный ресурс психического здоровья детей / В. Ю. Хотинец // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2011. – Т. 17, № 2. – С. 232-235. – EDN OYMKJZ.

УДК 159.923.5

РОЛЬ ПРИВЯЗАННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

*Ефремова Инна Валерьевна,**преподаватель кафедры «Психология»,**Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу роли привязанности в формировании эмоциональной сферы личности, рассматриваемой как центральной структуры психического развития. Обобщаются классические и современные зарубежные исследования (Дж. Боулби, М. Эйнсворт, К. Фрэйли), демонстрирующие влияние качества ранних привязанностей на регуляцию эмоций, устойчивость к стрессу, эмпатию и социальное функционирование. Особое внимание уделяется сопоставлению этих данных с отечественными подходами, основанными на культурно-исторической теории Л. С. Выготского, работах М. И. Лисиной, О. А. Карабановой, Е. О. Смирновой. Показано, что привязанность выступает ключевым механизмом становления эмоциональной регуляции и самосознания, интегрирующим биологические и социально-культурные факторы развития.

Ключевые слова: привязанность, эмоциональная сфера личности, эмоциональная регуляция, культурно-исторический подход, ранний онтогенез, межличностные отношения.

THE ROLE OF ATTACHMENT IN THE PROCESS OF FORMATION OF THE EMOTIONAL SPHERE OF PERSONALITY

*Inna Valerievna Efremova,**Lecturer, Department of Psychology,**Sevastopol State University,**Sevastopol*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of attachment in the development of the emotional sphere of the personality, viewed as a central structure of psychological development. It summarizes classical and contemporary foreign studies (J. Bowlby, M. Ainsworth, K. Fraley) demonstrating the influence of the quality of early attachments on emotion regulation, stress resilience, empathy, and social functioning. Special attention is given to comparing these findings with Russian approaches based on L. S. Vygotsky's cultural-historical theory and the works of M. I. Lisina, O. A. Karabanova, and E. O.

Smirnova. It is shown that attachment serves as a key mechanism in the formation of emotional regulation and self-awareness, integrating biological and socio-cultural factors of development.

Keywords: attachment, emotional sphere of personality, emotion regulation, cultural-historical approach, early ontogenesis, interpersonal relationships.

Постановка проблемы. Эмоциональная сфера личности является одной из центральных в структуре психического развития человека, определяя характер его взаимоотношений с окружающим миром и самим собой. Эмоции выполняют важные функции регуляции поведения, мотивации и адаптации, обеспечивая внутреннюю целостность и устойчивость личности. Формирование эмоциональной сферы происходит в тесной связи с развитием системы межличностных отношений, и одним из важнейших факторов этого процесса выступает привязанность — особый тип эмоциональной связи между ребёнком и значимыми взрослыми. Актуальность темы обусловлена ростом числа эмоциональных и поведенческих нарушений у людей, ранние привязанности которых, характеризуются, как ненадежные или неуверенные.

Цель статьи — раскрыть роль привязанности в процессе формирования эмоциональной сферы личности.

Изложение основного материала исследования. Джон Боулби рассматривал привязанность как врождённую, биологически детерминированную систему поведения, направленную на поддержание близости ребёнка с опекающим взрослым, чтобы обеспечить его выживание. Согласно Дж. Боулби, формирование эмоциональной связи между ребёнком и опекуном является адаптивным механизмом, возникшим в ходе эволюции: младенец, проявляя поведенческие реакции, такие как плач, улыбка, следование за взрослым, обеспечивает внимание и защиту со стороны взрослого, что повышает шансы на выживание [1]. Дж. Боулби выделял несколько ключевых положений теории. Положение врожденности системы привязанности говорит о том, что поведенческие реакции ребёнка, такие как поиск близости, проявление страха разлуки, являются биологически заложенными. Они активируются в ситуациях угрозы безопасности, что гарантирует контакт с опекуном. Положение об адаптивности поведения, свидетельствует о том, что привязанность выполняет защитную функцию, минимизируя риск опасности для ребёнка. Система привязанности регулируется внутренними механизмами: чем выше угроза, тем активнее проявляются поведенческие стратегии поддержания близости. Следующее положение говорит о роли опыта в реализации врождённого потенциала. Система привязанности заложена биологически, но качество и тип привязанности формируются на основе индивидуального опыта

взаимодействия с опекуном. И последнее положение гласит о том, что система привязанности активна на протяжении всей жизни, влияя на эмоциональную регуляцию, формирование доверия, эмпатию, социальную компетентность и межличностные отношения в дальнейшем возрасте [1].

Таким образом, ученый рассматривал привязанность как биосоциальную систему, где биологическая предрасположенность обеспечивает фундамент для формирования эмоциональной связи, а социальный опыт конкретизирует и структурирует проявления привязанности. Эта концепция подчёркивает взаимодействие врождённой биологической детерминации и социальной среды, что делает данную теорию универсальной для объяснения процессов эмоционального развития личности [1].

Мэри Эйнсворт расширила теорию Дж. Боулби и предложила эмпирически обоснованную типологию привязанности у детей, опираясь на результаты исследования «Незнакомая ситуация». М. Эйнсворт выделила четыре основных типа привязанности, характеризующие качество эмоциональной связи ребёнка с опекуном.

Надёжная привязанность характеризуется поведением, когда ребёнок активно исследует окружающую среду, используя взрослого как «базу безопасности». При разлуке испытывает умеренный стресс, при возвращении взрослого быстро успокаивается. Надёжная привязанность формируется при последовательной и отзывчивой реакции взрослого на потребности ребёнка. Такой тип привязанности способствует эмоциональной устойчивости, развитию социальной компетентности и доверия к окружающим. Тревножно-амбивалентная привязанность характеризуется особенностями проявления сильного беспокойства при разлуке ребенка со взрослым, а при возвращении взрослого ребенок демонстрирует одновременно стремление к контакту и сопротивление. Возникает при непоследовательном или непредсказуемом отклике взрослого. Часто сопровождается высокой тревожностью, трудностями в эмоциональной регуляции и зависимостью от эмоциональной поддержки взрослых. Избегающей привязанностью ребёнок минимизирует проявления эмоциональной зависимости, проявляет низкую тревогу при разлуке и избегает контакта при возвращении взрослого. Формируется при эмоциональной недоступности или отвержении со стороны взрослого. Характеризуется эмоциональной самодостаточностью, трудностями в формировании близких отношений и склонностью к подавлению эмоций. В случае дезорганизованной привязанности, ребенок демонстрирует противоречивое, хаотическое поведение: подход и отстранение одновременно, замешательство или страх. Поведение связано с травмирующим опытом, жестоким или непредсказуемым обращением со стороны взрослого [7].

Автор подчеркивает, что тип привязанности является результатом взаимодействия врождённой потребности в близости и опыта взаимодействия с опекуном, отражая тем самым социально-эмоциональную адаптацию ребёнка. Типология М. Эйнсворт позволяет прогнозировать развитие эмоциональной сферы личности и социальное поведение в последующем онтогенезе, что делает её важным инструментом, как в исследовательской, так и в практической психологии [1].

Среди современных зарубежных исследований данного направления особенно выделяются работы Криса Фрэйли, целью которого является изучение того, как ранний опыт привязанности влияет на особенности эмоциональной и когнитивной сфер у людей во взрослом возрасте. К. Фрэйли утверждает, что привязанность не статична – она может меняться под влиянием опыта, терапии или значимых событий [8].

Согласно современным исследованиям автора, стиль привязанности – это не просто социальный шаблон поведения, а фундаментальная стратегия эмоциональной регуляции, которая возникает из взаимодействия ребенка с основным опекающим взрослым. Дети, чьи сигналы были восприимчивы и предсказуемо удовлетворялись родителем, вырабатывают стратегию эффективной эмоциональной регуляции. Во взрослом возрасте, человек демонстрирует высокую толерантность к своим эмоциям, способность опираться на других в трудных ситуациях и просить о помощи, адекватную когнитивную оценку стрессовых ситуаций. Дети, чьи родители были непоследовательно доступны, когда тепло и поддержка чередуются с холодностью и занятостью, а эмоциональные реакции непредсказуемы, формируют стратегию тревожной привязанности. И взрослые люди с подобной стратегией ощущают более высокую эмоциональную интенсивность, склонны к катастрофизации, чаще интерпретируют нейтральные сигналы как негативные, используют эмоции для поиска подтверждения любви и поддержки. Это делает их эмоциональную сферу яркой, но нестабильной. В случае, если родитель постоянно или часто недоступен для эмоциональной поддержки ребенка и отвергает его просьбы о помощи, ребенок вырабатывает стратегию избегающего типа привязанности. Автор отмечает, что избегающе-привязанные люди часто подавляют эмоции и подавляют физиологическое возбуждение, демонстрируют повышенную когнитивную дистанцию от собственных переживаний, стремятся минимизировать зависимость от других. Дезорганизованный тип привязанности возникает у людей, которые пережили травматические или страшные события или были подвержены крайне неблагоприятным условиям в раннем детстве. Формируется, когда фигура привязанности одновременно является источником безопасности и источником страха. Во взрослом возрасте это проявляется в страхе близости и сильной ее потребности одновременно, низком уровне

доверия к окружающим, трудностях с регулированием эмоций, неустойчивости структуры самовосприятия [8].

Отечественные подходы к проблеме эмоционального развития и ранних отношений представлены работами фундаментальных авторов и их последователей. Лев Семенович Выготский не занимался напрямую теорией о привязанности в том виде, в котором это делают современные исследователи. Однако идеи его подхода так же немаловажно упомянуть в контексте нашей темы. Согласно его теории, социальное взаимодействие является основой психического развития личности. Развитие высших психических функций происходит через взаимодействие с более компетентным взрослым, который заботится о ребенке. Эмоциональная сфера ребёнка «встраивается» в культуру через речь, совместную деятельность и через символические средства, что даёт возможность интериоризировать (внутренне усвоить) эмоциональные структуры. Л.С. Выготский ввёл понятие «социальной ситуации развития» – специфического отношения между ребёнком и окружением, которое определяет, какие психологические функции будут развиваться. Развитие эмоциональной системы ребёнка определяется его биологическими склонностями и культурными возможностями, и именно социальная ситуация (включающая заботу, взаимодействие, поддержку) формирует эмоциональные структуры личности [2].

По мнению М.И. Лисиной, через общение ребёнка со значимым взрослым происходит формирование эмоциональной сферы в раннем онтогенезе, которая обогащает личность ребёнка в целом. Автор рассматривает общение ребёнка со взрослым, как одну из ключевых форм деятельности в раннем возрасте – это не просто обмен стимулов, а коммуникативная деятельность, через которую ребёнок устанавливает эмоциональные связи. Через общение взрослый становится особым, эмоционально значимым объектом для ребёнка [4]. Ребенок привязывается не ко всем взрослым одинаково, а выбирает тех, с кем ему приятно, безопасно и интересно взаимодействовать, формируя «избирательные привязанности» через характер и содержание взаимодействия. Эмоциональное принятие со стороны взрослого, возможность «быть понятым» и «быть принятым» формирует у ребёнка чувство безопасности, что имеет большое значение для его эмоционального благополучия. Именно такие эмоциональные связи – «доверительные отношения и привязанность ребёнка к взрослому» – по мнению Лисиной, влияют на дальнейшую эмоциональную регуляцию и эмоциональную устойчивость личности [5].

Современные отечественные авторы так же, уделяют большое внимание теме привязанности и ее роли в формировании эмоциональной сферы личности. Так, например, О.А. Карабанова подчеркивает, что социальная ситуация, в которой ребенок живет,

является ключевой детерминантой психического и эмоционального развития. При этом «значимые взрослые» (родители) через свою доступность, эмоциональность и характер взаимодействия формируют эмоциональные структуры личности ребёнка. То есть привязанность – это часть социальной ситуации, влияющая на развитие чувств, мотивов и регуляции эмоций [3]. Одна из ведущих российских исследователей современности детской психологии, особенностей эмоционального развития и общения ребенка со взрослым Елена Олеговна Смирнова подчеркивает, что ранняя привязанность ребенка к близкому взрослому – это первичная система отношений, на основе которой строится вся последующая эмоциональная жизнь ребенка. Привязанность обеспечивает чувство безопасности, которое является базовым компонентом, необходимым для освоения мира, адекватной эмоциональной реактивности и саморегуляции. Надёжная эмоциональная связь помогает ребёнку формировать доверие к себе и другим. Смирнова подчеркивает, что эмоциональное общение со взрослым создаёт условия для становления эмоциональной отзывчивости или способности понимать и распознавать эмоции других, развития эмпатии, формирования положительного отношения к себе [6].

Выводы. Изучение феномена привязанности позволяет выявить механизмы развития эмоциональной регуляции, устойчивости к стрессу, а также закономерности становления зрелых форм межличностных отношений.

Анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что привязанность выступает ключевым механизмом, определяющим качественное развитие эмоциональной сферы личности ребёнка. В зарубежной традиции, привязанность рассматривается как универсальная биологически обусловленная система, обеспечивающая ребёнку базовое чувство безопасности и являющаяся фундаментом для формирования эмоциональной регуляции, эмпатии и межличностных отношений в дальнейшем. Отечественные подходы акцентируют социально-культурную природу привязанности и роль общения как ведущего фактора развития эмоций. Эмоциональная связь со взрослым не только обеспечивает чувство защищённости, но и выступает пространством усвоения культурных способов выражения и регулирования эмоций. Таким образом, привязанность выступает не только фундаментом эмоционального благополучия ребёнка, но и определяющим фактором формирования личности в целом.

Литература:

1. Боулби, Дж. Привязанность / Дж.Боулби. – СПб.: Питер, 1998. – 256 с.
2. Выготский, Л. С. Психология развития ребёнка / Л.С.Выготский. – М.: Педагогика, 1991. – 336 с.

3. Карабанова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования / О.А.Карабанова. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
4. Лисина, М. И. Общение со взрослыми у детей первых семи лет жизни / М.И.Лисина. – М.: Педагогика, 1974. – 240 с.
5. Лисина, М. И. Проблемы онтогенеза общения / М.И.Лисина. – М.: Педагогика, 1986. – 265 с.
6. Смирнова, Е. О. Теория привязанности: концепция и эксперимент / Е.О.Смирнова // Вопросы психологии, 1995, № 3.
7. Ainsworth, M. D. S. Patterns of Attachment: A Psychological Study of the Strange Situation / Ainsworth M. D. S., Blehar M. C., Waters E., Wall S. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978. – 416 p.
8. Fraley, R. Chris. Attachment in Adulthood: Recent Developments, Emerging Debates, and Future Directions / R.C. Fraley // Annual Review of Psychology. – 2019. – Vol. 70. – pp. 401–422. – DOI: 10.1146/annurev-psych-010418-102813. PMID: 30609910.

УДК 159.9.07

ИССЛЕДОВАНИЕ Я-КОНЦЕПЦИИ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ: РАЗРАБОТКА БАЗОВОЙ МОДЕЛИ

Кирейчева Евгения Владимировна*кандидат психологических наук, доцент,**заведующий кафедрой общей психологии**Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал)**ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет**им. В.И. Вернадского»**г. Севастополь****Кирейчев Андрей Вячеславович****кандидат психологических наук, доцент,**доцент кафедры правоведения**Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал)**ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет**им. В.И. Вернадского»**г. Севастополь*

Аннотация. Я-концепции будущих психологов напрямую влияет на их профессиональную эффективность, определяя объективность и устойчивость к стрессу, эмпатию и уверенность в себе, что критически важно для успешного оказания психологической помощи. В данной статье представлена модель исследования Я-концепции будущих психологов, включающая три ключевых компонента: образ Я (когнитивный), представляющий собой представления индивида о себе, своих способностях и социальной значимости; самооценку (эмоционально-оценочный), отражающую аффективную оценку этого образа с различной степенью интенсивности (самоуважение, самокритичность и т.д.); и потенциальную поведенческую реакцию (поведенческий), заключающуюся в готовности к действиям. Описаны уровни развития Я-концепции. Разработанная модель призвана обеспечить комплексный подход к изучению становления профессиональной Я-концепции специалистов, что является важным для их будущей успешной практики.

Ключевые слова: Я-концепция, будущие психологи, модель исследования, образ Я, самооценка, поведенческая реакция, уровни развития Я-концепции.

RESEARCHING THE SELF-CONCEPT OF FUTURE PSYCHOLOGISTS: DEVELOPING A BASIC MODEL

Kireicheva Evgeniya Vladimirovna

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of General Psychology
Sevastopol Institute of Economics and Humanities (branch)
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky
Sevastopol*

Kireichev Andrey Vyacheslavovich
*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence
Sevastopol Institute of Economics and Humanities (branch)
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky
Sevastopol*

Abstract. The self-concept of future psychologists directly impacts their professional effectiveness, determining objectivity and stress resilience, empathy, and self-confidence, which are critical for the successful provision of psychological assistance. This article presents a model for studying the self-concept of future psychologists. It includes three key components: self-image (cognitive), which represents an individual's perception of themselves, their abilities, and social significance; self-esteem (emotional-evaluative), which reflects an affective assessment of this image with varying degrees of intensity (self-respect, self-criticism, etc.); and a potential behavioral response (behavioral), which consists of a readiness for action. Levels of self-concept development are described. The developed model is intended to provide a comprehensive approach to studying the development of the professional self-concept of specialists, which is essential for their future successful practice.

Keywords: Self-concept, future psychologists, research model, self-image, self-esteem, behavioral response, levels of self-concept development.

Постановка проблемы. Изучение Я-концепции будущих психологов является актуальным, поскольку она напрямую влияет на их профессиональную эффективность, определяя уверенность, эмпатию, объективность и устойчивость к стрессу, что критически важно для успешного оказания психологической помощи. Гармоничная Я-концепция позволяет психологу лучше понимать клиента, избегать проекций и поддерживать профессиональные границы, тем самым способствуя построению качественных терапевтических отношений. Кроме того, здоровая Я-концепция выступает как буфер против профессионального выгорания, а осознание себя стимулирует к непрерывному самосовершенствованию и дальнейшему профессиональному развитию.

Изучению развития Я-концепции посвящено значительное число исследований. Однако за 2024-2025 год по запросу в РИНЦ (Российский Информационный Научный Центр, https://www.elibrary.ru/project_risc.asp) на тему «Развитие Я-концепции будущих психологов» было выдано только 10 источников. Общие вопросы идентичности и самосознания рассмотрены в статьях Кондрашовой М.В., Ходжашовой А.С. [2; 5].

Также есть работы, анализирующие особенности профессионального самосознания начинающих психологов (Филиппова Д.В., Занин Д.С., Яценко С.А.) [4], в статье Яценко С.А. рассматривается феномен профессиональной Я-концепции и его значение в системе профессионального развития личности [6]. Таким образом, освящение вопроса развития Я-концепции студентов-психологов остается актуальным.

Цель статьи: разработка базовой модели исследования Я-концепции студентов-психологов, с учетом ее основных компонентов.

Изложение основного материала исследования. Я-концепция понимается в современной психологии как системное, иерархически организованное образование, выступающее морально-духовным ядром личности и регулятором ее поведения (Бернс Р., Бех И.Д., Кон И.С., Роджерс К. и др.). Ее целостность и многоаспектность проявляются через интеграцию в межсистемные связи психики и детерминацию ключевых аспектов развития: когнитивного, нравственного, эмоционального, а также общего психического здоровья.

Структурно Я-концепция состоит из трех компонентов:

- Когнитивного («Образ Я») — представления о своих свойствах и социальной значимости.
- Эмоционально-оценочного (Самооценка) — переживание и оценка этих представлений, выраженная в самоуважении, самокритичности и т.д.
- Поведенческого — конкретные поведенческие паттерны и потенциальные реакции, порождаемые первыми двумя компонентами.

Рассмотрим несколько подробнее эти три основные составляющие Я-концепции.

1. Когнитивная составляющая Я-концепции или Образ Я. Образ «Я» индивида, сформированный как на основе объективных данных, так и субъективных мнений, обычно воспринимается им как достоверный. Самовосприятие охватывает широкий спектр проявлений: от физических данных и способностей до социальных связей и других личностных аспектов. Формирование этого образа происходит с помощью различных механизмов самовосприятия. Для описания себя люди чаще всего используют прилагательные («надёжный», «общительный», «сильный»), которые отражают их привычные, абстрактные представления о себе, а не конкретные события. Эти

характеристики — атрибутивные, ролевые, статусные, психологические — можно перечислять бесконечно, и они формируют иерархию элементов самоописания. Значимость этих элементов изменчива и зависит от контекста, жизненного опыта и сиюминутного состояния. Такое самописание служит для выражения уникальности личности через совокупность её черт. Вопрос об объективности самопознания и истинности образа «Я» актуален, особенно в отношении когнитивного компонента. Важно помнить, что любое отношение к себе является не прямым отражением, а интерпретацией прошлого опыта. Следовательно, самопознание человека по своей природе не может быть исчерпывающим, полностью объективным или свободным от оценочных суждений и внутренних противоречий, что и обуславливает наличие второй составляющей Я-концепции.

2. Эмоционально-оценочная составляющая Я-концепции или самооценка является ключевым атрибутом личности, представляя собой ценностное суждение индивида о самом себе, которое проявляется в его установках. Как отмечает К.Р. Сидоров, она подразумевает определённое отношение человека к своим качествам, возможностям и внутренним силам [3]. Высокая самооценка отражает развитое самоуважение и позитивное восприятие своего «Я», в то время как низкая связана с самоотрицанием и негативным самовосприятием.

Формирование самооценки происходит из нескольких источников: оценки окружающих, мнения референтной группы, социального сравнения, соотношения реального и идеального «Я», а также анализа результатов собственной деятельности.

Важным критерием классификации Я-концепции является адекватность самооценки, то есть степень её соответствия внешним оценкам и реальным достижениям. Различают адекватную и неадекватную (заниженную или завышенную) самооценку. Адекватная самооценка необходима для эффективного управления поведением, жизненного самоопределения, обретения морального удовлетворения и сохранения чувства собственного достоинства.

4. Поведенческая составляющая Я-концепции проявляется в готовности к конкретным действиям, обусловленным нашим самовосприятием и самооценкой. Это может быть стремление к признанию, уважению или повышению статуса, а также желание избежать внимания, критики, ответственности или скрыть недостатки. Для изучения уровня развития Я-концепции студентов, мы выбрали группу методов, направленных на каждый компонент структуры Я-концепции (когнитивный, эмоциональный, поведенческий). Эти методы были подобраны под принятую нами модель сформированности Я-концепции. В широком смысле *модель* — это аналог,

условный образ (описание, схема и т.п.) какого-либо объекта, процесса или события, приближенно воссоздающий оригинал [1, с. 213].

Модель сформированности Я-концепции включает в себя три основных уровня развития Я-концепции: высокий, средний, низкий.

Таблица 1 - Характеристика модели сформированности Я-концепции

Уровень сформированности Я-концепции	Когнитивный компонент (самопознание)	Эмоциональный компонент (самоотношение)	Поведенческий компонент (самореализация)
Высокий уровень сформированности Я-концепции	Глубокая осознанность «Я», повышенная рефлексия. Отсутствие вытеснения, адекватный образ «Я». Оптимальный уровень зрелости Я-концепции. Высокая и средняя ближе к высокой ясность Я-концепции.	Критичное отношение к себе. Адекватная самооценка. Самоуверенность, отсутствие внутренней напряженности. Заинтересованность в собственном «Я», ощущение ценности собственной личности, предполагается ценность своего «Я» для других. Согласие с самим собой.	Человек переживает собственное «Я» как внутренний стержень интерпретирующий его личность и жизнедеятельность, считает, что его судьба находится в его руках, испытывает чувство обоснованности и последовательности своих внутренних побуждений и целей. Высокий уровень осознанной саморегуляции. Высокий уровень готовности к саморазвитию. Средний уровень совпадения с моделью идеального психолога.
Средний уровень сформированности Я-концепции	Средний уровень осознанности «Я». Отрицание проблем, закрытость, поверхностное самодовольство. Неадекватный или недостаточный уровень зрелости Я-концепции. Средняя ясность Я-концепции. Отрицание проблем, закрытость,	Средний уровень самооценки или завышенная самооценка. Наличие внутренних противоречий. Средний уровень симпатии и уважения к себе. Средний уровень сформированности и устойчивости субъективных критериев оценки успешности достижения результатов.	Наличие больших возможностей к саморазвитию, чем желание понять себя. Или, желание знать побольше о себе, но еще не владение навыками самосовершенствования. Средний уровень саморуководства. Средний уровень саморегуляции. Высокий уровень совпадения с моделью

Уровень сформированности Я-концепции	Когнитивный компонент (самопознание)	Эмоциональный компонент (самоотношение)	Поведенческий компонент (самореализация)
	поверхностное самодовольство.	Ригидность «Я-концепции», привязанность и нежелание меняться на фоне общего положительного отношения к себе. Привязанность к неадекватной «Я-концепции». Тенденция к сохранению такого образа – один из защитных механизмов «Я-концепции».	идеального психолога.
Низкий уровень сформированности Я-концепции	Низкая осознанность «Я», недостаточная рефлексия. Закрытость, неспособность или нежелание осознавать значимую информацию о себе. Наличие внутренних конфликтов, сомнений, несогласованности с собой, тревожно-депрессивных состояний, сопровождаемых чувством вины. Уровень зрелости Я-концепции низкий или психотический. Низкая или средняя близость к низкой ясность Я-концепции.	Неудовлетворенность собой и своими возможностями, сомнение в способности вызвать уважение. Недооценка «духовного Я», потеря интереса к своему внутреннему миру. Или, наоборот, полное принятие себя, нарциссизм, не критичность, нежелание увидеть недостатки. Антипатия к самому себе, внутренняя дезадаптированность, самообвинение. Уровень самооценки низкий или психотический.	Размытый локус «Я», отсутствие тенденции искать причины поступков и результатов в себе самом. Представление о том, что его личность, деятельность не способны вызвать у других уважение, ободрение. Отсутствие желания знать себя и изменяться. Потребность в осознанном планировании и программировании своего поведения несформированная. Зависимость от ситуации и от мнения окружающих людей. Низкий уровень совпадения с моделью идеального психолога.

Считаем необходимым пояснить, что самореализация на высоком уровне действительно будет соответствовать среднему уровню совпадения с моделью идеального психолога, а самореализация на среднем уровне будет соответствовать высокому уровню совпадения с моделью идеального психолога. Т.к. средний уровень совпадения с моделью идеального психолога говорит об адекватной самооценке субъекта, об осознании им собственных недостатков и потенциала к дальнейшему развитию. Высокий уровень совпадения с моделью идеального психолога свидетельствует о завышенной самооценке, субъект считает себя практически идеальным.

Выводы. Разработанная модель исследования Я-концепции будущих психологов включает три ключевых компонента: образ Я (когнитивный), представляющий собой представления индивида о себе, своих способностях и социальной значимости; самооценку (эмоционально-оценочный), отражающую аффективную оценку этого образа с различной степенью интенсивности (самоуважение, самокритичность и т.д.); и потенциальную поведенческую реакцию (поведенческий), заключающуюся в готовности к действиям, обусловленным самовосприятием и самооценкой, будь то стремление к достижению или избеганию. Анализ уровней развития Я-концепции (высокий, средний, низкий) в рамках данной модели позволяет всесторонне оценить ее сформированность у будущих специалистов. Данная модель является основой для дальнейших эмпирических исследований, направленных на понимание и оптимизацию становления профессиональной Я-концепции психологов.

Литература:

1. Гусаров, В.М. Теория статистики = Theory of statistics : [Учеб. пособие для вузов по экон. специальностям] / В. М. Гусаров. = Москва : Аудит, 1998. - 247 с.; 20 см.; ISBN 5-85177-045-7.
2. Кондрашова, М. В. Структура субъектности личности с разным типом личностной идентичности (на материале студенчества) : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Кондрашова Марина Вячеславовна, 2024. – 209 с. – EDN HFFFFS.
3. Сидоров, К. Р. Самооценка в психологии / К. Р. Сидоров // Мир психологии. – 2006. – № 2(46). – С. 224-234. – EDN HTWTWP.
4. Филиппова, Д. В. Начиная психологию: вхождение в профессию, профессиональные страхи, Я-концепция / Д. В. Филиппова, Д. С. Занин, С. А. Яценко // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – 2024. – Т. 7, № 4. – С. 62-73. – DOI 10.23947/2658-7165-2024-7-4-62-73. – EDN MDPYLL.

5. Ходжяшова, А. С. Проблема развития профессионального самосознания в психологических исследованиях / А. С. Ходжяшова // Инновационные технологии развития образования в пространстве социально-гуманитарных, психолого-педагогических и технических наук : Материалы I Всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей, Ессентуки, 20 февраля 2024 года. – Пятигорск: ООО «Рекламно-информационное агентство на Кавказских Минеральных Водах», 2024. – С. 130-134. – EDN GTSRCQ.

6. Яценко, С. А. Начинающие психологи: вхождение в профессию, Я-концепция / С. А. Яценко // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы Международной научно-практической конференции. – 2024. – № 12. – С. 357-361. – EDN NJQJNW.

УДК 159.9

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И КОГНИТИВНОЙ ГИБКОСТИ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

Кондратенко Евгения Николаевна

*кандидат политических наук, доцент
доцент кафедры политологии и этнополитики
Южно-Российского института управления –
филиала РАНХиГС при президенте РФ,
г. Ростов-на-Дону*

Иванова Людмила Леонидовна

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры политологии и этнополитики
Южно-Российского института управления –
филиала РАНХиГС при президенте РФ,
г. Ростов-на-Дону*

Сехвейл Салах М.

*кандидат медицинских наук, доцент,
доцент кафедры нервных болезней и
нервной хирургии ФГБОУ ВО Рост ГМУ
г. Ростов-на-Дону*

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли эмоционального интеллекта и когнитивной гибкости как фундаментальной основы профессионального здоровья личности в условиях современной нестабильной среды. Обосновывается, что эти метанавыки, находясь в диалектическом единстве, формируют системный адаптационный ресурс: эмоциональный интеллект обеспечивает эффективную регуляцию состояний и конструктивное социальное взаимодействие, а когнитивная гибкость позволяет гибко перестраивать стратегии мышления и поведения в ответ на новые вызовы. В работе анализируются теоретические предпосылки концепций, а также практические аспекты их развития, позволяющие предотвратить эмоциональное выгорание и профессиональную деформацию, обеспечивая тем самым долгосрочную профессиональную эффективность и устойчивость.

Ключевые слова: профессиональное здоровье, эмоциональный интеллект, когнитивная гибкость, эмоциональное выгорание, адаптация, метанавыки, психология труда, стрессоустойчивость.

DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND COGNITIVE FLEXIBILITY AS A BASIS FOR PROFESSIONAL HEALTH

Kondratenko Evgeniya Nikolaevna

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the Department
of Political Science and Ethnopolitics
South Russian Institute of Management—
a branch of the RANEPa under the President
of the Russian Federation,
Rostov-on-Don*

Ivanova Lyudmila Leonidovna

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the Department
of Political Science and Ethnopolitics
South Russian Institute of Management—
a branch of the RANEPa under the President
of the Russian Federation
Rostov-on-Don*

Sehveil Salah M.

*Candidate of Medical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Nervous Diseases and Nervous Surgery
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education in Rostov State Medical University
Rostov-on-Don*

Abstract. The article is devoted to the study of the role of emotional intelligence and cognitive flexibility as the fundamental basis of professional personal health in today's unstable environment. It is proved that these meta-skills, being in dialectical unity, form a systemic adaptive resource: emotional intelligence provides effective regulation of states and constructive social interaction, while cognitive flexibility allows flexible restructuring of thinking and behavior strategies in response to new challenges. The paper analyzes the theoretical background of the concepts, as well as the practical aspects of their development, to prevent emotional burnout and professional deformation, thereby ensuring long-term professional effectiveness and sustainability.

Keywords: occupational health, emotional intelligence, cognitive flexibility, emotional burnout, adaptation, meta-habits, occupational psychology, stress tolerance.

Постановка проблемы. В современных условиях, характеризующихся нестабильностью, высокой скоростью изменений и информационной перегрузкой, профессиональное здоровье становится критически важным ресурсом. Традиционные факторы успеха, такие как узкоспециальные знания, уступают место способности адаптироваться к непредсказуемым задачам, эффективно взаимодействовать в разнородных командах и управлять стрессом в ситуации многозадачности. Именно эти компетенции лежат в основе долгосрочной профессиональной эффективности и устойчивости, предотвращая эмоциональное выгорание и профессиональную деформацию.

Цель – проанализировать роль эмоционального интеллекта и когнитивной гибкости в сохранении профессионального здоровья личности.

Изложение основного материала исследования. Научное и практическое сообщество все чаще связывает сохранение и развитие профессионального здоровья с двумя ключевыми метанавыками – эмоциональным интеллектом и когнитивной гибкостью. Эмоциональный интеллект позволяет осознавать и регулировать собственные эмоции, понимать эмоции других людей, что является основой конструктивного общения и управления конфликтами. В свою очередь, когнитивная гибкость обеспечивает возможность быстро переключаться между задачами, генерировать нестандартные решения и пересматривать устаревшие модели поведения в ответ на новые вызовы. Таким образом, целенаправленное развитие этих навыков представляет собой не просто тренд, а стратегическую необходимость для построения успешной и устойчивой карьеры в XXI веке.

Впервые «эмоциональный интеллект» как термин был применен Майклом Белдока в 1964 году, но в то время еще не получил широкого распространения. В 60-х годах XX столетия в большей степени была представлена теория множественного интеллекта, на основе которой в последующем Х. Гарднер, Дж. Майер и П. Сэловей разработали концепцию эмоционального интеллекта [4].

Феномен эмоционального интеллекта, получивший широкую известность благодаря работам Д. Гоулмана [5, с. 15], понимается как способность индивида воспринимать, понимать, вызывать и управлять эмоциями для повышения эффективности мышления и регуляции собственного поведения и взаимодействия с другими. Современные исследования продолжают развивать эту концепцию, акцентируя роль

эмоционального интеллекта как метаспособности, которая определяет эффективность использования всех прочих навыков и когнитивных ресурсов личности.

Тесная связь эмоциональной и интеллектуальной сферы является фундаментальной основой для изучения эмоционального. Как отмечал Л.С. Выготский, мышление, оторванное от аффекта, не может быть полноценно объяснено [3]. Эта идея находит развитие в трудах С.Л. Рубинштейна, который рассматривал единство эмоционального и интеллектуального в контексте мышления и непосредственного переживания человека [6, с. 97]. Схожей позиции придерживался А.Р. Лурия, указывавший на то, что эмоции окрашивают и обуславливают познавательную ситуацию. Таким образом, познавательная деятельность выступает регулятором эмоций, обогащая эмоциональный опыт индивида и расширяя спектр его реакций. В современной трактовке это находит отражение в концепции эмоциональной гибкости К. Флеминга, где развитие эмоционального интеллекта рассматривается как ключ к эффективному социальному взаимодействию [7, с. 65].

Когнитивную гибкость определяют, как когнитивную адаптацию, опосредующую взаимосвязь между личностными чертами и удовлетворенностью жизнью и представляющую собой способность пересматривать и обновлять свои познания с учетом изменений, адаптировать их, выполняя следующие шаги: осознавать, что сложные условия можно контролировать; оценивать альтернативы в контексте жизненных событий и поведения людей; находить разные решения в сложных обстоятельствах [1, с. 5].

Эмоциональный интеллект и когнитивная гибкость, будучи рассмотрены в диалектическом единстве, образуют системный фундамент профессиональной надежности индивида. Если эмоциональный интеллект обеспечивает содержательную регуляцию взаимодействия в социальной среде, то когнитивная гибкость выступает его функциональным механизмом, позволяющим перестраивать стратегии поведения в динамичных условиях. Эта взаимосвязь становится критически важной в ситуациях неопределенности, когда стрессовая нагрузка угрожает как продуктивности, так и психологическому благополучию специалиста.

Практическим подтверждением значимости эмоциональной саморегуляции выступают данные социологических опросов. Несмотря на то, что современная психология утверждает: нет плохих и хороших эмоций, и гнев является естественной реакцией, ключевым становится умение управлять им в социально приемлемых рамках. Подавляющее большинство россиян (79% - всегда и 16% - иногда) демонстрируют эту способность, что свидетельствует о широком распространении навыков самоконтроля. Однако в состоянии гнева поведенческие стратегии кардинально расходятся: 30%

респондентов предпочитают уход от конфликта и молчание, в то время как 29% - вступают в открытую конфронтацию [2]. Эта поляризация наглядно иллюстрирует, что оба паттерна - и пассивный, и активный = могут быть дезадаптивными: первый ведет к накоплению стресса, а второй = к разрушению социальных связей. Таким образом, развитый эмоциональный интеллект позволяет выйти за рамки этой дихотомии, предлагая третий путь - осознанную, неимпульсивную регуляцию своих реакций, что является краеугольным камнем профессионального здоровья.

С практической точки зрения, эмоциональный интеллект выступает ключевым буфером против синдрома эмоционального выгорания. Способность к точной идентификации и регуляции своих эмоциональных состояний позволяет специалисту не подавлять, а конструктивно управлять негативными переживаниями, возникающими вследствие высоких нагрузок и многозадачности. Понимание эмоций коллег и клиентов способствует созданию поддерживающей рабочей атмосферы, снижая уровень хронического стресса в коллективе и минимизируя деструктивные конфликты.

В свою очередь, когнитивная гибкость обеспечивает устойчивость на уровне мыслительных процессов. В условиях постоянной трансформации профессиональных требований ригидное мышление становится фактором риска, приводя к профессиональной деформации и неспособности адаптироваться к новым технологиям и методам работы. Когнитивно гибкий человек способен отказаться от неэффективных, но привычных алгоритмов действий, провести быстрый анализ ситуации и сгенерировать адекватное решение, тем самым сохраняя не только результативность, но и личную вовлеченность в деятельность.

Интеграция этих двух метанавыков проявляется в феномене эмоциональной регуляции мышления. Как справедливо отмечали классики, аффект и интеллект неразрывны. Высокий уровень эмоционального интеллекта позволяет «включить» эмоции в качестве ресурса для познавательной деятельности: например, использовать умеренную тревогу для повышения бдительности или энтузиазм - для усиления креативности. Когнитивная гибкость, в данном случае, предоставляет инструментарий для этого включения, позволяя переоценить стрессовую ситуацию и найти в ней новые возможности для роста.

Выводы. Таким образом, формирование профессионального здоровья в современном мире смещается от парадигмы простого накопления знаний к целенаправленному развитию адаптационных способностей личности. Образовательные и корпоративные программы, нацеленные на долгосрочную эффективность, должны включать тренинги, развивающие самосознание, эмпатию, навыки управления стрессом, а

также упражнения на решение нестандартных задач, развитие критического мышления и смену перспективы.

В заключение можно констатировать, что эмоциональный интеллект и когнитивная гибкость являются не просто дополнением к профессиональным знаниям, а системообразующими элементами профессионального здоровья. Их развитие создает когнитивно-эмоциональный иммунитет, позволяющий человеку не только противостоять вызовам нестабильной среды, но и трансформировать их в траекторию личного и карьерного роста, обеспечивая тем самым устойчивую профессиональную реализацию на протяжении всей жизни.

Литература:

1. Бубновская, О. В. Когнитивная гибкость как фактор принятия решений в предпринимательстве / О. В. Бубновская, Н. Крюгер, И. И. Гуторов // Управленец. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 2-19. – DOI 10.29141/2218-5003-2022-13-1-1. – EDN FNAUIC.
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения [сайт]. Управление гневом. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/upravlenie-gnevom> (дата обращения: 25.11.2025).
3. Выготский, Л.С. Развитие высших психических функций / Л.С.Выготский. - М. : Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 500 с.
4. Гаращук, С. С. Развитие эмоционального интеллекта в современных условиях / С. С. Гаращук, В. В. Логинова // Universum: психология и образование. – 2023. – № 12(114). – С. 20-22. – DOI 10.32743/UniPsy.2023.114.12.16289. – EDN CWFLKC.
5. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект: почему он может значить больше, чем IQ / Д. Гоулман; перевод с английского Е. Ефимова. - 12-е изд., перераб. и доп. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2022. - 544 с.
6. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л.Рубинштейн. – СПб. : Питер, 1998. – 668 с.
7. Флеминг, К. Эмоциональная гибкость. Завоевать расположение коллег, управлять решениями партнеров / пер. с англ. Д. Шалаевой / К.Флеминг. - М. : Эксмо, 2020. – 224 с.

УДК 159.9.072.432

СОЦИАЛЬНЫЕ АКСИОМЫ КАК ПРЕДИКТОР ДИАЛОГА ПОКОЛЕНИЙ**Кондрашихина Оксана Александровна***кандидат психологических наук, доцент**доцент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь***Кондрашевская Лариса Григорьевна***преподаватель кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования социальных аксиом у женщин, относящихся к Информационному и Новому поколениям. Анализ показал, что у представительниц двух поколений в сфере аксиом гораздо больше общего, нежели различного. Представительницы как «Информационного», так и «Нового» поколений проявляют большую приверженность аксиомам «Награда за усилия» и «Социальная сложность», нежели аксиомам «Социальный цинизм», «Религиозность» и «Контроль судьбы». Однако по аксиоме «Контроль судьбы» показатели значимо выше у представительниц «Информационного» поколения, для них в большей степени, чем для более молодых, представительниц «Нового» поколения свойственны верования, указывающие на то, что все события в жизни предопределены, зависят от судьбы.

Ключевые слова: поколение, социальная аксиома, различия, общее, критерий.

SOCIAL AXIOMS AS A PREDICTOR OF GENERATIONAL DIALOGUE**Kondrashikhina Oksana Aleksandrovna***Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor**Associate Professor Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol***Kondrashevskaya Larisa Grigoryevna***Lecturer, Department of Childhood Pedagogy, Special Psychology, and Defectology**Sevastopol State University**Sevastopol*

Abstract. The article presents the results of an empirical study of social axioms in women belonging to the Information and New Generations. The analysis revealed that representatives of the two generations have significantly more in common than differences in

terms of axioms. Representatives of both the Information and New Generations demonstrate a greater commitment to the axioms of «Reward for Effort» and «Social Complexity» than to the axioms of «Social Cynicism», «Religiosity» and «Control of Destiny». However, for the axiom of «Control of Destiny», scores are significantly higher among representatives of the Information Generation; they, to a greater extent than younger representatives of the New Generation, tend to hold beliefs indicating that all events in life are predetermined and dependent on fate.

Keywords: generation, social axiom, differences, common, criterion.

Постановка проблемы. В начале 2000-х годов исследователи из Китайского университета Гонконга К.Леунг и М.Бонд разработали теорию социальных аксиом, обобщенных представлений о людях, социальных группах, социальных институтах, физической среде или духовном мире, а также о категориях событий и явлений в социальном мире» [6, с. 70]. Социальные аксиомы действуют как практическое руководство по человеческому поведению в повседневной жизни. Существует четыре способа их действия: 1) инструментальные (способствуют достижению важных целей); 2) эго-защиты (помогают людям защитить свою самооценку), 3) ценностно-выразительные (служат проявлением человеческих ценностей); 4) информационно-когнитивные (помогают людям понять мир). К.Леунг и М.Бонд в своей теории утверждают, что, поскольку люди во всех культурах сталкиваются с одинаковыми проблемами в повседневной жизни, эти аксиомы должны быть универсальными, даже если люди не верят в них с одинаковой силой.

К. Леунг и М.Бонд, проведя исследование в евро-американской, южно-американской и китайской культурах, выделили 5 категорий аксиом [6]:

- Социальный цинизм: негативная оценка человеческой сущности, предвзятое отношение к некоторым группам людей, недоверие к социальным институтам и ориентация на макиавеллизм. Примеры: «Сильные люди склонны эксплуатировать других», «Добросердечные люди обычно терпят убытки», «В реальной жизни редко можно увидеть счастливый конец».
- Социальная сложность: есть множественные способы достижения заданного результата. Примеры: «Человеческое поведение изменяется в зависимости от социального контекста», «Человек должен решать вопросы в соответствии с конкретными обстоятельствами», «Гибкое решение проблем ведет к успеху».
- Вознаграждение за применение усилий, знаний, планирования, убежденность, что вложение этих ресурсов приведет к положительным результатам». Примеры заданий:

трудолюбивые люди, в конце концов, добьются большего». «Невзгоды можно преодолеть усилием», «У каждой проблемы есть решение».

- Религиозность: утверждается существование высших сил и благотворность социальных функций религиозных институтов и практик. Примеры: «Вера помогает понять смысл жизни»; «Религиозная вера способствует психическому здоровью».

- Контроль судьбы: вера в то, что жизненные события определяются великими внешними силами, но у людей есть несколько способов повлиять на их влияние. Примеры: «Судьба определяет успехи и неудачи», «Удача приходит, если выживает в катастрофе»; «Большинство бедствий можно предсказать». Впоследствии исследователи предложили добавить шестую социальную аксиому, веру в игру с нулевой суммой.

Изучение социальных аксиом может помочь в исследовании различий в ценностях для разных поколений нашего общества, поможет выявить особенности каждого из них, найти точки соприкосновения для улучшения межпоколенческой коммуникации.

Основными авторами современной теории поколений являются Вильям Штраус и Нил Хоув, которые впервые изложили свои идеи в их совместной книге «Поколения» в 1991 году [3]. Если говорить об отечественных теориях поколений, то нужно отметить идеи Вадима Радаева, который предложил следующую классификацию: 1) «Мобилизационное поколение» (те, кто родился до 1938 года); 2) «Поколение оттепели» (с 1939 по 1946 год); 3) «Поколение застоя» (с 1947 по 1967 год); 4) «Реформенное поколение» (с 1968 по 1981 год); 4) миллениалы (те, кто родился с 1982 по 2000 год).

Доктор психологических наук В. И. Пищик предлагает несколько иную интерпретацию поколений в современной России [4]:

1. «Бэби-Бумеры» (традиционные – носители традиционной ментальности) годы рождения 1946–1964 (период 18 лет).

2. «Неверящее поколение X» (переходные – носители переходной ментальности) годы рождения 1965–1983 (период 18 лет).

3. «Информационное поколение Y» (инновационные – носители инновационной ментальности) годы рождения 1984–1999 (период 15 лет).

4. «Новое поколение Z» (постинновационные – носители постинновационной ментальности) годы рождения 2000–2015 (период 15 лет).

Каждое поколение отличается от другого не только внешними условиями, которые влияют на его формирование, но и образом жизненного пути, системой ценностей, выборами, которые делают в течение жизни представители одного поколения. «Информационное» поколение в России формировалось под воздействием таких внешних факторов как распад СССР на отдельные республики, также теракты и военные

конфликты на рубеже 1990-2000 годов, появление нового вида эпидемий, таких как атипичная пневмония, развитие цифровых технологий, появление мобильных телефонов, рекламы; брендов, что повлияло на формирование их восприятия мира, также в систему ценностей этой группы включены понятия: гражданский долг, мораль, ответственность, но, в то же время, отмечается их наивность и готовность подчиняться. В формировании психологических особенностей «Нового» поколения сыграла информационная эра человечества, которая внесла в нынешнюю жизнь мгновенный доступ к любого вида информации, но также повысило риски распространения недостоверной информации. Представители «Нового» поколения быстро обучаются, обрабатывают информацию, также они способны мгновенно переключаться с одного вида деятельности на другой, действовать в условиях многозадачности.

Проведенный анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что на данный момент в отечественной и зарубежной психологии дефицитарными являются работы, раскрывающие социальные аксиомы поколений в условиях социальной напряженности и террористических угроз. При этом многочисленные исследования демонстрируют, что социальные аксиомы являются мощными психологическими факторами, оказывающими влияние на отношение и поведение людей в различных сферах, в том числе и в сфере оценки риска, связанному с военными действиями. Таким образом, решение задачи нахождения универсальных социокультурных психологических факторов становится особенно актуальным.

Цель статьи: осуществить эмпирическое исследование особенностей социальных аксиом у представительниц «Информационного» и «Нового» поколений. В исследовании участие приняли 45 человек – 25 представительниц «Информационного» и 20 представительниц «Нового» поколений. Возраст испытуемых соответствует возрасту представителей «Информационного» (1982-1999 г.р.) и «Нового» (2000-2015 г.р.) поколений согласно периодизации В.И. Пищик. По социальному статусу в выборке присутствуют студенты, психологи, сотрудники образовательных организаций, домохозяйки, служащие. Использовался сокращенный вариант опросника «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга (модификация - А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева) [5].

Изложение основного материала исследования. Результаты диагностики социальных аксиом представлены в таблице 1. Результаты исследования социальных аксиом показали, что для обследуемых как «Информационного», так и «Нового» поколений ведущей явилась аксиома «Награда за усилия». В жизни данные респонденты характеризуются верой в то, что все их усилия, вклад каких-либо своих личных ресурсов ведут к положительным результатам и способны защитить их от негативных последствий.

Можно ожидать проявление выраженных отрицательных реакций, резкое неприятие действительности в случае возникновения негативных событий на фоне совершения собственных усилий в рамках какой-либо ситуации.

На втором месте по частоте выборов и среднегрупповому баллу стала социальная аксиома «Социальная сложность». Такие респонденты характеризуются установкой на то, что существует множество различных способов для достижения своих целей и люди зачастую ведут себя по-разному в различных ситуациях. Аксиома «Контроль судьбы» менее всего выражена у представительниц как у «Нового», так у «Информационного» поколений (таблица 1). Как видно по табл.1, полученные нами данные совпадают с результатами исследования студентов Н.В.Муращенковой, то есть, отражают общие тенденции.

Таблица 1 – Результаты диагностики социальных аксиом у представительниц Нового и Информационного поколений

Поколение	Социальная аксиома				
	Социальный цинизм	Социальная сложность	Награда за усилия	Религиозность	Контроль судьбы
Информационное	2.81	3.47	3.5	3.05	2.8
Новое	2.67	3.57	3.63	2.91	2,56
Uэ	179	202	213	198	176
Значимость различий	Не значимы	Не значимы	Не значимы	Не значимы	Значимы, $p \leq 0,05$
Данные Н.В.Муращенковой по возрастной группе 18-25 лет [1]	2.93	4.04	4.20	2.72	2.41

Для определения статистической значимости различий показателей среднегрупповых значений социальных аксиом «Информационного» и «Нового» поколений использовался непараметрический критерий Манна-Уитни. Статистически значимых различий по всем аксиомам, кроме аксиомы «Контроль судьбы» получено не было. Выше показатели по аксиоме «Контроль судьбы» (вера в судьбу) у представительниц «Информационного» поколения ($Uэ = 176$, $p \leq 0,05$).

Выводы. Анализ социальных аксиом показал, что у представительниц двух поколений (Информационного и «Нового») в сфере аксиом гораздо больше общего, нежели различного. Представительницы как «Информационного», так и «Нового»

поколений проявляют большую приверженность аксиомам «награда за усилия» и «социальная сложность», нежели аксиомам «социальный цинизм», «религиозность» и «контроль судьбы». Однако по аксиоме Контроль судьбы показатели значимо выше у представительниц «Информационного» поколения», для них в большей степени, чем для более молодых, представительниц «Нового» поколения» свойственны верования, указывающие на то, что все события в жизни предопределены, зависят от судьбы.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные в ходе исследования данные могут быть использованы в практике психологической консультативной помощи по запросам, связанным со межпоколенческим взаимодействием, желанием гармонизации ощущения внутреннего благополучия, которое может быть достигнуто через осознание жизненных аксиом клиента.

Литература:

1. Кондрашихина, О. А. Жизненные сценарии женщин «Информационного» и «Нового» поколений / О. А. Кондрашихина, С. Е. Моторная, Л. Г. Кондрашевская // Мир науки. Педагогика и психология. – 2025. – Т. 13, № 1. – EDN EDHEJJ.
2. Муращенкова, Н. В. Социальные аксиомы и страх перед COVID-19: мультигрупповой анализ связи у студенческой молодежи трех стран / Н. В. Муращенкова // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 89-108. – DOI 10.17759/sps.2022130207. – EDN INERWJ.
3. Ожиганова, Е. М. Теория поколений Н. Хоуа и В. Штрауса. Возможности практического применения / Е. М. Ожиганова // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2015. – № 1(1). – С. 94-97. – EDN VKUEDV.
4. Пищик, В. И. Ментальность поколений в текущей современности / В. И. Пищик. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2019. – 150 с. – (Научная мысль). – ISBN 978-5-16-014155-8. – DOI 10.12737/monography_5ba0ee24675441.11909669. – EDN YASJHN.
5. Татарко, А. Н. Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева // Культурно-историческая психология. – 2020. – Т. 16, № 1. – С. 96-110. – DOI 10.17759/chp.2020160110. – EDN AVGVWE.
6. Leung, K. Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions / Leung K., Bond M. H., Reimel de Carrasquel S., Munoz C., Hernandez M., Murakami F., Yamaguchi S., Bierbrauer G., Singelis T. M. // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2002. – Vol. 33. – P. 289.

УДК 159.96

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС С ПОЗИЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

*Кривович Екатерина Михайловна**студент**Севастопольского экономико – гуманитарного института (филиала)**ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»**г. Севастополь**Научный руководитель**Гришина Анастасия Викторовна**кандидат психологических наук,**доцент кафедры общей психологии**Севастопольского экономико – гуманитарного института (филиала)**ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»**г. Севастополь*

Аннотация. В статье представлены теоретические сведения о влиянии межкультурной неопределенности на когнитивный диссонанс в процессе коммуникации. Это позволяет понять, как культурные различия могут вызывать внутренние конфликты и как эти конфликты влияют на межличностное взаимодействие. Во времена многообразия культур, возникающие конфликты и недопонимания могут приводить к социальным напряжениям, что делает изучение этих процессов особенно важным. Теоретический анализ темы показал, что межкультурная неопределенность возникает в ситуациях, когда человек сталкивается с информацией, поведением или нормами другой культуры, которые не совпадают с его привычными представлениями и ожиданиями. Когнитивный диссонанс в межкультурной среде проявляется как психологическое напряжение, вызванное противоречием между прежними убеждениями и новыми культурными сигналами. Появляется дилемма выбора: сохранять свои установленные стереотипы, снижая тем самым неопределенность или адаптироваться к новым культурным смыслам, что может нарушить укоренившиеся моральные и социальные ориентиры.

Ключевые слова: межкультурная неопределенность, когнитивный диссонанс, коммуникация, конфликт, культура.

THE EFFECT OF CROSS-CULTURAL UNCERTAINTY ON COGNITIVE DISSONANCE

*Krivovich Ekaterina Mikhailovna**student*

Sevastopol Economics and Humanities Institute (branch)

V.I Vernadsky Crimean Federal University

Sevastopol

Scientific supervisor

Grishina Anastasia Viktorovna

candidate of psychological sciences,

associate professor of the department of general psychology

Sevastopol Economics and Humanities Institute (branch)

V.I Vernadsky Crimean Federal University

Sevastopol

Abstract. The article presents theoretical information about the influence of cross-cultural uncertainty on cognitive dissonance in the communication process. This allows us to understand how cultural differences can cause internal conflicts and how these conflicts affect interpersonal interaction. In times of cultural diversity, conflicts and misunderstandings can lead to social tensions, which makes studying these processes especially important. A theoretical analysis of the topic showed that cross-cultural uncertainty arises in situations when a person is confronted with information, behavior or norms of another culture that do not coincide with his habitual ideas and expectations. Cognitive dissonance in an intercultural environment manifests itself as psychological tension caused by a contradiction between previous beliefs and new cultural signals. There is a dilemma of choice: to maintain one's established stereotypes, thereby reducing uncertainty, or to adapt to new cultural meanings, which may violate deep-rooted moral and social guidelines.

Keywords: intercultural uncertainty, cognitive dissonance, communication, conflict, culture.

Постановка проблемы. Межкультурная неопределенность в коммуникации определяется как состояние когнитивной неуверенности и эмоциональной тревоги, возникающее у участников взаимодействия из разных культур вследствие столкновения с различиями в культурных ожиданиях, языковых барьерах и неоднозначности смыслов. Она проявляется тогда, когда индивиды не обладают достаточной информацией для точного понимания поведения и намерений партнера по общению, что затрудняет предвидение и интерпретацию происходящих событий. Природа межкультурной неопределенности двойственна. С одной стороны, она отражает объективные различия в нормах, ценностях и коммуникационных стилях культур, а с другой — субъективное

восприятие риска, связанного с возможностью допустить ошибку в интерпретации или неправильно отреагировать [2].

Цель статьи – систематизировать взгляды на феномен когнитивного диссонанса.

Изложение основных результатов исследования. Когнитивный диссонанс представляет собой внутренний психологический конфликт, который возникает при одновременном существовании двух или более противоречивых убеждений, идей или эмоциональных реакций. Этот конфликт порождает неприятные ощущения – тревогу, вину, злость или стыд – которые мотивируют человека к устранению возникшего дискомфорта.

Основоположником теории когнитивного диссонанса стал Леон Фестингер, предложивший это понятие в 1957 году и подчеркнувший, что человек стремится к внутренней гармонии и целостности восприятия себя и мира [4].

Основу теории когнитивного диссонанса составляет положение о том, что появление противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний вызывает психологический дискомфорт, который был назван «когнитивным диссонансом». Природа возникновения когнитивного диссонанса лежит, исключительно, в самой человеческой природе.

Так, элементы знаний, отражающих реалии, формируют индивидуальную картину действительности. Но эти когнитивные элементы достаточно часто не соответствуют действительности, поэтому реальность будет оказывать определенное давление на индивида с целью приведения данных когнитивных элементов в соответствие с реальностью. При этом человек пытается рационализировать появившиеся противоречия в силу характерного для человеческой психики стремления к согласованности когнитивных элементов. Если попытки достичь согласованности оказываются неудачными, то возникшее противоречие в системе знаний вызывает психологический дискомфорт, мотивирующий человека на уменьшение степени когнитивного диссонанса [4].

Связь между межкультурной неопределенностью и когнитивным диссонансом проявляется в том, что неопределенность, возникающая при столкновении культурных понятий, выступает формой внутренней психологической напряженности, соответствующей определению когнитивного диссонанса. Возникающая в таких условиях неуверенность и противоречивость восприятия приводит к состоянию диссонанса, которое требует когнитивных усилий для разрешения. Механизм возникновения диссонанса опирается на особенности восприятия и интерпретации информации, независимые от привычной культурной рамки.

К примеру, языковые структуры и культурно обусловленные способы категоризации мира формируют у человека стереотипы и ожидания, которые при столкновении с чужой культурой оказываются несовместимыми. Это и порождает внутреннее напряжение, которое проявляется как несоответствие между существующими убеждениями и событиями, требующими переосмысления.

Понимание конкретных проявлений когнитивного диссонанса в межкультурной коммуникации является необходимым этапом для выявления эффективных способов преодоления возникающих трудностей. Таким примером могут быть дипломатические и деловые связи, где стандартные фразы и жесты, обыденные для одной культуры, могут оказаться неприемлемыми или непонятыми в другой.

Немаловажны различия в восприятии уровня формальности общения, личного пространства и невербальной коммуникации. В ситуациях, когда участники коммуникации не разделяют этих базовых ожиданий, невольные нарушения могут привести к затруднениям [1].

Особое значение придается лингвистическим аспектам. Ситуации возникают при попытках перевода культурно насыщенных концептов. Переводчики и говорящие подвергаются диссонансу из-за невозможности передать все оттенки смысла, что порождает неполное или искаженное понимание.

В студенческой сфере примеры межкультурного общения, вызывающего когнитивный диссонанс, связаны с ситуациями, когда студент сталкивается с культурно обусловленными различиями в восприятии, поведении, нормах и ценностях, что приводит к внутреннему конфликту между имеющимися представлениями и новой информацией.

Примеры межкультурного общения в студенческой среде:

- Студенческие обмены и обучение вместе с иностранными однокурсниками, где возникают различия в стилях коммуникации, ожиданиях и нормах поведения.
- Различия в подходах к учебе, включая методы коммуникации с преподавателями, участие в групповых проектах, обсуждение заданий и оценку результатов.
- Различное восприятие авторитета, времени, критики и обратной связи, что влияет на взаимоотношения в учебной группе.

Когнитивный диссонанс в межкультурном общении студентов:

- возникает, когда новые культурные нормы, ценности или поведенческие модели вступают в противоречие с уже сложившимися представлениями студента;
- может быть вызван непониманием или неодинаковым восприятием учебного процесса и коммуникации с представителями других культур.

Такое противоречие вызывает психологический дискомфорт, сопротивление переменам, затруднения в адаптации и социальном взаимодействии. В межкультурной коммуникации когнитивный диссонанс может вызвать блоки в понимании, неправильную оценку ситуации и снижать эффективность учебного взаимодействия.

Преодоление когнитивного диссонанса в межкультурном общении требует применения стратегий, направленных на гармонизацию внутренних конфликтов. Центральным понятием является развитие межкультурной компетенции, которая позволяет не только выявлять источники диссонанса, но и осознанно управлять ими в процессе коммуникации. Элементы компетенции: эмпатия, толерантность и способность к культурной адаптации. Эмпатия способствует осознанию эмоциональных и ценностных особенностей партнера по коммуникации, что облегчает процесс принятия и уважения различий. Толерантность снижает уровень межгрупповой тревоги и способствует созданию позитивного эмоционального фона, необходимого для взаимодействия. Навыки адаптации включают осознаваемое изменение собственных коммуникативных стратегий с учетом культуры, что облегчает устранение противоречий, вызывающих когнитивный диссонанс. Развитие межкультурных компетенций становится необходимостью для успешной социализации. Только через расширение знаний, навыков и личностных качеств индивиды способны адекватно реагировать на новые культурные вызовы, снижая внутренние противоречия и обеспечивая гармоничное общение в культурной среде. Также важной составляющей успешного преодоления диссонанса является взаимодействие с носителями другой культуры. Такое общение способствует выработке навыков точного восприятия и интерпретации как вербальных, так и невербальных сообщений, раскрывая культурные понятия и снижая риск возникновения новых конфликтов [3].

Выводы. Таким образом, выявлена необходимость к пониманию межкультурной неопределенности и когнитивного диссонанса, что способствует развитию коммуникационных практик в условиях культурного многообразия. Это открывает возможности для повышения качества межкультурного взаимодействия и снижения конфликтности.

Литература:

1. Баринаова, В. И. Формирование понятия межличностного конфликта у подростков с помощью деловой игры «искусство разрешения» (в рамках проекта «Сириус. Лето: начни свой проект 2024/25 гг.») / В. И. Баринаова, К. Ю. Чмыхун, З. А. Князева // Методология, метод и методика в современных психологических исследованиях в России : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным

участием, Севастополь, 28 марта 2025 года. – Севастополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. – 2025. – С. 301-314.

2. Боголюбова, Н. М. Межкультурная коммуникация / Н.М. Бологубова. - Москва : Юрайт, 2023. – 253 с.

3. Садохин, А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: Учебное пособие для вузов / А.П. Садохина. – М.: Юнити-Дана, 2004. – 271 с.

4. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – Санкт-Петербург : «Речь», 2000. – 317с.

УДК 316.6

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ: ВЕДУЩАЯ РОЛЬ ПСИХОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОЕКТНОГО МЫШЛЕНИЯ И РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Кузьмина Мария Николаевна

советник государственной гражданской службы

города Севастополя 1 класса,

главный специалист-эксперт

Департамент внутренней политики города Севастополя,

доцент кафедры «Психология»

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

г. Севастополь

Мешальникова Арина Анатольевна

студент кафедры «Педагогика детства,

специальная психология и дефектология»

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

г. Севастополь

Аннотация. Статья посвящена исследованию ведущей роли психологии в формировании проектного мышления и развитии гражданского общества. Описаны фундаментальные подходы к рассмотрению психики, предоставляющие важные теоретико-методологические основания для анализа формирования проектного мышления. Особое внимание уделено взаимосвязи феномена проектного мышления и процесса развития гражданского общества. Выводы статьи подтверждают, что психология выступает важнейшим инструментом формирования созидательного проектного мышления, которое служит надежной защитой от негативного идеологического воздействия и одновременно способствует раскрытию цивилизационных архетипов российского общества, составляющих фундамент национальной идентичности.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, проектное мышление, гражданское общество, цивилизационные архетипы, гражданская идентичность.

AXIOLOGICAL ORIENTATIONS: THE LEADING ROLE OF PSYCHOLOGY IN FORMING PROJECT-BASED THINKING AND DEVELOPING CIVIL SOCIETY

Kuz'mina Mariya Nikolaevna

advisor to the state civil service of the city of Sevastopol, 1 class,

Chief specialist-expert

*Department of Internal Policy of the City of Sevastopol,
Associate Professor of the Department of Psychology
Sevastopol State University
Sevastopol*

Meshalnikova Arina Anatolievna
*Student of the Department of Childhood Pedagogy,
Special Psychology and Defectology
Sevastopol State University
Sevastopol*

Abstract. The article is devoted to examining the leading role of psychology in the formation of project-based thinking and the development of civil society. It outlines fundamental approaches to understanding the psyche, which provide important theoretical and methodological foundations for analyzing the formation of project-based thinking. Special attention is given to the interrelation between the phenomenon of project-based thinking and the process of civil society development. The conclusions of the article confirm that psychology serves as a crucial instrument for shaping constructive project-based thinking, which functions as a reliable safeguard against negative ideological influences while simultaneously contributing to the revelation of the civilizational archetypes of Russian society that form the foundation of national identity.

Keywords: traditional spiritual and moral values; project-based thinking; civil society; civilizational archetypes; civic identity.

Постановка проблемы. Психология, являясь фундаментальной наукой, играет ключевую роль в образовательном процессе. Ведущей составляющей обозначенного процесса является развитие проектного мышления, поскольку оно, реализуясь в проектной деятельности, становится двигателем конструктивного развития гражданского общества, способствует обретению гражданской идентичности.

Перед лицом глобальных испытаний, стоящих перед обществом России, возрастает необходимость принятия мер, направленных на противодействие насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей [1]. В ситуации когнитивно-психологической войны психология приобретает особую значимость, так как является наукой, исследующей человеческое мышление. Благодаря своему теоретико-методологическому аппарату, психология способна выявить механизмы воздействия на сознание, вскрыть манипуляции сознанием и формировать устойчивые защитные реакции против манипулятивных технологий противника.

Формирование проектного мышления на основании традиционных духовно-нравственных ценностей является важнейшим инструментом противодействия распространению деструктивной идеологии [1], угрожающей государственной безопасности Российской Федерации.

Целью нашего исследования является изучение некоторых фундаментальных подходов к рассмотрению психики, обеспечивающих методологические основы для анализа процесса формирования проектного мышления, а также выявление влияния традиционных ценностей на этот процесс и определение механизмов воздействия проектного мышления на развитие гражданского общества как эффективного инструмента укрепления гражданского сознания.

Изложение основного материала исследования. Феномен проектного мышления - явление, возникшее относительно недавно и получившее распространение в XXI веке, что обуславливает потребность в углубленном анализе его содержания, функций и механизмов влияния на социальную сферу.

Исследование базируется на анализе Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1]. А также на анализе концепции социальной архитектуры в России, предложенной в Администрации Президента Российской Федерации [7].

Концепция социальной архитектуры, разработанная первым заместителем Руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.В. Кириенко и начальником Управления Президента Российской Федерации по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов А. Д. Харичевым направлена на реализацию комплексного подхода к формированию проектного мышления и развитию российского общества.

А.Д. Харичев определяет социальную архитектуру следующим образом: «Социальная архитектура – это целенаправленная деятельность по проектированию и организации общественно значимых изменений, объединяющая стратегическое видение будущего, масштабные инициативы, конкретные практики в единую систему, направленную на развитие новых социальных систем» [7. с. 6].

В исследовании использованы теоретические данные трудов Л.С. Выготского [3], С.Л. Рубинштейна [5], К.Г. Юнга [6], А.Г. Дугина [4].

Традиционные ценности в психологической практике выступают ключевыми аксиологическими категориями, открывающими доступ к глубинному пониманию природы коллективных психологических явлений.

Авторы полагают, что психологическим основанием целей формирования проектного мышления является культурно-историческая концепция развития Л.С.Выготского [3]. Согласно этому подходу, личность развивается в тесной связи с культурой и историей своего народа, усваивая принятые в обществе нормы и ценности. Благодаря таким аксиологическим ориентирам формируются устойчивые жизненные смыслы, позволяющие человеку быть успешным в деятельности.

Согласно деятельностному подходу С.Л. Рубинштейна именно в процессе деятельности формируется личность, развиваются её качества и способности. С.Л.Рубинштейн утверждал: «Изучение психологии деятельности естественно и закономерно переходит в изучение свойств личности – ее установок, способностей, черт характера, проявляющихся и формирующихся в деятельности» [5, с.634].

Проектная деятельность, как особая форма практической активности, представляет собой сознательную, целенаправленную и организованную форму созидания, направленную на создание общественно значимого результата. Благодаря участию в проектной деятельности человек реализует свои творческие возможности, развивает проектное мышление, конструктивные качества и чувство ответственности, что в итоге способствует укреплению его индивидуальной и гражданской позиции.

Проектное мышление – это высшая психическая функция, направленная на преобразование и формирование реальности в процессе созидательной проектной деятельности.

Проектное мышление объединяет сознание и подсознание в единый процесс познания и изменения реальности, где оба уровня психики взаимодополняют друг друга.

Карл Густав Юнг, основатель глубинной психологии, ввёл термин «коллективное бессознательное», подчёркивая, что в отличие от индивидуального сознания, коллективное бессознательное не обусловлено личным опытом отдельного человека, имеет универсальную и безличную природу, не развивается индивидуально, но наследуется. Коллективное бессознательное состоит из изначальных структур - архетипов, которые придают определенную форму содержания психики [6].

Последователь К.Г. Юнга, французский исследователь Жильбер Дюран, посвятил значительную часть своих трудов изучению структуры воображения, основанной на принципах аналитической психологии, и стал основоположником направления, известного как социология глубин. Российским учёным А.Г. Дугиным разработана концепция трансформации социальной структуры общества в контексте социологии воображения, углубившая научные исследования в данном направлении [4].

Труд А.Г. Дугина [4] убедительно демонстрируют важность обращения к традиционным духовно-нравственным ценностям и глубокого осознания цивилизационных архетипов российского общества. Только таким путём можно обеспечить устойчивость и сохранение российской идентичности в условиях стремительно меняющегося мира.

Авторы полагают, что в основе проектного мышления лежит система архетипических образов. Проектное мышление обладает созидательным потенциалом синтеза рациональных процессов и интуитивного постижения реальности на основе воображения.

Такая особенность проектного мышления приобретает особое значение в современном мире, полном неопределённости, где методы, базирующиеся исключительно на законах логики, оказываются недостаточно эффективными. Соединяя рациональность и бессознательные структуры, проектное мышление позволяет находить баланс между предсказуемостью и непредсказуемостью, активизируя важнейшую способность психики к антиципации - предвосхищению событий [2]. Антиципация помогает заблаговременно готовиться к возможным сценариям, минимизировать риски и повышать вероятность успеха в ситуациях хаотичного изменения условий.

Выводы. Таким образом, проектное мышление объединяет рациональный и архетипический компоненты коллективной психики, задействуя способность к антиципации, что является ключом к созданию образа будущего, подлежащего воплощению. Цивилизационные архетипы российского общества служат источником общих ценностей и смыслов, которые закладывают основу представлений о будущем. Антиципация же позволяет подготовить почву для реализации задуманного. Совместно они образуют мощный синтез, позволяющий проектировать и материализовывать управляемое будущее.

Роль психологии в описанных процессах чрезвычайно велика. Дальнейшее совершенствование психологических методов диагностики и формирования проектного мышления обеспечит устойчивое развитие российского общества в среде, защищённой от деструктивного влияния, созданной в процессе проектной деятельности.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно–нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Дост. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906.

2. Большой психологический словарь / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 672, [6] с.
3. Выготский, Л.С. Психология Развития как феномен культуры: Под редакцией М.Г. Ярошевского / Вступительная статья М.Г. Ярошевского. - М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЕК», 1996. – 512 с.
4. Дугин, А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию / А.Г. Дугин. – М.: Академический Проект; Трикста, 2010. – 564 с.
5. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 688 с.
6. Юнг, К.Г. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк. – М.: Мартис, 1995. - 320 с.
7. Харичев, А.Д. Социальная архитектура: от запросов в настоящем к горизонтам будущего / А.Д. Харичев // Блокнот гражданского просвещения. – 2025. - № 12. – с. 4-10. URL: <https://gos.znaniyru.ru/> (дата обращения: 30.11.2025).

УДК 159.9

ФИНАНСОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ В МНОГОКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

*Лавров Михаил Николаевич**к.э.н., доцент, заведующий кафедрой**Государственный университет просвещения (ГУП)**Доцент кафедры продюсерства исполнительских искусств**РАМ им. Гнесиных**г.Москва**Семенкова Екатерина Владимировна**старший преподаватель**Государственный университет просвещения**г.Москва*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы правовой организации социализации детей в многокультурном обществе. Рассматривается специфика формирования финансового поведения на стыке различных культурных традиций, семейных практик и институциональных норм. Особое внимание уделяется правовым аспектам участия несовершеннолетних в финансовых отношениях в рамках российского законодательства с выделением проблем правовой грамотности. Определены ключевые принципы психолого-педагогического сопровождения, основанные на диалогическом подходе и учете возрастных особенностей. Доказывается необходимость интеграции правового просвещения и культурно-чувствительной педагогики для формирования финансовой устойчивости личности в поликультурном обществе.

Ключевые слова: финансовая социализация, многокультурное общество, правовая грамотность, психолого-педагогическое сопровождение, финансовое поведение детей, межкультурный диалог

FINANCIAL SOCIALIZATION OF CHILDREN IN A MULTICULTURAL SOCIETY

*Lavrov Mikhail Nikolaevich**Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Department**State University of Education (SUE)**Associate Professor, Department of Performing Arts Production**Gnessin Russian Academy of Music**Moscow**Semenkova Ekaterina Vladimirovna*

Abstract. This article examines the legal organization of children's socialization in a multicultural society. It examines the specifics of developing financial behavior at the intersection of various cultural traditions, family practices, and institutional norms. Particular attention is paid to the legal aspects of minors' participation in financial relations under Russian law, highlighting the challenges of legal literacy. Key principles of psychological and pedagogical support, based on a dialogic approach and consideration of age-appropriate characteristics, are identified. The need to integrate legal education and culturally sensitive pedagogy to develop financial stability in a multicultural society is demonstrated.

Keywords: financial socialization, multicultural society, legal literacy, psychological and pedagogical support, children's financial behavior, intercultural dialogue

Постановка проблемы. Финансовая социализация как процесс интеграции в финансовую систему общества через усвоение норм, знаний, установок и моделей экономического поведения на сегодняшний день приобретает особую сложность и значимость в условиях многокультурной среды. В современном глобализирующемся мире ребенок зачастую становится агентом сразу нескольких культурных систем. К таким системам можно отнести: этническую культуру семьи, доминирующую культуру страны проживания и глобальную потребительскую среду. Именно они накладывают уникальный отпечаток на формирование финансовой идентичности ребенка, делая данный процесс нелинейным и потенциально конфликтогенным.

Целью настоящей статьи является определение правовых и психолого-педагогических основ финансовой социализации детей в многокультурном контексте.

Изложение основного материала исследования. Финансовая социализация в многокультурном обществе представляет собой многоуровневый феномен, где переплетаются институциональные, семейные и индивидуальные факторы. На макроуровне ключевую роль играют государственная образовательная политика и правовое поле, регулирующие финансовые отношения с участием несовершеннолетних. На микроуровне — семейные практики, культурные традиции и личный опыт ребенка. Именно на стыке этих уровней возникают основные противоречия. Ребенок из семьи с сильными культурными традициями, где, например, принято откладывать деньги на образование детей или делать сбережения «под матрас», сталкивается в школе с

продвигаемой моделью цифровых микроплатежей. Это порождает когнитивный диссонанс и требует от ребенка навыков культурной и финансовой гибкости.

В связи с этим правовые аспекты финансовой социализации образуют каркас, определяющий границы и возможности участия детей в финансовых отношениях. В Российской Федерации правовой статус несовершеннолетнего в сфере финансов регулируется, прежде всего, Гражданским кодексом РФ. Закон дифференцирует дееспособность в зависимости от возраста: малолетние (6-14 лет) могут совершать мелкие бытовые сделки, распоряжаться карманными деньгами, предоставленными родителями; несовершеннолетние (14-18 лет) обладают расширенными правами, включая распоряжение собственным заработком, стипендией, осуществление прав автора произведения. Однако ключевой проблемой остается правовая неграмотность как самих детей, так и их родителей, особенно в семьях мигрантов, где может отсутствовать понимание местного законодательства. Правовое сопровождение должно быть направлено не только на информирование о правах, но и на формирование правовой культуры, включающей уважение к договорам, понимание ответственности за финансовые обязательства и знание механизмов защиты прав потребителей финансовых услуг.

Психолого-педагогическое сопровождение финансовой социализации в многокультурной среде требует учета возрастных и культурно-специфических особенностей развития. В младшем школьном возрасте закладываются основы финансовых представлений через игровую деятельность. Эффективными являются сюжетно-ролевые игры, моделирующие ситуации купли-продажи, но их наполнение должно быть культурно-релевантным. Например, игра в «восточный базар» будет ближе ребенку из среднеазиатской семьи, чем модель супермаркета. В подростковом возрасте на первый план выходит формирование финансовой идентичности и критического мышления. Для подростков из этнических меньшинств характерен двойной вызов: с одной стороны, давление потребительской культуры, с другой — семейные установки, которые могут быть ориентированы на аскетизм, коллективное владение ресурсами или иные, отличные от западных, модели. Психолого-педагогическая работа здесь должна быть направлена на помощь в интеграции этих ценностных систем без ущерба для личностного самоопределения.

Ключевым принципом психолого-педагогического сопровождения является диалогичность. Нельзя просто транслировать «единственно верную» финансовую модель. Необходимо создавать пространство для диалога, в котором дети из разных культур могли бы обсуждать семейные финансовые традиции: отношение к долгу, практики дарения, накопления, помощи родственникам. Такие дискуссии не только обогащают финансовый

опыт всех участников, но и способствуют развитию толерантности и межкультурного понимания. Педагог или психолог в этой ситуации выступает не в роли носителя истины, а в роли модератора, помогающего детям извлечь рациональное зерно из разных практик и сформировать собственную, осознанную позицию.

Семья остается агентом первичной финансовой социализации, однако ее влияние в многокультурном контексте может носить как позитивный, так и деструктивный характер. С одной стороны, крепкие семейные связи и традиции взаимопомощи, характерные для многих культур, могут служить надежной страховкой от финансовых рисков. С другой стороны, авторитарный контроль над финансовыми ресурсами ребенка, практика принудительного изъятия заработанных средств могут блокировать развитие финансовой самостоятельности и подрывать доверие к родителям. Задача специалистов — выстраивать партнерские отношения с семьями, разъясняя важность постепенной передачи финансовой ответственности ребенку в соответствии с его возрастом и возможностями, с уважением относясь к культурному багажу семьи, но мягко корректируя те практики, которые препятствуют гармоничному развитию личности.

Особого внимания следует уделить вопросу формирования цифровой составляющей финансовой социализации. Цифровые финансовые сервисы стирают национальные границы и создают унифицированную среду, однако цифровой разрыв между детьми из разных социально-культурных групп остается значительным. Ребенок из городской семьи с ранних лет оперирует онлайн-кошельками и виртуальными покупками, в то время как его сверстник из семьи мигрантов может быть исключен из этого процесса. Это создает риски формирования новой формы неравенства — цифровой финансовой исключенности.

Выводы. Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение должно включать в себя целенаправленную работу по ликвидации этого разрыва, обеспечивая всем детям равный доступ к знаниям о безопасном и ответственном поведении в цифровой финансовой среде.

Эффективная финансовая социализация в многокультурном обществе возможна лишь на основе интегративного подхода, синтезирующего правовое просвещение, культурно-чувствительную педагогику и возрастную психологию. Существующее на сегодняшний день правовое поле задает необходимые рамки безопасности, а психолого-педагогическое сопровождение, построенное на принципах диалога и учета культурного разнообразия, наполняет эти рамки жизненным содержанием, помогая каждому ребенку стать компетентным, ответственным и финансово устойчивым членом общества.

Литература:

1. Бурляева, С. А. Социализация подростков в изменяющемся мире / С. А. Бурляева // Инновационное образование глазами современной молодежи : материалы IX Международной научно-практической конференции, Челябинск, 27–28 февраля 2024 года. – Челябинск: ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2024. – С. 266-268. – EDN JJUWAU.

2. Устинова, О. А. V Международная научно-практическая конференция «Социокультурные проблемы и практики современного детства» (9-10 ноября 2023 г.) / О. А. Устинова // Развитие человека в современном мире. – 2023. – № 4. – С. 102-103. – EDN TTZUVT.

3. Социальное развитие детей в мультикультурном мире : Материалы международной научно-практической конференции, Елец, 28 февраля 2022 года. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2022. – 402 с. – ISBN 978-5-00151-287-5. – EDN MBXAUE.

УДК 159.9

МАРКЕРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕПАРАЦИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Лучникова Ирина Анатольевна

магистрант кафедры «Психология»

Севастопольский государственный университет

г. Севастополь

Султанова Ирина Викторовна

кандидат психологических наук, доцент,

заведующая кафедрой «Психология»

Севастопольский государственный университет

г. Севастополь

Аннотация. В статье рассматривается проблема личностной, социальной и эмоциональной зрелости молодёжи. Обоснованы причины задержки эмоциональной зрелости у современной молодежи. Психологическая сепарация рассматривается как важный параметр эмоциональной зрелости. Выделены основные маркеры психологической сепарации молодых людей от родителей. Сложная структура сепарации позволяет предположить, что именно особенности ее протекания, соотношение внешней и внутренней стороны, различных компонентов обуславливают процесс становления взрослости с позиций её внешних социально-ролевых критериев.

Ключевые слова: взросление, маркеры, молодёжь, психологическая сепарация, эмоциональная зрелость.

MARKERS OF PSYCHOLOGICAL SEPARATION AND EMOTIONAL MATURITY IN YOUNG PEOPLE

Luchnikova Irina Anatolyevna

Master's Student, Department of Psychology

Sevastopol State University

Sevastopol

Sultanova Irina Viktorovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,

Associate Professor, Department of Psychology

Sevastopol State University

Sevastopol

Abstract. This article examines the personal, social, and emotional maturity of young people. The causes of delayed emotional maturity in today's youth are substantiated.

Psychological separation is considered an important parameter of emotional maturity. The main markers of psychological separation of young people from their parents are identified. The complex structure of separation suggests that its specific processes, i.e., the relationship between external and internal aspects, as well as various components, determine the process of emerging adulthood in terms of external social and role criteria.

Keywords: emerging adulthood, markers, youth, psychological separation, emotional maturity.

Постановка проблемы. В последние четверть века отечественные ученые всё чаще заявляют о существенных изменениях в процессах, сопровождающих взросление современной молодежи во всем мире. Определенную тревогу у них вызывает проблемы, связанные с развитием эмоциональной зрелости у определенной категории молодых людей. Последнее, по данным исследований Т.Л. Шабановой и Л.В. Тарабакиной проявляется в инфантилизме, эмоциональной нестабильности, слабой развитости рефлексии, доминировании стратегии избегания, спонтанной агрессии и др. [10]. В.Р. Манукян, О.А. Чеботарёва и другие ученые отмечают проблемы молодежи в плане сепарации от родителей, трудности в создании семей, не желание заключать браки, рожать детей и др. Между тем сепарация ими рассматривается как инструмент взросления и базис самостоятельности [4; 9]. Н.Н. Толстых указывает, что вопросы, с которых необходимо начинать обсуждение проблемы современного взросления, касаются возраста, начиная с которого человек может считаться взрослым, и с какого он может вести самостоятельную жизнь, принимая ответственность за свою судьбу и построение в будущем собственной семьи [7]. Взросление является весьма сложным процессом, который охватывает значительную часть жизни человека и подвержен влиянию исторического времени. Тем не менее, основы становления личности, проявляющиеся в высоком уровне развития социального и эмоционального интеллекта, волевой сферы, должны быть сформированы, по мнению Ю.А. Кочетовой, уже в юношеском возрасте [3].

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к умозаключению о целесообразности выделения психологических маркеров взрослости и, прежде всего, маркеров эмоциональной зрелости. **Цель статьи** – выделить психологические маркеры взрослости и, прежде всего, маркеры эмоциональной зрелости.

Изложение основного материала исследования. Исследования в данном направлении проводились и ранее, но актуальность проблемы заключается в том, что эти маркеры не являются константными. Они меняются в филогенезе общественных отношений. Например, результаты демографических исследований Н.Н. Толстых

свидетельствуют о снижении в современном обществе среднего возраста начала полоролевых отношений до исторического минимума (по официальной статистике до 17-18 лет). При этом возраст завершения образования, напротив, существенно увеличился [7]. Информационная осведомленность современной молодёжи значительна, тогда как мировоззренческий базис остается весьма неустойчивым.

Е.С. Митрофанова констатирует, что молодежь «дебютирует в разных сферах жизни сообразно своим жизненным расписаниям и в свое время». По её мнению, это происходит в результате ослабления традиций, возрастающей информатизации, индивидуализации современного общества, экономического курса на потребление [5]. Данный социально-демографический контекст обуславливает актуальность определения маркеров эмоциональной зрелости и сепарации современной молодёжи, как её основного параметра. Общеизвестно, что традиционными социально-ролевыми маркерами в XX веке вступления во взрослость являются такие события, как окончание обучения, уход из родительской семьи, семейный статус, рождение детей, вступление в профессиональную деятельность, стабильная трудовая занятость, определенная финансовая независимость. Однако, как следует из результатов исследования О.А. Тихомандрицкой, А.М. Рикель и других учёных, они постепенно утрачивают свою роль в современном обществе [6]. Сегодня внутренние, психологические критерии взрослости преобладают по значимости над социальными. Это наглядно отражено в двадцатилетнем лонгитюдном исследовании ценностных ориентаций молодёжи, проводимом в 2005-2025 гг. В.Н. Ковалёвым [2]. Вместе с тем авторы (Е.С. Митрофанова и О.А. Тихомандрицкая) указывают на неоднородность и высокую индивидуализацию процесса перехода современной молодёжи во взрослость. Увеличивающаяся дифференциация взросления, а следовательно, возникающие сложности выделения маркеров его достижения, актуализируют вопрос о раскрытии механизмов возникновения взрослости. В контексте взросления как становления индивидуальности, обретения функциональной и психологической автономии важнейшим механизмом является психологическая сепарация от родителей.

Эмоциональная зрелость в научной литературе рассматривается как составная часть зрелости личности. Анализ воззрений учёных (Ю.А. Кочетовой, Е.С. Митрофановой, А.Эллиса, Дж. Хоффмана и др.) исследовавших данную проблематику, позволяет выделить следующие примерный свод критериев эмоциональной зрелости:

- способность понимать свои и чужие эмоции и причины их возникновения;
- способность конструктивно преобразовывать тревожные переживания, управлять своими эмоциями через замену иррациональных установок в рациональные;

- способность к целенаправленной эмоциональной регуляции процесса деятельности, согласовывать эмоции с правилами деятельности и конечной её целью;
- высокий уровень ответственности за свои поступки, действия, результаты деятельности, собственное состояние и свою судьбу;
- принятие себя (своего «Я») и способность к самоуправлению;
- способность к эмпатии, к фасилитации в неформальном и деловом общении;
- адаптивность к новому (новым обстоятельствам жизни, к новым видам деятельности, к меняющимся условиям среды);
- соблюдение собственных интересов, а также уважение интересов и личных границ других людей; оптимизм, гибкость, терпимость к неопределенности и отсроченный гедонизм; сепарация от родителей [3; 5; 9].

В контексте с вышеизложенным и согласно данным исследований А.Е. Рубченко, Н.Е. Харламенковой, Е.В. Кумыкова, своевременная сепарация юношей и девушек от родителей, непосредственно связана с развитием у них способности контролировать, защищать, развивать свое психологическое пространство. Она обусловлена развитием у юношей ответственности, способности ставить жизненные цели, становлением их субъектности и, в конечном счете, выходом в самостоятельную жизнь [8]. Несомненно, это длительный и сложный процесс психического отделения ребенка от своих родителей, семьи. Он сопровождается, по утверждению Е.В. Харламенковой, развитием идентичности, который запускается уже в раннем возрасте и продолжается во взрослой жизни. Автор выделяет внешний и внутренний пласты сепарации. Внешняя сепарация представляет собой разделение, определенный разрыв отношений, дистанцирование, избавление от внешнего контроля, но вместе с принятием ответственных решений и проявлением самостоятельности. Внутренняя сепарация может быть представлена как отделение «Я» субъекта от внутренних объектов и настоящего, то есть от образов прошлого и будущего. Это когда юноша сепарируется от тех прежних чувств, действий, образа мыслей, которые не соответствуют новой ситуации и новым жизненным целям.

Мы, в понимании содержательной сущности сепарации, придерживаемся структурной модели Дж. Хоффмана, в которой данный феномен представлен четырьмя взаимосвязанными компонентами:

- эмоциональным (снижение потребности в родительской поддержке);
- аттитудном (когнитивном) - проявление взглядов и суждений, отличных от родительских; способность построения позиции, основанной на собственном опыте;
- функциональном (поведенческом), выражающем способность принимать самостоятельные решения, решать проблемы, умение своими силами обеспечивать себя;

- конфликтологическая независимость — отсутствие гнева, вины, тревоги в отношениях с родителями.

Сложная структура сепарации позволяет предположить, что именно особенности ее протекания, т.е. соотношение внешней и внутренней стороны, а также различных компонентов, обуславливают процесс становления взрослости с позиций её внешних социально-ролевых критериев (финансовая независимость, самостоятельность в быту, построение отношений) и в ракурсе внутренних, психологических (связанных со становлением зрелости и идентичности взрослого).

Таким образом, чтобы более четко обозначить маркеры сепарации молодых людей от родителей, мы исходим из того, что:

- во-первых, психологическая сепарация – это неоднородный феномен, где компоненты психологической сепарации от отца и от матери имеют разную выраженность и по-разному связаны со становлением идентичности взрослого (субъективной взрослостью) и психологическим благополучием молодого человека;

- во-вторых, выраженность процессов сепарации и сформированность идентичности взрослого взаимосвязаны с психологическим благополучием молодых взрослых в силу важности этого процесса в данном возрастном периоде;

- в-третьих, объективно необходимая степень сепарации молодого человека от родителей определяется его возрастными особенностями, семейным укладом, этническими традициями, менталитетом и социально-экономическими макрофакторами.

Для изучения психологической сепарации современных молодых людей от родителей в диагностическую батарею нами будут включены:

- опросник Дж. Хоффмана (PSI), адаптированный Т.Ю. Садовниковой, В.П.Дзукаевой (Шкалы: «Стиль сепарации», «Аффективный компонент сепарации», «Когнитивный компонент сепарации», «Поведенческий компонент сепарации», измеренные отдельно для отца и матери по пятибалльной шкале Лайкерта).

- авторский опросник по оценке совместного или раздельного проживания с родителями, оценке самостоятельности в быту, сформированности необходимых жизненных навыков, измеренных по четырёх-балльной шкале; оценку финансовой независимости.

Для изучения психологического благополучия нами выбрана Шкала К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной (Шкалы: «Автономность», «Компетентность», «Личностный рост», «Позитивные отношения», «Жизненные цели», «Самопринятие», «Общий показатель психологического благополучия», измеренные по пятибалльной шкале Лайкерта).

Для измерения эмоциональных аспектов благополучия предполагается использовать Шкалу удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина и Шкалу счастья М. Фордиса.

Выводы. Таким образом, подобранный диагностический инструментарий позволит получить не только данные о степени и характере сепарации современных молодых людей от родителей, но и об уровне удовлетворённости итоговым результатом данного процесса. Последнее позволит установить, на сколько выделенные маркеры сепарации являются целесообразными в контексте результативности полученных данных.

Литература:

1. Дзукаева, В.П. Психологическая сепарация с родителями как задача развития в юношеском возрасте / В.П. Дзукаева // У истоков развития: материалы четвертой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития, 20–22 ноября, 2013 г., Москва – М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. – С. 33–34.
2. Ковалёв, В.Н. Динамика ценностных приоритетов учащейся молодёжи Крыма и Севастополя / В.Н. Ковалёв // Ломоносовские чтения: Материалы ежегодной научной конференции МГУ (14-22 апреля 2022 года, г. Севастополь) [Электронный ресурс] / Под ред. О.А. Шпырко. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2022. – С. 67 – 69.
3. Кочетова, Ю. А. Структура эмоционального интеллекта в юношеском возрасте / Ю. А. Кочетова // Горизонты зрелости : Сборник тезисов участников Пятой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития, Москва, 16–18 ноября 2015 года / Редакторы: Л.Ф. Обухова, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцова. – Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2015. – С. 55-63. – EDN VFLALL.
4. Манукян, В. Р. Взросление молодежи: сепарация от родителей, субъективная зрелость и психологическое благополучие в возрасте 18-27 лет / В. Р. Манукян // Психологическая наука и образование. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 129-140. – DOI 10.17759/pse.2022270310. – EDN CFQYNW.
5. Митрофанова, Е. С. Модели взросления разных поколений россиян / Е. С. Митрофанова // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6, № 4. – С. 53-82. – EDN GSPPFS.
6. Тихомандрицкая, О. А. (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки зрелости / О. А. Тихомандрицкая, А. М. Рикель // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2022. – Т. 19, № 2. – С. 209-232. – DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232. – EDN WHRWYL.

7. Толстых, Н. Н. Современное взросление / Н. Н. Толстых // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – № 4(88). – С. 7-24. – DOI 10.17759/cpr.2015230402. – EDN VHSQLL.
8. Харламенкова, Н.Е. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы / Н.Е. Харламенкова, Е.В. Кумыкова, А.Е. Рубченко. - М.: Изд-во ИП РАН, 2015. - 367 с.
9. Чеботарева, О. А. Психологические проблемы процесса сепарации от родителей / О. А. Чеботарева // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. – 2020. – № 1. – С. 410-416. – EDN ACCGQA.
10. Шабанова, Т. Л. Исследование эмоциональной зрелости у студентов педагогического вуза / Т. Л. Шабанова, Л. В. Тарабакина // Вестник Мининского университета. – 2018. – Т. 6, № 1(22). – С. 13. – DOI 10.26795/2307-1281-2018-6-1-13. – EDN YWQSKA.

УДК 159.9.072.43

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СВЯЗИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТРЕВОЖНОСТИ

Мамутова Анифе Решитовна*магистрант кафедры «Психология»**Севастопольский государственный университет**г. Севастополь***Ковалёв Владимир Николаевич***кандидат педагогических наук, доцент,**доцент кафедры «Психология»**Севастопольский государственный университет**г. Севастополь*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические предпосылки гипотетической связи эмоционального интеллекта личности и её тревожности. Анализу подвергаются основные понятия и структура социального интеллекта, выделяются его основные компоненты. Осуществлён поиск сопряженных элементов эмоционального интеллекта и внутриличностной причинной обусловленности тревожности. Предпринята попытка показать факторную обусловленность связи эмоционального интеллекта и адаптации личности в системе социального взаимодействия.

Ключевые слова: адаптивность, интеллект, поведение, сознание, связь, эмоции, эмоциональный интеллект, тревожность.

RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL INTELLIGENCE AND ANXIETY

Mamutova Anife Reshitovna*master's student of the department «Psychology»**Sevastopol State University**Sevastopol***Vladimir Nikolaevich Kovalev***Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,**Associate Professor, Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol*

Abstract. The article examines the theoretical prerequisites for the hypothetical connection between the emotional intelligence of a person and her anxiety. The main concepts and structure of social intelligence are analyzed, its main components are distinguished. The search for conjugate elements of emotional intelligence and intrapersonal causality of anxiety

was carried out. An attempt was made to show the factor conditioning of the connection of emotional intelligence and personality adaptation in the system of social interaction.

Keywords: adaptability, intelligence, behavior, consciousness, connection, emotions, emotional intelligence, anxiety.

Постановка проблемы. Проблема исследования интеллекта является одной из важных в психологии развития личности, в социальной психологии, в психологии общения и управления, а также в психотерапии и других отраслях психологической науки, так как данный феномен представляет собой ядерный компонент человеческого сознания, его важный инструментарий. Он позволяет развивать науку и искусство, управлять собой и обществом, играет основную роль в формировании человеческой культуры. Особое место в данной психологической категории, по мнению И.Н. Андреевой, Д. Гоулмана, А.В. Карпова и других учёных, занимает эмоциональный интеллект, позволяющий осознать своё «Я», понять свои чувства [1; 3; 4]. Не случайно А.В. Першина, А.В. Соловьева определяют эмоциональный интеллект как сложное образование, который включает в себя совокупность поведенческих когнитивных и эмоциональных качеств, способствующих обеспечению осознания, понимания собственных эмоций и эмоций окружающих, а также влияющих на личностное развитие и межличностное взаимодействие [8, С. 703].

Е.В. Либина обозначает данный феномен как эмоциональную компетентность, рассматривая его как «способность личности к осуществлению координации между эмоциями и целенаправленным поведением» [5, С.24].

Д. Гоулман, в своей модели эмоционального интеллекта выделяет такие компоненты как: эмоциональное самосознание, контроль, социальная чуткость, управление отношениями. Учёный в своих исследованиях показал, что люди с высоким эмоциональным самосознанием прислушиваются к своим внутренним ощущениям и осознают воздействие своих чувств на собственное психологическое состояние и рабочие показатели. Они чутко улавливают свои главные ценности и часто способны интуитивно выбрать лучший способ поведения в сложной ситуации, воспринимая, благодаря своему чутью, картину в целом [3]. В рассматриваемом контексте исследователей интересовала возможность влияния эмоционального интеллекта на тревожность человека, как базовую эмоцию, являющуюся сопутствующим фактором стрессовых состояний, глубоких негативных переживаний и неврозов.

Так, например, социальная тревожность, как реакция страха на ситуацию межличностных и внутригрупповых отношений в социуме, общепризнанно является эмоциональным расстройством, которое может возникать, например:

- в результате прямого обусловливания травматическим событием, связанным с ситуацией социального отвержения реального или воображаемого, что нередко встречается у ветеранов военных действий после возвращения в мирную социальную среду;
- как следствие эмоционального давления и сверхконтроля в семейном воспитании;
- как результат недостаточной сформированности коммуникативных компетенций и социальных навыков.

Исходя из вышеизложенного следует предположение, что одной из первопричин тревожности является неразвитость или деформация структур социального, а значит и эмоционального интеллекта, как составной части первого. Значит, установление характера связи между эмоциональным интеллектом и тревожностью раскрывает возможность сформировать у личности способность рационально управлять собственным эмоциональным состоянием и поведением.

Цель статьи – раскрыть характер связи между эмоциональным интеллектом и тревожностью.

Изложение основного материала исследования. Для решения поставленной задачи обратимся к теоретическим предпосылкам связи эмоционального интеллекта и тревожности. На понимание вероятности такой связи проливает свет и расширяет представление об эмоциональном интеллекте концепция Р. Бар-Она. Учёный выделил следующие сферы эмоционального интеллекта и их характеристики:

- 1) внутриличностный, проявляющийся в самоуважении, независимости, асертивности, самоактуализации;
- 2) межличностный, выраженный такими качествами, как сочувствие, ответственность, навыки конструктивного межличностного общения;
- 3) адаптивность, проявляемая как способность адаптировать свои эмоции к меняющимся условиям;
- 4) преобладающее функциональное настроение, представленное уровнем оптимизма и удовлетворенностью жизнью [9].

Выделяемая автором внутриличностная сфера, касается способности понимать себя и управлять собой. Во внутриличностной сфере автор выделяет такие способности как самоанализ, выраженный способностью распознавать, что человек чувствует и почему это

чувствует. Во внутриличностную сферу также автором включены: асертивность, независимость, самоуважение и самореализация.

Асертивность (самоутверждение) рассматривается как способность открыто выражать свои мысли и чувства, быть твердым и защищать свою точку зрения. Независимость представлена способностью направлять и контролировать самого себя, а самоуважение - способностью признавать свои сильные и слабые стороны и быть хорошего мнения о себе, несмотря на слабости. Самореализация выражена способностью реализовать свой потенциал и быть удовлетворенным своими достижениями на работе и в личной жизни.

Межличностная сфера в рассматриваемой модели представлена «общественными навыками», способностью взаимодействовать и ладить с другими. В ней Р. Бар-Он, прежде всего, выделяет эмпатию, т.е. способность понимать, что другие люди могут чувствовать и думать. Далее он раскрывает такой компонент эмоционального интеллекта, как социальная ответственность, характеризующая способность сотрудничать с другими людьми и быть полезным членом своей социальной группы.

Межличностные отношения в данной модели позиционируются как умение завязывать и поддерживать отношения, которые взаимно благотворны и отмечены способностью к компромиссам и чувству социальной близости.

Сфера адаптивности в модели автора включает в себя способность быть гибким и реалистичным, а также решать проблемы по мере их возникновения. В эту сферу входит понимание (адекватная оценка) действительности - способность видеть вещи такими, какими они на самом деле являются, а не такими, как хочется их видеть. Гибкость рассматривается учёным как согласовывать свои чувства, мысли и действия с изменяющимися условиями, а умение решать проблемы - как способность определить проблему и затем перейти к созданию и выполнению эффективного, подходящего решения.

Сфера умения справиться со стрессом выражает способность человека выдерживать стресс и контролировать свои импульсы. В сферу управления стрессом входит: переносимость стресса, т.е. способность оставаться спокойным и сосредоточенным, конструктивно противостоять неблагоприятным событиям и противоречивым эмоциям. Контроль над импульсами рассматривается автором, как способность сопротивляться искушению или отложить порыв к немедленному действию. В сферу общего настроения входит оптимизм, выраженный способностью поддерживать реалистичную положительную установку, особенно при неблагоприятных обстоятельствах.

Дж. Майер и П. Сэловей, в модели эмоционального интеллекта, выделили четыре взаимосвязанных между собой компонента:

- сознательное управление эмоциями;
- понимание и анализ эмоций;
- использование эмоций для повышения эффективности мышления деятельности;
- восприятие, оценка и выражение эмоций [10]

Точность оценки и выражения эмоций, по мнению И.Н. Андреевой, характеризуется тем, что эмоции являются для человека сигналом о важных событиях, которые происходят в мире, будь это внутренний мир или внешний. Ученая считала, что важно точно понимать как свои эмоции, так и эмоции, которые испытывают другие люди. Это умение представляет собой способность определить эмоции по физическому состоянию и мыслям, по внешнему виду и поведению. Автор показала, что управление эмоциями выступает как способность принимать эмоции вне зависимости от того, являются ли они желаемыми или нет, и выбирать стратегии поведения с их учетом. Эта способность относится к умению использовать информацию, которую дают эмоции, вызывать эмоции или отстраняться от них в зависимости от их информативности или пользы, управлять своими и чужими эмоциями [1].

Исследования социальной тревожности проведенные А.Б. Холмогоровой и И.В.Никитиной показали, что для её снижения необходимы не столько навыки межличностного взаимодействия и конструктивной коммуникации, сколько актуализация механизмов самопонимания и самосознания. Между тем последние являются функциями именно социального интеллекта [7].

Наличие корреляции тревожности с дефицитом способности к идентификации и использованию эмоциональной информации, равно как и обратная корреляция уровня тревожности с распознаванием и переживанием эмоций (т.е. с компонентами эмоционального интеллекта) была наглядно продемонстрирована в исследованиях А.Д.Анисимовой [2], И.Н. Мещеряковой [6], Н.П. Кристенсен, М.Б. Штейна [11].

Выводы. Таким образом, анализ исследований ряда авторов, позволяет констатировать наличие связи между тревожностью и эмоциональным интеллектом. Следовательно развитие эмоционального интеллекта позволит устранить или снизить степень тревожности, а также улучшить адаптационные возможности личности в системе социального взаимодействия. На перспективу исследования мы поставили цель определить, какие именно из компонентов эмоционального интеллекта требуют развития и каким образом.

Литература:

1. Андреева, И.Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии / И.Н. Андреева. – Новополюцк, Изд-во ПГУ, 2011. - 388 с.
2. Анисимова, А.Д. Теоретические предпосылки исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта и социальной тревожности / А.Д. Анисимова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 3А-4А. - С. 266 - 274.
3. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман; пер. с англ. А.П. Исаевой. - М.: Хранитель, 2012. - 478 с.
4. Карпов, А.В. Психология эмоционального интеллекта: теория, диагностика, практика: [монография] / А.В. Карпов, А. С. Петровская. - Ярославль: ЯрГУ, 2008. - 344 с.
5. Либина, Е.В. Чтобы не осталась женщина одинокой. Психология совладания с жизненными кризисами и сложными ситуациями. / Под общ. ред. А.В.Либина. - М.: Селена, 1995. -215 с.
6. Мещерякова, И.Н. Развитие эмоционального интеллекта у студентов-психологов в процессе обучения в вузе: автореферат дисс. ... канд. психол. наук / И.Н. Мещерякова. - Курск, 2011. - 27 с.
7. Никитина, И.В. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения /И.В. Никитина, А.Б. Холмогорова // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. - № 1. - С. 80-84.
8. Першина, А.В. К проблеме изучения эмоционального интеллекта студентов / А.В. Першина, А.В. Соловьева. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2016. - № 4 (108). - С. 703-704.
9. Bar-On, R. The development of a concept of psychological well-being / Bar-On, R. // Doctoral dissertation. — Rhodes University, South Africa, 1988. - p. 360.
10. Mayer, John D. What is emotional intelligence? Emotional development and emotional intelligence: educational implications / P. Salovey, John D. Mayer // ed. by p. Salovey, de Slater. – New York: Perseus Books, 1997. – pp. – 3 – 31.

УДК 159.9:316.7(470+571)

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК РЕСУРС СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Марченко Елена Владимировна

магистрант факультета «Психология безопасности и здоровья»

Национальный исследовательский Томский Государственный Университет

г. Томск

Шабаловская Марина Владимировна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и

психологического консультирования

Национальный исследовательский Томский Государственный Университет

г. Томск

Аннотация. Современные мультикультурные общества характеризуются возрастающей межкультурной неопределенностью (МН), что обусловлено социально-экономическими и политическими условиями современности, а также условиями глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов. Межкультурная неопределённость может быть определена как состояние недостатка предсказуемости в социальных и межгрупповых взаимодействиях, вызванное несоответствием или отсутствием общих культурных норм и сценариев поведения. Она порождает тревогу и напряжение и отрицательным образом влияет на субъективное благополучие личности и социальных групп. Российская Федерация, как многонациональное и поликонфессиональное государство, ставит приоритетом сохранение и обеспечение мер по защите традиционных духовно-нравственных ценностей, которые рассматриваются как надэтнический базис социальной когезии в условиях межкультурной неопределенности.

Ключевые слова: субъективное благополучие, межкультурная неопределенность, духовно-нравственные ценности, поликультурное общество, социальная идентичность, адаптация.

TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS A RESOURCE FOR SUBJECTIVE PERSONAL WELL-BEING IN THE CONDITIONS OF INTERCULTURAL UNCERTAINTY

Marchenko Elena Vladimirovna

Master's student at the Faculty of "Psychology of Safety and Health"

*National Research Tomsk State University
Tomsk*

Shabalovskaya Marina Vladimirovna

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of
Psychotherapy and Psychological Counseling
National Research Tomsk State University
Tomsk*

Abstract. Modern multicultural societies are characterized by increasing intercultural uncertainty (IU), which is caused by the socio-economic and political conditions of our time, as well as the conditions of a global civilizational and value crisis leading to the loss of traditional spiritual and moral guidelines and moral principles by mankind. Intercultural uncertainty can be defined as a state of lack of predictability in social and intergroup interactions, caused by a discrepancy or lack of common cultural norms and behavioral scenarios. It generates anxiety and tension and negatively affects the subjective well-being of individuals and social groups.

The Russian Federation, as a multinational and multi-confessional state, prioritizes the preservation and provision of measures to protect traditional spiritual and moral values (TSMV), which are considered as the supra-ethnic basis of social cohesion in the context of the IU.

Keywords: subjective well-being, intercultural uncertainty, spiritual and moral values, multicultural society, social identity, adaptation.

Постановка проблемы. Разработкой понятия межкультурной неопределённости занимался Уильям Б. Гудиканст [4], который расширил теорию снижения неопределённости Бергера и Калабрезе [3], изучая, как люди стараются снизить неопределённость в межкультурных или межгрупповых взаимодействиях. Он утверждал, что в ситуациях общения разных культур коммуникация сопровождается беспокойством и неопределённостью, так как поведение представителя иной культуры менее предсказуемо. Как результат возникает тревога, вызывающая эмоциональный дискомфорт, что негативно влияет на субъективное благополучие личности и социальных групп.

Российское общество объединяет множество этносов, обладающих присущими им культурными нормами и ценностями. В ответ на вызовы МН государство пытается предотвратить столкновение разных ценностей и культур через формирование общероссийских традиционных духовно-нравственных ценностей (далее – ТДНЦ), закрепленных в Основах государственной культурной политики и Стратегии национальной безопасности РФ. ТДНЦ понимаются как нравственные ориентиры, лежащие в основе мировоззрения граждан РФ, которые укрепляют единство и

гражданскую идентичность и проявляются в историко-культурном и духовном развитии полиэтнического российского государства. Жизнь, достоинство и права человека, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, справедливость, гуманизм, взаимопомощь, коллективизм, приоритет духовного над материальным, единство народов России, а также патриотизм, гуманизм и созидательный труд рассматриваются как фундаментальная основа российского общества [1].

Данный нормативный акт выполняет важнейшую психологическую функцию: он создает жесткую нормативную рамку, призванную восстановить предсказуемость в морально-этической сфере, которая разрушается в условиях МН и провоцирует аномию.

Возникает вопрос: могут ли эти ценности выступать не только идеологическим конструктом, но и психологическим ресурсом, буфером против деструктивного влияния межкультурной неопределенности? Выступают ли ТДНЦ в качестве механизма социальной регуляции, упорядочивая социальную реальность гражданина и общества, создавая устойчивую систему координат, и, тем самым, снижая когнитивный стресс и тревожность?

Цель статьи - анализ традиционных духовно-нравственных ценностей как психологического ресурса, способствующего субъективному благополучию в мультикультурной среде РФ в контексте межкультурной неопределенности.

Изложение основного материала исследования. Мы придерживаемся понимания, что субъективное благополучие личности представляет собой «единство когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов» [2, с.18], когнитивным содержанием которого, по определению Е.Е. Бочаровой, являются ценностные ориентации. Она подчеркивает, что удовлетворённость на когнитивном уровне дает и эмоциональную удовлетворённость, и ощущение благополучия [2]. Устойчивые, усвоенные ТДНЦ выступают основой когнитивной удовлетворенностью жизнью, что подтверждает их роль как ресурса субъективного благополучия.

Межкультурная неопределенность, в свою очередь, выступает ключевым фактором дестабилизации социального благополучия. Она возникает при несовпадении культурных норм и правил поведения, разницы в ожиданиях представителей разных этнических групп. Наличие общего базиса для эффективной коммуникации – общности ценностей, исторически сложившихся духовно-нравственных ориентиров, – позволяет сохранить и укрепить общероссийскую цивилизационную идентичность. ТДНЦ создают общие установки, которые позволяют структурировать реальность и сохранять чувство предсказуемости.

Традиционные ценности выполняют ряд психологических функций, нивелирующих деструктивное влияние межкультурной неопределенности:

1. Функция упорядочивания реальности. Ценности создают устойчивую «систему координат», помогающую человеку понимать сложные ситуации через призму этических принципов (справедливость, уважение к старшим, забота о пожилых, воспитание, крепкая семья, гостеприимство и другие).

2. Функция консолидации и укрепления социальной идентичности. Патриотические ценности («единство народов России», «историческая память и преемственность поколений», «гордость за страну») формируют надэтническую гражданскую идентичность, снижая межгрупповую напряженность.

3. Функция смыслообразования. Ценности «служение Отечеству», «высокие нравственные идеалы», «приоритет духовного над материальным», «милосердие», «гуманизм» являются надличностными. Они укрепляют общественное и субъективное психологическое благополучие индивида.

Анализ социологических данных Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за 2025 год подтверждает, что население интериоризирует ТДНЦ и рассматривает их как стабильный ориентир, способный противостоять внешнему давлению. Эмпирические данные свидетельствуют о наличии запроса на ценностные ориентиры. По опросам ВЦИОМ в 2025г. [5] 68% опрошенных выбрали наиболее важными ценностями «Крепкую семью», что говорит о том, что люди ищут психологическую стабильность и безопасность преимущественно в микросоциуме семьи.

Согласно ВЦИОМ, в общественном сознании следующая иерархия традиционных ценностей: «Крепкая семья» (68%), «Историческая память и преемственность поколений» (33%), «Гордость за страну», «Жизнь, достоинство, права и свободы человека» (по 30%).

При этом низкая оценка «Коллективизма» (8%) может указывать на риск социальной фрагментации: люди могут быть высоко устойчивы внутри семейных структур, но испытывать напряжение и неопределенность в межкультурных взаимодействиях.

Полагаем, по-настоящему эффективная работа по повышению субъективного благополучия в многонациональной РФ должна быть направлена на масштабирование стабильности, достигнутой в семье, до общегражданского уровня. Особенное внимание надо уделить показателю коллективизма (7%), а также приоритету духовного над материальным (19%) через укрепление интеграционных ценностей.

Выводы. Традиционные российские духовно-нравственные ценности, закрепленные в Основах государственной политики (Указ № 809), представляют собой

критически важный психологический ресурс для поддержания субъективного благополучия личности в условиях нарастающей межкультурной неопределенности.

1. ТДНЦ выполняют функции структурирования реальности, консолидации идентичности и смыслообразования.

2. Эмпирические данные подтверждают, что ТДНЦ воспринимаются населением как ресурс, повышающий психологическую устойчивость внешнему давлению.

3. Практические направления реализации ТДНЦ:

– в образовании – внедрение в программы ВУЗов курсов, направленных на осознание и интеграцию ценностей как инструмента личностного роста и межкультурной коммуникации;

– в консультировании – использование ценностно-ориентированного подхода при работе с клиентами, испытывающими стресс от межкультурных взаимодействий;

– в социальной политике – поддержка проектов, транслирующих ценности единства, духовности и преемственности.

Сохранение и актуализация традиционных духовно-нравственных ценностей выступает действенным направлением практической психологии по укреплению психического здоровья нации в современном многополярном, мультикультурном и неопределенном мире.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090012> (дата обращения: 30.10.2025).

2. Бочарова, Е. Е. Структурная организация субъективного благополучия личности представителей разных этнических групп / Е. Е. Бочарова // Ананьевские чтения - 2017: Преемственность в психологической науке: В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов : Материалы традиционной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 24–26 октября 2017 года. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Айсинг", 2017. – С. 367-368. – EDN XODBQD.

3. Berger, C. R. Some explorations in initial interaction and beyond: Toward a developmental theory of communication / C. R. Berger, R. J. Calabrese // Human Communication Research. – 1975. – Vol. 1, No. 2. – p. 99–112. DOI: 10.1111/j.1468-2958.1975.tb00258

4. Gudykunst, W. B. Bridging Differences: Effective Intergroup Communication / W. B. Gudykunst– 3rd ed. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1998. – 360 p.
5. ВЦИОМ. Традиционные ценности: ожидание и реальность [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost> (дата обращения: 30.10.2025).

УДК. 159.9

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЕРОВ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ПОМОЩЬ УЧАСТНИКАМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

*Меликова Наталья Вячеславовна**Магистрант кафедры «Психология»**Гуманитарно - педагогический институт**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь**Кажарская Ольга Николаевна**кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. В статье представлено теоретико-эмпирическое исследование особенностей мотивации деятельности волонтеров, оказывающих помощь участникам специальной военной операции. Было выявлено, что мотивация к волонтерской деятельности позволяет определить проактивные установки личности, а также поведенческую активность субъекта. Ярко выраженная мотивация помощи как основа помогающего поведения у волонтеров характеризует внутренние потребности у данной категории людей. На основе эмпирического исследования было определено, что мотивация помощи испытуемых находится на уровне выше среднего. Базовые убеждения волонтеров помогают им построить структуру значимых принципов, которые формируют альтруистический поведенческий паттерн.

Ключевые слова: волонтер, мотивация, экстремальное волонтерство, базовые убеждения, мотивация помощи.

MOTIVATIONAL FEATURES FOR VOLUNTEERS PROVIDING ASSISTANCE TO PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION

*Melikova Natalya Vyacheslavovna**Master's student of the Department of Psychology**Humanitarian and Pedagogical Institute**Sevastopol State University**Sevastopol**Kazharskaya Olga Nicolaevna**Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor**Department of Psychology*

Abstract. This article presents a theoretical and empirical study of the motivation of volunteers assisting military operations. It has been established that motivation for volunteering helps determine an individual's proactive attitudes and behavioral activity. A pronounced motivation to help, as the basis for helping behavior among volunteers characterizes the internal needs of this category of people. Empirical research has shown that volunteers' motivation to help develops at an above-average level. Core beliefs of volunteers help them build a structure of meaningful principles that form an altruistic behavioral pattern.

Keywords: volunteer, motivation, extreme volunteering, basic beliefs, motivation to help.

Постановка проблемы. Современная жизнь, полная катаклизмов, военных конфликтов и вынужденных миграционных процессов, невозможна без внешней помощи. Особенно актуальным становится институт волонтерства, который аккумулирует в себя помощь и альтруизм.

Согласно Федеральному закону от 11.08.1995 №135-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» в Российской Федерации установлены основы правового регулирования волонтерской деятельности, которые включают в себя следующие аспекты:

- добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг;
- цели волонтерской деятельности: социальная поддержка и защита граждан, подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий и катастроф, участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций и их последствий и другие [1].

Определения помогающего поведения (helping behavior) первоначально принадлежат Р.Корсини, А. Ауэрбаху. Помогательное поведение включает в себя поступки и действия, которые направлены на благо других и за которые не предусматривается каких-либо внешних вознаграждений [4].

Одним из структурных компонентов помогающего поведения специалиста является мотивационный компонент, который включает в себя направленность личности на других гуманистические ценностные ориентации, высокий уровень мотивации альтруизма в совокупности с устойчивыми доминирующими мотивами [4].

По мнению О.М. Мальченко, мотивация – это система факторов, вызывающих активность организма и определяющих направленность поведения человека. Сюда

включаются такие образования, как потребности, мотивы, намерения, цели, интересы, стремления. Мотивация – это характеристика процесса, обеспечивающего поведенческую активность на определенном уровне [3].

А.Н. Леонтьев указывает на то, что «структура личности представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизированных, мотивированных линий». Даже при наличии у человека отчетливо ведущей линии жизни она не может оставаться единственной. Служение избранной цели, идеалу вовсе не исключает и не поглощает других жизненных отношений человека [2].

Добровольческую деятельность, проводимую в чрезвычайных ситуациях (ЧС) или экстремальных условиях (ЭУ), называют чрезвычайным волонтерством. Такие добровольцы предлагают свое время, навыки и экспертные знания для оказания различного рода помощи в ЧС или ЭУ и зачастую играют решающую роль в поддержке и приумножении усилий профессиональных служб экстренного реагирования [1].

Целью данной статьи явилось теоретико-эмпирическое изучение связи мотивации помощи волонтеров, оказывающих помощь участникам специальной военной операции, с их личностными особенностями (базовыми убеждениями и проактивным совладающим поведением).

Изложение основных результатов. Нами было проведено эмпирическое исследование, позволяющее выделить специфику мотивационной сферы волонтеров, помогающих в специальной военной операции. Исследование проводилось в 2025 году в городе Севастополь на базе волонтерского движения «Узелки Победы». В исследовании приняли участие 35 волонтеров: 30 женщин, 5 мужчин, 70 % волонтеров имеют высшее образование, 30 % – среднее профессиональное образование. Средний возраст опрошенных составил 43, 5 лет.

Целью данной организации является помощь в обеспечении маскировки военных, участники движения «Узелки Победы» занимаются плетением маскировочных сетей для улучшения защиты бойцов в зоне проведения специальной военной операции.

Для определения особенностей мотивации волонтеров применялись следующие методики: опросник «Мотивация помощи» С. К. Нартовой-Бочавер, опросник «Проактивное совладающее поведение» (PCI «Э. Грингласса, Р. Шварцера в адаптации Е. С. Старченкова); шкала базовых убеждений (Р. Янов-Бульман в адаптации М.А. Падун, А.В. Котельниковой).

Обобщенные данные по методике «Мотивация помощи» (С. К. Нартовой-Бочавер) представлены в Таблице 1.

Таблица 1 – Обобщенные результаты по методике «Мотивация помощи»

(С. К. Нартова-Бочавер)

Показатель	Низкий уровень (0-4 балла)		Средний уровень (5-8 баллов)		Высокий уровень (9-12 баллов)	
	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
Мотивация помощи	2	6,0	24	68,0	9	26,0

При изучении альтруистической мотивации по методике «Мотивация помощи» (С. К. Нартовой-Бочавер), показатель составил в среднем 8 баллов из возможных 12, то есть находится на границе среднего и высокого уровней.

6,0% опрошенных имеют низкий уровень мотивации, что свидетельствует о слабом желании помогать, возможно, склонность к избеганию социальных контактов или сосредоточенность на собственных потребностях. Большая часть волонтеров – 68,0% имеют средний уровень мотивации, это говорит об умеренной готовности к помощи, важности баланса между личными и социальными интересами. Высокий уровень мотивации имеет 26,0% опрошенных. Данная группа имеет ярко выраженное стремление помогать, готовность жертвовать личными интересами ради других.

Следующим показателем в эмпирическом исследовании явилось изучение проактивного совладающего поведения (опросник Э. Грингласса, Р. Шварцера в адаптации Е. С. Старченковой). Обобщенные результаты по методике представлены на рисунке 2.

Исходя из представленных обобщенных данных по указанной методике, определено, что проактивное преодоление, при максимальном значении 4 баллов, достаточно выражено у волонтеров и составило в среднем 3,8 балла по группе. Данные испытуемые имеют свойства постановки важных для личности целей, а также обладают процессом саморегуляции по достижению этих целей, включающей когнитивную и поведенческую составляющие.

Второй показатель (рефлексивное преодоление) определен на уровне 3,2 балла. Результаты свидетельствуют о том, что испытуемые способны на поиск поведенческих альтернатив и выбора наиболее эффективного решения.

Все остальные показатели находятся в диапазоне от 1 до 2,8, что свидетельствует о низком уровне выраженности данных стратегий поведения.

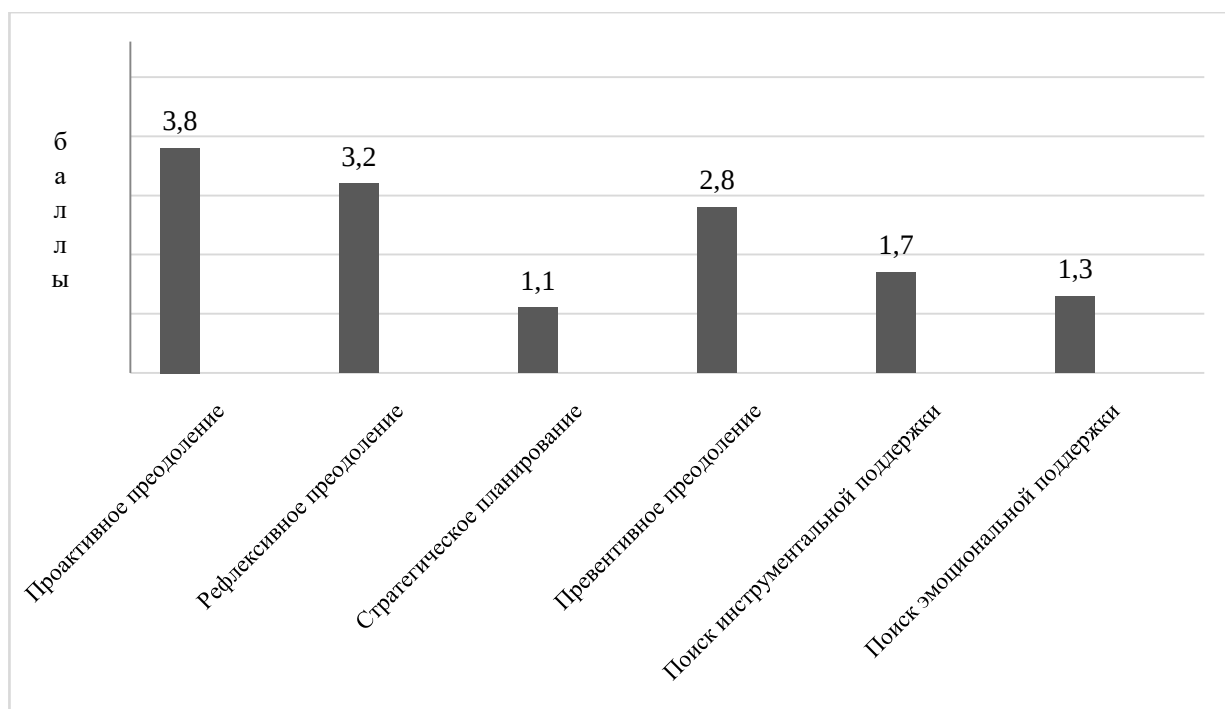

Рисунок 1 – Среднегрупповые показатели проактивного совладающего поведения у волонтеров «Проактивное совладающее поведение» (Э. Грингласс, Р. Шварцер, в адаптации Е. С. Старченковой)

Подводя итог по результатам методики, можно утверждать, что волонтеры, которые активно участвуют в помощи участникам специальной военной операции, могут ставить перед собой цели и двигаться к ним, они планируют пути достижения и предполагают возможные трудности, с которыми могут столкнуться в процессе реализации своих потребностей. Однако, предпочитают не прислушиваться к советам их окружения, а опираются лишь на собственный опыт и желание помочь.

Следующими показателями для анализа мотивации помощи явились: «Доброжелательность окружающего мира», «Справедливость», «Образ «Я», «Удача» и «Убеждения о контроле» (методика «Тест базовых убеждений» Р. Янов-Бульман, адаптация М.А. Падун, А.В. Котельниковой). Результаты представлены на рисунке 2.

Исходя из представленных показателей методики, выделим, что 50,0 % испытуемых имеют средний уровень восприятия доброжелательности этого мира. Высокий уровень веры в общество и доброту других людей составляет 40,0% от всей группы опрошенных, что свидетельствует о базовом доверии к миру. 50,0% опрошенных имеют средний уровень, а 26,0 % испытуемых показали низкий уровень по показателю «Справедливость» в современном мире, что свидетельствует о неуверенности наказания за негативный поступок.

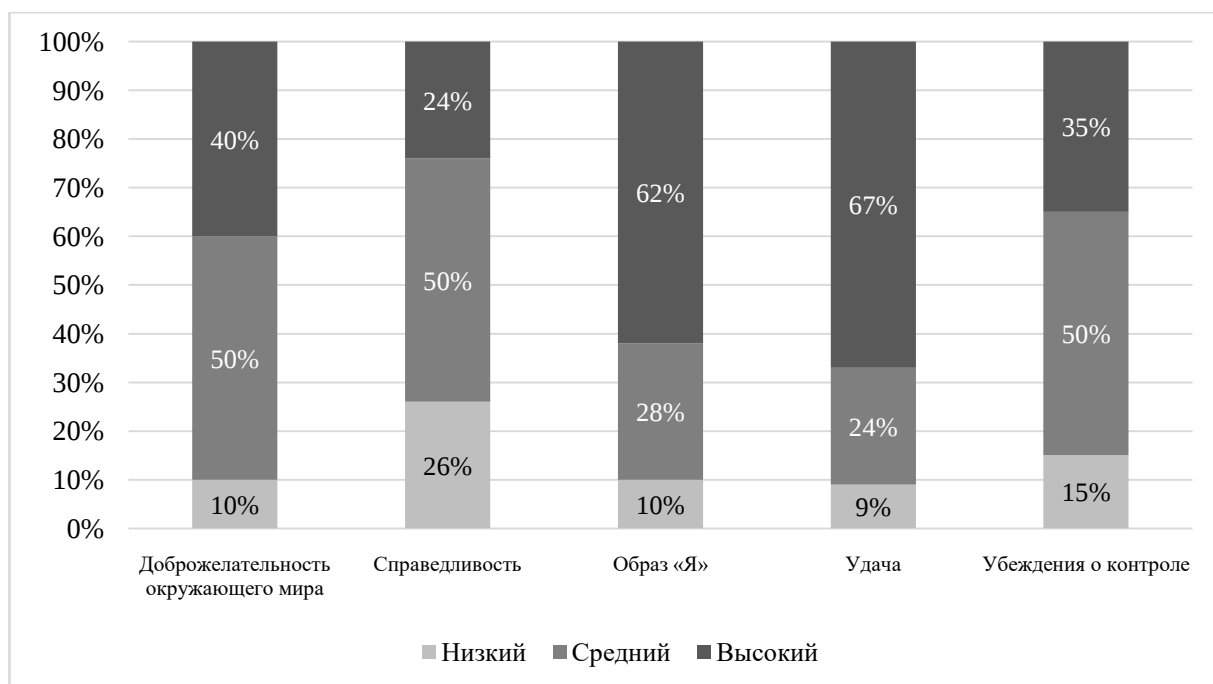

Рисунок 2 – обобщенные данные по показателям базовых убеждений у волонтеров (методика «Тест базовых убеждений» Р. Янов-Бульман, адаптация - М.А. Падун)

По показателю «Образ Я» 62,0% волонтеров, считают, что они достойны любви и уважения по отношению к себе, они воспринимают образ себя как ценность, 10,0% опрошенных показали низкие результаты в восприятии себя как важного субъекта общества, достойного любви и уважения других.

По показателю «Удача» большинство опрошенных имеют высокий уровень веры в удачу – 67,0%, тем самым, могут понадеяться на волю случая и считают себя счастливыми. Половина опрошенных имеют средние показатели по уровню способностей контроля собственной жизни. Данная группа опрошенных не до конца уверена, что может контролировать свою жизнь и иногда полагаются на волю случая.

Таким образом, большинство волонтеров положительно оценивают свою личность как ценную часть общества, а также уверены в своей удаче. Однако, у них есть недоверие к миру, что формирует обостренное чувство справедливости и убеждение о том, что они в состоянии контролировать свою жизнь и мир вокруг себя. Можно констатировать, что волонтерство всегда связано с внутренней мотивацией, с желанием помогать другим людям. Сформированные базовые убеждения, а также конструктивное копинг-поведение, становятся основой проактивной направленности волонтерской деятельности и в жизненных ориентирах.

Выводы. Проведя исследование, можно утверждать, что:

1. Мотивация к волонтерской деятельности позволяет определить проактивные установки личности, а также поведенческую активность субъекта. Мотивация помощи как

основа помогающего поведения волонтеров позволяет раскрыть спектр внутренних потребностей участия в помощи другим людям. Особенно важен данный компонент с точки зрения волонтерства (на примере участия в специальной военной операции);

3. Базовые убеждения волонтеров помогают им построить структуру значимых принципов, которые формируют альтруистический поведенческий паттерн.

4. Выраженность необходимых показателей «стратегическое планирование», «поиск инструментальной поддержки», «поиск эмоциональной поддержки», а также «справедливость» для мотивации волонтерской деятельности, находящихся на низком уровне развития, определяет необходимость создание программы тренинга по формированию внутренней мотивации к волонтерской деятельности.

Литература:

1. Федеральный закон от 11.08.1995 №135-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. - Режим доступа: по подписке. - Текст: электронный (дата обращения: 16.11.2025).

2. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. - Москва: Политиздат, 1975 - 304 с – С. 221-216.

3. Мальченко, О. Н. Мотивация участия волонтеров / О. Н. Мальченко // Тезисы докладов XXXXI научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного Федерального округа : материалы конференции, Краснодар, 01 декабря 2013 года – 30 2014 года / Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма. Том Часть 1. – Краснодар: Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2013. – С. 74-75. – EDN XVKPOX.

4. Цыба, Г. К. Социально - психологические методики развития навыков помогающего поведения у будущих психологов / Г. К. Цыба // Методология, метод и методика в современных психологических исследованиях в России : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Севастополь, 28 марта 2025 года. – Севастополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2025. – С. 184-194.

5. Панченко, А. Н. Волонтерская деятельность как форма социальной активности: мотивы и эффекты / А. Н. Панченко // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – № 6-2. – С. 179-183. – EDN ZEZGNO.

УДК 159.9

КОГНИТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ГОТОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ К ВЫЗОВАМ БУДУЩЕГО

*Миронова Екатерина Павловна**магистр кафедры психологии**Гуманитарно-педагогического институт**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивные аспекты формирования психологической готовности личности к вызовам будущего в условиях стремительных социальных, технологических и культурных трансформаций современного общества. Анализируется структура когнитивной готовности как ключевого фактора успешной адаптации к новым жизненным ситуациям. Практическая ценность исследования состоит в определении направлений развития когнитивных механизмов, способствующих эффективной адаптации личности к изменяющимся условиям жизни. Описаны такие компоненты когнитивной готовности, как рефлексивность, когнитивная флексибильность, когнитивный инсайт, наличие адекватных представлений о профессии психолога, возможностях, специфике работе специалистов данного профиля, невыраженные когнитивные искажения и избегание.

Ключевые слова: когнитивные компоненты, психологическая готовность, профессиональная психологическая помощь, трудная жизненная ситуация, психологическая поддержка.

COGNITIVE COMPONENTS OF AN INDIVIDUAL'S READINESS FOR FUTURE CHALLENGES

*Mironova Ekaterina Pavlovna**Master of Psychology Department**Humanitarian and Pedagogical Institute**Sevastopol State University**Sevastopol*

Abstract. The article examines the cognitive aspects of developing an individual's psychological readiness to face the challenges of the future in the context of rapid social, technological, and cultural transformations of modern society. The structure of cognitive readiness is analysed as a key factor in successfully adapting to new life situations. The practical value of the study lies in identifying directions for the development of cognitive mechanisms that facilitate an individual's effective adaptation to changing life conditions.

The following components of cognitive readiness are described: reflectiveness, cognitive flexibility, cognitive insight, having adequate perceptions of the psychology profession, the opportunities and specifics of work for specialists in this field, as well as the absence of pronounced cognitive distortions and avoidance.

Keywords: cognitive components, psychological readiness, professional psychological assistance, difficult life situation, psychological support.

Постановка проблемы. Современная психология сталкивается с новыми вызовами, обусловленными стремительными изменениями в нашем обществе, технологиях и культуре, а именно:

- Технологические вызовы: цифровое выгорание – состояние хронической усталости от постоянной онлайн-активности и информационной перегрузки; технологическая зависимость — формирование аддиктивного поведения к гаджетам и социальным сетям; виртуальная реальность — необходимость адаптации к новым формам взаимодействия.

- Социальные трансформации: культурная глобализация – проблемы идентичности в многокультурном обществе; социальная изоляция – дистанцирование людей в эпоху цифровых технологий; экологическая тревога – психологические последствия климатических изменений.

- Профессиональные вызовы: этические вопросы – защита данных в эпоху искусственного интеллекта.

- Новые формы психологических проблем: кризис смысла – потеря жизненных ориентиров в постмодернистском обществе; информационная перегрузка – трудности с концентрацией и обработкой данных.

Психология будущего должна быть готова к постоянным изменениям и новым вызовам. Ключевыми факторами успеха станут гибкость подходов, междисциплинарное взаимодействие и фокус на индивидуальном развитии личности. Только так можно обеспечить эффективную поддержку людей в условиях быстро меняющегося мира.

Вызов представляет собой особую форму трудной жизненной ситуации, характеризующуюся следующими признаками:

- новизна, неопределенность и сложность ситуации [6];
- возможность проверки навыков и ресурсов личности;
- интерпретация ситуации как возможности для развития.

Выделяются следующие основные типы вызовов:

- глобальный вызов – связан с масштабными изменениями в обществе;

- вызов утраты – ситуации потери значимых объектов или отношений;
- вызов болезни – связанные со здоровьем ситуации;
- вызов отношениям – трудности в межличностном взаимодействии;
- вызов материальных трудностей;
- вызов профессиональной деятельности.

Сложность вызова характеризуется: повышенной степенью неопределенности; необходимостью адаптации к новым условиям; потребностью в пересмотре имеющихся ресурсов; возможностью личностного роста.

В преодолении вызовов как трудной жизненной ситуации важную роль играют:

- эмоциональные переживания – как стимул к действию;
- жизнестойкость – способность выдерживать трудности;
- самоактивация – внутренняя мотивация к преодолению;
- копинг-стратегии – способы совладания с ситуацией.

Вызов будущего как трудная жизненная ситуация представляет собой сложный, но значимый этап развития личности. Его успешное преодоление зависит от:

- адекватной оценки ситуации;
- мобилизации имеющихся ресурсов;
- выбора эффективных стратегий преодоления;
- активной позиции личности;

При правильном подходе вызов может стать мощным стимулом для личностного роста и развития новых компетенций.

Готовность личности к вызовам будущего – это способность адаптироваться и развиваться в условиях неопределённости и непрерывных изменений. При этом важно не просто выживать, а сохранять вектор, цель, внутреннюю устойчивость.

В современном мире для преодоления «вызовов будущего» все более актуальным становится обращение за помощью к психологу, к которому прибегает человек, стремясь разобраться в своих эмоциях, преодолеть трудности и улучшить качество своей жизни.

Вызов – как трудная жизненная ситуация является неотъемлемыми компонентами нашей жизни. Переживание таких ситуаций часто меняет восприятие окружающего мира и восприятие личностью себя в этом мире. В результате переживания трудной жизненной ситуации происходит рост, который обеспечивает нормальное психическое развитие, или регресс личности, который приводит к дезадаптации. Р. Лазарус считает, что трудная ситуация всегда характеризуется несоответствием между тем, что человек хочет (сделать, достичь и т.п.), и тем, что он может, оказавшись в данных обстоятельствах и располагая имеющимися у него возможностями. Такое рассогласование влечет за собой

возникновение отрицательных эмоций, которые служат важным индикатором трудности той или иной ситуации для человека [1]. Подобные ситуации предъявляют повышенные требования к способностям и возможностям человека, к его моральному и материальному потенциалу, ограничивают его активность.

Готовность личности, находящейся в трудной жизненной ситуации, к борьбе с вызовом зависит от личностных и когнитивных ресурсов человека. Чем больше взрослый человек готов к саморазвитию, к развитию личности, к деятельности, к рефлексии, более устойчив к неопределенности, тем легче ему преодолеть трудную жизненную ситуацию

Цель статьи: описать ключевые компоненты когнитивной готовности личности к вызовам будущего.

Изложение основного материала исследования. В психологии под готовностью личности к деятельности понимается психическое состояние, которое может быть рассмотрено как частный случай функционального состояния. Такая предстартовая активизация человека включает в себя осознание человеком своих целей, оценку имеющихся условий, определение наиболее вероятных способов действия, прогнозирование мотивационных, волевых, интеллектуальных усилий, вероятности достижения результата, мобилизацию сил, самовнушение в достижении целей [2]. Особое значение в рамках данного направления приобретают концепции А.А. Ухтомского, Д.Н. Узнадзе и В.А. Ядова, которые рассматривают психологическую готовность как предрасположенность субъекта к реагированию на окружающий мир. Предрасположенность формируется на основе предыдущего опыта личности [2]. Л.С. Выготский, Н.И. Гуткина, Г. Крайг предлагают понимать психологическую готовность как определенный уровень зрелости личности, позволяющий ей осваивать ту или иную деятельность или присваивать то или иное поведение. М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Б.А. Сосновский рассматривают психологическую готовность как набор определенных качеств, свойств, знаний, умений, навыков личности, адекватных требованиям конкретной деятельности. Одно из наиболее общих определений «психологической готовности», объединяющее в себе различные подходы, приводится в энциклопедическом словаре. Под этим понимается готовность к действию, определяемая психологическими факторами, в качестве которых могут выступать как личностные особенности (черты характера, тип темперамента и др.), знания, умения, навыки в соответствующей области, так и уровень подготовленности, общая информированность о событиях и их последствиях и др. [2].

В современных условиях стремительных изменений особую актуальность приобретает вопрос формирования готовности личности к будущим вызовам. Когнитивный компонент является одним из ключевых элементов этой готовности,

определяющим способностью человека эффективно адаптироваться к новым условиям.

Анализ литературы позволил выделить следующие компоненты когнитивной готовности личности к вызовам будущего: рефлексивность, когнитивная гибкость, когнитивный инсайт, невыраженные когнитивные искажения и избегание. Опишем их подробнее.

Рефлексивность – способность анализировать самого себя, выявлять мотивы собственных поступков с учётом прошлых действий и событий, успешных или неудачных результатов деятельности, эмоционального состояния и меняющихся во времени черт личности и характера. В отечественной психологии основы изучения рефлексии заложены в трудах Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна. Ученые рассматривают рефлекссию как «объяснительный принцип развития самосознания и психики в целом» [3, с.340]. В работе с клиентом психолог может использовать рефлекссию, чтобы: помочь клиенту осмыслить процесс консультирования. Например, предложить разобраться, какие эмоции и мысли вызвало в клиенте «мешающее» или «помогающее» событие, что позволило ему позитивно осмыслить протекающий процесс консультирования, какой позитивный опыт тем самым получил клиент. Помочь клиенту распознать истинные желания и выстроить картину желаемого будущего. Таким образом, рефлексия в работе с клиентом помогает ему углублённо взглянуть на себя, выявить свои сильные и слабые стороны, а также развивать навыки критического мышления.

Когнитивная гибкость – это способность личности организовывать свое интеллектуальное поведение в зависимости от изменившихся условий, характеризующая умение индивида преобразовывать когнитивные установки в ответ на изменяющиеся условия его жизнедеятельности. Дж. Гилфорд в своих работах гибкость рассматривает как способность разрывать устоявшиеся когнитивные паттерны мышления, создавая новые (творческие) ассоциации между понятиями. Спиро и Дженг, разработчики теории когнитивной гибкости, предложенной в рамках психологии образования под когнитивной гибкостью понимают способность человека к спонтанной реструктуризации собственных знаний, которая проявляется как приспособительная (адаптивная) реакция на существенные изменения, происходящие во внешней среде [7]. В отечественной психологии к изучению когнитивной гибкости обращались Г. В. Залевский, М.А.Холодная, В. А. Петровский.

Когнитивная гибкость клиента в работе с психологом может проявляться, например, в способности генерировать несколько путей решения проблемы, переключаться между различными классами знаний и снижать уровень привычных реакций в пользу альтернативных ответов. Также когнитивная гибкость может

выражаться в способности давать возможные объяснения переживаемым жизненным событиям, трудным ситуациям и предлагать различные варианты выхода из них [4].

Когнитивный инсайт – в когнитивной теории А.Бека под когнитивным инсайтом подразумевается возможность оценки и коррекции ошибочных или не соответствующих ситуации убеждений и ложных интерпретаций. А.Бек рассматривает когнитивные процессы, необходимые для оценки и переоценки собственного опыта (дистанцирование, объективация, рассмотрение в перспективе, самокоррекция) как возможность оценки и коррекции ошибочных или не соответствующих ситуации убеждений и ложных интерпретаций. Когнитивный инсайт в работе с психологом проявляется в способности клиента сопоставлять своё мнение и ситуацию, в том числе учитывать мнение окружающих людей. Чаще всего когнитивный инсайт возникает во время диагностики, когда нужно определить истинные источники дискомфорта. Однако инсайт — не самоцель, а средство достижения цели. Для изменений требуется не только понимание проблемы, но и развитие новых навыков и способов реагирования на проблемные ситуации. Таким образом, проявления когнитивного инсайта в работе с психологом могут включать момент озарения, но за ним должна следовать дополнительная работа: приобретение навыка видеть ситуацию со стороны, отслеживание проявлений инсайта и его последствий, анализ возможных решений и шагов, внедрение их в жизнь.

Когнитивные искажения – это ошибки в мышлении, которые мешают человеку адекватно воспринимать окружающий мир и принимать решения. В области исследования когнитивных искажений можно выделить несколько ученых, которые сделали значительный вклад в это направление. Одним из них является Аарон Бек, который провел обширные исследования по изучению когнитивных искажений, таких как фильтрация, катастрофизация и другие. Еще одним из известных исследователей этой области является Дэниэл Канеман, который совместно с Амосом Тверски проработал множество экспериментов, которые показали наличие когнитивных искажений в процессе принятия решений. Также стоит упомянуть Ричарда Тарда, который занимается исследованием ошибок мышления и когнитивных искажений. Он разработал концепцию «отраженного практического разума» и углубился в изучение феномена когнитивных искажений в контексте принятия решений. В работе с психологом когнитивные искажения клиента проявляются, например, в виде негативных мыслей или установок, которые часто повторяются в сознании клиента и приводят к ухудшению жизни [4; 5]. К таким мыслям могут относиться невозможность проявить себя, страх общения, искажённое восприятие партнёра и другие. Важная задача взаимодействия с психологом – снизить влияние когнитивных искажений на жизнь клиента, научить клиента фиксировать

и менять собственные автоматические мысли.

Когнитивное избегание – стремление человека не думать о своих переживаниях и избегать любых мыслей, которые вызывают у него тревогу. Карен Хорни в своей работе 1945 года описала «избегающего в межличностных отношениях» человека. Н. Моррисон и Д. Вестбрук отмечали, что когнитивное избегание характерно для клиентов, страдающих обсессивно-компульсивным расстройством. Также термин «избегающая личность» впервые использовал Т.Миллон. Он описал такую личность как состоящую из паттерна «активной обособленности», проявляющегося в «страхе и недоверии к другим людям». Одна из задач психологической помощи для избегающих клиентов - фокусировка на переживаниях и ситуациях, которых они избегают, актуализация эмоций и выявление убеждений, которые приводят к избеганию.

Выводы. Таким образом, формирование когнитивной готовности личности к вызовам будущего – стратегическая задача современной психологии. Развитие рефлексивности, когнитивной флексибельности, инсайта, минимизация искажений и избегания создают прочный фундамент для адаптации в условиях неопределённости. Это позволяет не просто выживать в меняющемся мире, но и использовать вызовы как потенциал для личностного роста, трансформации и обретения новых компетенций. В перспективе важно продолжать исследования в этой области, разрабатывая практические методики развития когнитивных компонентов готовности, что будет способствовать повышению устойчивости личности в эпоху глобальных перемен.

Литература:

1. Битюцкая, Е. В. Трудная жизненная ситуация: критерии когнитивного оценивания / Е. В. Битюцкая // Психологическая наука и образование. – 2007. – Т. 12, № 4. – С. 87-93. – EDN IJFOFD.
2. Васильева, Е. Н. Психологическая готовность к родительству: монография / Е. Н. Васильева, А. В. Щербаков; Нац. исследовательский ун-т “Высш. шк. экономики”, Нац. исследовательский ун-т, “Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского” (Нижний Новгород). – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. – 208 с.
3. Кебина, Н. А. Рефлексия по поводу жизненных трудностей и самореализация личности / Н. А. Кебина, М. В. Борисова // Повышение качества образования, современные инновации в науке и производстве : Сборник трудов Международной научно-практической конференции, Экибастуз, 29 мая 2020 года. – Экибастуз: Филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева» в г. Прокопьевске, 2020. – С. 337-341. – EDN NDEZQV.

4. Кондрашихина, О. А. Когнитивные факторы антиципационных способностей студентов-психологов как ресурсы адаптации в условиях нестабильности современности / О. А. Кондрашихина // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы : Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума. В 2-х томах, Симферополь, 05–07 ноября 2020 года / Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной. Том 1. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 408-414. – EDN JCOTEB.

5. Кондрашихина, О. А. Метакогниции и когнитивные искажения у студентов-психологов / О. А. Кондрашихина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11, № 1. – EDN MFTGGI.

6. Кондрашихина, О. А. Диагностика толерантности к неопределенности: корреляция результатов психодиагностических измерений / О. А. Кондрашихина // Перспективы науки и образования. – 2015. – № 5(17). – С. 83-87. – EDN UZKEZR.

7. Осаволук, Е. Ю. Когнитивная гибкость личности: теория, измерение, практика / Е. Ю. Осаволук, С. С. Кургинян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 128-144. – DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144.

УДК 159.9

КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА У ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

*Михайлова Татьяна Николаевна**Студент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь**Научный руководитель**Кадышева Людмила Борисовна**доцент, кандидат психологических наук**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. В статье исследуются особенности проявления кризиса среднего возраста у современных женщин в условиях трансформирующегося социокультурного пространства. Анализируются ключевые маркеры кризисного состояния, включая экзистенциальную тревогу, профессиональную дезориентацию и трансформацию семейных ролей. Особое внимание уделяется роли цифровизации, изменению гендерных ролей и социокультурным ожиданиям, влияющим на переживание кризиса. Кризис характеризуется более ранним началом, волнообразным течением и усилением под влиянием социальных сетей, формирующих искаженные стандарты успешности. Важнейшими особенностями становятся конфликт идентичностей, профессиональная дезориентация и экзистенциальная тревога, усугубляемые необходимостью постоянной адаптации к цифровым изменениям. В этой связи возникает потребность в дальнейших исследованиях, направленных на разработку моделей поддержки, сочетающих когнитивно-поведенческие методы, ресурсный подход и развитие эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: кризис среднего возраста, женщины, психология зрелости, возрастные кризисы, самореализация, цифровая среда, психологическая адаптация.

MIDDLE AGE CRISIS IN WOMEN IN MODERN CONDITIONS

*Mikhailova Tatyana Nikolaevna**Student of the Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol**Scientific Supervisor**Kadyisheva Lyudmila Borisovna*

Associate Professor, PhD in Psychology
Sevastopol State University
Sevastopol

Abstract. This article explores the manifestations of the midlife crisis in modern women in the context of a transforming sociocultural landscape. Key markers of the crisis are analyzed, including existential anxiety, professional disorientation, and the transformation of family roles. Particular attention is paid to the role of digitalization, changing gender roles, and sociocultural expectations that influence the experience of the crisis. The crisis is characterized by an earlier onset, a fluctuating course, and is amplified by social media, which creates distorted standards of success. Key features include identity conflict, professional disorientation, and existential anxiety, exacerbated by the need to constantly adapt to digital changes. This necessitates further research aimed at developing integrative support models that combine cognitive-behavioral methods, a resource-based approach, and the development of emotional intelligence, taking into account the specifics of digital socialization.

Keywords: midlife crisis, women, maturity psychology, age crises, self-realization, digital environment, and psychological adaptation.

Постановка проблемы. Кризис среднего возраста традиционно рассматривается в психологии, как важный этап личностного развития, характеризующийся переоценкой жизненных достижений, экзистенциальными поисками и необходимостью смысловой перестройки [2]. Свое название средний возраст получил потому, что в нем статистически отображается «середина жизни», которую проживает современный цивилизованный человек. Дж. Холлис назвал кризис среднего возраста «Перевал в середине пути». Именно в этот период жизни, в «нулевой» точке, человек ясно осознаёт конечность жизни. По словам Гейла Шихи, по достижении 35 летнего возраста человек оказывается «на перепутье», когда жизненный путь пройден наполовину, человек видит его окончание. Однако в современных социокультурных условиях данный кризис претерпевает значительную трансформацию под влиянием ряда факторов: цифровизации повседневности, изменения гендерных ролей, экономической нестабильности и новых социальных представлений о женственности и старении.

Особую актуальность приобретает изучение специфики прохождения данного кризиса женщинами, которые одновременно сталкиваются с профессиональными вызовами, семейными обязанностями и давлением социальных медиа, формирующих новые стандарты успешности [4]. Как отмечают исследователи, современные условия создают парадоксальную ситуацию: с одной стороны, расширяются возможности

самореализации, с другой, усиливается тревожность из-за необходимости соответствия множественным социальным ролям [7].

Цель данной статьи - комплексный анализ специфики протекания кризиса среднего возраста у современных женщин, рассматриваемого сквозь призму ключевых современных вызовов: воздействия цифровой среды на процессы идентификации, эволюции традиционных гендерных установок, а также формирования новых социальных требований к представительницам зрелого возраста.

Изложение основного материала исследования. Современные исследования кризиса среднего возраста у женщин демонстрируют его трансформацию под влиянием цифровизации и социокультурных изменений. Как отмечают М.В. Ермолаева [3] и Н.Н.Толстых [5], данный кризис перестает быть исключительно возрастным феноменом, превращаясь в сложный комплекс психологических и социальных вызовов. В отличие от классической концепции Э.Эриксона, акцентировавшего задачи развития личности, современный кризис у женщин 35-45 лет характеризуется одновременным давлением профессиональных, семейных и цифровых факторов [8].

Особую роль играет цифровая среда, формирующая новые паттерны самоидентификации. Исследования показывают, что социальные сети создают искаженные представления об успешности, провоцируя постоянное сравнение с другими и феномен «ускоренного времени». Это усугубляет традиционные кризисные проявления, описанные Д.А.Леонтьевым [3] экзистенциальную тревогу, профессиональную дезориентацию и конфликт идентичностей.

В контексте преодоления кризисных состояний современная психология предлагает комплекс практических рекомендаций. Как отмечает Е.Е.Сапогова [4], эффективными оказываются методы когнитивно-поведенческой терапии, направленные на коррекцию дисфункциональных убеждений о возрастных нормах и социальных ожиданиях. Особое значение приобретает развитие эмоционального интеллекта через техники осознанности, что позволяет снизить тревожность и улучшить самовосприятие. Ресурсный подход, разработанный Хобфоллом, предлагает фокусироваться на восстановлении и приумножении личностных ресурсов, от социальной поддержки до профессиональных навыков. Важным аспектом является цифровой детокс - осознанное регулирование времени, проводимого в социальных сетях, для снижения эффекта «сравнительной тревоги».

Трансформация гендерных стереотипов в условиях цифровой трансформации общества создает для женщин двойное давление, необходимо соответствовать устаревшим традиционным гендерным ролям, связанным с домом и семьей, и

адаптироваться к новым требованиям профессиональной самореализации и цифровой грамотности, что особенно остро проявляется в периоде среднего возраста; как отмечают Р.М. Шамионов [7] и Е.Е.Сапогова [4], ключевой особенностью современного кризиса становится его «расширенная хронология» симптомы могут проявляться значительно раньше традиционного возраста кризиса (часто в 30-35 лет) и характеризоваться волнообразностью, усиливаясь при смене работы, семейных потрясениях или трудностях в воспитании детей, и, соответственно, ослабевая при карьерных достижениях или личных успехах.

Таким образом, кризис среднего возраста у современных женщин представляет собой многомерный феномен, где психологические закономерности развития переплетаются с вызовами цифровой трансформации и эволюцией гендерных норм. Это требует пересмотра традиционных теоретических моделей и разработки новых интегративных подходов к психологическому сопровождению, сочетающих доказательные психологические практики с учетом специфики цифровой социализации.

Выводы. Проведенный анализ позволяет заключить, что кризис среднего возраста у современных женщин представляет собой сложный, многокомпонентный феномен, в котором переплетаются психологические, социальные и цифровые факторы. В отличие от традиционных представлений, сегодняшний кризис характеризуется более ранним началом, волнообразным течением и усилением под влиянием социальных сетей, формирующих искаженные стандарты успешности. Важнейшими особенностями становятся конфликт идентичностей, профессиональная дезориентация и экзистенциальная тревога, усугубляемые необходимостью постоянной адаптации к цифровым изменениям.

В этой связи возникает потребность в дальнейших исследованиях, направленных на разработку интегративных моделей поддержки, сочетающих когнитивно-поведенческие методы, ресурсный подход и развитие эмоционального интеллекта с учетом специфики цифровой социализации. Понимание современных механизмов кризиса среднего возраста у женщин позволит не только расширить теоретические представления в психологии развития, но и создать более эффективные программы психологического сопровождения, отвечающие вызовам цифровой эпохи.

Литература:

1. Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби. – М.: Гардарики, 2019. – 447 с.
2. Ермолаева, М.В. Психология зрелого возраста / М.В. Ермолаева. – М.: МПСИ, 2018. – 320 с.
3. Леонтьев, Д.А. Психология смысла / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2019. – 511 с.

4. Сапогова, Е.Е. Психология развития человека / Е.Е. Сапогова. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 460 с.
5. Социальная психология развития : учебник для вузов / под редакцией Н. Н. Толстых. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 531 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18973-5. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/555594> (дата обращения: 01.12.2025).
6. Хухлаева, О. В. Психология развития и возрастная психология : учебник для среднего профессионального образования / О. В. Хухлаева, Е. В. Зыков, Г. В. Базаева ; под редакцией О. В. Хухлаевой. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 299 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-21623-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/581840> (дата обращения: 01.12.2025).
7. Шамионов, Р.М. Психология социальной адаптации / Р.М. Шамионов. – М.: Инфра-М, 2018. – 288 с.

УДК 37.015.3

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЦЕНТРАЦИЙ ВОЖАТОГО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

*Наумчик Кирилл Владимирович**аспирант кафедры «Психология»**Гуманитарно-педагогический институт**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. В статье рассматриваются педагогические центрации вожатых как проявление мотивационно-личностного компонента их психологической компетентности. Теоретической основой послужили положения о структуре психологической компетентности педагога Н.В. Кузьминой, Г.И. Метельского и концепция центраций А.Б. Орлова. Эмпирическое исследование, проведённое с применением модифицированного варианта цветового теста отношений А.М. Эткинда, позволило выявить приоритетные объекты эмоциональной вовлеченности вожатых детских оздоровительных лагерей. Установлено, что ведущими для них являются ориентации на детей и творчество, отражающие гуманистическую направленность личности. Полученные данные подтверждают системообразующую роль мотивационно-личностного компонента в структуре психологической компетентности и могут быть использованы при подготовке и сопровождении вожатых.

Ключевые слова: психологическая компетентность, вожатый, мотивационно-личностный компонент, педагогические центрации, гуманистическая направленность, тест Эткинда.

THE HUMANISTIC ORIENTATION OF PEDAGOGICAL CENTRATIONS OF A CAMP COUNSELOR AS A MANIFESTATION OF PSYCHOLOGICAL COMPETENCE

*Naumchik Kirill Vladimirovich**postgraduate student of the Department of Psychology**Institute of Humanities and Pedagogics**Sevastopol State University**Sevastopol*

Abstract. The article examines the pedagogical centrations of camp counselors as a manifestation of the motivational and personal component of their psychological competence. The theoretical basis of the study includes the concept of the structure of teachers' psychological

competence and A. B. Orlov's theory of pedagogical centrations. The empirical research, conducted using a modified version of A. M. Etkind's Color Relation Test, made it possible to identify the priority objects of emotional involvement among camp counselors. It was found that the leading orientations are directed toward children and creativity, reflecting the humanistic orientation of the individual. The obtained data confirm the system-forming role of the motivational and personal component in the structure of psychological competence and can be applied in the training and professional support of camp counselors.

Keywords: psychological competence, camp counselor, motivational and personal component, pedagogical centrations, humanistic orientation, Etkind's test.

Постановка проблемы. Современные условия жизни предъявляют всё более высокие требования к психологической компетентности человека –интегральному качеству личности, обеспечивающему успешную адаптацию, саморегуляцию и эффективность взаимодействия с окружающими.

Особое значение психологическая компетентность приобретает в профессиональной деятельности специалистов системы «человек –человек», прежде всего педагогов. Именно в педагогической профессии она становится показателем профессиональной зрелости и основой эффективного взаимодействия с детьми.

Цель статьи. Провести теоретический обзор работ по проблеме профессиональной компетентности вожатого ДОЛ и представить результаты эмпирического исследования ведущего аспекта мотивационно-личностного компонента психологической компетентности вожатого – его педагогической центрации.

Изложение основного материала. Анализ научных источников (Н.В. Андропова, А.А. Деркач, И.Ф. Исаев, Л.М. Митина, А.А. Реан, В.А. Сластенин, Т.Н. Щербакова и др.) показывает, что психологическая компетентность педагога представляет собой целостное профессионально-личностное образование, позволяющее конструктивно решать задачи педагогической деятельности и оказывать позитивное влияние на развитие личности ребёнка.

Т. И. Бессонова раскрывает гуманистическую направленность профессионала в структуре его студенческого и профессионального опыта, где ведущим компонентом может быть психологическая компетентность [2].

Системный характер психологической компетентности педагога подразумевает ее иерархическое строение и внутреннюю организацию, состоящую во взаимосвязи составляющих ее элементов и их взаимодействии на основе функционирования в ней системы «обратной связи» [3; 4; 6]. Это означает наличие ведущей, управляющей ее

составляющей и составляющей исполнительской, инструментальной. Первой такой составляющей являются мотивационно-личностные характеристики педагога. Второй – исполнительской – составляющей психологической компетентности педагога выступают приобретенные им в процессе жизни и посредством целенаправленного обучения психологические компетенции: знания, умения, навыки и опыт.

Обратную связь, необходимую для адекватного функционирования и развития психологической компетентности обеспечивают рефлексивно-идентификационные процессы.

Содержательная специфика мотивационно-личностного компонента психологической компетентности педагога включает – в соответствии с высоким моральным предназначением его труда – человеко-центрированную, гуманистическую направленность его личности, его социальную ответственность и эмпатию, конструктивные коммуникативные склонности и особенности, необходимые для обеспечения психологической безопасности детей в образовательном пространстве и содействия конструктивному развитию их сущностных сил и способностей, а также эмоциональную устойчивость как основу возможности педагога справляться с психологически сложными ситуациями, которыми насыщен их профессиональный труд, и способность к его рефлексивному анализу и саморазвитию на этой основе.

Эти характеристики важны для всех педагогических работников, но наибольшее значение приобретают в работе тех, кто осуществляет свою деятельность в особых условиях. Такими педагогическими работниками являются вожатые детских оздоровительных лагерей.

Для вожатого ключевыми показателями психологической компетентности выступают гуманистическая направленность личности, эмпатия, эмоциональная устойчивость и развитое чувство ответственности. Его профессиональная эффективность определяется не только организаторскими навыками, но и внутренней готовностью к личностному взаимодействию с ребёнком.

Специфические особенности жизнедеятельности детей во время их пребывания в детском лагере (отрыв от дома, погруженность в новую, непривычную коммуникативную среду, необходимость быть более самостоятельным и умелым в повседневных делах и т.п.) и возложенная на вожатого особая роль организатора и руководителя детского коллектива предполагают обязательное наличие у него качеств, обосновывающих его авторитетность у детей, и особенно – у подростков.

Для работы по созданию временных детских коллективов и успешного управления ими вожатому очень важно быть близким к детям, чему способствует его юный возраст,

но этого недостаточно. Вожатому, безусловно, нужны также и лидерские качества, помогающие ему уверенно действовать и, при необходимости, уметь проявить и требовательность, и твердость. И также очень нужны и отзывчивость, душевная теплота, честность и справедливость, которые трудно проявлять, если у вожатого недостаточно развито основополагающее качество настоящего педагога – чувство любви к детям.

Любовь к детям как мотивационно-личностная черта педагога, в том числе – вожатого, предполагает его увлеченность общением с детьми, его особый, личностный интерес к их жизненному миру и склонность к искреннему сопереживанию им в трудные моменты [1].

Такую особую сосредоточенность педагога на интересах, потребностях детей А.Б. Орлов назвал «альтруистической центрацией» педагога, выделив, при этом, еще 5 других возможных вариантов его центраций, а именно:

- центрация на интересах, потребностях своего Я (эгоистическая центрация);
- центрация на интересах, требованиях администрации (бюрократическая центрация);
- центрация на интересах, мнениях коллег (конформная центрация);
- центрация на интересах, запросах родителей (авторитетная центрация);
- центрация на интересах, требованиях предмета и средств обучения и воспитания (познавательная центрация) [5].

Теоретические положения позволили выделить ключевые параметры мотивационно-личностного компонента, которые легли в основу эмпирического изучения педагогических центраций вожатых как показателей их отношения к детям и к другим аспектам их работы в ДОЛ и, таким образом, как проявления мотивационно-личностного компонента их психологической компетентности.

Для этого мы применили модифицированный вариант цветового теста отношений А.М. Эткинда [8], который дает возможность определить степень мотивационной значимости для испытуемого той или иной грани деятельности и их соотношение между собой.

Идею использования цветового теста отношений А.М. Эткинда для изучения мотивационных доминант в педагогической деятельности мы позаимствовали у коллег, применявших данный инструмент при исследовании структуры психологической компетентности педагогов и особенностей их профессиональной мотивации [7].

В частности, испытуемым – вожатым ДОЛ – предлагалось произвести ассоциирование ряда цветовых стимулов, взятых из теста Люшера, с понятиями «Я сам», «Дети», «Родители детей», «Администрация лагеря», «Коллеги-вожатые», а вместо

понятия «Предмет преподавания» предлагалось понятие «Творческий процесс».

В эмпирическом исследовании приняли участие вожатые лагерей Крыма в количестве 40 человек, из них 6 юношей и 34 девушки.

Полученные результаты позволили выявить приоритетные объекты эмоциональной вовлеченности в вожатскую работу и оценить ценностно-смысловую структуру личности респондентов (см. Таблицы 1-3).

Таблица 1 – Распределение показателей гуманистической («альтруистической») центрации у вожатых ДОЛ по тесту А.М. Эткинда (n = 40)

Эмоциональное отношение к объекту «Дети»	Количество испытуемых	% от выборки	Интерпретация
1 место (приоритетный объект)	32	80 %	Дети занимают ведущее место в системе эмоциональных отношений; выражена мотивация на взаимодействие и заботу.
2 место (значимый, но не ведущий)	6	15 %	Отношение к детям позитивное, но без ярко выраженной эмоциональной окраски.
3–6 место (второстепенные позиции)	2	5 %	Сниженная эмоциональная вовлечённость, возможно, ситуативная усталость или неопределённость в ролевом восприятии.

Таблица 2 – Распределение эмоциональных отношений вожатых к объектам профессиональной деятельности по тесту А.М. Эткинда (n = 40)

Объекты профессиональной деятельности	Преобладающее отношение	Положительные ответы (%)	Нейтральные и отрицательные (%)	Интерпретация
Творчество	Положительное	65 %	35 %	Высокая значимость творческой самореализации для большинства опрошенных
«Я» (самоотношение)	Положительное и нейтральное	40 %	60 %	Для 40% опрошенных важна уверенность в себе, самопринятие
Коллеги	Положительное и нейтральное	32,5 %	67,5 %	Для трети опрошенных важна ориентация на сотрудничество
Администрация	Нейтральное /отрицательное	7,5 %	92,5 %	Для большинства опрошенных, возможно, присуще контролирующее восприятие руководства
Родители	Нейтральное/отрицательное	7,5 %	92,5 %	В отношении родителей детей преобладает эмоциональная дистанция

Наиболее значимыми для наших испытуемых оказались категории «Дети» (95%; средний ранг 1,45), «Творчество» (65% на втором месте; средний ранг 2,30) и, отчасти, «Я» (40%; средний ранг 2,75). Эти данные указывают на выраженную гуманистическую и личностно-ориентированную установку участников исследования, отражающую внутреннюю мотивацию, направленную на взаимодействие с детьми и творческое самовыражение. Наименее значимыми оказались категории «Родители» (средний ранг 5,55) и «Администрация» (средний ранг 4,85), что свидетельствует о дистанцировании от

формально-контролирующих взаимодействий и смещении акцента на непосредственный контакт с детьми.

Таблица 3 – Средние показатели эмоциональной направленности
по тесту А.М. Эткинда (n = 40)

Объект эмоциональной направленности	Место, кол-во человек (процент)						Средний ранг	Интерпретация
	1	2	3	4	5	6		
Дети	32 (80 %)	6 (15 %)	2 (5 %)	–	–	–	1,45	Ведущая ценность деятельности; высокая эмоциональная вовлечённость и смысловая значимость.
Творчество	9 (22,5 %)	17 (42,5 %)	8 (20 %)	4 (10 %)	2 (5 %)	–	2,30	Высокая значимость творческого подхода и креативного самовыражения в работе.
«Я» (самоотношение)	6 (15 %)	10 (25 %)	1 (2,5 %)	8 (20 %)	4 (10 %)	1 (2,5 %)	2,75	Умеренно высокая самооценка и принятие своей профессиональной роли.
Коллеги	4 (10 %)	9 (22,5 %)	13 (32,5 %)	8 (20 %)	4 (10 %)	2 (5 %)	3,10	Умеренно значимая сфера; присутствует установка на сотрудничество и поддержку.
Администрация	–	3 (7,5 %)	4 (10 %)	9 (22,5 %)	14 (35 %)	10 (25 %)	4,85	Объект сдержанного отношения; воспринимается как контролирующее звено, а не партнёр.
Родители	1 (2,5 %)	2 (5 %)	5 (12,5 %)	10 (25 %)	12 (30 %)	10 (25 %)	5,55	Наименее значимая категория; эмоциональная дистанция, слабая включённость в взаимодействие.

Сопоставление полученных данных с теоретическими положениями позволяет заключить, что эмоциональная направленность на детей и творчество является эмпирическим выражением мотивационно-личностного ядра психологической компетентности. Она обеспечивает способность педагога к эмпатии, лидерству и личностному саморазвитию – тем самым подтверждая центральную роль гуманистической ориентации в структуре профессионализма вожакого.

Выводы. Теоретический анализ проблемы психологической компетентности педагога показал, что она представляет собой системное профессионально-личностное образование, включающее управляющий (мотивационно-личностный) и исполнительский (инструментальный) компоненты, обеспечивающие успешное решение профессиональных задач и поддержку развития ребёнка. Особое значение для специалистов, работающих в детской среде, приобретает мотивационно-личностный компонент, определяющий смысловую направленность деятельности педагога, его эмоциональную вовлечённость и характер личностной окраски взаимодействия с воспитанниками. Литературные данные

свидетельствуют, что эмоциональная направленность на детей является эмпирическим выражением гуманистически ориентированного мотивационно-личностного ядра в структуре психологической компетентности как основы профессионализма вожатого.

Данный теоретический подход выступил методологическим основанием для последующего эмпирического изучения выраженности гуманистической направленности личности вожатых. Обозначить ведущие ориентационные доминанты личности педагога позволила концепция педагогических центраций А.Б. Орлова.

Согласно полученным эмпирическим данным, у вожатых, принявших участие в исследовании, присутствует высокий уровень мотивационной установки на приоритетность в их работе потребностей и интересов детей, то есть преобладающей педагогической центрацией является альтруистическая центрация, отражающая ценностную ориентированность на ребёнка, его потребности, благополучие и развитие.

Полученные данные могут быть использованы при разработке программ подготовки и сопровождения вожатых, направленных на развитие их психологической компетентности.

Литература:

1. Белов, В. И. Социально-психологический портрет московского вожатого / В. И. Белов, Д. Ю. Елкина // Социологическая наука и социальная практика. – 2018. – Т. 6, № 2(22). – С. 137-150. – DOI 10.19181/snsp.2018.6.2.5862. – EDN XSCOLZ.
2. Бессонова, Т. И. Добровольческие практики как ресурс формирования профессионально значимых компетенций студентов-психологов / Т. И. Бессонова // Осознание Культуры - залог обновления общества. Перспективы развития современного общества : материалы XXII Всероссийской научно-практической конференции, Севастополь, 16–17 апреля 2021 года. – Севастополь: ООО "Рибест", 2021. – С. 252-254. – EDN MQYGFP.
3. Егорова, И. А. Выявление общих параметров психологической компетентности педагогов / И. А. Егорова, И. Ф. Демидова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 12-4(54). – С. 129-133. – DOI 10.18454/IRJ.2016.54.142. – EDN XQWDKF.
4. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции - новая парадигма результата современного образования / И. А. Зимняя // Эйдос. – 2006. – № 5. – EDN SMMBIX.
5. Орлов, А. Б. Психологические центрации в профессиональной деятельности учителя / А. Б. Орлов // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. – 1989. – № 2. – С. 52-56. – EDN TDNPSV.

6. Плякина, Е. В. Структура психологической компетентности: определение и диагностика / Е. В. Плякина, М. А. Хмелькова // Высшее образование сегодня. – 2019. – № 5. – С. 57-62. – DOI 10.25586/RNU.NET.19.05.P.57. – EDN IKHQFM.
7. Скитневская, Л. В. Сравнительный анализ типов личностной центрации педагога(1994 и 2014 гг.) / Л. В. Скитневская, Д. В. Жарова // Педагогика и психология образования. – 2016. – № 1. – С. 85-92. – EDN WGHVUN.
8. Эткинд, А. М. Цветовой тест отношений: (Метод. рекомендации) / А.М.Эткинд. - Ленингр. н.-и. психоневрол. ин-т им. В. М. Бехтерева; [Сост. Е. Ф. Бажин, А. М. Эткинд]. – Ленинград : Ленингр. н.-и. психоневрол. ин-т, 1985. –18 с.

УДК 159.9

МОДЕЛЬ СТРУКТУРЫ ЦИФРОВОГО МЫШЛЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ**Падяш Михаил Андреевич***аспирант кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь***Косцова Мария Викторовна***кандидат психологических наук, доцент**доцент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. Авторами обосновывается необходимость целенаправленного развития нового качества мышления у подростков, позволяющего эффективно адаптироваться к цифровой среде, и предлагается теоретическая модель структуры цифрового мышления. предложенная модель позволяет системно представить процесс развития цифрового мышления через интериоризацию внешних цифровых артефактов и знаковых систем в интрапсихические паттерны и стратегии, что обеспечивается ориентировочной деятельностью и рефлексией. Она может служить теоретической основой для разработки диагностического инструментария и создания психолого-педагогических программ, направленных на целенаправленное развитие цифрового мышления у подростков.

Ключевые слова: мышление, цифровое мышление, цифровизация, цифровая среда, структура цифрового мышления, уровни цифрового мышления.

COGNITIVE ASPECT OF MODERN DIGITAL COMPETENCIES**Padyash Mikhail Andreevich***Postgraduate Student of the Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol***Kostsova Maria Viktorovna***PhD in Psychology, Associate Professor**Associate Professor Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol*

Abstract. The authors substantiate the need for targeted development of a new quality of thinking in adolescents, allowing for effective adaptation to the digital environment, and propose

a theoretical model of the structure of digital thinking. The proposed model allows for a systematic representation of the development of digital thinking through the internalization of external digital artifacts and symbolic systems into intrapsychic patterns and strategies, which is achieved through orientation and reflection. It can serve as a theoretical basis for developing diagnostic tools and creating psychological and pedagogical programs aimed at the targeted development of digital thinking in adolescents.

Keywords: thinking, digital thinking, digitalization, digital environment, structure of digital thinking, levels of digital thinking.

Постановка проблемы. Сегодня человеку приходится существовать мире, который стремительно претерпевает череду глобальных изменений. Как и любой живой организм человеческий организм непрестанно адаптируется к окружающей среде, проблема в том, что вложенный природой механизм эволюции не поспевает за происходящими вокруг него изменениями. И первую очередь эта проблема касается психологической и социальной сферы существования человека. Из-за этого у современного человека развивается множество проблем психологического характера. Формируются новые паттерны и стратегии мышления (гуглизация мышления, гиперподключенность, клиповое мышление).

Современному человеку необходимо новое качество мышления, которое будет относиться к способностям человека воспринимать и адаптироваться к новым условиям среды, которые преподносит глобальная цифровизация. Речь идёт о цифровом мышлении. Так как именно в подростковом возрасте формируются необходимые когнитивные, эмоциональные и социальные предпосылки для эффективного использования цифровых технологий, данная проблема имеет особое значение применительно к подросткам.

Цель статьи. Предложение модели структуры цифрового мышления у подростков.

Изложение основного материала исследования. Теоретической и концептуальной базой для созданной модели послужили труды выдающихся учёных-исследователей. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского [1], в рамках которой социальная среда и культура выступала как главный источник развития человеческой личности, что обретает особую смысл в контексте цифровой культуры нашего времени. И это отражается в более современной социально-когнитивной концепции цифровой социализации Г.У. Солдатовой [4; 5] предполагающую, что цифровые технологии интегрируются в когнитивную и социальную систему, определяя процесс адаптации изменяющегося человека к возможностям и рискам динамичной социотехнологической среды. В рамках оговоренной среды следует учитывать её влияние на формирование и

развитие рабочей и долговременной памяти о которых писал Джон Свеллер [8] в теории когнитивной нагрузки. Описывая процессы и условия формирования цифрового мышления, были заимствованы идеи теории поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина [2] и психологической теории рефлексивной регуляции деятельности А.В. Карпова [3].

Опираясь на данную теоретическую базу при создании модели мы руководствовались такими методологическими подходами как: субъектно-деятельностный, цивилизационный, системный, когнитивный и информационный. Модель также учитывает принципы: опережающего развития образования, так как для адаптации к технологиям будущего необходимо развивать не только актуальные, но и перспективные когнитивные стратегии и цифровые компетенции; принцип инновационности образовательной среды требующий создания в дополнительном образовании гибкой технологической среды, моделирующей реальную цифровую экосистему; гуманистический принцип акцентирует внимание на развитие личности подростка, его ценностных ориентаций и ответственности в цифровом мире; личностно-ориентированный предполагает опору на индивидуальные когнитивные стили, мотивы и зону ближайшего развития каждого подростка, в то время как принцип детерминизма подчёркивает причинно-следственную связь между специально созданными психолого-педагогическими условиями (ООД, рефлексия) и формированием желаемых качеств цифрового мышления; принцип интегративности обеспечивает объединение знаний из когнитивной психологии, информатики, нейронаук и социологии для формирования целостного феномена цифрового мышления; принцип системности позволяет рассматривать цифровое мышление как сложную функциональную систему.

Содержательный блок описывает компоненты цифрового мышления. В мотивационном блоке мотив к профессиональной деятельности рассматривается через профессиональные склонности «человек-знак» по Е.А.Климову.

Ориентировочный компонент включает этапы формирования ориентировочной основы деятельности в системе человек-техника и человек-знаковая система. Первым этапом является формирование ориентировочной основы действия. На этом этапе подросток не только ознакомливается с образцом действия, но также осуществляет анализ логики и структуры цифровой среды. Задача на данном этапе выявить системные связи, «правила игры» цифрового пространства, создавая таким образом ментальную модель для навигации и решения задач.

Следующий – этап материализованных цифровых действий, в котором мыслительное действие выполняется через манипуляцию внешними, цифровыми

объектами-посредниками (интерфейсы, значки, ссылки... и т.д.), которые в последствии становятся «материальной» опорой для когнитивных процессов.

На этапе внешнеречевых действий внешние цифровые опоры убираются, и действие воспроизводится в вербально. Подросток проговаривает вслух выбранные стратегии, объясняет логику своих действий, вступает в дискуссию и процессе этого начинается «сворачивание» действия.

Данный этап переходит в этап внутренней речи, в котором развернутое объяснение превращается в свернутую, внутреннюю инструкцию. В процессе внутреннего диалога сливаются собственные мысли и усвоенные ментальные модели навигации в цифровой среде, превращаясь в инструмент быстрого мысленного планирования.

На последнем этапе умственных действий приобретённый инструмент становится автоматическим, неосознаваемым действием. Цифровые паттерны и стратегии становятся естественной частью когнитивного аппарата и мышление начинает проявлять новые соответствующие качества.

Инструментальный элемент подразумевает наличие операциональной основы (средств деятельности), формы, методы, технологии. В него входит инструментарий, который формируется самостоятельно в процессе адаптации человека к цифровой среде: устойчивые когнитивные модели (сетевая модель мышления, активный экстернализм, гибридное пространственное мышление, симбиоз с ИИ-помощниками) и когнитивные стратегии (гуглизация мышления, цифровая многозадачность).

Однако в самой модели акцент ставиться на тех средствах деятельности, которые подросток имеет возможность формировать осознанно и целенаправленно для эффективного пребывания в техно-системе и противодействия рискам, которые она несёт. Так, учитывая риски формирования у подростка «клипового мышления» и поверхностной переработки информации были выделены инструменты работы с информацией: алгоритмизация, декомпозиция, распознавание паттернов, структурирование и критический отбор информации.

В рамках возможности целенаправленного использования знаковых систем для решения задач были включены инструменты коммуникации и коллаборации: нетикет, конструирование и управление цифровым следом и онлайн-репутацией.

Ключевым компонентом для управления стихийными паттернами мышления являются инструменты метапознания и саморегуляции: осознанный выбор когнитивной стратегии, использование тайм-менеджмента, цифрового детокса для управления вниманием и гиперподключенностью. Подросток учится не просто подчиняться стихийным паттернам, а осознанно выбирать необходимые.

Последний элемент цифрового мышления является рефлексивным. Он содержит в себе рефлексию всех этапов цифрового мышления, в теоретической основе которой лежат труды А.В. Карповы о теории рефлексивной регуляции деятельности [3]. Личностная рефлексия позволяет проводить анализ изменений в собственных целях, мотивах и эмоциональном отношении к цифровой среде и своей деятельности в ней. Интеллектуальная рефлексия отвечает критическую оценку выбранных когнитивных стратегий и паттернов, осознание их сильных и слабых сторон. Коммуникативная рефлексия позволяет проводить анализ эффективности и этики своего взаимодействия в цифровых коммуникациях и при работе с ИИ-помощниками и другими цифровыми инструментами. Регулятивная рефлексия помогает планировать будущие шаги по развитию цифрового мышления на основе проведенного анализа. Исходя из всего вышеуказанного, была сформирована модель структуры цифрового мышления у подростков продемонстрированная на рисунке 1.

Социальный заказ			
формирование у обучающихся культуры пользования информационно-коммуникационными технологиями			
МОДЕЛЬ СТРУКТУРЫ ЦИФРОВОГО МЫШЛЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ			
ЦЕЛЬ: создание теоретической модели цифрового мышления у подростков			
БЛОК 1: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ			
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ:	ПРИНЦИПЫ:	КОНЦЕПЦИИ И ТЕОРИИ:	
- Субъектно-деятельностный; - Цивилизационный; - Системный; - Когнитивный; - Информационный.	- опережающего развития образования; - инновационности образовательной среды; - интегративности; - гуманистический; - личностно-ориентированный; - системности; - детерминизма.	- Культурно-историческая теория (Л.С. Выготский); - Теория поэтапного формирования умственных действий (П.Я. Гальперин); - Социально-когнитивная концепция цифровой социализации (Г.У. Солдатова) - Психологическая теория рефлексивной регуляции деятельности (А. В. Карпов) - Теория когнитивной нагрузки (Джон Свеллер)	
БЛОК 2: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ			
МОТИВАЦИОННЫЙ	ОРИЕНТИРОВОЧНЫЙ	ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ	РЕФЛЕКСИВНЫЙ
Профессиональные склонности – «человек-знак» (по Е.А.Климову)	1. Формирование ориентировочной основы будущего действия - знакомство с образцом действия и условиями его успешного выполнения. 2. Этап материализованных цифровых действий - действие выполняется во внешней, развернутой форме с опорой на реальные предметы или их модели 3. Этап внешнеречевых действий - предметы убираются, действие выполняется в плане громкой речи без опоры на материальные объекты. Происходит обобщение и сокращение действия. 4. Этап внутренней речи про себя - ООД становится свернутой, внутренней инструкцией	- алгоритмизация; - декомпозиция; - распознавание паттернов; - структурирование и критический отбор информации; - нетикет; - конструирование и управление цифровым следом и онлайн-репутацией; - осознанный выбор когнитивной стратегии; - управление вниманием и гиперподключенностью.	Рефлексия всех этапов цифрового мышления 1. Личностная рефлексия: Анализ изменений в собственных целях, мотивах и эмоциональном отношении к цифровой среде и своей деятельности в ней. 2. Интеллектуальная рефлексия: Оценка адекватности выбранных когнитивных стратегий и паттернов, осознание их сильных и слабых сторон. 3. Коммуникативная рефлексия: Анализ эффективности и этики своего взаимодействия в цифровых коммуникациях и при работе

	5. Этап умственных действий - действие полностью переносится во внутренний план, становится свернутым, автоматическим и неосознаваемым актом.		с ИИ-помощниками. 4. Регулятивная рефлексия (по А.В.Карпову): Планирование дальнейших шагов по развитию цифрового мышления на основе проведенного анализа.
--	--	--	--

Рисунок 1 - Модель структуры цифрового мышления у подростков

Выводы. Таким образом, предложенная модель позволяет системно представить процесс развития цифрового мышления через интериоризацию внешних цифровых артефактов и знаковых систем в интрапсихические паттерны и стратегии, что обеспечивается ориентировочной деятельностью и рефлексией. Она может служить теоретической основой для разработки диагностического инструментария и создания психолого-педагогических программ, направленных на целенаправленное развитие цифрового мышления у подростков.

Литература:

1. Выготский, Л. С. История развития высших психических функций / Л. С. Выготский // Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Педагогика, 1983. – Т. 3: Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. – С. 6 – 328.
2. Гальперин, П. Я. Лекции по психологии / П. Я. Гальперин. – Москва : Книжный дом «Университет» : Высшая школа, 2002. – 400 с. – URL: <https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=12452>
3. Карпов, А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности / А. В. Карпов. – Москва : Институт психологии РАН, 2004. – 424 с.
4. Солдатова, Г. У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г. У. Солдатова, А. Е. Войскунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 431-450. – DOI 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450. – EDN RSSHPN.
5. Солдатова, Г. У. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, А. Е. Вишнева [и др.] ; Фонд «Развития интернет». – Москва : Фонд «Развития интернет», 2022. – 356 с.
6. Урванова, Н. А. Модель развития математического мышления обучающихся на занятиях по дисциплинам математического и естественно-научного цикла / Н. А. Урванова // Инновационное развитие профессионального образования. – 2018. – Т. 20, № 4. – С. 39-45. – EDN YTZHFB.
7. Феномен «цифровое мышление» в психологии / М. В. Косцова, М. А. Падыш, Д. С. Косцова, А. Е. Гришина // Методология, метод и методика в современных

психологических исследованиях в России : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Севастополь, 28 марта 2025 года. – Севастополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2025. – С. 84-91. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82798882>

8. Sweller, J. Cognitive Load during Problem Solving: Effects on Learning / J. Sweller // Cognitive Science. – 1988. – Vol. 12. – pp: 257-285.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОЙ МОЛОДЕЖИ СО СКЛОННОСТЬЮ К РИСКОВАННОМУ ПОВЕДЕНИЮ

*Петров Даниил Андреевич**Преподаватель кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. Статья посвящена изучению психологических особенностей интернет-активной молодежи, склонной к рискованному поведению в онлайн-среде. В ней рассматриваются ключевые понятия, такие как «интернет-активная молодежь» и «рискованное поведение», а также анализируются характерные черты личности данной категории молодых людей, включая повышенную импульсивность, поиск острых ощущений, низкую самооценку, нарциссизм, дефицит внимания и склонность к зависимостям. Полученные результаты подчёркивают необходимость разработки целенаправленных мер психопрофилактики и психологической помощи для этой категории молодых людей. Эта работа должна быть направлена не только на то, чтобы информировать молодых людей о возможных рисках, но и на развитие у них навыков саморегуляции, критического мышления, эмоционального интеллекта и формирование устойчивой позитивной идентичности.

Ключевые слова: интернет-активная молодежь, рискованное поведение, импульсивность, поиск острых ощущений, низкая самооценка, нарциссизм, дефицит внимания, склонность к зависимостям, онлайн-среда, социальное давление, дезинформация, психологическая помощь.

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF INTERNET-ACTIVE YOUTH WITH A TENDENCY TO RISK-TAKING BEHAVIOR

*Petrov Daniil Andreevich**Lecturer of the Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol*

Abstract. This article examines the psychological characteristics of internet-active youth prone to risky online behavior. It examines key concepts such as "internet-active youth" and "risky behavior," and analyzes the characteristic personality traits of this group of young people, including increased impulsivity, sensation-seeking, low self-esteem, narcissism, attention deficit, and addiction. The findings highlight the need to develop targeted psycho-preventive measures

and psychological support for this category of young people. This work should focus not only on informing young people of potential risks but also on developing their self-regulation skills, critical thinking, emotional intelligence, and the formation of a stable, positive identity.

Keywords: Internet-active youth, risky behavior, impulsivity, sensation-seeking, low self-esteem, narcissism, attention deficit disorder, addiction, online environment, social pressure, disinformation, psychological help.

Постановка проблемы. Современная молодежь формируется и функционирует в условиях гиперинтегрированности в цифровое пространство, где онлайн-среда становится полноправной ареной для социализации, самопрезентации и поиска идентичности. Однако интенсивная интернет-активность сопряжена с целым спектром психологических рисков, проявляющихся в распространении среди молодых людей различных форм рискованного поведения. Кибербуллинг, участие в деструктивных сообществах, онлайн-троллинг, безответственное раскрытие персональных данных, кибераддикции и воздействие деструктивного контента представляют серьезную угрозу для психологического благополучия и личностного развития подрастающего поколения. В этой связи остро стоит проблема выявления тех специфических личностных особенностей, которые делают молодых людей уязвимыми перед соблазном рискованных действий в сети, что и определяет актуальность данного исследования.

Цель статьи. Целью данной статьи является систематизация и анализ психологических особенностей личности интернет-активной молодежи, детерминирующих склонность к рискованному поведению в онлайн-среде. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: конкретизировать содержание понятий «интернет-активная молодежь» и «рискованное поведение» применительно к цифровому контексту; выявить и охарактеризовать ключевые личностные черты, такие как импульсивность, поиск острых ощущений, нарциссизм и другие, способствующие проявлению рискованных онлайн-практик; а также рассмотреть комплекс факторов онлайн-среды, усугубляющих эту связь.

Изложение основного материала исследования.

В рамках данного теоритического исследования мы используем два ключевых термина. Под «интернет-активной молодежью» мы понимаем социально-демографическую группу в возрасте от 16 до 30 лет, для которой цифровые технологии и онлайн-общение стали неотъемлемой частью повседневной жизни, основным каналом коммуникации, получения информации и проведения досуга.

«Рискованное поведение в онлайн-среде» определяется как совокупность действий, которые могут привести к негативным последствиям для пользователя или окружающих. Эти последствия могут включать психологический ущерб, репутационные потери, финансовые риски и угрозу личной безопасности [2, с. 34].

Анализ современных исследований позволяет выделить ряд личностных характеристик, которые тесно связаны со склонностью к рискованному поведению в интернете.

1.Импульсивность – это качество, которое служит одним из ключевых факторов, влияющих на поведение человека в интернете. Импульсивный пользователь склонен к быстрым и необдуманным действиям: он может оставлять провокационные комментарии, делиться личной информацией, принимать спонтанные решения под влиянием сиюминутных эмоций, не задумываясь о долгосрочных последствиях. Анонимность и высокая скорость коммуникации в интернете лишь усугубляют эту черту [5].

2.Поиск острых ощущений, сенсационность. Стремление к постоянному получению нового и интенсивного опыта, а также к ярким переживаниям находит в интернете множество возможностей для реализации. Это может проявляться в участии в опасных челленджах, посещении закрытых и деструктивных сообществ, агрессивном троллинге или увлечении азартными онлайн-играми. Для таких молодых людей интернет становится средством преодоления скуки и получения «дозы адреналина» [1, с. 31].

3.Низкая самооценка и нарциссизм — две, на первый взгляд, противоположные черты характера, которые часто встречаются вместе и приводят к похожим моделям поведения. Молодые люди с низкой самооценкой могут искать подтверждение своей значимости, прибегая к рискованным действиям, таким как публикация откровенных фотографий или видео в надежде на одобрение и лайки. В свою очередь, нарциссические личности используют провокации и эпатаж, чтобы привлечь внимание и поддерживать свой грандиозный образ, что также сопряжено с большими репутационными рисками [3, с. 15].

4.Дефицит внимания и гиперактивность, СДВГ — это состояние, характеризующееся трудностями с концентрацией внимания, неусидчивостью и постоянной потребностью в смене деятельности. Оно приводит к поверхностному потреблению контента и неспособности критически оценивать информацию. Это делает человека более уязвимым к дезинформации, манипуляциям и вовлечению в рискованные активности, которые в интернет-среде часто представлены в яркой, динамичной и привлекательной форме [4, с. 28].

5. Склонность к зависимому поведению. Люди, склонные к формированию зависимостей, часто сталкиваются с этой проблемой и в цифровой среде. Они могут не только стать интернет-зависимыми, но и начать участвовать в других формах рискованного поведения, таких как лудомания, зависимость от азартных игр, онлайн-шопинг или токсичные отношения в социальных сетях [7, с. 55].

Важно отметить, что в онлайн-пространстве эти личностные черты проявляются сильнее из-за специфических факторов, характерных для этой среды:

- Эффект деиндивидуации и анонимности: Ощущение невидимости и снижение страха социального осуждения ослабляют внутренний контроль и позволяют более свободно выражать деструктивные импульсы.
- Социальное давление и виртуальная групповая динамика: Стремление к принадлежности к определенной онлайн-группе, субкультуре, фан-сообществу, может побуждать молодых людей выполнять рискованные задания, чтобы подтвердить свой статус [8, с. 49].
- Информационная перегрузка и дезинформация: Современный мир наполнен огромным количеством информации, что затрудняет её проверку. Из-за этого молодые люди становятся лёгкой мишенью для манипуляторов и пропагандистов деструктивных идей [6, с. 11].

Выводы. Анализ данных позволяет сделать вывод о том, что склонность интернет-активной молодёжи к рискованному поведению в онлайн-пространстве обусловлена рядом взаимосвязанных психологических особенностей личности. Наиболее значимыми среди них являются импульсивность, поиск острых ощущений, низкая самооценка, нарциссические проявления, дефицит внимания и склонность к зависимому поведению.

Эти внутренние предпосылки становятся ещё более выраженными под воздействием специфических характеристик цифрового мира, таких как анонимность, групповая динамика и информационная нестабильность. Полученные результаты подчёркивают необходимость разработки целенаправленных мер психопрофилактики и психологической помощи для этой категории молодых людей. Эта работа должна быть направлена не только на то, чтобы информировать молодых людей о возможных рисках, но и на развитие у них навыков саморегуляции, критического мышления, эмоционального интеллекта и формирование устойчивой позитивной идентичности. Всё это в совокупности поможет снизить влияние личностных факторов уязвимости и повысить психологическую устойчивость в условиях цифровой социализации.

Литература:

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания // Избранные психологические труды: в 2-х т. Т. 1 / Б. Г. Ананьев. – М.: Педагогика, 1980. – 426 с.
2. Берн, Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Э. Берн; под общ. ред. М. С. Мацковского. – СПб : Лениздат, 1992. – 400 с.
3. Быкова, С. В. Склонность к риску как устойчивое свойство личности / С. В. Быкова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1-1. – С. 157-160. – EDN XBELCD.
4. Гроф, С. Психология будущего: Уроки современных исследований сознания / С. Гроф. – Москва : Ганга, 2021. – 544 с.
5. Дик, П. В. Психологические факторы рискованного поведения в старшем подростковом возрасте : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / П. В. Дик. – Минск, 2014. – 24 с.
6. Залетаев, И. П. Профилактика рискованного поведения подростков / И. П. Залетаев // Педагогика. – 2005. – № 8. – С. 50–55.
7. Колпаков, В. М. Теория и практика принятия управленческих решений: Учеб. пособие / В. М. Колпаков. – 2-е изд., перераб. – К.: МАУП, 2004. – 504 с.
8. Менегетти, А. Система и личность / А. Менегетти; пер. с итал. – Москва : Серебряные нити, 1996. – 128 с.

УДК 378

СОДЕРЖАНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Пожиленкова Анастасия Александровна

преподаватель кафедры «Психология»

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

г. Севастополь

Аннотация. В статье отображено системное представление о содержании высшего образования, как одного из механизмов формирования поликультурной компетентности. Автор раскрывает содержательные характеристики поликультурного образования, определяющие его как неотъемлемый элемент успешной профессиональной реализации в поликультурном мире. Подчёркивается значимость целенаправленного формирования ценностных ориентаций будущих специалистов, основанных на взаимном уважении, понимании и позитивном отношении к культурным различиям, что составляет основу социальной стабильности в глобальном обществе. Констатируется, что поликультурное образование, в целом, представляет собой сложное, многоаспектное понятие с многовековой историей, которое воплотило в себе разные подходы к решению проблем, связанных с расовой, религиозной и культурной разнородностью современного общества.

Ключевые слова: глобализация, поликультурное образование, высшая школа, многокультурное общество, идентичность.

THE CONTENT OF HIGHER EDUCATION IN THE GLOBAL WORLD: POLYCULTURAL CONTEXT

Pozhilenkova Anastasia Alexandrovna

lecturer of the Department of Psychology

Sevastopol State University

Sevastopol

Abstract. The article presents a systematic view of the content of higher education as one of the mechanisms for the formation of multicultural competence. The author reveals the substantive characteristics of multicultural education, defining it as an integral element of successful professional realization in the multicultural world. The importance of purposeful formation of value orientations of future specialists based on mutual respect, understanding and positive attitude to cultural differences, which forms the basis of social stability in a global society, is emphasized. It is stated that multicultural education, in general, is a complex, multifaceted concept with a centuries-old history, which embodies different approaches to

solving problems associated with the racial, religious and cultural heterogeneity of modern society.

Keywords: globalization, multicultural education, higher education, multicultural society, identity.

Постановка проблемы. В современную эпоху глобализации проблема изучения содержания высшего образования приобретает особую значимость в свете формирования новых поликультурных и социально-экономических реалий. Доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии образования А. М. Новиков определяет глобализацию, как «процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции, основными характеристиками которого являются распространение капитализма по всему миру, мировое разделение труда, миграция в масштабах всей планеты денежных, человеческих и производственных ресурсов, а также стандартизация экономических и технологических процессов и сближение культур разных стран» [5, с.42]. Кроме того, нельзя не отметить, что в постиндустриальном обществе происходит закономерное повышение социальной значимости и востребованности высокообразованной, обладающей развитым культурным капиталом личности, чей творческий потенциал становится ключевым ресурсом как в производственной, так и социальной сферах.

Новиков А. М. в монографии «Постиндустриальное образование» формулирует следующие три основные цели современного образования: «создание условий для овладения личностью истинно человеческой, в том числе профессиональной деятельностью для включения человека в общественно-полезный труд в соответствии с его интересами и способностями; воспитание граждан – социально активных, творческих членов общества, овладевших системой общечеловеческих и национальных ценностей и идеалов, способных к преобразованию производства, экономических и общественных отношений, участию в управлении; обладающих чувством гражданской ответственности за свою жизнь и жизнь своей семьи, за результаты своей деятельности, за сохранение природы, за судьбу страны и мира; удовлетворение текущих и перспективных потребностей производства в экономической, социальной, культурной и других сферах в квалифицированных специалистах, соответствующих требованиям гуманитарного, социального и научно-технического процесса, обладающих широким общим и профессиональным кругозором, профессиональной мобильностью» [5, с.46]. В этой связи обуславливается то повышенное внимание, которое уделяется сегодня подготовке специалистов, не только обладающих суммой определенных профессиональных знаний и

умений, но и имеющих богатый личностный потенциал, способствующий самоактуализации, самообразованию и саморазвитию; а также созданию соответствующих для условий; демократизации и гуманизации всех сфер жизнедеятельности общества.

Согласно положениям научной школы «Профессиональная педагогика – теория непрерывного образования», направления развития системы высшего образования демонстрируют его ориентацию на вызовы 21 века, среди которых: непрерывность; доступность и открытость, фундаментализация, междисциплинарность, опережающий характер и технологичность, усиление гуманитарной направленности, использование передовых цифровых технологий, практическая ориентированность. Особое значение в данном контексте, особенно для современной России, чьё историческое развитие неразрывно связано с уникальным историческим опытом межкультурного и межэтнического взаимодействия, приобретает поликультурный аспект.

Цель статьи – раскрыть содержание категорий поликультурность и поликультурное образование.

Изложение основных результатов исследования. Проблематика категорий «поликультурность» и «поликультурное образование» находится в фокусе исследований ряда отечественных учёных: Е.В. Бондаревской, В.П. Борисенкова, С.К. Бондаревой, Ю.С. Давыдова, А.Я. Данилюка, А.Н. Джуринского, А. П. Лиферова, З.А. Мальковой, Н. Д. Никандрова, Л. Л. Супруновой, Л.П. Халяпиной, П.В. Сысоева, С. Л. Яковлевой, Е.М. Щегловой, Л.В. Колобовой, И.А. Зимней, П.Д. Павленко, А.Н. Савинова и др. В трудах представленных авторов осуществляется комплексный анализ как теоретико-методологических основ поликультурного образования, так и прикладных аспектов его внедрения в педагогическую практику [1].

Гукаленко О. В. и Борисенков В. П. определяют поликультурность как «качественную характеристику личности, которая свидетельствует о её способности жить и успешно функционировать в поликультурной среде, уважать и принимать культурные различия при условии их гуманистического содержания» [1, с.11]. Целостная реализация принципов поликультурности в образовательном процессе позволяет достичь двойного эффекта: не только сохранение индивидуальности каждого человека, но и способствует рефлексивному осознанию и укреплению собственной культурной идентичности, а также выработке компетенций, необходимых для успешной адаптации в условиях поликультурного мира. Поликультурное образование призвано создавать в образовательном пространстве вузов такую благоприятную социально-психологическую среду, в которой каждый студент, вне зависимости от культурной и этнической

принадлежности, будет иметь равные возможности для реализации своего конституционного права на получение качественного образования и полноценного личностного становления.

Доктор педагогических наук Пафова М. Ф., выделяет четыре ориентира в целях поликультурного образования: становление этнокультурной и социокультурной идентичности; овладение системой понятий и знаний о специфике и разнообразии культур; интериоризация ценностных установок, основанных на принципах толерантности и; развитие поведенческих стратегий и коммуникативных навыков, обеспечивающих конструктивный межкультурный диалог [6]. Следовательно, поликультурное образование призвано учитывать следующие аспекты: многообразие культур, субкультур, культурных ценностей, национальных и религиозных традиций; принципиальную важность умения жить в общностях, где влияние культур накладывается друг на друга; приоритет общечеловеческих, общероссийских и этнокультурных ценностей. «Для поликультурного образования важно сформировать личность, способную к жизнедеятельности в поликультурном социуме, которая умеет находить компромисс между личными и общественными интересами», обладающей пониманием, терпимостью и уважением других культур [1]. Перед высшими учебными заведениями стоит цель готовить молодых специалистов, которые будут в силах ответить на вызовы мультикультурного социума и реализовывать межкультурный диалог [7].

Поликультурное образовательное пространство реализуется исключительно через процесс, в котором созданы все условия для обеспечения защиты и поддержки развития каждой личности. В связи с этим в практику поликультурного образовательного пространства необходимо внедрять технологии, формы и методы учебной и внеучебной деятельности, которые будут транслировать индивидуально-личностный подход в социальном становлении, а также в адаптации человека в образовательную среду через различные виды деятельности [7]. Немаловажно отметить, что поликультурная модель образования в системе профессионально-значимых качеств требует от педагога новых способностей. Одна из значимых ролей принадлежит не традиционным предметно-специальным способностям, а общей культуре и творческому началу личности педагога. Педагог в высшей школе должен быть не просто предметником, а педагогом широкого профиля, педагогом-исследователем, педагогом-универсалом, педагогом-консультантом, способным не только методически грамотно транслировать материал предмета, но и предложить авторскую программу и методику преподавания [7].

Таким образом, современное высшее образование невозможно представить без межкультурного взаимодействия. Изученные материалы позволяют заключить, что

поликультурное образование призвано глубоко и всесторонне приобщать молодёжь к культуре своего народа; сформировать у учащейся молодёжи систему ценностей, связанных с реальной многокультурной картиной мира; помочь им овладеть способами и навыками межкультурного диалога, последовательной мыслительной деятельности в интеркультурной коммуникации; формировать представления о многообразии культур, воспитание позитивного отношения к культурным различиям; дать учащимся представление о них самих, о смысле их существования, важнейших жизненных проблемах человека и человечества; сформировать личностные качества, необходимые человеку при его внедрении в иную культуру, навыки толерантного, бесконфликтного поведения в многокультурном обществе; воспитание в духе согласия, терпимости, гуманности и взаимопонимания в вопросах межнационального общения.

Выводы. Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что, поликультурное образование в целом представляет собой сложное, многоаспектное понятие с многовековой историей, которое воплотило в себе разные подходы к решению проблем, связанных с расовой, религиозной и культурной разнородностью современного общества [3]. Сегодня поликультурное образование – важная составляющая современной системы образования, активно осуществляемая в высшей школе, что позволяет подготовить молодое поколение специалистов готовых к активной созидательной деятельности в многокультурном обществе.

Литература:

1. Гукаленко, О. В. Поликультурное образование и вызовы современности / О. В. Гукаленко, В. П. Борисенков // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – 2018. – № 2. – С. 3-11. – DOI 10.51314/2073-2635-2018-2-3-11. – EDN LBKIJF.
2. Данилюк, А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков // Народное образование. – 2010. – № 1(1394). – С. 39-46. – EDN PJXQOH.5. Новиков, А. М. Постиндустриальное образование: публицистическая полемическая монография / А. Новиков // Москва : Эгвес, 2008. – 135 с. – ISBN 5-85449-105-2.
3. Дашкевич, С. С. Поликультурное образование в современном вузе / С. С. Дашкевич, О. Г. Буденис // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2020. – № 15. – С. 11-14. – EDN OZLMGM.
4. Методологические основания развития образовательных стратегий в современных условиях / А. К. Орешкина // Профессиональное и высшее образование: вызовы и перспективы развития : [коллектив. моногр.] / РАН, Отд-ние проф. образования, Моск.

гор. пед. ун-т ; [авт.-сост. : С. Н. Чистякова, Е. Н. Геворкян, Н. Д. Подуфалов]. – М., 2018. – С. 34–39. – ISBN 978-5-9500963-7-2.

5. Новиков, А. М. Постиндустриальное образование: публицистическая полемическая монография / А. Новиков // Москва : Эгвес, 2008. – 135 с. – ISBN 5-85449-105-2.

6. Пафова, М. Ф. Территориальные программы развития поликультурного образования / М. Ф. Пафова // Педагогика. – 2005. – № 9. – С. 72-79. – EDN NCOFMX.

7. Салаватова, А. М. Организация поликультурного образования в вузе / А. М. Салаватова // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 43-50. – DOI 10.36906/2311-4444/19-4/07. – EDN XCCBCB.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

*Полищук Эмилия Денисовна**Студент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь**Берсенёва Лариса Владимировна**Доктор психологических наук, доцент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей эмоционально-волевой сферы в подростковом возрасте. Рассматриваются ключевые характеристики эмоциональной нестабильности, лабильности, а также специфика формирования волевых качеств в контексте современных вызовов, включая влияние цифровой среды. Особое внимание уделяется противоречиям в развитии воли, таким как сочетание настойчивости в одних видах деятельности с импульсивностью и внушаемостью в других. Анализируются факторы, влияющие на успешность преодоления подростками кризисных явлений, связанных с эмоциональной регуляцией и волевым контролем. На основе теоретического анализа психолого-педагогической литературы и вторичного анализа эмпирических данных делается вывод о необходимости комплексного психолого-педагогического сопровождения, направленного на развитие навыков саморегуляции и рефлексии.

Ключевые слова: подростковый возраст, эмоционально-волевая сфера, эмоциональная нестабильность, волевая регуляция, саморегуляция, кризис идентичности, цифровая социализация, кибербуллинг.

FEATURES OF THE EMOTIONAL-VOLITIONAL SPHERE OF MODERN TEENAGERS

*Polishchuk Emilia Denisovna**Student of the Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol**Berseneva Larisa Vladimirovna**Doctor of Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology**Sevastopol State University*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of the emotional and volitional sphere in adolescence. It examines the key characteristics of emotional instability, lability, and the specifics of the formation of volitional qualities in the context of modern challenges, including the influence of the digital environment. Special attention is paid to the contradictions in the development of will, such as the combination of perseverance in some activities with impulsiveness and suggestibility in others. The article analyzes the factors that influence the success of adolescents in overcoming crises related to emotional regulation and volitional control. Based on a theoretical analysis of psychological and pedagogical literature and a secondary analysis of empirical data, the article concludes that comprehensive psychological and pedagogical support is necessary to develop self-regulation and reflection skills.

Keywords: adolescence, emotional and volitional sphere, emotional instability, volitional regulation, self-regulation, identity crisis, digital socialization, cyberbullying.

Постановка проблемы. Подростковый возраст представляет собой один из наиболее сложных и значимых периодов в становлении личности, характеризующийся глубинными преобразованиями во всех сферах психики [7]. Особую остроту приобретает развитие эмоционально-волевой сферы, которая выступает фундаментом для формирования самоконтроля, целеустремленности и способности к конструктивному преодолению трудностей. В условиях современного общества, отягощенного влиянием цифровых технологий, социальных сетей и информационной перегрузки, традиционные подростковые кризисы усугубляются, что находит подтверждение в эмпирических данных: исследование выявило, что 23% подростков склонны к импульсивному поведению, а 12% демонстрируют слабый уровень волевой регуляции, в то время как высокий уровень не был зафиксирован вовсе [3].

Цель статьи. Целью данной статьи является анализ специфических особенностей эмоционально-волевой сферы подростков и выявление основных факторов, влияющих на ее становление. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: охарактеризовать основные проявления эмоциональной сферы в подростковом возрасте; выявить ключевые противоречия и закономерности развития волевых процессов; проанализировать влияние современных социокультурных факторов (цифровая среда, группа сверстников) на эмоционально-волевую регуляцию.

Методы исследования. Исследование носит теоретико-аналитический характер. В качестве основного метода выступил всесторонний анализ и систематизация научных публикация (статей, монографий), посвящённых особенностях эмоционально-волевой

сферы подростков. Отдельное внимание уделено работам, рассматривающим влияние цифровой социализации. Полученные другими авторами эмпирические данные привлекались в качестве репрезентативной иллюстрации к теоретическим выводам.

Изложение основного материала исследования. Подростковый возраст (от 11-12 до 15-17 лет) традиционно характеризуется как период «эмоциональной бури» и напряженной борьбы мотивов. Эмоциональная сфера отличается высокой интенсивностью, лабильностью и противоречивостью. Подростковый комплекс включает перепады настроения от веселья до уныния [4, с. 9]. Это связано с комплексом причин: гормональной перестройкой организма, интенсивным развитием нервной системы, а также с социально-психологическими факторами -поиском своего места в группе сверстников, становлением «Я-концепции» и повышенной чувствительностью к оценкам со стороны окружающих.

Характерной чертой является «аффективная реактивность» – склонность к бурным, не всегда адекватным реакциям на внешние стимулы, особенно в ситуациях, которые подросток воспринимает как ущемляющие его права и достоинство. Эмпирические исследования подтверждают, что волевая сфера в этом возрасте характеризуется значительными противоречиями: так, у подавляющего большинства подростков (88%) волевая регуляция находится лишь на среднем уровне, а высокий уровень не выявлен вовсе, что свидетельствует о незавершенности процесса ее формирования [3].

Волевая сфера в подростковом возрасте характеризуется внутренней противоречивостью и коренной перестройкой структуры волевой активности. С одной стороны, у подростков формируется способность к сознательной саморегуляции, развиваются такие волевые качества, как настойчивость, целеустремленность и самостоятельность, особенно в значимых для них видах деятельности. С другой стороны, воля в этот период носит избирательный и неустойчивый характер. Эмпирические исследования подтверждают, что у значительной части подростков (до 58%) доминируют импульсивные реакции, а уровень самоконтроля остается недостаточно развитым — низкий его показатель выявлен у 36% испытуемых. Наблюдается противоречие между достаточно высоким уровнем осознанного самоконтроля в одних ситуациях и склонностью к занижению оценки собственных волевых качеств-в других. Кроме того, подростки демонстрируют недостаточное развитие поведенческого компонента воли, в частности-навыков планирования, самоконтроля и корректировки действий на пути к цели. Это противоречие между стремлением к самостоятельности и несформированностью механизмов волевой регуляции становится источником внутренних и внешних конфликтов [5].

Ключевым фактором, усугубляющим традиционные трудности подросткового возраста, является влияние цифровой среды. Социальные сети и мессенджеры, такие как «ВКонтакте», Telegram и TikTok, формируют «эффект мгновенного вознаграждения», что подрывает развитие терпения и настойчивости-ключевых компонентов воли. Эмпирические исследования подтверждают, что подростки являются наиболее активной группой пользователей: по данным на 2019 г. 86% подростков в возрасте 14–17 лет демонстрировали высокую и очень высокую интенсивность использования интернета, проводя в сети от 5 до 8 и более часов в сутки [6]. Постоянный поток уведомлений, многозадачность и агрессивное общение, особенно на платформах онлайн-игр, способствуют фрагментации внимания и повышают уровень импульсивности. Особую опасность представляет кибербуллинг (травля в сети «Интернет»), который понимается как умышленный агрессивный поведенческий акт, совершаемый систематически с использованием интернет-платформ в отношении жертвы, что делает подростковую аудиторию особенно уязвимой в условиях несформированной эмоционально-волевой сферы.

В ходе опроса, проведенного Центром исследований киберзапугивания, 94% сотрудников школьных служб и 82% сотрудников полиции заявили, что инциденты с киберзапугиванием подростков являются серьезными и происходят достаточно часто [1]. Для подростка, чья личность только формируется, а механизмы психологической защиты остаются незрелыми, систематические унижения, бойкот или клевета в цифровом пространстве становятся источником интенсивного хронического стресса. Это закономерно провоцирует глубокий внутренний диссонанс, чувства стыда, тревоги и собственной неполноценности, что напрямую подрывает способность к волевому контролю [2].

Важнейшей социальной средой, определяющей направление эмоционально-волевого развития, остается группа сверстников. Согласно теоретическому анализу, именно в общении с ровесниками подростки учатся управлять своими эмоциями, получают необходимую эмоциональную поддержку и отрабатывают модели социального взаимодействия, что напрямую влияет на формирование их самооценки и уверенности [4]. Однако эмпирические данные констатируют серьезные трудности в этой сфере: 59% подростков демонстрируют низкий уровень социальной смелости, что проявляется в робости, стеснительности и сниженных коммуникативных навыках [3]. Это делает их особенно уязвимыми к давлению и изоляции в коллективе, актуализируя необходимость целенаправленной психолого-педагогической поддержки в развитии компетенций для построения здоровых отношений.

Выводы. Проведенный анализ позволил установить, что ключевой особенностью эмоционально-волевой сферы современных подростков является системное противоречие между растущим стремлением к самостоятельности и несформированностью механизмов волевой регуляции. Это находит подтверждение в эмпирических данных, констатирующих преобладание среднего и низкого уровней развития воли и высокую распространенность импульсивных реакций, что демонстрирует избирательный и неустойчивый характер данной сферы. Существенным фактором, усугубляющим эти внутренние противоречия, выступает цифровая среда. Она выступает катализатором традиционных подростковых трудностей, усиливая импульсивность через механизм «мгновенного вознаграждения» и создавая новые риски, такие как кибербуллинг, который провоцирует хронический стресс и подрывает способность к саморегуляции.

Таким образом, полученные результаты обосновывают необходимость разработки комплексных программ психолого-педагогического сопровождения, направленных на целенаправленное развитие навыков саморегуляции, рефлексии, конструктивного социального взаимодействия и кибербезопасности, что является важнейшим условием успешного преодоления кризисных явлений подросткового возраста в современных условиях.

Литература:

1. Басханов, А. М. Кибербуллинг - новая угроза обществу / А. М. Басханов, К. П. Грицианова // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 5(70). – С. 124-129. – DOI 10.52068/2304-9839_2024_70_5_124. – EDN HSIIEPV.
2. Бялошицкая, Я. И. Кибербуллинг: социальные сети и подросток // Вестник магистратуры. – 2021. – № 11-3 (122). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-sotsialnye-seti-i-podrostok> (дата обращения: 27.11.2025).
3. Жданова, Н. Е. Исследование смысложизненных ориентаций и волевых качеств личности подростков / Н. Е. Жданова // Московский экономический журнал. – 2021. – № 7. – DOI 10.24411/2413-046X-2021-10393. – EDN DECHLT.
4. Игнатович, С. С. Психологические особенности развития эмоциональной сферы подростков / С. С. Игнатович, Ю. Д. Магдалинова, А. С. Мамбеталина // Педагогика: история, перспективы. – 2023. – Т. 6, № 1-2. – С. 170-191. – DOI 10.17748/2686-9969-2023-6-1-2-170-191. – EDN QLMSLY.
5. Прилепских, О. С. Особенности воли и волевых качеств личности в подростковом возрасте / О. С. Прилепских // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63-3. – С. 314-317. – EDN ZSDWDZ.

6. Солдатова Г.У. Представления о реальном и виртуальном пространствах как часть актуальной картины мира подростков и родителей в цифровом обществе: возможности адаптации / Г.У.Солдатова, С.В.Чигарькова, С.Н. Илюхина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Психология. – 2022. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 226–248. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.301>

7. Чумаков, М. В. Эмоционально-волевая сфера личности подростков и ее диагностика / М. В. Чумаков // Вестник практической психологии образования. – 2015. – № 1(42). – С. 83-86. – EDN VBJTTZ.

УДК 159.9

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕНТИЧНОСТИ И РЕЛИГИОЗНОЙ ОРИЕНТАЦИИ У МОЛОДЕЖИ

Пономаренко Ирина Львовна*кандидат психологических наук, доцент,**доцент кафедры "Психология"**Гуманитарно-педагогического института**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь****Кадышева Людмила Борисовна****кандидат психологических наук, доцент,**доцент кафедры "Психология"**Гуманитарно-педагогического института**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. В современном мире в обществе происходит повышение интереса к различным религиозным практикам и потребности в ритуализации жизни. Формирование религиозной ориентации молодежи происходит согласованно с основными этапами взросления и охватывает больше сущностных внутренних оснований общественной морали и личной духовности. В статье обсуждаются вопросы взаимосвязи внутренних и внешних оснований религиозности и степени осмысленности жизни в целом и по отдельным критериям (цели, процесс, результат, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь) и их идеологической идентичностью. С помощью метода множественного корреляционного анализа сопоставлялись показатели смысложизненных ориентаций и идентичности с индикаторами религиозности. Статистический анализ позволяет утверждать, чем больше принимаются внутренние индикаторы религиозности, тем выше ориентация на процесс жизни и чем больше внутренних индикаторов религиозности принимается, тем более авторской согласованной и «выстраданной» является эго-идентичность.

Ключевые слова: внутренняя религиозность, внешняя религиозность, идентичность, смысложизненные ориентации, молодёжь.

THE RELATIONSHIP BETWEEN IDENTITY AND RELIGIOUS ORIENTATION AMONG YOUNG PEOPLE

Ponomarenko Irina Lvovna*Associate Professor of the Department "Psychology"*

Institute of Humanities and Pedagogics

Sevastopol State University

Sevastopol

Kadysheva Lyudmila Borisovna

Associate Professor of the Department "Psychology"

Institute of Humanities and Pedagogics

Sevastopol State University

Sevastopol

Abstract. In the modern world, there is an increasing interest in various religious practices and the need for ritualization of life in society. The formation of the religious orientation of young people occurs in accordance with the main stages of growing up and covers more of the essential internal foundations of public morality and personal spirituality. The article discusses the relationship between the internal and external foundations of religiosity and the degree of meaningfulness of life in general and according to individual criteria (goals, process, result, locus of control – I, locus of control – life) and their ideological identity. Using the method of multiple correlation analysis, indicators of life orientations and identity were compared with indicators of religiosity. Statistical analysis allows us to assert that the more internal indicators of religiosity are accepted, the higher the orientation towards the process of life, and the more internal indicators of religiosity are accepted, the more author's consistent and "suffered" ego identity is.

Keywords: internal religiosity, external religiosity, identity, and life-meaning orientations, young people.

Постановка проблемы. Изучение религиозности является актуальной задачей в контексте растущего запроса на профилактику религиозных девиаций. Формирование религиозной ориентации происходит согласованно с основными этапами взросления, и по мере расширения когнитивных возможностей индивида охватывает больше сущностных внутренних оснований общественной морали и личной духовности. Внешняя (или экстринсивная) религиозная ориентация на обрядово-культовые атрибуты религии, ее социальные и терапевтические функции называлась Г. Олпортом неразвитой (незрелой), а внутренняя (или интринсивная) религиозная ориентация на мировоззренческие принципы и теософию определялась как подлинная. Формирование способности к рефлексии в соответствующий возрастной период является достаточным когнитивным условием для развития последней, поэтому если актуальность внешней религиозной ориентации с

возрастом сохраняется, то причины следует искать в личностных сдвигах, в частности, в эпигенезе идентичности.

Цель статьи: изучить взаимосвязь религиозной ориентации молодежи с их идеологической идентичностью и смысложизненными ориентациями.

Изложение основного материала исследования.

Исследовательскую выборку составили 40 студентов гуманитарного профиля обучения, обоих полов, в возрасте от 17 до 24 лет. Репрезентативность выборки обеспечена разной степенью погружения испытуемых в веру.

Опросник «Шкала религиозной ориентации» ROS (Г.Олпорт, Дж.Росс) был адаптирован С. Т. Посоховой в 2006 году [2]. Методика состоит из 20 вопросов, направленных на изучение внутренних и внешних оснований религиозности испытуемого.

Шкала внешней религиозности.

Под внешними мотиваторами религиозности понимаются социальные потребности, преимущественно, в аффилиации – находить единомышленников, получать одобрение и социальные преференции, находить утешение. Всего шкала внешней религиозности содержит 11 прямых утверждений, и, выражая согласие с ними, испытуемый набирает высокие баллы по критерию внешней религиозности. Испытуемые с выраженной внешней религиозностью будут иметь по этой шкале высокие баллы – от 33, а испытуемые с выраженной внутренней религиозностью – низкие баллы (до 22 включительно). До 22 баллов могут набрать и нерелигиозные испытуемые, если они отвергнут и индикаторы внутренней мотивации (вторая шкала). Выражая согласие только с частью утверждений этой категории (от 23 до 32 баллов), испытуемый демонстрирует неустойчивую (непоследовательную) религиозность, интерпретировать акцентность которой можно также только в опоре на данные следующей шкалы.

Шкала внутренней религиозности.

Под внутренними мотиваторами религиозности понимаются преимущественно скрытые для внешнего наблюдателя религиозные деяния субъекта в плоскости его размышлений о смысле и жизни и эвристическом потенциале религии в поиске ответа на сущностные вопросы бытия. К этой шкале относятся оставшиеся 9 вопросов. Они так же являются прямыми, однако здесь, соглашаясь с утверждениями, испытуемый набирает низкие баллы, то есть высокая внутренняя религиозность по этой шкале укладывается в диапазон до 18 баллов (включительно). Выраженная внешняя религиозность диагностируется, если испытуемые набирают 27 баллов (и более) при условии высоких баллов по первой шкале.

Такой подход облегчает согласование шкал между собой, а чередование вопросов из двух шкал повышает надежность тестирования. Суммарный индекс религиозности, таким образом, будет тем выше, чем чаще испытуемых соглашается с утверждениями внешней шкалы и не соглашается с утверждениями шкалы внутренней. Другими словами, чем он выше, тем выше внешняя религиозность испытуемого.

Выявляемые категории.

1) Последовательная внутренняя религиозность: испытуемый принимает индикаторы внутренней религиозности и отвергает индикаторы внешней религиозности (10 человек).

2) Последовательная внешняя религиозность: испытуемый отвергает индикаторы внутренней религиозности и принимает индикаторы внешней религиозности (16 человек).

3) Нерелигиозный испытуемый отвергает индикаторы обеих шкал (14 человек). Следует отметить, что в выборке исследования все испытуемые этой категории имеют положительную разницу показателей внутренней и внешней религиозности. Другими словами, эти испытуемые в большей степени отвергают внутренние индикаторы, что соответствует общепринятому пониманию понятий «атеист», «нерелигиозный человек».

4) Непоследовательно религиозный испытуемый принимает индикаторы обеих категорий. Согласно интерпретационной схеме методики, разница показателей внутренней и внешней мотивации должна быть отрицательной и составлять не менее 12 баллов. Испытуемых, которые бы принимали индикаторы обеих шкал и показывали преобладание внешней шкалы над внутренней хотя бы в 12 баллов, в нашем распределении нет. В строгом смысле эта категория выявлена не была.

Тест смысловых ориентаций или СЖО, авторами которого являются Дж. Крамбо и Л. Махолик, был адаптирован Д. А. Леонтьевым [3]. Методологическую основу теста составляет логотерапия В. Франкла, его учение о стремлении человека к смыслу. Методика позволяет оценить «источник» смысла жизни, который может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс), либо в прошлом (результат), а также исследовать локус контроля.

Тест состоит из 20 пар (бинарных оппозиций) утверждений. Испытуемый выбирает полюс и интенсивность его выраженности по степени согласия с выбранным утверждением. Методика позволяет установить степень осмысленности жизни в целом и по отдельным критериям: цели, процесс, результат, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь.

Общий показатель осмысленности жизни интересен в контексте деления выборки исследования на группы по критерию религиозности, прежде всего, нас интересует частота встречаемости низкой осмысленности жизни среди нерелигиозных, последовательно внутренне религиозных и последовательно внешне религиозных испытуемых. Памятуя о том, что специфицированные группы разные по численности, укажем абсолютное и относительное количество испытуемых с низкой осмысленностью жизни по категориям (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Распределение испытуемых с низким уровнем осмысленности жизни

Испытуемые	Низкая осмысленность жизни	
	Всего	Доля
Нерелигиозные (14)	5	36%
Последовательно внутренне религиозные (10)	0	0%
Последовательно внешне религиозные (16)	5	31%

Мы рассматриваем общую осмысленность жизни как маркер удовлетворенности жизнью и психологического благополучия: как готовность размышлять о смысле жизни и приходить к устойчивым выводам, как смелость в планировании и устойчивость в достижении целей, как положительное отношение к себе, миру и свободе самоосуществления.

Как мы видим из таблицы 1, низкая осмысленность жизни не присуща испытуемым с последовательной внутренней религиозностью. Вместе с тем, мы не можем полагать религиозность как таковую фактором осмысленности, потому что среди испытуемых с внешней религиозностью низкая осмысленность жизни встречается статистически не реже, чем среди нерелигиозных лиц.

Если обратится к отдельным шкалам и различиям по ним, то наибольший интерес представляет показатель «Процесс жизни». Концентрация на процессе, удовольствие от течения собственной жизни, наслаждение трудом и общением – всё это значимо характеризует личность во всех аспектах ее жизнедеятельности.

Группа лиц с последовательной внутренней религиозностью имеют средние показатели по шкале, что интерпретируется как принятие процесса своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом.

Среди лиц с последовательной внешней религиозностью большинство испытуемых также имеют средний уровень ориентации на процесс жизни (14 из 16 или 87,5%). Два человека имеют низкий уровень ориентации на процесс, что соответствует неудовлетворенности жизнью в настоящем, неумению абстрагироваться от долгосрочных целей и найти в удовлетворение и ценность в текущих событиях.

Среди нерелигиозных испытуемых средний уровень ориентации на процесс показали 5 испытуемых или 36% этой группы. Это худший результат по группам, но объективно немалая доля рассматриваемой категории. Атеизм, приобретенный в результате научного осмысления мира и своего места в нем, через кризис идентичности, принятый, а не навязанный, может обуславливать позитивное самоощущение в благополучные периоды жизни, что и выявило исследование. Еще 36% имеют низкий уровень ориентации на процесс жизни как показатель неудовлетворенности жизнью в настоящем. Оставшиеся 28% имеют высокий уровень ориентации на процесс, что в совокупности с низкими показателями по другим шкалам говорит о гедонистическом типе личности, мало принимающем в расчет угрозы, последствия своих поступков и чувства других людей.

Для осмысления связи смысловых ориентаций и религиозности проведем корреляционный анализ с учетом всех шкал обеих методик, для чего воспользуемся множественным корреляционным анализом (см. Таблицу 2).

Таблица 2 – Корреляционная матрица показателей СЖО и индикаторов религиозности

Показатели СЖО / Индикаторы религиозности	Показатель осмысленности жизни	Цели в жизни	Процесс жизни	Результативность жизни	Локус контроля – Я	Локус контроля – жизнь
Выраженность внутренней религиозности	-0,1841	-0,0504	-0,325*	-0,3294*	-0,0645	-0,446**
Выраженность внешней религиозности	-0,1139	-0,1613	0,05603	0,3131*	0,1505	-0,1226
Индекс религиозности	-0,1628	-0,1374	-0,0601	0,2325	0,0786	-0,2417

Примечание: * - $p \leq 0,05$

Корреляционный анализ подтверждает связь между ориентацией на процесс (шкала «Процесс жизни» методики СЖО) и религиозностью (шкала «Внутренняя религиозность» методики ROS). Коэффициент корреляции (**-0,325**) является отрицательным и попадает в зону относительной значимости с вероятностью ошибки менее 5%. Поскольку случаев завышенной ориентации на процесс в выборке исследования всего два, мы можем говорить практически о линейной связи между явлениями. Чем больше принимаются внутренние индикаторы религиозности, тем выше ориентация на процесс жизни. Знак минус перед коэффициентом возник потому, что в шкале внутренней религиозности высокий уровень принятия соответствует меньшим оценкам.

Аналогичным образом следует интерпретировать связь между внутренней религиозностью и результативностью жизни. Любой отрезок жизненного пути может быть оценён с точки зрения его результативности и осмысленности. И в этом случае внутренняя религиозность положительно связана с результативностью, а знак минус вызван уже упомянутым способом начисления баллов по шкале внутренней религиозности.

Интересным, но ожидаемым является связь между внешней религиозностью и ориентацией на результат. Здесь баллы в обоих случаях начисляются единообразно, поэтому широта принятия внешней стороны религиозности обуславливает удовлетворенность результатом пройденного жизненного пути. Чем больше внешних индикаторов религиозности принимает человек, тем больше он одобряется единомышленниками, тем прочнее видится выстроенный фундамент жизни.

Наиболее тесную связь имеют показатели внутренней религиозности и управляемости жизни (шкала «Лocus контроля – жизнь»). В выборке исследования не было испытуемых с непоследовательной религиозностью, поэтому все случаи принятия внутренних индикаторов религиозности – это лица с последовательной внутренней религиозностью. И именно при таком типе религиозности, а не при атеизме достигается убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

Опросник объективного измерения статуса эго-идентичности OMEIS, автором которого является Дж. Р. Адамс, в оригинале был направлен на спецификацию идеологической и интерперсональной эго-идентичности [1]. При его лингво-культурной адаптации было создано два отдельных опросника, мы остановили свой выбор на Шкале идеологической эго-идентичности, авторами модификации которой являются Т.А.Гаврилова и Е. В. Глушак, в виду большей методологической близости этой категории к интересующей нас проблеме религиозности. Шкала опирается на тестологическое направление развития идей Э. Эриксона, а именно, на подход Дж.Марсиа, согласно которому установить эго-идентичность можно по двум критериям:

- 1) принятие или непринятие обязательств – устанавливается либо наличие, либо отсутствие приверженности ясно определенным и устойчивым личностно значимым целям, ценностям и убеждениям;
- 2) исследование альтернатив – устанавливается либо прохождение, либо непрохождение кризиса, предшествующего выработке обязательств и направленного на активный поиск и обретение индивидом определенной системы личностно значимых убеждений и жизненных взглядов.

Два двухполюсных критерия позволяют выделить 4 типа идеологической идентичности. Тест дает возможность установить, к какому полюсу оказывается ближе испытуемый на момент психодиагностики. Мы установили, что достигнутый тип эго-идентичности – обязательства принимаются в результате активного поиска и личностно значимых жизненных выборов – чаще встречается в группе лиц с последовательной религиозностью: 5 человек из группы внутренне религиозных (половина) и 8 человек из группы внешне религиозных (половина от их числа); в группе нерелигиозных лиц достигнутая религиозность встречается только у одного испытуемого, что составляет всего 7% от их численности. Как мы уже отмечали методика позволяет оценить степень выраженности компонента идентичности, поэтому мы осуществили корреляционный анализ, представленный в таблице 3.

Таблица 3 – Корреляционная матрица показателей идентичности и религиозности

Показатель	Диффузная эго-идентичность	Принятая эго-идентичность	Мораторий идентичности	Достигнутая эго-идентичность
Внутренняя религиозность	0,05275	-0,32609*	-0,18679	-0,12261
Внешняя религиозность	-0,08461	0,03451	0,34243*	0,02779
Индекс религиозности	-0,03692	0,08051	0,28437*	-0,03456

Представленное выше наблюдение подтверждается значимой корреляционной связью между внутренней религиозной ориентацией и принятой эго-идентичностью (-0,326); между внешней религиозной ориентацией и мораторием идентичности (0,342).

Выводы. Чем больше внутренних индикаторов религиозности принимается, тем более авторской согласованной и «выстраданной» является эго-идентичность. Даже если первичные социальные «коды» религиозного мировоззрения, усвоенные в детстве, были исключительно внешними, позитивные механизмы формирования принятой эго-идентичности открывают для молодого человека нравственный ресурс внутренней религиозной ориентации. Если же религиозные вопросы остаются «за скобками» нормативного кризиса, то мораторий эго-идентичности усугубляет внешнюю религиозность, а потенциал неверно разрешенных противоречий продолжает накапливаться.

Литература:

1. Гаврилова, Т.А. К вопросу об адаптации методики объективного измерения статуса эго-идентичности Дж.Р.Адамса / Т.А. Гаврилова, Е.В. Глушак // Психологическая диагностика. – 2009. – №5. – с.53-5.

2. Посохова, С. Т. Современная психологическая диагностика: наука и практика / С.Т. Посохова. – Москва ; СПб : АСТ, 2006. – 671 с.

3. Белякова, И.Ю. Практикум по психодиагностике. Прикладная психодиагностика / И.Ю. Белякова, И.В. Бурмистров, А.И. Зеличенко [и др.]. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1992. – 116 с.

УДК 159.9

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

*Рыбак Анастасия Алексеевна**Студент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь**Научный руководитель**Кажарская Ольга Николаевна**кандидат психологических наук, доцент**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ проблемы формирования коммуникативной компетентности у студентов-психологов. Рассматриваются её структурные компоненты: эмпатия, рефлексивность, толерантность и гибкость. В работе проанализированы взгляды отечественных и зарубежных исследователей на развитие данных качеств в рамках профессиональной подготовки будущих психологов. Выявленные теоретические особенности подчеркивают необходимость целенаправленного проектирования образовательного процесса. Это подразумевает внедрение специальных программ и тренингов, направленных на развитие всех компонентов коммуникативной компетентности с упором на практическую отработку навыков. Дальнейшие исследования в этой области могут быть сосредоточены на сравнительном анализе коммуникативной компетентности студентов-психологов и представителей других специальностей. Кроме того, важно разработать и апробировать критерии оценки эффективности коммуникативной подготовки, чтобы обеспечить ее оптимальное качество.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, студенты-психологи, профессиональная подготовка, эмпатия, рефлексивность, теоретический анализ.

THEORETICAL STUDY OF THE PROBLEM OF FORMING COMMUNICATIVE COMPETENCE IN PSYCHOLOGY STUDENTS

*Rybak Anastasiia Alekseevna**Student of the Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol**Scientific supervisor*

Kazharskaya Olga Nikolaevna

Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences

Sevastopol State University

Sevastopol

Abstract. This article presents a theoretical analysis of the development of communicative competence in psychology students. Its structural components are examined: empathy, reflexivity, tolerance, and flexibility. The paper analyzes the views of Russian and international researchers on the development of these qualities within the professional training of future psychologists. The identified theoretical features highlight the need for a targeted design of the educational process. This implies the implementation of specialized programs and training aimed at developing all components of communicative competence with an emphasis on practical skill development. Further research in this area could focus on a comparative analysis of the communicative competence of psychology students and those from other disciplines. Furthermore, it is important to develop and test criteria for assessing the effectiveness of communicative training to ensure its optimal quality.

Keywords: communicative competence, psychology students, professional training, empathy, reflexivity, theoretical analysis.

Постановка проблемы. Коммуникативная компетентность становится одним из ключевых качеств, определяющих успех в работе психологов. Для студентов-психологов развитие коммуникативных навыков представляет собой не только важную личностную черту, но и ключевой профессиональный навык, который формируется в процессе обучения. Однако, несмотря на растущие требования к коммуникативной компетентности психологов-практиков, теоретическое осмысление особенностей и механизмов её развития в студенческой среде остается недостаточно изученным аспектом, что требует глубокого теоретического анализа проблемы и создания целенаправленных программ, направленных на развитие коммуникативных умений будущих психологов.

Цель статьи заключается в теоретическом анализе особенностей формирования коммуникативной компетентности у студентов-психологов.

Изложение основного материала исследования. В основе нашего исследования лежит понятие «коммуникативная компетентность». А.А. Бодалев и Л.А. Петровской рассматривали данное понятие как интегративное качество личности, которое проявляется в умении устанавливать и поддерживать эффективное взаимодействие, а также адекватно воспринимать и передавать информацию, адаптируя стиль общения в зависимости от ситуации и особенностей собеседника [1; 4].

Коммуникативная компетентность формируется в процессе профессиональной подготовки и представляет собой динамическое образование, развивающееся на протяжении всего периода обучения в вузе, в его содержание входят следующие компоненты: эмпатия, рефлексивность, толерантность, гибкость в общении.

Одним из таких элементов является эмпатия – способность к сопереживанию и пониманию эмоционального состояния собеседника.

В.Н. Куницына отмечает, что эмпатия лежит в основе терапевтического альянса – успешного сотрудничества между психологом и клиентом [3]. К. Роджерс, развивая эту мысль, подчеркивает, что эмпатическое понимание является необходимым условием для формирования помогающих отношений [6].

Студенты-психологи развивают эмпатию, изучая такие дисциплины, как «Психология личности» и «Клиническая психология», а также в процессе специальных практических тренингов, направленных на формирование навыков распознавания и понимания эмоциональных состояний.

Рефлексивность, по мнению А.А. Леонтьева, представляет собой способность осознавать свои коммуникативные стратегии и их влияние на процесс общения. Этот навык является неотъемлемым элементом профессионального развития психолога [5].

В своих исследованиях Д. Шон акцентировал внимание на том, что рефлексивная практика лежит в основе профессионального обучения и позволяет специалистам эффективно решать сложные практические задачи [7].

Процесс формирования рефлексивности у студентов включает в себя анализ собственных коммуникативных действий, ведение дневников практики и участие в супервизиях, где происходит осмысление профессионального опыта.

Толерантность — это умение принимать и уважать разные точки зрения и ценности, не осуждая их. Она создает атмосферу безопасности для клиента, позволяя ему чувствовать себя комфортно.

Формирование этого качества происходит в процессе изучения межкультурной и социальной психологии, где студенты знакомятся с разнообразными культурными нормами и ценностями. Толерантность — важное профессиональное качество психолога, которое не только предполагает принятие различий, но и активную позицию по созданию инклюзивной среды для клиентов.

Гибкость в общении — это способность подстраиваться под вербальные и невербальные аспекты коммуникации. Этот навык активно развивается в ходе ролевых игр и супервизий, которые моделируют различные профессиональные ситуации.

Ю. Хабермас в своей теории коммуникативного действия отмечал, что гибкость — это важный фактор, способствующий достижению взаимопонимания между участниками общения [8]. Гибкость подразумевает, что психолог может изменять стиль общения в зависимости от индивидуальных особенностей клиента, специфики проблемной ситуации и этапа терапевтического процесса.

Анализ образовательных программ свидетельствует о том, что процесс развития коммуникативной компетентности у студентов-психологов осуществляется поэтапно. На младших курсах особое внимание уделяется формированию базовых навыков активного слушания и эмпатии. В то же время, на старших курсах акцент смещается на развитие профессиональной рефлексии и гибкости в сложных коммуникативных ситуациях.

Каждый этап характеризуется своими задачами и методами, которые направлены на развитие коммуникативных умений.

Такой подход позволяет постепенно усложнять профессиональные требования к студентам, что, в свою очередь, способствует их более успешной карьере.

На процесс развития студентов влияют как их индивидуальные особенности, так и особенности образовательной среды. Осознание себя как будущего психолога становится мощным стимулом для студентов, побуждая их целенаправленно работать над своими коммуникативными навыками.

Учебно-профессиональная деятельность, такая как практикумы и производственные практики, предоставляет студентам возможность применять и совершенствовать свои навыки в условиях, максимально приближенных к реальным профессиональным ситуациям. Конструктивная обратная связь от преподавателей помогает студентам понять свои сильные и слабые стороны в общении, что позволяет им работать над собой более эффективно.

Выводы. Проведенный теоретический анализ позволяет сделать вывод, что коммуникативная компетентность студентов-психологов представляет собой сложное системное качество, включающее эмпатию, рефлексивность, толерантность и гибкость.

Процесс формирования коммуникативной компетентности в рамках профессиональной подготовки происходит поэтапно и зависит как от индивидуальных особенностей студентов, так и от образовательной среды. Важную роль в этом процессе играют практико-ориентированные формы обучения и обратная связь.

Выявленные теоретические особенности подчеркивают необходимость целенаправленного проектирования образовательного процесса. Это подразумевает внедрение специальных программ и тренингов, направленных на развитие всех

компонентов коммуникативной компетентности с упором на практическую отработку навыков.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть сосредоточены на сравнительном анализе коммуникативной компетентности студентов-психологов и представителей других специальностей. Кроме того, важно разработать и апробировать критерии оценки эффективности коммуникативной подготовки, чтобы обеспечить ее оптимальное качество.

Литература:

1. Бодалёв, А. А. Психология общения / А. А. Бодалёв. – Москва : Издательство Московского психолого-социального института, 2019. – 345 с.
2. Климов, Е. А. Психология профессионала / Е. А. Климов. – Москва : Издательство Институт практической психологии, 2018. – 289 с.
3. Куницына, В. Н. Межличностное общение / В. Н. Куницына. – СПб : Питер, 2017. – 289 с.
4. Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2018. – 365 с.
5. Петровская, Л. А. Компетентность в общении / Л. А. Петровская. – Москва : Издательство МГУ, 2018. – 216 с.
6. Rogers, C.R. A Way of Being / C.R. Rogers. – Boston : Houghton Mifflin, 1980. – 395 p.
7. Schön, D.A. The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action / D.A. Schön. – New York : Basic Books, 1983. – 374 p.
8. Habermas, J. The Theory of Communicative Action / J. Habermas. – Boston : Beacon Press, 1984. – 457 p.

УДК 159.9

**РОЛЬ ЭМПАТИИ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ИИ:
ПОДГОТОВКА КЛИНИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С
ПАЦИЕНТАМИ В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАНИЯ ПОПУЛЯРНОСТИ ПЛАТФОРМ
ОКАЗАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ НА БАЗЕ ИИ**

Салахова Валентина Павловна

магистрант кафедры психологии и психофизиологии

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

г. Казань

Кабилова Альбина Александровна

старший преподаватель кафедры психологии труда и предпринимательства,

ИЭУП, заместитель декана по научной работе

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

г. Казань

Аннотация. В статье рассматривается проблема адаптации психологов к условиям расширяющегося применения искусственного интеллекта (ИИ) в сфере психологической помощи. Анализируется конструкт «профессиональной готовности» (ПГ) в контексте интеграции ИИ, поднимается вопрос о расхождении между образовательными стандартами и потребностями практики. Предлагается концептуализация профессиональной готовности как динамичного и реляционного конструкта, включающего личностные характеристики и адаптивность. Проведенный анализ выявил необходимость переосмысления подготовки клинических психологов в условиях расширяющегося применения ИИ в сфере психологической помощи. Ключевым выводом является недостаточность традиционного подхода к ПГ, акцентирующего внимание на компетенциях, без учета личностных характеристик и адаптивности, необходимых для эффективного взаимодействия с пациентами в цифровую эпоху.

Ключевые слова: искусственный интеллект, психологическая помощь, профессиональная готовность, профессиональная компетентность, эмпатия, межличностные отношения, клиническая психология, технологическая зависимость, психологическая подготовка.

**THE ROLE OF EMPATHY AND INTERPERSONAL RELATIONS IN THE AI
ERA: PREPARING CLINICAL PSYCHOLOGISTS TO INTERACT WITH PATIENTS
IN AN ERA OF GROWING POPULARITY OF AI-BASED PSYCHOLOGICAL
CONSULTING PLATFORMS**

Salakhova Valentina Pavlovna

*Master's Student of the Department of Psychology and Psychophysiology
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)
Kazan*

Kabirova Albina Aleksandrovna

*Senior Lecturer of the Department of Labor Psychology and Entrepreneurship,
IEML, Deputy Dean for Research
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)
Kazan*

Abstract. This article examines the adaptation of psychologists to the expanding use of artificial intelligence (AI) in psychological care. The construct of «professional readiness» (PR) is analyzed in the context of AI integration, raising the issue of the discrepancy between educational standards and practical needs. A conceptualization of PR is proposed as a dynamic and relational construct that includes personality traits and adaptability. The analysis revealed the need to rethink the training of clinical psychologists in the context of the expanding use of AI in psychological care. A key finding is the inadequacy of the traditional approach to PG, which emphasizes competencies without considering the personal characteristics and adaptability necessary for effective interaction with patients in the digital age.

Keywords: artificial intelligence, psychological assistance, professional readiness, professional competence, empathy, interpersonal relationships, clinical psychology, technology dependence, accreditation, psychological training.

Постановка проблемы. В условиях экспоненциального развития технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), характеризующихся расширением сферы применения систем, замещающих когнитивные функции человека, возрастает значимость адаптации специалистов, в том числе в сфере психологической помощи [5], к трансформирующимся требованиям рынка труда. В данной связи, особую актуальность приобретает конструкт ПГ, определяемый как интегративная совокупность установок, компетенций и личностных характеристик, необходимых для эффективной реализации профессиональной деятельности [7]. Помимо этого, интеграция технологий ИИ в процесс оказания психологической помощи актуализирует проблему несоответствия между содержанием академической подготовки и требованиями современной профессиональной деятельности, что, в свою очередь, обуславливает необходимость операционализации и валидации конструкта ПГ.

Цель статьи. В данной работе предлагается концептуализация ПГ, учитывающая приоритеты формализованного обучения и специфику гуманистической и реляционной

природы терапевтического взаимодействия в контексте расширения использования технологий ИИ.

Изложение основного материала исследования. В рамках данного подхода ПГ рассматривается не как статичный набор компетенций, а как динамичный и реляционный конструкт, подверженный изменениям под воздействием внешних и внутренних факторов. Критический анализ существующих концептуализаций ПГ и профессиональной компетентности (лежащей в основе систем аккредитации психологов) выявляет методологические и теоретические расхождения. В то время как «компетенция» определяется как навык, релевантный определенной области профессиональной деятельности, а «компетентность» – как специфические умения, необходимые для реализации данного навыка, перечень профессиональных компетенций, предписанный регуляторными органами [3], не включает в себя категории личностных характеристик, определяющих эффективность терапевтического процесса. Данное обстоятельство противоречит концептуальному базису ПГ, в котором профессиональные навыки рассматриваются как один из элементов более широкой структуры, включающей личностные характеристики, гибкость мышления и способность к адаптации.

Результаты эмпирических исследований, проведенных среди практикующих психологов, свидетельствуют о значимости личностных факторов и о наличии неудовлетворенности качеством подготовки специалистов в области развития аутентичности, способности к саморефлексии и интеграции личностных особенностей в терапевтический процесс [7]. Таким образом, констатируется наличие диссонанса между теоретическими представлениями о профессиональной деятельности клинического психолога, транслируемыми регуляторными органами, и эмпирическими данными, отражающими практику работы специалистов.

В условиях развития ИИ, результаты клинических испытаний, в частности исследования терапевтического чат-бота Therabot, продемонстрировали снижение симптомов депрессии у пациентов, а также повышение уровня доверия к ИИ-терапевтам по сравнению с традиционными специалистами [2]. Это обусловлено рядом преимуществ, таких как отсутствие у ИИ социально-экономических и этнокультурных предубеждений, а также круглосуточная доступность [2]. При этом, несмотря на потенциал ИИ в предоставлении базовой психологической поддержки и снижении уровня стресса, эксперты, в частности Н. Кисельникова, подчеркивают необходимость клинического контроля и доработки технологии, включая минимизацию «галлюцинаций».

Анализ результатов исследований выявляет ряд ключевых тенденций в отношении роли человекоцентричных навыков и ИИ в современной психологической практике и

образовании. Во-первых, констатируется расхождение между акцентом на человекоцентричных навыках, признаваемым психологами, и недостаточным вниманием к данным аспектам в аккредитационных стандартах, регулирующих образование и практику [3]. Данное несоответствие может приводить к разрыву между образованием и требованиями реальной практики и отражает продолжающееся разделение в профессиональной сфере, связанное со стремлением к доказательным методам лечения в рамках механистической (медицинской) модели. Во-вторых, исследование McDonald, Curtis и Ashleigh Schweinsberg (2025) [6] подтверждает приоритетную роль человекоцентричных навыков (межличностных, интуитивных, рефлексивных) для установления терапевтического альянса, понимания потребностей пациента и эмпатического решения клинических задач. Эти навыки, наряду с гибкостью и интуицией в рамках вмешательства, рассматриваются как неотъемлемые компоненты готовности к работе (WR), не подлежащие замене ИИ. При этом, психологи видят потенциал ИИ для трансформации и улучшения профессиональной практики, особенно в части поддержки административных и технических задач, автоматизации рутинных операций, при условии обеспечения конфиденциальности и безопасности данных.

В отличие от механистической парадигмы, рассматривающей ИИ как угрозу [7], участники исследования оценивают технические задачи как второстепенные и рассматривают ИИ как инструмент, позволяющий перераспределить время и усилия на гуманистические аспекты WR. В-третьих, анализ [6] выявляет необходимость одновременной интеграции инновационных технологий и усиления человекоцентричной ориентации в образовании, что позволит преодолеть разрыв между теорией и практикой, сохранить «человечность» специалистов и смягчить «кризис идентичности» в профессиональном сообществе. ИИ представляется вспомогательным инструментом, требующим этической ответственности, в то время как человекоцентричные навыки остаются определяющими для WR, что согласуется с существующей литературой [4].

В рамках настоящего исследования авторами изучено отношение студентов-психологов к перспективам интеграции ИИ в профессиональную деятельность. Эмпирической базой послужили результаты опроса (n=210), осуществленного посредством SMM-инструментов [1]. Анализ данных показал высокую поддержку перспектив использования ИИ в качестве вспомогательного инструмента для оптимизации сбора и обработки данных. Однако, выраженные опасения связаны с нивелированием человеческого фактора, риском дегуманизации процесса оказания помощи и снижением эмпатии, что потенциально ухудшает качество психотерапевтического взаимодействия. В связи с этим, возникает необходимость

усиления внимания к сохранению эмпатии и человечности в психотерапевтическом процессе при дальнейшем изучении возможностей интеграции ИИ в профессию. Критически важной также становится разработка четких регламентов и этических кодексов, регулирующих применение ИИ в сфере психологической помощи. Только таким образом можно обеспечить безопасное и эффективное использование технологий, не умаляющее ценность человеческого взаимодействия. Для решения выявленных проблем и формирования необходимых компетенций, нами разработана матрица, определяющая компоненты профессиональной готовности психолога в эпоху ИИ.

Предлагаемая матрица призвана стать основой для разработки образовательных программ и тренингов, направленных на подготовку специалистов, способных эффективно и этично использовать ИИ в своей практике. Она структурирована по четырем ключевым блокам: человекоцентричность (А), ИИ-компетентность (В), личностные качества (С) и адаптивные стратегии (D). Для каждой компетенции определены ключевые навыки и знания, предложены инструменты оценки уровня их развития и перечислены пути развития, включая практические упражнения, тренинги и супервизию. Такой подход позволяет комплексно оценить и целенаправленно развивать необходимые навыки и знания для эффективного и этичного использования ИИ в психологической практике.

Выводы. Проведенный анализ выявил необходимость переосмысления подготовки клинических психологов в условиях расширяющегося применения ИИ в сфере психологической помощи. Ключевым выводом является недостаточность традиционного подхода к ПГ, акцентирующего внимание на компетенциях, без учета личностных характеристик и адаптивности, необходимых для эффективного взаимодействия с пациентами в цифровую эпоху. Эмпирические данные подтверждают значимость человекоцентричных навыков, таких как эмпатия и межличностные отношения, которые, по мнению студентов-психологов, могут быть нивелированы при некритическом внедрении ИИ. В связи с этим, предложена матрица, структурирующая компоненты ПГ в контексте интеграции ИИ, с целью формирования у специалистов способности к этичному и эффективному использованию технологий, не умаляющему ценность человеческого взаимодействия. Данный подход предполагает пересмотр образовательных стандартов и разработку тренинговых программ, направленных на гармоничное сочетание технологической компетентности и человекоцентричной ориентации в практике клинической психологии.

Литература:

1. Использование искусственного интеллекта (ИИ) в психологии. Опрос. - OnlineTestPad [Электронный ресурс] // Дост. <https://onlinetestpad.com/zpbgejqker4k6>
2. Самый преданный слушатель. В мире бум ИИ-психотерапевтов: заменят ли боты живых специалистов. – Incrussia [Электронный ресурс] // Дост. <https://incrussia.ru/understand/samyj-predannyj-slushatel-v-mire-bum-ii-psihoterapevtov-zamenyat-li-boty-zhivyyh-spetsialistov/>
3. Professional competencies for psychologists. How to do a self-assessment against the general registration competencies // Australian Health Practitioner Regulation Authority. – 2023.
4. Flückiger, C. The alliance in adult psychotherapy: A meta-analytic synthesis / C. Flückiger, A.C. Del Re, B.E. Wampold, A.O. Horvath // Psychotherapy. – 2018. – Volume 55, № 4. – pp: 316–340. – DOI: 10.1037/pst0000172.
5. Innes, J. M. Experimental studies of human–robot interaction: Threats to valid interpretation from methodological constraints associated with experimental manipulations / J. M. Innes, B.W. Morrison // International Journal of Social Robotics. - 2021. - Volume 13, № 4. - pp: 765–773. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s12369-020-00671-8>.
6. McDonald, N. Generative artificial intelligence in higher education: Evidence from an analysis of institutional policies and guidelines / N. McDonald, A. Johri, A. Ali, A. H. Collier // Computers in Human Behavior: Artificial Humans. - 2025. - Volume 3. – pp: 100-121. – DOI: 10.1016/j.chbah.2025.100121.
7. Robinson, J. J. Mindfulness, Tolerance of Ambiguity, and Attitudes toward Interracial Relationships / J. J. Robinson // Dissertation Abstracts International. – 2019. – Volume 80, №08(E). – pp: 72.

УДК 159.9.07

ОПЫТ УЧАСТИЯ В ПРОЕКТЕ «СИРИУС. ЛЕТО: НАЧНИ СВОЙ ПРОЕКТ. 5 СЕЗОН»

*Саргсян Диана Дмитриевна**студент**Севастопольского экономико – гуманитарного института (филиала)**ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»**г. Севастополь**Научный руководитель**Гришина Анастасия Викторовна**кандидат психологических наук,**доцент кафедры общей психологии**Севастопольского экономико – гуманитарного института (филиала)**ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»**г. Севастополь*

Аннотация. В статье представлен опыт участия в пятом сезоне проекта «Сириус. Лето: начни свой проект 2024/2025». В рамках проекта были реализованы два образовательных мероприятия: игра-пиктограмма «Миссия выполнима», основанная на двухфакторной теории мотивации Фредерика Герцберга, и интерактивная лекция «Пирамида потребностей Абрахама Маслоу». Целью участия было применение и апробация современных интерактивных методик в обучении для повышения вовлеченности и глубины понимания студентами классических психологических концепций. Использовались методы анализа научной литературы, визуализации (пиктограммы), интерактивные игры и групповые дискуссии. Результаты показали высокую эффективность данных подходов в образовательном процессе.

Ключевые слова: проект «Сириус.Лето», визуализация, интерактивное обучение, теория мотивации, Герцберг, Маслоу.

PROJECT PARTICIPATION EXPERIENCE «SIRIUS. SUMMER: START YOUR PROJECT. SEASON 5»

*Sargsyan Diana Dmitrievna**Student**Sevastopol Economics and Humanities Institute (branch)**V.I Vernadsky Crimean Federal University**Sevastopol*

Scientific Supervisor

Grishina Anastasia Viktorovna

candidate of psychological sciences,

associate professor of the department of general psychology

Sevastopol Economics and Humanities Institute (branch)

V.I Vernadsky Crimean Federal University

Sevastopol

Abstract. The article presents the experience of participating in the fifth season of the Sirius.Summer: Start Your Project 2024/2025 project. As part of the project, two educational events were implemented: the Mission Possible game-pictogram, based on Frederick Herzberg's two-factor theory of motivation, and the interactive lecture «Abraham Maslow's Pyramid of Needs». The purpose of participation was to apply and test modern visual and interactive teaching methods to enhance students' engagement and understanding of classical psychological concepts. Methods of scientific literature analysis, visualization (icons), interactive games and group discussions were used. The results showed the high efficiency of these approaches in the educational process.

Keywords: Sirius. Summer project, visualization, interactive learning, motivation theory, Herzberg, Maslow.

Постановка проблемы. Современная образовательная парадигма претерпевает существенные изменения, смещая акцент с пассивного усвоения информации в сторону активной познавательной деятельности. Этот переход требует внедрения инновационных педагогических технологий, обеспечивающих глубокую личностную вовлеченность обучающихся, развитие критического мышления и способности к творческой интерпретации теоретических знаний. В контексте этих преобразований особый интерес представляет опыт проектной деятельности в рамках программы «Сириус. Лето: начни свой проект», которая выступает площадкой для апробации новых образовательных решений. В ходе V сезона проекта были разработаны и реализованы два авторских мероприятия, нацеленных на изучение классических теорий мотивации через призму визуальных и интерактивных методик.

Целью данной статьи является анализ эффективности визуальных интерактивных педагогических технологий, апробированных в рамках проектной деятельности программы «Сириус. Лето: 5 сезон», для преодоления ограничений традиционной модели обучения и активизации познавательных процессов у студентов при изучении теорий мотивации Фредерика Герцберга и Абрахама Маслоу.

Изложение основных результатов исследования. Основу исследовательского подхода составили два взаимодополняющих метода: визуальная коммуникация через создание и декодирование пиктограмм для изучения двухфакторной теории Фредерика Герцберга и технология интерактивной лекции с интеграцией цифровых инструментов для исследования пирамиды потребностей Абрахама Маслоу. Оба метода были направлены на преодоление ограничений традиционной вербально-репродуктивной модели обучения и активизацию познавательных процессов у студентов [2].

В рамках первого мероприятия, игры-пиктограммы «Миссия выполняема», была поставлена задача не только теоретического усвоения гигиенических и мотивационных факторов, но и их операционализации в контексте учебной среды. Реализация проходила в несколько последовательных этапов.

Первоначально участники знакомились с биографией Фредерика Герцберга и ключевыми положениями его теории через структурированный теоретический модуль. Затем наступала фаза декодирования, в ходе которой студентам предлагались авторские пиктограммы, такие как «Многообразие учебных ресурсов», «Сотрудничество в команде», «Поддержка студента» и «Чистота в помещениях».

Задачей участников была их вербализация и содержательная классификация в соответствии с теоретическими положениями изучаемой концепции и наиболее продуктивной с точки зрения образовательного эффекта оказалась фаза создания собственных визуальных репрезентаций.

Обучающиеся, объединенные в проектные команды, разрабатывали оригинальные пиктограммы, визуализирующие различные факторы учебной среды. Среди созданных работ можно отметить такие значимые примеры, как «Получение стипендий и различных поощрений», «Недоступность информации» и «Развитие карьеры студента». Этот процесс потребовал от участников не только глубокого понимания теоретического материала, но и развития абстрактного мышления, способности к символическому представлению сложных социально-психологических понятий[3].

Завершающим этапом стала дискуссия и рефлексия, в рамках которой происходила презентация командных работ. Это инициировало продуктивное обсуждение взаимовлияния гигиенических и мотивационных факторов, их роли в академической успеваемости и возможных путей оптимизации образовательной среды. Особую ценность имел анализ того, как отсутствие базовых гигиенических факторов может нивелировать действие мотивационных стимулов, и наоборот – как сильная мотивационная составляющая способна компенсировать определенные недостатки организационного характера.

Применение пиктографического метода позволило трансформировать абстрактные теоретические конструкции в систему наглядных визуальных образов, что способствовало их глубокому и осмысленному усвоению. Студенты продемонстрировали развитую способность к критическому анализу образовательной среды и сформулировали конструктивные предложения по ее улучшению, основанные на понимании механизмов трудовой мотивации, описанных в теории Герцберга.

Второе мероприятие, интерактивная лекция «Пирамида потребностей А. Маслоу», было нацелено на то, чтобы сделать теоретический материал личностно значимым для каждого участника. Методическая структура занятия включала несколько содержательных блоков, последовательно реализующих принцип постепенного погружения в тему. Мотивационный этап осуществлялся через решение ребусов («Потребности», «Абрахам Маслоу»), что создавало атмосферу интеллектуального поиска и пробуждало естественный познавательный интерес. Такой подход позволил сразу же установить продуктивный контакт с аудиторией и создать благоприятную психологическую атмосферу для последующей работы.

Теоретико-диалогический этап представлял собой изложение основного материала в формате интерактивной презентации, которая сопровождалась постоянным диалогом со студентами. Особое внимание уделялось приведению примеров из личного опыта участников и обсуждению актуальности каждой из потребностей в контексте современного общества. Визуальное представление пирамиды потребностей служило опорной точкой для обсуждения иерархической организации человеческих мотивов и их динамического взаимодействия.

Интерактивный практикум, организованный на платформе LearningApps, стал важным элементом закрепления теоретического материала. Игра «Потребности человека», в ходе которой участники распределяли предложенные утверждения по категориям биологических и социальных потребностей, позволила не только проверить степень усвоения материала, но и выявить возможные misconceptions. Коллективное обсуждение спорных случаев способствовало углубленному пониманию критериев разграничения различных уровней потребностей и их специфических характеристик[1].

Кульминацией занятия стал рефлексивно-оценочный этап, в рамках которого студенты самостоятельно конструировали личные пирамиды потребностей. Это задание позволило осуществить продуктивный перенос теоретических знаний в сферу самопознания и личностной рефлексии. Каждый участник имел возможность проанализировать собственную мотивационную структуру, определить актуальные потребности и их взаимосвязь с повседневной деятельностью и жизненными целями. Фронтальное

обсуждение результатов этой работы и последующее анкетирование выявили высокий уровень понимания теоретического материала и позитивное отношение к использованным интерактивным форматам.

Проведенное исследование наглядно демонстрирует дидактическую эффективность визуальных и интерактивных методов в преподавании гуманитарных дисциплин. Визуализация сложных теоретических конструктов через пиктограммы выступает мощным инструментом их структурирования, облегчая процесс понимания и долгосрочного запоминания. Семиотическая природа пиктограмм, требующая декодирования и интерпретации, активизирует аналитическое мышление и способствует установлению множественных ассоциативных связей между теоретическими понятиями и их практическими проявлениями.

Интерактивные технологии, в свою очередь, трансформируют образовательный процесс из монологического в диалогический, способствуя развитию коммуникативных навыков, критического мышления и способности к совместной продуктивной деятельности. Цифровые платформы, такие как LearningApps, предоставляют широкие возможности для создания динамичных образовательных сред, где студенты могут активно экспериментировать с теоретическими концепциями, немедленно получая обратную связь и корректируя свое понимание [4].

Защита проекта показала его востребованность и практическую значимость. Команда заняла почетное второе место в региональном этапе конкурса «Большие вызовы», где проект был отмечен экспертами за оригинальность методического подхода и качество проработки материалов. Также успешной стала защита в Малой академии наук, где работа получила высокую оценку научного жюри. Завершающим этапом стало участие в итоговом мероприятии проекта «Сириус.Лето» [5].

Проектный формат «Сириус.Лето» доказал свою состоятельность как эффективная площадка для психолого-педагогического экспериментирования, предоставляя необходимые ресурсы для реализации инновационных образовательных идей. Ценность этого опыта заключается не только в его непосредственном образовательном эффекте для участников мероприятий, но и в профессиональном развитии самих разработчиков, получающих возможность апробировать педагогические гипотезы в реальных условиях.

Выводы. Таким образом, интеграция визуальных и интерактивных технологий в образовательный процесс представляет собой не просто дань современным трендам, а действенный механизм повышения его качества и эффективности. Такой подход способствует формированию у студентов целостной картины изучаемых явлений, развивает метапредметные компетенции и готовность к непрерывному самообразованию и

личностному росту. Перспективы дальнейшего исследования видятся в разработке комплексных методик, сочетающих различные форматы визуализации и интерактивного взаимодействия, а также в изучении их долгосрочного влияния на академические достижения и профессиональное самоопределение студентов.

Литература:

1. Везиров, Т. Г. Цифровые инструменты и сервисы в работе педагога: учебно-методическое пособие / Т. Г. Везиров, А. К. Айбазова. – Махачкала : ДГПУ, 2024. – 91 с.
2. Исмаилова, З. Н. Интерактивные средства обучения: учебно-методическое пособие / З. Н. Исмаилова, Ш. А. Бакмаев. – Махачкала : ДГПУ, 2023. – 64 с.
3. Кукушкин, В. С. Теория и методика обучения / В.С. Кукушкин. – 2005. – 474 с.
4. Панина, Т. С. Современные способы активизации обучения / Т.С. Панина, Л.Н. Вавилова. – 2008. – 176 с.
5. Пилипченко, Д. Д. Изучение теории А. Маслоу с помощью интреактивной лекции (в рамках проекта «Сириус. лето: начни свой проект 2024/25») / Д. Д. Пилипченко // Методология, метод и методика в современных психологических исследованиях в России : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Севастополь, 28 марта 2025 года. – Севастополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2025. – С. 332-341. – EDN IEPANU.

УДК 159.9

ОСНОВНЫЕ КОНСТРУКТЫ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ ЖЕН, УЧАСТНИКОВ СВО, НАХОДЯЩИХСЯ В ЗОНЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Сикач Анна Игоревна

магистрант кафедры «Психология»

Севастопольский государственный университет

г. Севастополь

Султанова Ирина Викторовна

кандидат психологических наук, доцент,

заведующая кафедрой «Психология»

Севастопольский государственный университет

г. Севастополь

Аннотация. В статье обозначены основные стрессовые факторы, влияющие на психическое состояние и жизнедеятельность семей военнослужащих. Предпринята попытка описания и обоснования основных конструктов реабилитационных программ для жён и семей участников военных действий. Общая модель реабилитационных программ ориентировочно может представлять собой шесть основных конструктов (модулей), среди которых: рационально-эмоционально-поведенческая и когнитивно-поведенческая терапия, терапия принятия и ответственности, экзистенциальный подход И. Ялома и бихевиоральная терапия З. Сигала, М. Уильямса, коммуникативные и коммуникативно-терапевтические методы. Содержание данных методов, техник и приёмов может варьироваться в зависимости от ситуации и индивидуальных особенностей объекта реабилитационно-терапевтического воздействия.

Ключевые слова: адаптация, реабилитация, кризисная психологическая помощь, психические состояния, психическая саморегуляция.

KEY STRUCTURES OF REHABILITATION PROGRAMS FOR WIVES OF MILITARY PARTICIPANTS LOCATED IN COMBAT ZONES

Sikach Anna Igorevna

Master's student of the Department of Psychology

Sevastopol State University

Sevastopol

Sultanova Irina Viktorovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,

Associate Professor, Department of Psychology

Sevastopol State University

Abstract. This article identifies the main stress factors affecting the mental health and functioning of military families. An attempt is made to describe and substantiate the key constructs of rehabilitation programs for the wives and families of military veterans. The general model of rehabilitation programs can be roughly represented by six main constructs (modules), including: rational-emotive-behavioral and cognitive-behavioral therapy, acceptance and commitment therapy, the existential approach of I. Yalom and the behavioral therapy of Z. Segal and M. Williams, and communication and communication-therapeutic methods. The content of these methods, techniques, and approaches may vary depending on the situation and the individual characteristics of the recipient of rehabilitation and therapy.

Keywords: adaptation, rehabilitation, crisis psychological assistance, mental states, mental self-regulation.

Постановка проблемы. В последнее двадцатилетие в отечественной практике психологической помощи становится всё более выраженным личностно-ориентированный курс, в котором важное место занимает психологическое сопровождение. Сопровождение учёными (например, Р.И. Кадиевой, Е.В. Литягиной и др.) рассматривается как метод, форма, технология, вид профессиональной деятельности психологов. В качестве основных смысловых единиц используются такие понятия, как взаимодействие, сотрудничество, создание условий, помощь, деятельность направленность, работа с объектом, помощь в сложной жизненной ситуации [2, С.70]. В настоящее время особую актуальность проблемы кризисной психологической помощи женщинам, мужья которых являются участниками военных действий, приобретают в связи с проведением специальной военной операции.

Постоянный страх за жизнь близкого человека, повышенная тревожность за дальнейшую собственную судьбу и судьбу детей, по данным исследования Е.В. Литягиной, обуславливает определенную социальную дезадаптацию женщины-жены, женщины-матери, вводит её в состояние хронического дистресса [3, С. 53-54]. Преодолеть данные состояния помогает квалифицированная психологическая помощь. В то же время, несмотря на всю важность вопросов, связанных с оказанием кризисной психологической помощи женщинам, родственники которых являются участниками военных действий, применяемые методы кризисной психологии ориентированы, преимущественно, на оказание психологической поддержки в случае гибели военнослужащего. Они не охватывают всех основных вопросов психологического сопровождения и во многом

остаются относительно новыми, как для практической кризисной психологии, так и для психологической практики.

Для того, чтобы рассматриваемая деятельность была системной и результативной необходимы разработки комплексных динамично модульных реабилитационных моделей программ, которые, сохраняя единую концептуальную линию, могли бы быть адаптивно-функциональны для каждой конкретной ситуации с учетом индивидуально-типологических особенностей реагирования на неё субъекта, что и явилось **целью** данного исследования.

Изложение основного материала исследования. Обратим внимание на то, что в сокровищнице реабилитационных теорий и практик психологической помощи личности в кризисных состояниях, имеются серьёзные отечественные научные разработки А.В. Гнездилова, Р.В. Кадырова, А.Г. Караяни, П.А. Корчемного, И.Г. Малкиной-Пых, Л.А. Пергаменщик, Н.В. Тарабриной, Н. Сарджевалдзе, Л.В. Трубициной и др. В зарубежной психологии наиболее известны труды Р. Сапольски, М. Уэста, П. Уокера и других по преодолению кризисных психологических состояний родственников военнослужащих и устранению посттравматических стрессов. Таким образом, методологический базис и практических инструментов уже существуют.

Вместе с тем, несмотря на имеющие место психологические исследования, обращает на себя внимание тот факт, что в научной литературе на сегодняшний день представлено недостаточно работ о психологическом состоянии женщин, мужа и дети которых участвуют в военных действиях. В имеющихся исследованиях, слабо освещаются проблемы психологических состояний женщин, родные и близкие которых принимают участие в специальной военной операции на Украине, т.е. в контексте её специфики носящей характер гражданской войны. Эта специфика выражена тем, что у значительного числа семей военнослужащих родственники находятся по обе стороны фронта и нередко проявляют враждебное отношение по отношению друг к другу, что в ситуации родства существенно увеличивает и углубляет переживание.

Изложенное нами выше, позволяет выделить противоречие между высокой теоретической актуальностью, практической значимостью исследования проблем оказания кризисной психологической помощи с одной стороны и недостаточностью эмпирических данных о применении программ психологической поддержки женщинам, мужа которых являются участниками военных действий – с другой стороны.

О.А. Ульянина, Н.Н. Дмитриева в своих исследованиях показали, что психологическое состояние женщин, мужа которых являются участниками боевых действий, формируется под влиянием трёх основных факторов:

- тревожного ожидания (в том числе и того, каким вернётся с фронта её муж);
- страха потери близкого человека;
- переживания горя (утраты) [5, С.79-80].

Несмотря на то, что психологическое состояние варьируется в зависимости от тяжести события, сама природа кризиса, как утверждает А.О. Шарапов, всегда одинакова: он вызывает изменения в психике, независимо от того, пережил ли человек необратимую катастрофу или просто потерял смысл жизни после того, как его близкий ушёл на войну, меняет поведение человека, а также вызывает целый ряд специфических эмоций и переживаний, без понимания механизма развития которых эффективная психологическая помощь и реабилитация невозможны [7, С. 24-25].

Как показывают исследования В.В. Волобуева в период ожидания у женщин, родственники которых участвуют в военных действиях, очень высок уровень тревожности: они не могут найти себе места и часто чувствуют себя так, как будто заранее хоронят любимого человека. Ожидание, неопределенность, страх за родных и близких являются неприятными и тяжелыми переживаниями. По мнению автора, чувство страха есть естественный защитный механизм человека, и это чувство неразрывно связано с беспокойством, волнением и тревогой. Длительное его переживание деформирует личность, сжигает её резервы, снижает способности концентрировать внимание на других, на позитивных событиях и даже на важных для жизни делах, подрывает психическое и физическое здоровье [1]. Учёные отмечают, что жены военнослужащих находятся в состоянии длительного стресса из-за пребывания мужа в экстремальных условиях, представляющих высокую степень опасности для жизни и здоровья.

Согласно результатам исследований И.В. Абакумовой, Е.Н. Рядинской, К.Б.Богровой, А.А. Щетинина перед отправкой мужей в зону боевых действий, жены, как правило, переживают широкий спектр эмоций, доминирующими среди которых являются печаль, беспомощность, плач, беспокойство, депрессию, отчаяние, чувство вины, гнев, нетерпимость к собственным детям [5].

По мнению ученых, ключевая цель психологического сопровождения семей участников СВО состоит в том, чтобы помочь им выработать адаптивный стиль совладания в ситуации неопределенности и высокого уровня тревожности. При этом акцент делается на важности перестройки мотивационно-ценностной системы женщины таким образом, чтобы на передний план вывести мобилизующую роль семьи, а также сформировать у женщин, проводивших в зону боевых действий мужа, понимание того, насколько важна для участника СВО психологическая поддержка семьи. Это позволяет военнослужащему и членам его семьи успешнее адаптироваться к условиям

травмирующего дистресса, перестроить восприятие неблагоприятной ситуации на благоприятное, научиться относиться к ней как к контролируемой, подвластной изменениям, выработать готовность преодолевать трудности вместе с ним.

Суть психологической работы с женщинами, мужья которых участвуют в СВО, по мнению Р.И. Кадиевой, А.Р. Давудовой и других ученых состоит в использовании комплексных взаимодополняющих технологий позволяющих оптимизировать процессы взаимодействия с социальным окружением, минимизировать деструктивные реакции на стресс, не допускать развития внутриличностных конфликтов, оперативно и действенно справиться с тревожностью, восстанавливать личностные ресурсы даже после чрезмерных эмоциональных нагрузок на психику [2, С. 225].

Первое и главное, согласно концепции созидающей деятельности. Помогающая деятельность, в том числе и волонтерская, позволяет женщинам ощутить свою сопричастность к делу мужа, к сохранению его здоровья и жизни. Это придает силы и осмысленность существования в крайне сложной жизненной ситуации. Волонтерских центров самых разных направлений в каждом регионе страны у нас множество.

Второе, как показывает анализ научной литературы, это комплекс методов по психической саморегуляции, способствующих формированию способности и привычки к самообладанию, управлению собственными эмоциями, чувствами и мыслями. В этом плане существует множество апробированных эффективных психотехник: методики аутогенной тренировки И.Г. Шульца, Л.Д. Гиссена, В.С. Лобзина, Э. Линдемманна, Х. Клейнзорге и Г. Клюмбиеса; мобилизационные комплексы А.Ц. Пуни, Н.И. Сытина, В.Л. Леви; методы психомышечной тренировки М.Е. Седомирского, С.Б. Пергаменщик, Г.Д. Горбунова, медитативные техники Ш. Гавэйна, Л. Хей, К. Томаса, дыхательные техники К.Т. Гинзбург, музыкальные психотехники Г. Азовцевой, метод формирования динамического стереотипа МЭОССК В.Н. Ковалёва и многое другое.

Третье – это купирующие психотехники, позволяющие ослабить действие травмирующего фактора. Прежде всего, это метод ДПДГ десенсибилизации с помощью движения глаз Ф.Шапиро и метод нейтрализации психотравм Ж. Славинского.

Четвёртое – это группа методов, направленная на оживление эмоциональной сферы, подавленной травмирующим опытом или дистрессами. Сюда могут быть включены:

- 1) технологии, направленные на обогащение ведущих видов жизнедеятельности человека (по концепции В.Н. Ковалёва): творческий труд, общение, встречи, поездки, театры, погружение в мир музыки, природы, изобразительного искусства и пр.;

2) комплекс сенсibilизационных технологий: арт-терапии (например, техники: «лепестки», «миниатюры», серийный рисунок, мандалы, нейрографика, классический пальчиковый групповой метод рисования цветным тестом и др.);

Пятое (базовое) – это терапевтические комплексы. Они определяются в зависимости от взятого за основу терапевтического направления. К наиболее эффективным, по нашему мнению, сегодня относятся:

1) РЭПТ (рационально-эмоционально-поведенческая терапия) А. Эллиса, А. Бека, где особо подчёркивается важность выделения догматических безусловных «долженствований», отделения их от своих желаний и предпочтений и обучение тому, как отказаться от первых и учитывать вторые;

2) КПТ как современная и весьма широко успешно апробированная комплексная форма психотерапии, сочетающая в себе когнитивную терапию с поведенческой терапией. Она доказала свою эффективность при самых различных психических расстройствах и представляет собой краткосрочное, сфокусированное на навыках лечение, направленное на изменение неадаптивных эмоциональных реакций при помощи изменения мыслей, изменения поведения пациента либо изменения того и другого;

3) АСТ в отличие от традиционной когнитивно-поведенческой терапии, АСТ учит не изменять или контролировать свои мысли, переживания, чувства, а замечать их и принимать. Задача – расширение поведенческого репертуара, чтобы психика работала над самовосстановлением организма своих функций и снижала психосоматику. В основе подхода лежит теория реляционных фреймов и программа сознательного дистанцирования.

4) Может быть использован и экзистенциальный подход И. Ялома и бихевиоральная терапия З. Сигала, М. Уильямса и др.

Шестое – это коммуникативные и коммуникативно-терапевтические методы (тренинги, студии, группы встреч и т.п.), способствующие созданию ситуации принятия, дающие возможность выговориться, преодолеть имеющиеся или возникшие комплексы и барьеры.

Выводы. Таким образом, общая модель реабилитационных программ ориентировочно может представлять собой шесть основных конструкторов (модулей), содержание которых и сочетание различных методов, техник и приёмов может варьироваться в зависимости от ситуации и индивидуальных особенностей объекта реабилитационно-терапевтического воздействия.

Литература:

1. Волобуев, В. В. Связь жизнестойкости и личностных особенностей у мирных жителей / В. В. Волобуев // Письма в Эмиссия.Оффлайн. – 2024. – № 2. – С. 3349. – EDN JMDEMХ.
2. Кадиева, Р. И. Современные подходы и технологии психологического сопровождения семей участников (ветеранов) специальной военной операции / Р. И. Кадиева, А. Р. Давудова // Russian Journal of Education and Psychology. – 2024. – Т. 15, № 6-2. – С. 205-232. – DOI 10.12731/2658-4034-2024-15-6-725. – EDN UQGLYI.
3. Литягина, Е.В. Психологическое сопровождение человека в критической жизненной ситуации: учебное пособие / Е. В. Литягина. - Самара: Изд. СГУ, 2024. - 96 с.
4. Осухова, Н.Г. Психологическое сопровождение личности в ситуациях отсроченных последствий кризиса / Н.Г. Осухова // Развитие личности. 2013. - №1. - С. 74 – 98.
5. Ульянина, О. А. Организация системы межведомственного адресного сопровождения участников специальной военной операции и членов их семей / О. А. Ульянина, Н. Н. Дмитриева, Р. А. Прокопишин // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии : Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 06–07 апреля 2023 года / Отв. редактор И.А. Ершова. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2023. – С. 76-84. – EDN PVHGLJ.
6. Ценностно-смысловая сфера населения районов локальных вооруженных конфликтов: психологический анализ / И. В. Абакумова, Е. Н. Рядинская, К. Б. Богрова [и др.] // Российский психологический журнал. – 2024. – Т. 21, № 2. – С. 169-183. – DOI 10.21702/trj.2024.2.10. – EDN QJUSWU.
7. Шарапов, А.О. Кризисная психология: учебное пособие для вузов / А.О. Шарапов, Е.П. Пчелкина, О.И. Шех. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Юрайт, 2019. - 538 с.

УДК 159.9

ПОЗИТИВНАЯ ТРАНСКУЛЬТУРАЛЬНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИИ

Смирнова Светлана Викторовна

канд. психол. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,

супервизор Российской Психотерапевтической Ассоциации,

тренер мастер курса Всемирной Ассоциации Позитивной Психотерапии

г. Севастополь

Аннотация. В статье рассматривается потенциал позитивной транскультуральной психотерапии (ПТТ) в качестве эффективного инструмента для укрепления межкультурного диалога и социальной сплоченности в полиэтническом российском обществе. Анализируются ключевые концепции ПТТ – позитивная концепция человека, транскультуральный подход и акцент на ресурсах, которые созвучны задачам гармонизации межнациональных отношений. В работе представлены результаты теоретического анализа и предложена модель применения методов ПТТ в различных социальных ситуациях. Статья содержит практические кейсы и рекомендации по внедрению.

Ключевые слова: позитивная транскультуральная психотерапия, межкультурное взаимодействие, многонациональная Россия, межкультурная компетентность, разрешение конфликтов, аккультурация, идентичность, модель баланса.

POSITIVE TRANSCULTURAL PSYCHOTHERAPY AS A TOOL FOR DEVELOPING INTERCULTURAL INTERACTION IN MULTIETHNIC RUSSIA

Smirnova Svetlana Viktorovna

PhD in Psychology, Associate Professor

Sevastopol State University,

Head of the Russian Psychotherapeutic Association,

Trainer of the Master's Course at the World Association of Positive Psychotherapy

Sevastopol

Abstract. This article explores the potential of positive transcultural psychotherapy (PTT) as an effective tool for developing intercultural dialogue and social cohesion in multiethnic Russian society. Key concepts of PTT—a positive concept of man, a transcultural approach, and an emphasis on resources—are analyzed, all of which are consistent with the goals of harmonizing interethnic relations. The paper presents the results of a theoretical analysis and

proposes a model for applying PTT methods in various social settings. The article also includes practical tips and recommendations for implementation.

Key words: positive transcultural psychotherapy, intercultural interaction, multinational Russia, intercultural competence, definition of criteria, acculturation, identity, balance model.

Постановка проблемы. Современная Россия, являясь одним из самых многонациональных государств мира, исторически сформировалась как уникальная цивилизация, объединяющая более 190 народов. Этот мощный потенциал культурного разнообразия в условиях глобализации, интенсификации внутренних миграционных процессов и активизации этнического самосознания создает комплексные вызовы. Риски возникновения конфликтов на почве культурных различий, проявления ксенофобии и социальной разобщенности требуют не только административных и правовых решений, но, в первую очередь, глубокой психолого-педагогической и социокультурной работы [1; 3].

Традиционные подходы к межнациональным отношениям часто носят декларативный или запретительный характер, не достигая уровня глубинной трансформации установок и поведения.

Цель статьи: поиск инструментов, способных не просто нивелировать напряженность, но и активно способствовать построению конструктивного диалога, основанного на взаимном уважении и понимании.

Одним из таких инструментов может выступить Позитивная транскультуральная психотерапия (ПТТ) – научно-практическое направление, разработанное Носсратом Пезешкианом, которое интегрирует в себе позитивный взгляд на природу человека, глубокое понимание культурного контекста и системный подход к разрешению конфликтов. Цель данной статьи – провести комплексный теоретический анализ и обосновать практический потенциал ПТТ в укреплении межкультурного взаимодействия в российском обществе, предложив конкретные пути его реализации [9].

Изложение основного материала исследования. Методология исследования основана на системном анализе концепций ПТТ, их проекции на социально-культурный контекст России, а также на методе моделирования практических областей применения [2; 3].

1. Теоретические основы позитивной транскультуральной психотерапии и их социальная значимость

ПТТ базируется на трех фундаментальных и взаимосвязанных принципах, которые делают ее особенно релевантной для решения задач межкультурного взаимодействия в масштабах общества.

1.1. Позитивная концепция человека: от патологии к ресурсу.

В отличие от классических психотерапевтических подходов, фокусирующихся на дефицитах и патологии, ПТТ исходит из того, что каждый человек обладает врожденными способностями (базовыми способностями) к любви (способность к установлению отношений) и познанию (способность к познанию и развитию). Эти способности рассматриваются не как проблема, а как фундаментальный ресурс для преодоления трудностей.

Социальная проекция: В межкультурном контексте это означает стратегический сдвиг фокуса. Вместо того чтобы рассматривать мигранта или представителя иной культуры как «носителя проблемы» (языкового барьера, неадаптированности), система помощи видит в нем личность с уникальным ресурсом: знанием двух и более культур, опытом выживания в новой среде, потенциалом к обогащению принимающего общества. Это меняет сам тон коммуникации с поучительного на партнерский.

1.2. Транскультуральный подход: понимание вместо осуждения.

ПТТ рассматривает любую проблему или симптом через призму культурного фона индивида. Конфликты и непонимание часто возникают из-за различий в культурных кодах, ценностях и способах поведения. Ключевым инструментом здесь является Модель баланса Н. Пезешкиана, включающая четыре сферы жизни:

Тело / Ощущения (здоровье, питание, самочувствие)

Деятельность / Достижения (работа, карьера, успех)

Контакты / Отношения (семья, друзья, традиции)

Смысл / Будущее / Фантазии (религия, философия, мечты, ценности)

В разных культурах акцент ставится на разных сферах. Например, в одной культуре высшей ценностью могут быть Достижения (западный модель), в другой – Контакты и отношения (кавказские, азиатские культуры), в третьей – Смысл (традиционные культуры с сильной религиозной составляющей). Конфликт возникает, когда представители этих моделей взаимодействуют, не осознавая различий.

1.3. Акцент на ресурсах и способностях: техника позитивной интерпретации.

Это краеугольный камень методологии ПТТ. Симптомы, конфликты и «негативное» поведение переформулируются в терминах скрытых за ними позитивных намерений и способностей.

Пример позитивной интерпретации в межкультурном конфликте:

Симптом: «Мигрант из Средней Азии проявляет упрямство и не желает соблюдать внутренние правила общежития».

Позитивная интерпретация: «Это упрямство является проявлением его сильной способности быть верным традициям своего народа и сохранять свою культурную идентичность в непривычной обстановке. Его сопротивление – это не деструктивный акт, а попытка защитить свое «Я».

Разрешение конфликта: после такой позитивной интерпретации задача помогающего специалиста меняется с «перевоспитать» на «помочь ему адаптировать свои традиционные формы поведения к новым условиям, не теряя самоуважения». Это создает принципиально иную, бесконфликтную основу для диалога [8; 9].

2. Потенциал ПТТ в укреплении межкультурного взаимодействия в России: от теории к практике. Применение принципов и методов ПТТ в многонациональном контексте России может быть реализовано в нескольких ключевых направлениях.

2.1. Развитие межкультурной компетентности на уровне личности и сообществ. ПТТ предлагает конкретные инструменты для декодирования «чужой» культуры.

Для коренных жителей: позволяет понять, что поведение мигранта (например, более «бурное» или, наоборот, «сдержанное» выражение эмоций; коллективное принятие решений; особое отношение к старшим) – не проявление невоспитанности или «дикости», а укорененная культурная норма, часто связанная со сферой «Контакты/Отношения».

Для мигрантов и представителей меньшинств: помогает осознать негласные культурные коды и «правила игры» принимающего общества (например, ценность пунктуальности и формальных договоренностей в деловой среде мегаполиса, что относится к сфере «Деятельность/Достижения») и найти адаптивные формы поведения, не отказываясь от своей идентичности.

2.2. Снижение уровня предрассудков и стереотипов через их позитивную интерпретацию. Техника ПТТ может быть применена к самим стереотипам на групповом уровне. Вместо морального осуждения и ксенофобии, ПТТ предлагает исследовать историческую и культурную подоплеку предрассудка.

Пример: Стереотип «все кавказцы – горячие и конфликтные».

Позитивная интерпретация: Эта характеристика может быть рассмотрена как внешнее проявление культурной модели, где высоко ценятся честь, прямота и эмоциональная экспрессивность в отстаивании справедливости (сфера «Контакты» и «Тело/Ощущения»). Когда-то в традиционной среде эти качества были жизненно необходимы для выживания рода. Задача – не бороться со стереотипом, а показать его

происхождение и помочь найти новые, адекватные городской среде формы проявления этих же качеств (например, в спорте, в искусстве, в защите социальных прав).

2.3. Конструктивное разрешение межкультурных конфликтов: стратегия пяти шагов.

ПТТ рассматривает конфликт не как угрозу, а как шанс для развития и углубления отношений. Стратегия «пяти шагов позитивной психотерапии» предоставляет структурированную модель для ведения диалога.

Шаг 1: Наблюдение / Дистанцирование. Стороны конфликта учатся отделить факты от интерпретаций и эмоций. («Что именно произошло? Опишите без оценок»).

Шаг 2: Инвентаризация. Выявляются все составляющие конфликта, в том числе культурные особенности через призму модели баланса 4 сфер жизни. («Как в вашей культуре принято реагировать на подобные ситуации? Какая сфера жизни (Тело, Деятельность, Контакты, Смысл) была задета?»).

Шаг 3: Ситуативное ободрение. Акцент делается на позитивных аспектах и ресурсах сторон, выявленных на предыдущем шаге. («Ваша реакция показывает, как сильно вы цените семейные узы»).

Шаг 4: Вербализация. Стороны прямо и открыто обсуждают конфликт, его причины и свои чувства, но уже на новом, обогащенном понимании друг друга.

Шаг 5: Расширение целей. Совместно находятся новые, общие цели и поведенческие стратегии, учитывающие культурные особенности обеих сторон [5; 7].

2.4. Укрепление позитивной этнокультурной и гражданской идентичности.

В условиях глобализации вопрос идентичности становится особенно острым. ПТТ, с ее уважением к культурным корням и акцентом на ресурсах, помогает человеку интегрировать свою этническую идентичность в более широкий гражданский контекст.

Задача: преодолеть дихотомию «или я татарин, или я россиянин».

Решение ПТТ: показать, что эти идентичности не исключают, а обогащают друг друга. Сильные стороны, сформированные в одной культуре (например, общинность, гостеприимство), могут стать ресурсом в общегражданском контексте. Это способствует формированию гармоничной «российской гражданской идентичности», основанной на принципе «единство в многообразии».

3. Практические аспекты и кейсы применения ПТТ в российском контексте

Кейс 1: Конфликт в школьном классе.

Ситуация: Ученик из дагестанской семьи вступает в драку с одноклассником, который оскорбил его сестру. Классный руководитель рассматривает это как хулиганство.

Применение ПТТ: Психолог, используя транскультуральный подход, объясняет педагогу, что в культуре мальчика защита чести семьи (сфера «Контакты/Отношения») является высшей ценностью. Его поступок – не «хулиганство», а следствие культурного императива.

Разрешение: Проводится беседа с участием обоих учеников, где мальчику помогают найти в новой среде более социально приемлемые способы защиты своей чести (например, через обращение к учителю, но с пониманием, что это требует от него мужества другого рода), а обидчику объясняют культурные причины такой острой реакции.

Кейс 2: Адаптация мигрантов на предприятии.

Ситуация: Работники из Средней Азии коллективно отказываются от точечного выполнения индивидуальных планов, предпочитая работать «за себя и за того парня».

Применение ПТТ: Руководство, вместо санкций, понимает, что это проявление коллективистской культуры (сфера «Контакты»), а не саботаж.

Разрешение: Система мотивации пересматривается: вводятся как индивидуальные, так и коллективные бонусы (за успех бригады). Это использует культурный ресурс коллективизма для повышения общей эффективности.

Кейс 3: Семейный конфликт в смешанном браке.

Ситуация: В русско-татарской семье конфликт из-за воспитания детей: одна сторона настаивает на строгом религиозном образовании, другая – на светском.

Применение ПТТ: Анализ через Модель баланса показывает, что конфликт происходит на уровне «Смысл/Будущее». Разрешение: с помощью психолога супруги не спорят, «чья вера правильнее», а исследуют, какие универсальные ценности (доброта, честность, уважение к старшим) стоят за их религиозными предписаниями. Это позволяет найти общую платформу для воспитания, интегрирующую лучшие практики обеих культур.

4. Рекомендации по внедрению подходов ПТТ в социальную практику России.

Внедрение подходов ПТТ должно носить системный и многоуровневый характер:

1. Образовательный уровень: Вузы: Введение курсов и модулей по основам ПТТ для будущих психологов, педагогов, социальных работников, менеджеров и государственных служащих.

Школы: Разработка и внедрение факультативных программ для школьников «Культурный код: учимся понимать друг друга», основанных на Модели баланса.

2. Уровень государственного и муниципального управления: Обязательные тренинги для сотрудников МВД, миграционных служб, МФЦ, органов опеки и

попечительства, направленные на формирование транскультуральной компетентности. Создание консультационных центров при администрациях городов, где семьи и сообщества могли бы получать помощь в разрешении межкультурных конфликтов по методике ПТТ.

3. Корпоративный уровень: Разработка корпоративных стандартов и тренингов по управлению мультикультурной командой для компаний, активно внедряющих трудовых мигрантов или имеющих филиалы в разных регионах России.

4. Научно-исследовательский уровень: Проведение эмпирических исследований по апробации эффективности методов ПТТ в конкретных российских условиях. Подготовка и публикация методических пособий и case studies для практикующих специалистов.

Выводы. Позитивная транскультуральная психотерапия предлагает не просто набор техник, а целостную гуманистическую философию, основанную на диалоге, уважении к различиям и вере в ресурсы человека и сообщества. Ее методологический аппарат, в частности Модель баланса и техника позитивной интерпретации, предоставляет конкретные и эффективные инструменты для работы с вызовами многонационального общества.

Применение ПТТ в контексте России позволяет перейти от политики «терпимости», которая часто носит пассивный характер, к активной политике «взаимного обогащения». Интеграция ее принципов в образовательные, социальные и управленческие практики может стать мощным катализатором процессов, ведущих к укреплению гражданского единства, снижению социальной напряженности и превращению культурного многообразия из потенциального источника конфликтов в живой источник силы, инноваций и устойчивого развития для всей страны. Дальнейшие прикладные исследования и пилотные проекты по внедрению моделей ПТТ в российском социокультурном контексте являются необходимым и перспективным шагом.

Литература:

1. Бохан, Н. А. Миграционные потоки: транскультуральные аспекты психического здоровья (обзор зарубежной литературы) / Н. А. Бохан, И. Е. Куприянова, Б. А. Дашиева, О. Э. Перчаткина // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2023. – № 2 (119). – С. 78–85. – DOI: 10.26617/1810-3111-2023-2(119)-78-85.
2. Воронин, А. В. Межкультурная компетенция как необходимое условие коммуникации в системе открытого образования / А. В. Воронин // Universum: психология и образование. – 2021. – № 8(86). – DOI: 10.32743/UniPsy.2021.86.8.12097.
3. Давыдов, С. В. Культурный ассимилятор. Страны Азии (Южная Корея, Китай, ОАЭ, Япония): учебно-методическое пособие / С. В. Давыдов, А. А. Самохвалова, Ю. А.

Елисеев ; М-во науки и высш. обр. РФ, Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород : ННГУ, 2023. – 32 с.

4. Лебедева, Н. М. Межкультурный диалог. Тренинг этнокультурной компетентности: учебное пособие / Н. М. Лебедева, О. В. Лунева, Т. Г. Стефаненко, М. Ю. Мартынова ; М-во общ. и проф. обр. РФ, Рос. ун-т дружбы народов. – Москва : Изд-во РУДН, 2003. – 268 с.

5. Материалы Всемирной Ассоциации Позитивной Психотерапии [Электронный ресурс] = World Association for Positive Psychotherapy. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.positum.org/> (свободный). – Загл. с экрана. – Яз. англ., рус. – (Дата обращения: 15.10.2025).

6. Овсянникова, И. Г. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российском вузе / И. Г. Овсянникова, Т. М. Терещенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 3. – С. 42–45.

7. Пезешкиан, Н. Психосоматика и позитивная психотерапия / Н. Пезешкиан ; пер. с нем. – Москва : Медицина, 1996. – 464 с.

8. Пезешкиан, Н. Психотерапия повседневной жизни. Тренинг в воспитании партнёрства и самопомощи / Н. Пезешкиан ; пер. с нем. – Москва : Медицина, 1995. – 336 с.

9. Пезешкиан, Х. Транскультуральная психотерапия в России / Х. Пезешкиан // Московский психотерапевтический журнал. – 1999. – № 3-4. – С. 47–70.

УДК 159.9:316.6

ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕМЬИ**Смородникова Валерия Николаевна***Магистрант факультета психологии «Психология безопасности и здоровья»**Национальный исследовательский Томский Государственный Университет**г. Томск***Шабаловская Марина Владимировна***Кандидат психологических наук, доцент**Кафедра психотерапии и психологического консультирования**Национальный исследовательский Томский Государственный Университет**г. Томск*

Аннотация. В статье проводится теоретический анализ факторов психологического благополучия семьи. Проведена попытка систематизации факторов семейного благополучия: эмоционально-коммуникативного, ценностно-поведенческого и индивидуально-личностного. Особое внимание уделено анализу личностных особенностей супругов, стратегиям разрешения конфликтов и уровню удовлетворённости браком. Теоретический анализ подтверждает, что для поддержания здоровья семейной системы необходима комплексная работа, направленная на гармонизацию отношений во всех трех выделенных сферах, что является основой для разработки эффективных методов профилактики семейных проблем. Программа может быть направлена на развитие навыков, позволяющих паре регулировать конфликты, через обучение конструктивным моделям их разрешения и учёта личностных особенностей друг друга.

Ключевые слова: психологическое благополучие, факторы, эмоционально-коммуникативный, ценностно-поведенческий, индивидуально-личностный фактор.

FACTORS OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF THE FAMILY**Smorodnikova Valeria Nikolaevna***Master's student at the Faculty of "Psychology of Safety and Health"**National Research Tomsk State University**Tomsk***Shabalovskaya Marina Vladimirovna***Candidate of Psychological Sciences,**Associate Professor of the Department of Consulting and Psychotherapy**National Research Tomsk State University**Tomsk*

Abstract. The aim of this article is to theoretically analyze factors of psychological well-being of the family. We aim to systematize factors of family well-being: emotional-communicative, value-behavioral and individual-personal. Special attention is given to the analysis of personal characteristics of spouses, conflict resolution strategies and the level of satisfaction with marriage. Theoretical analysis confirms that maintaining a healthy family system requires comprehensive work aimed at harmonizing relationships in all three identified areas, which forms the basis for developing effective methods for preventing family problems. The program can be aimed at developing skills that enable couples to manage conflicts by teaching constructive models for resolving them and taking into account each other's personal characteristics.

Keywords: psychological well-being, psychological well-being factors, emotional-communicative factor, value-behavioral factor, individual-personal factor.

Постановка проблемы. Современные реалии предъявляют новые требования к внутрисемейному взаимодействию, что вызывает необходимость изучения тех факторов, которые способствуют поддержанию психоэмоционального здоровья всех членов семьи. Современный образ жизни требует большей гибкости в распределении ролей и обязанностей в семейной системе, развитие цифровизации перестраивает процесс коммуникации, создавая новые риски для семейного взаимодействия, нестабильность и непредсказуемость жизни вызывает напряжение в семье, что непременно сказывается на общем психологическом благополучии. По мнению ряда исследователей [4], благополучие семейной системы определяется комплексом социальных, психологических, экономических и культурных условий, оказывающих влияние на психоэмоциональное состояние каждого члена семьи. Анализ теоретико-эмпирических исследований позволит выявить психологические факторы формирования благоприятной психологической атмосферы в семье, разработать эффективные методы профилактики кризисных ситуаций в семье и оптимизировать поддержку семей в условиях современных вызовов и рисков.

Семья, являясь одной из самых важных ячеек общества, представляет собой сложную систему, чьё устойчивое функционирование напрямую зависит от психологического благополучия каждого из её членов [1]. По данным Росстата на 10 браков приходится 7,67 разводов, что может быть вызвано изменением традиционных семейных ценностей, увеличением психоэмоциональных нагрузок в условиях цифровизации общества [7].

Целью статьи является теоретический анализ научной литературы, который позволит нам выделить основные психологические факторы, оказывающие влияние на психологическое благополучие семьи.

Изложение основных результатов. Под психологическим благополучием семьи понимается комплексная характеристика, отражающая состояние удовлетворённости, гармонии и успешной адаптации супругов, которая позволяет семье противостоять внутренним и внешним стрессам [3]. Опираясь на исследования авторов по проблеме семьи, рассматривающих факторы психологического благополучия семейной системы, мы сделали попытку систематизировать их и сгруппировать по следующим сферам: эмоционально-коммуникативная, ценностно-поведенческая и индивидуально-личностная.

Эмоционально-коммуникативные факторы у психологически благополучных семей отличаются преобладанием позитивной атмосферы, где характерны взаимное уважение и эмоциональная поддержка. Конфликты носят кратковременный характер и выполняют конструктивную функцию [6]. Исследования И.С. Якиманской выявили различия в поведении супругов с разным уровнем психологического благополучия. Пары, удовлетворенные браком, чаще используют стратегии сотрудничества и компромисса, в то время как для неблагополучных пар характерны избегание, соперничество и приспособление [8]. Наиболее деструктивной моделью поведения является обвинение супруга [3]. Как отмечает И.С. Ильинский [3], для благоприятного психологического климата характерны следующие признаки: сплоченность семьи, возможность всестороннего развития личности каждого ее члена, высокая доброжелательная требовательность членов семьи друг к другу, чувство защищенности и эмоциональной удовлетворенности, гордость за принадлежность к своей семье, ответственность. Эмпирические данные С.В. Ильинского показывают [3], что неблагоприятный климат, характеризующийся подозрительностью, раздражительностью и тревогой, ведет к психологическому истощению супругов и, в конечном итоге, разрыву семейных связей [3].

Анализируя ценностно-поведенческий аспект факторов благополучия семьи можно отметить, что в благополучных семьях он характеризуется устойчивой ориентацией всех членов семьи на сохранение и развитие семейного союза. Исследования подтверждают, что расхождения в базовых ценностных ориентациях (представлениях о главных целях семьи, нормах поведения, значимости родительства) являются одной из главных причин супружеских конфликтов [3]. Разделяемый супругами «образ семьи» – целостное, согласованное представление о своей семье, ее прошлом, настоящем и будущем, правилах и нормах взаимодействия – выступает внутренним ориентиром для выстраивания

взаимоотношений [2]. В современных условиях нарастающей индивидуализации именно конфликт между системами ценностей супругов становится одной из ключевых проблем, влияющих на благополучие семьи. Важным показателем является проведение совместного досуга и наличие общих интересов [6]. Исследования показывают, что расхождения в представлениях о главных целях семьи и распределении обязанностей являются частой причиной конфликтов. Распределение бытовых обязанностей способствует снижению количества конфликтов между супругами [3]. Некоторые исследования указывают на связь между мотивами и последующей удовлетворенностью отношениями. Мотивы, основанные на эмоциональной близости и личностной идентификации, создают благоприятную почву для семейного благополучия [3].

Индивидуально-личностные факторы также оказывают влияние на психоэмоциональное состояние членов семьи и общее благополучие семейной системы. С. Д. Мухаметрахимова выявила связь общей интернальности супругов и интернальности в семейных отношениях с уровнем удовлетворенности браком [5]. Люди с таким складом личности верят, что от их действий зависит благополучие семьи, и активно над этим работают. Высокий уровень терпеливости напрямую связан с высокой удовлетворенностью браком и приводит к снижению уровня конфликтности в паре [5]. Высокая тревожность в семье негативно влияет на удовлетворенность браком, снижает терпимость супругов друг к другу и способствует росту чувства неполноценности [5]. И.С. Якиманская обнаружила, что в группе с низкой удовлетворенностью браком наблюдается более высокая степень выраженности акцентуаций характера [8]. Личностные акцентуации предопределяют выбор деструктивных стратегий разрешения конфликтов [8], т.е. по И.С. Якиманской брак выступает полем для проявления заранее заданных личностных траекторий.

Выводы. Современные социальные вызовы (нестабильность, цифровизация, индивидуализация) объективно повышают нагрузку на семейную систему, делая вопрос изучения и укрепления ее психологического благополучия особенно актуальным.

Психологическое благополучие семьи определяется как комплекс компонентов семейной системы, которые обеспечивают высокий уровень удовлетворённости, эмоциональную гармонию и успешную адаптацию супругов, что способствует конструктивному разрешению конфликтов, эффективному выполнению семейных функций и сохранению целостности семьи в условиях изменяющейся среды.

Проведённый теоретический анализ научной литературы позволил выделить ключевые факторы, определяющие психологическое благополучие семьи. К эмоционально-коммуникативным факторам относятся низкая продолжительность и

частота конфликтов, способность к конструктивному разрешению конфликтов, преобладание позитивной атмосферы в семье. Группа ценностно-поведенческих факторов включает согласованность семейных ценностей и ролевых ожиданий, мотивы вступления в брак, распределение бытовых обязанностей. К индивидуально-личностным факторам относятся интернальность, терпеливость, низкий уровень тревожности, отсутствие выраженных акцентуаций характера.

На основе полученных данных представляется возможным разработать программу для работы с теми аспектами, которые представляют угрозу будущему союзу, для повышения психологического благополучия будущей семьи. Это поможет исключить формирование эмоционального выгорания партнёров из-за проблем брака. Программа может быть направлена на развитие навыков, позволяющих паре регулировать конфликты, через обучение конструктивным моделям их разрешения и учёта личностных особенностей друг друга.

Литература:

1. Власова, М. Д. Факторы психологического благополучия семьи / М. Д. Власова // Молодой ученый. – 2019. – № 49(287). – С. 545-547. – EDN XYPDBE.
2. Дубовских, О. В. Влияние образа семьи супругов на их удовлетворенность браком / О. В. Дубовских, С. В. Ильинский // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2015. – № 1(17). – С. 138-151. – EDN ULYAEP.
3. Ильинский, С. В. Факторы психологического благополучия семьи / С. В. Ильинский // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2017. – № 1(21). – С. 76-92. – EDN YLDERB.
4. Змановская, Е. В. Психологические детерминанты деструктивных супружеских конфликтов в условиях кризиса института семьи и брака / Е. В. Змановская, Т. Е. Карташова // Вестник психотерапии. – 2013. – № 45(50). – С. 62-75. – EDN PXUQCX.
5. Мухаметрахимова, С. Д. Личностные особенности супругов как фактор удовлетворенности браком / С. Д. Мухаметрахимова, Л. В. Лямина // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 61-1. – С. 403-405. – EDN VPJQQX.
6. Танатова, Д. К. Благополучие российской семьи в самооценках населения / Д. К. Танатова, И. В. Королёв // Уровень жизни населения регионов России. – 2025. – Т. 21, № 1. – С. 100-111. – DOI 10.52180/1999-9836_2025_21_1_7_100_111. – EDN YIKMUS.
7. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Социально-экономическое положение России, январь-март 2025 года [Электронный ресурс]. М., 2025.

URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-03-2025.pdf> (дата обращения: 20.11.2025) С. 311.

8. Якиманская, И. С. Удовлетворенность браком, особенности личности супругов и выбор стратегий выхода из семейных конфликтов / И. С. Якиманская // Психолог. – 2024. – № 1. – С. 39-46. – DOI 10.25136/2409-8701.2024.1.69585. – EDN UATG

УДК 159.9

ОСНОВНЫЕ СТРЕССОРЫ СТУДЕНТОВ ВО ВРЕМЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СЕССИИ

*Сошникова Елизавета Евгеньевна**Студент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь**Научный руководитель**Кадышева Людмила Борисовна**Кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу академического стресса в студенческой среде, вызванного высокой учебной нагрузкой и экзаменационным напряжением. Классифицируются внешние (приближение сессии) и внутренние (страх перед будущим) стрессоры. Основное внимание уделено взаимосвязи выбора копинг-стратегий с индивидуальными особенностями личности, такими как уровень самоотношения и акцентуации характера. Продуктивные стратегии, прежде всего планирование решения проблемы, положительно коррелируют с успешностью, а непродуктивные (избегание, самообвинение) — отрицательно. Обосновывается необходимость персонализированного подхода в психологической поддержке для развития самоконтроля и планирования.

Ключевые слова: академический стресс, экзаменационный стресс, стрессоры, копинг-стратегии, копинг.

MAJOR STRESSORS FOR STUDENTS DURING THE ACADEMIC SESSION

*Soshnikova Elizaveta Evgenievna**Student of the Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol**Scientific supervisor**Kadysheva Lyudmila Borisovna**Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor**Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol*

Abstract. The article is devoted to the analysis of academic stress among university students caused by a high workload and examination pressure. External stressors (approaching exams) and internal stressors (fear of the future) are classified. The main focus is on the relationship between the choice of coping strategies and individual personality traits, such as the level of self-attitude and character accentuation. Productive strategies, primarily problem-solving planning, are positively correlated with academic success, whereas unproductive strategies (avoidance, self-blame) are negatively correlated. The study emphasizes the need for a personalized approach in psychological support to develop self-control and planning skills.

Keywords: academic stress, examination stress, stressors, coping strategies, coping.

Постановка проблемы. Проблема академического стресса в студенческой среде значима из-за высокой интенсивности учебной нагрузки и требовательности образовательных стандартов. Постоянное психоэмоциональное напряжение способно приводить к дезадаптации и негативным психофизиологическим последствиям. Эффективность преодоления стресса (копинг-стратегии) критически зависит от способности индивида адекватно реагировать на требования среды, при этом зрелые механизмы совладания выступают защитными факторами против общего психологического неблагополучия. Анализ взаимосвязи между структурой стрессоров, индивидуальными особенностями личности и выбором копинг-стратегий необходим для разработки эффективных профилактических мер.

Цель статьи: анализ структуры академических стрессоров, с которыми сталкиваются студенты во время сессии, а также систематизация и выявление взаимосвязи между индивидуально-личностными особенностями студентов (включая самоотношение, тип акцентуации и личностные факторы) и выбором ими продуктивных и непродуктивных копинг-стратегий для обоснования эффективных профилактических мер.

Изложение основного материала исследования.

Понятийный аппарат исследования опирается на несколько ключевых терминов. «Копинг», или «совладающее поведение», определяется как постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие способы преодоления требований среды, которые оцениваются как значительные или превосходящие возможности человека. «Академические стрессоры» — факторы, вызывающие психоэмоциональное напряжение. Они подразделяются на внешние (например, приближение сессии) и внутренние (например, страх перед будущим). Центральным личностным предиктором в выборе стратегий выступает уровень самоотношения – эмоционально-ценностное отношение к себе. В зависимости от характера воздействия выделяются продуктивные (проблемно-

ориентированные) и непродуктивные (эмоционально-ориентированные или избегание) стратегии. Экзаменационный стресс является следствием информационной и эмоциональной перегрузки [3].

На психологическом уровне стресс проявляется в повышенной тревожности, ослаблении самоконтроля и преобладании мотивации избегания. Установлено, что высокий уровень стресса во время сессии статистически значимо выше у левшей по сравнению с правшами. Левши чаще выбирают непродуктивные эмоциональные стратегии (60%) (например, «подавление эмоций»), тогда как правши предпочитают относительно-продуктивные (75%) [1].

Эффективные копинг-стратегии условно делятся на проблемно-ориентированные (продуктивные) и эмоционально-ориентированные. Студенты демонстрируют склонность к использованию конструктивного стиля совладания. Продуктивные стратегии, такие как «планирование решения проблемы», «активное совладание» и «позитивная переоценка», положительно коррелируют с субъективным благополучием. «Подготовка к экзаменам» является наиболее продуктивным способом, имеющим положительную корреляцию с успешностью сдачи экзамена. Планомерное решение проблемы является центральным узлом, инициирующим адаптивный путь, который ведет к позитивной переоценке затруднений, активизирует толерантность к неопределенности и способствует снижению общей оценочной тревожности [3; 6].

Непродуктивные стратегии («бегство – избегание», «самообвинение», «принятие ответственности» в случае чрезмерной самокритики) отрицательно связаны с психологическим благополучием и могут способствовать развитию тревоги и депрессии. Стратегии, ориентированные на делегирование ответственности внешним силам («надежда на везение и удачу», «выполнение религиозных обрядов»), отрицательно коррелируют с успешностью сдачи сессии [8].

Выбор копинг-стратегии строго детерминирован личностным профилем студента. Акцентуация характера приводит к выбору, который отражает индивидуальные особенности. Например, студенты с аффективно-экзальтированной акцентуацией более склонны принимать на себя ответственность. Личностные факторы (по Р. Кеттеллу): способность к «планированию решения проблемы» положительно связана с высоким интеллектом («В»). Стратегия «бегство – избегание» положительно коррелирует с беспечностью («F») и сильной фрустрацией («Q4») [7; 5].

Уровень самоотношения является ключевым предиктором. Студенты с высоким уровнем самоотношения чаще выбирают стратегию «планирование решений»; низкий уровень самоотношения связан со склонностью к неоправданной самокритике («принятие

ответственности») и «бегству/избеганию». Тип «прагматики» характеризуется конструктивными копингами: «самоконтроль» и «планирование решения проблемы» [2, 5]. Специфика представлений о будущей профессиональной деятельности также влияет: положительные представления о профессии связаны с продуктивным копингом и планированием [4]. Гендерные различия проявляются в том, что юноши чаще используют позитивные поведенческие стратегии (контроль над ситуацией), а девушки — эмоциональные (поиск социальной поддержки, избегание).

Выводы. Академическая сессия является мощным и комплексным стрессором. Эффективное совладание основано на использовании проблемно-ориентированных стратегий, таких как планирование и активная подготовка, которые способствуют снижению тревожности и повышению толерантности к неопределенности. Эффективность преодоления экзаменационных стрессоров определяется соответствием копинг-стратегий индивидуально-личностным особенностям студента. Высокий уровень самоотношения и конструктивный личностный потенциал связаны с выбором планирования и самоконтроля. Низкое самоотношение или импульсивность коррелируют с непродуктивными стратегиями (избеганием, самообвинением, конфронтацией). Это указывает на необходимость персонализированного подхода в психологической поддержке, направленного на развитие самоконтроля и планирования, особенно для студентов, предрасположенных к дезадаптивным формам поведения.

Литература:

1. Авчинникова, Д. А. Переживание экзаменационного стресса студентами с разными типами межполушарной асимметрии / Д. А. Авчинникова, С. О. Авчинникова // Научно-педагогическое обозрение. – 2017. – № 4(18). – С. 40-46. – DOI 10.23951/2307-6127-2017-4-40-46. – EDN ZSQFBT.
2. Баландина, Л. Л. Копинг-стратегии в связи с самоотношением студентов / Л. Л. Баландина, А. А. Панькова // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2021. – № 1. – С. 63-71. – DOI 10.24412/2308-717X-2021-1-63-71. – EDN TWQEAT.
3. Изучение стрессоустойчивости студентов в учебной деятельности / Е. Г. Зуйкова, Т. В. Бушма, А. Ю. Липовка, В. П. Липовка // Здоровье - основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2019. – Т. 14, № 2. – С. 759-765. – EDN SKKMCH.
4. Изучение стрессоустойчивости студентов в учебной деятельности / Е. Г. Зуйкова, Т. В. Бушма, А. Ю. Липовка, В. П. Липовка // Здоровье - основа человеческого

потенциала: проблемы и пути их решения. – 2019. – Т. 14, № 2. – С. 759-765. – EDN СККМСН.

5. Матяш, Н. В. Влияние психологических характеристик личностного потенциала на выбор стратегий поведения студентами вуза / Н. В. Матяш, Ю. В. Ерещенко, И. В. Дробышевская // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2017. – Т. 12, № 2. – С. 66-74. – DOI 10.21209/2542-0089-2017-12-2-66-74. – EDN YPBUTP.

6. Оленникова, М. В. Копинг-стратегии студентов в ситуации экзамена / М. В. Оленникова // Вопросы методики преподавания в вузе: ежегодный сборник. – 2015. – № 4(18). – С. 75-83. – EDN VBJXZF.

7. Разуваева, Т. Н. Особенности копинг-стратегий у студентов с разным типом акцентуации характера / Т. Н. Разуваева, М.А. Чуйкова, К. Е. Маслова // Коллекция гуманитарных исследований. – 2021. – № 1 (26). – [https://doi.org/10.21626/j-chr/2021-1\(26\)/2](https://doi.org/10.21626/j-chr/2021-1(26)/2)

УДК 159.9.072.43

ЖИЗНЕННЫЙ УСПЕХ В МОЛОДЕЖНОМ СОЗНАНИИ***Тесленко Александр Николаевич****доктор педагогических наук (РК), доктор социологических наук (РФ), профессор**Кокшетауский университет им. А.Мырзахметова**Центр ювенологических исследований**г.Астана, Казахстан*

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы успешности молодежи в условиях потребительского общества и цифровой социализации. Цель исследования заключается в выявлении представлений студенческой молодежи о жизненном успехе. Анализ основных объективных и субъективных факторов, детерминирующих представления молодежи о жизненном успехе и способах его достижения, выявил зависимость от доминирующего вида деятельности. Представлены социализационные траектории казахстанской молодежи и стилевые особенности стратегии их реализации. В результате конструирования социализационных траекторий построения жизненного успеха вырисовываются четыре социотипа, различающихся между собой по: ценностным ориентациям, социальным ценностям, восприятию стандартов жизни, степени активности / пассивности жизненных установок. Социальные типы, условно обозначенные «отстающие», «догоняющие», «идушие» и «бегущие» – это четыре социотипа, для кого-то вынужденной, для кого-то сознательно практикуемой стратегии реализации социализационной траектории.

Ключевые слова: поколение Z («зуммеры»), молодежь, жизненный успех, успешность, индивидуализм, стратегии социализационной траектории.

LIFE SUCCESS IN THE CONSCIOUSNESS OF YOUTH***Teslenko Aleksandr Nikolaevich****Doctor of Pedagogical Sciences (RK), Doctor of Sociological Sciences (RF), Professor**A. Myrzakhmetov Kokshetau University**Center for Juvenile Studies**Astana, Kazakhstan*

Abstract. This article examines the issue of youth success in a consumer society and digital socialization. The purpose of the study is to identify student youth's perceptions of success in life. An analysis of the main objective and subjective factors determining youth's perceptions of success in life and the ways to achieve it revealed a dependence on the dominant activity. The socialization trajectories of Kazakhstani youth and the stylistic features of their implementation strategies are presented. As a result of constructing socialization trajectories for

building life success, four sociotypes emerge, differing in: value orientations, social values, perception of living standards, and the degree of activity/passivity in life attitudes. Social types, conventionally designated as «laggards», «catchers», «goers» and «runners», represent four sociotypes, for some a forced, for others a consciously practiced strategy for realizing a socialization trajectory.

Keywords: Generation Z («zoomers»), youth, life success, success, individualism, socialization trajectory strategies.

Постановка проблемы. Современный человек погружен в постоянное соревнование с самим собой в стремлении превзойти ранее достигнутый уровень исполнения, оригинально решить возникшую проблему. Термин «успешность» является одним из самых распространённых в дискурсе современного казахстанского общества, ориентированного на западную модель развития, где об успешной личности судят в контексте материального благополучия, прагматизма и индивидуализма.

Не смотря на социальную значимость проблемы жизненного успеха и социальной успешности остаётся недостаточно изученной в гуманитарных науках [3, с.62]. Ситуация усугубляется тем, что поколение Z (зумеры), родившееся в новом тысячелетии (2000-2015 гг.), подобно «подросткам смутного времени» Ф.М. Достоевского столкнулось с кардинальной модернизацией всех сторон общественной жизни, разрушением казавшимися незыблемыми традициями, взглядами представления о жизненных целях и способах их достижения. На долю этого поколения выпали два с половиной года социальной изоляции, пропаганды страха и ограничений в период пандемии COVID-19. Как и герой Достоевского в романе «Подросток», зумеры стремятся обеспечить себе абсолютную независимость от общества («Личная свобода, то есть моя собственная - с, ...а дальше знать ничего не хочу»).

Молодые люди в возрасте от 14 до 27 лет включительно – часть населения, сознание которой особо уязвимо в эпоху трансформации и кризисов. В условиях, когда современная социокультурная обстановка ориентирует молодежь на мобильность, престижность, успех возникают морально-нравственные проблемы, связанные с недостаточным жизненным опытом и психофизическим дисбалансом. Наличие «взрослых» потребностей и желаний натывается на отсутствие адекватных средств их удовлетворения [1].

Цель нашего исследования: выявить особенности представлений об успехе и успешности у молодых казахстанцев как типичных представителей поколения Z [2].

Рабочая гипотеза исследования строилась на предположении о том, что представления о жизненном успехе поколения «зумеров» зависят от уровня социализации и ведущей деятельности. С целью повышения репрезентативности данных были выделены кластерные группы – учащаяся, студенческая и работающая молодежь. Основным методом исследования являлся социологический опрос (n=150), дополнено серией глубинных интервью.

Изложение основных результатов исследования. Анализ представлений молодежи о жизненном успехе и способах его достижения выявил наличие объективных и субъективных факторов. Не смотря на «моральную панику» в общественном мнении по поводу молодого поколения, в ходе исследования выявлена определенная преемственность ценностных ориентиров «зумеров» со страшим поколением. Семья, как показывают данные исследования, является основным условием социальной успешности и рассматривается как главный критерий успеха, к которому другие критерии могут присоединяться с разной степенью частоты.

Другим важным критерием успешности в молодежном сознании является высокий доход, который для молодых людей более значим чем интересная, любимая работа. Профессиональная самореализация («стать мастером своего дела») отмечается у школьников, студентов и работающей молодежи в два раза реже, чем высокий заработок. На основании этих данных можно констатировать, что прагматическая ориентация поколения достаточно устойчива. Прагматизм ориентирует все группы «зумеров» на личностные качества, которые позволят интегрировать в мир жестких рациональных правил. Однако отличия все-таки есть, так для школьников важны дружеские компании как важный критерий жизненного успеха – 49% школьников, тогда как в группе студентов и работающей молодежи лишь 27,7% и 23,7 % соответственно. Для студентов более значимой становится сферы личной жизни, прежде всего, в удовлетворенности в интимной жизни, любви. Поиск достижения гармонии в отношениях с противоположенным полом выбрали 20% респондентов (для сравнения, в группе учащейся молодежи это 11%, в группе работающей молодежи – 9%). Жизненный успех в представлениях работающей молодежи – это семья, брачные отношения, дети, с одной стороны, и с другой – личное и семейное благополучие. Причем выбор материального благополучия более характерен для выходцев из малообеспеченных семей, которые отмечают этот критерий в два раза чаще, чем среднеобеспеченные и хорошо обеспеченные.

Ведущую роль в персонификации личных достижений играет личная стратегия, ориентированная на достижения уже успешных людей. В соответствии с этим успех имеет

подражательный характер – воспроизводит модель успеха других людей из своей референтной группы (родители, знакомые, друзья и т.п.).

Интересные результаты дает гендерный анализ данных, детерминирующих представления молодежи о жизненном успехе. Наше исследование подтверждает глобальные тенденции размывания представлений о традиционно «женских» и «мужских» ролях. Так, критерий «иметь счастливую семью, детей» одинаково ценен и для девушек (74%), и для юношей (68%). Еще большее сближение наблюдается по критериям «быть независимым, свободным» (20% / 22%), «наличие своего дела, бизнеса» (18% / 20%), и «высокий заработок» (47% и у девушек, и у юношей). Однако, если успех в жизни юношей является самоутверждение, предполагающее положительную оценку достижений социальным окружением, социальным признанием (его отмечают 11, 2% юношей, девушки – в два раза меньше), то для девушек – душевное равновесие, гармония (его отмечают 17,2% опрошенных девушек и 10,7% опрошенных юношей).

Что касается средств достижения жизненного успеха, то респонденты показывают также единодушие в выборе таких способов как образование, профессионализм, упорная работа, труд, здесь также интересно отметить зависимость. Если «случай» как способ достижения успеха рассматривают 40% молодых людей из малообеспеченных семей (против 21% среднеобеспеченной и 12% хорошо обеспеченной молодежи), то выходцы из среднеобеспеченных и хорошо обеспеченных семей ориентированы на личностные качества, личные усилия при достижении успеха в жизни. Налицо доминирование западных индивидуалистических ценностей в молодежном сознании: профессионализма, предприимчивости, свободы выбора, независимости, уверенности, благополучия.

Ценность образования как условия жизненного успеха с возрастом снижается: 81% школьники, 74% студенты и 56% работающая молодежи. Обратная тенденция наблюдается при анализе критерия «упорно трудиться, работать» как эффективного способа достижения успеха: 43% школьников, 46% студентов и 56% работающей молодежи. Наблюдается тенденция перехода от «традиционных» способов достижения успеха к «молодежным»: блогерство, дизайн, фриланс и т.п. Поколение «зуммеров» больше ориентируется на поддержку друзей, чем протекцию влиятельных родственников и их знакомых (менее 12%). На смену патерналистским и в какой-то мере инфантилистским настроениям приходит осознание необходимости, прежде всего, личностных усилий в достижении успеха. Обращает на себя внимание мнение «зумеров» всех возрастных групп, что для достижения успеха в жизни применим любой способ хорош. В ходе глубинных интервью высказывалось мнение о возможности участия в «разводе» стариков, мошеннических схемах. Все это свидетельствует о глубоких

изменениях ценностно-мотивационной сферы современной молодежи относительно жизненного успеха. В системе ценностей поколения Z существуют такие полярные ценности как добро и зло, свобода и зависимость, правда и ложь, красота и безобразие.

Выводы. В современных условиях молодые казахстанцы посредством проб и ошибок пытается самостоятельно определить (не требующих энергетических затрат) приемы, тактики и стратегии социальной интеграции. В результате конструирования социализационных траекторий построения жизненного успеха, на наш взгляд, вырисовываются получить четыре социотипа, различающихся между собой по: ценностным ориентациям, социальным ценностям, восприятию стандартов жизни, степени активности / пассивности жизненных установок. Социальные типы, условно обозначенные «отстающие», «догоняющие», «идущие» и «бегущие» – это четыре социотипа, для кого-то вынужденной, для кого-то сознательно практикуемой стратегии реализации социализационной траектории.

Отличие социальных групп «бегущих» и «догоняющих» от «отстающих» и «идущих» демонстрирует глубокую трансформацию индивидуальных ценностей и образа жизни молодого поколения, что в конечные итоги отражает тенденцию перехода от модели «личность как объект социализации» к модели «личность как субъект социализации». Первая стратегия жизненного успеха («отстающие» и «идущие») стремится к постепенной, пошаговой реализации жизненных планов., а вторая («бегущие» и «догоняющие») – строят амбиционные планы, не боятся рисковать и рационально выстраивают свою карьеру. Стратегия прагматика – чуть ли не единственно оптимальная, что означает высокую вероятность того, что новые поколения прагматиков вынуждены будут продолжить модернизацию казахстанского общества в прозападном направлении.

Литература:

1. Тесленко, А.Н. Культурная социализация молодежи: Казахская модель: монография / А.Н. Тесленко. – Саратов-Астана : Изд-во Акм.ЦНТИ, 2007. – 370 с.
2. Howe, N. Millennials Rising: The Next Great Generation / N.Howe, W.Strauss. – N.Y. : Knopf Doubleday Publishing Group, 2000. - 398 p.
3. Реутов, Е.В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции / Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, И.В. Шавырина // Социологические исследования. – 2020. – № 6. – С. 61–71. – DOI: 10.31857/S013216250009480-1

УДК 159.9.07

**ВЛИЯНИЕ БИЛИНГВИЗМА НА УРОВЕНЬ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ СЕВГУ)**

Торопова Жанна Валерьевна

Магистрант кафедры «Психология»

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

г. Севастополь

Научный руководитель

Косцова Мария Викторовна

кандидат психологических наук, доцент

доцент кафедры «Психология»

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

г. Севастополь

Аннотация. Таким образом, можно констатировать, что у иностранных студентов выделены следующие показатели стрессоустойчивости: низкий уровень стресса, высокий показатель личностной ресурсности и копинг – поведение, направленное на решение задач. Современный человек живёт в условиях многоязычной среды, где владение двумя и более языками становится не только инструментом коммуникации, но и важным условием успешной социализации. В этой связи билингвизм можно рассматривать как значимый личностный ресурс, оказывающий влияние на когнитивные процессы, эмоциональную регуляцию и стрессоустойчивость.

Ключевые слова: билингвы, монолингвы, иностранные студенты, стрессоустойчивость.

**THE IMPACT OF BILINGUALISM ON THE LEVEL OF STRESS RESISTANCE
IN STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF FOREIGN STUDENTS AT SEVGU)**

Toropova Zhanna Valerievna

Master's student in the Department of Psychology

Sevastopol State University

Sevastopol

Scientific supervisor

Kossova Maria Viktorovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Associate Professor of the Department of Psychology

Sevastopol State University

Abstract. it can be stated that foreign students demonstrate the following indicators of stress resistance: low stress level, high personal resourcefulness, and coping behavior aimed at problem-solving. Modern humans live in multilingual environments, where proficiency in two or more languages becomes not only a communication tool but also an essential condition for successful socialization. In this regard, bilingualism can be considered as a significant personal resource influencing cognitive processes, emotional regulation, and stress resistance.

Keywords: bilinguals, monolinguals, foreign students, stress resistance.

Постановка проблемы. В современном обществе отчетливо проявляются процессы глобализации, международной интеграции, стремительного развития цифровых и медийных коммуникаций, возрастания мобильности населения и масштабных миграционных потоков, что формирует интернациональность всех социально-экономических и политических процессов.

В том числе, межкультурная коммуникация стала частью образования: тысячи иностранных студентов получают высшее образование в России, что формирует межнациональное пространство в процессе обучения в высшей школе [1; 2; 3; 4; 5].

В Севастопольском государственном университете учатся иностранные студенты из 30 стран мира. «На начало 2025 года — численность обучающихся в СевГУ иностранных граждан составляет около 600 человек», — сообщили ТАСС в пресс-службе вуза. В университете есть студенты из Европы (Федеративная Республика Германия, Французская Республика); крупных стран Азии — Китайской Народной Республики, Республики Индия; граждане Ближнего Востока (Сирийская Арабская Республика, Республика Ирак, Исламская Республика Иран), из 16 стран Африки, в том числе приехавшие из Марокко, Туниса, Египта, ЮАР.

Есть даже представители южноамериканского континента — Республики Колумбия». Обучаются граждане 11 стран постсоветского пространства, включая Украину, Молдову, Азербайджан. Студенты адаптируются к вузу и к жизни в г. Севастополе.

Цель статьи - выделить специфику стрессоустойчивости у иностранных студентов, обучающихся в СевГУ.

Для выявления специфики стрессоустойчивости у студентов вуза, были использованы: 1) методика «Шкала психологического стресса PSM-25» (Р. Лемура, Л. Тесье, Л. Филлиона в адаптации Н. Е. Водопьяновой);

2) тест «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (Д.Ф. Эндлер, М.И. Паркер в адаптации Т.А.Крюковой);

3) опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» (Н. Е. Водопьянова, М. Штейн).

Исследование проводилось на базе «Севастопольского государственного университета» на базе Института фундаментальной медицина и здоровьесбережения (направление «Лечебное дело») в течение 2025 г. В нем приняли иностранные студенты из Нигерии и Колумбии в количестве 8 человек: средний возраст участников – 18,5 лет.

Будущие врачи свободно владеют несколькими языками: английским, французским, игбо (африканский язык, входящий в группу ква нигеро-конголезской подсемьи конго-кордофанской семьи), игала (язык народа игала в Нигерии, относится к йорубоидной ветви бенуэ-конголезской семьи).

По результатам проведения методик «Шкала психологического стресса» (PSM-25), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» и Опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» были получены следующие данные.

По опроснику «Шкала психологического стресса» (PSM-25): интегральный показатель психической напряженности (ППН) в группе испытуемых имеет низкие значения (62,5%) - низкий уровень стресса, состояние психологической адаптированности к рабочим нагрузкам, и средние значения (37,5%) – средний уровень стресса (Рис. 1).

По методике «Потери и приобретения персональных ресурсов»: у половины испытуемых (50%), индекс ресурсности (ИР), находится в средних значениях, у 37,5 % - в высоких значениях (чем выше ИР, тем больше адаптационный потенциал личности), 12,5% испытуемых имеют низкий уровень ИР (Рис. 1).

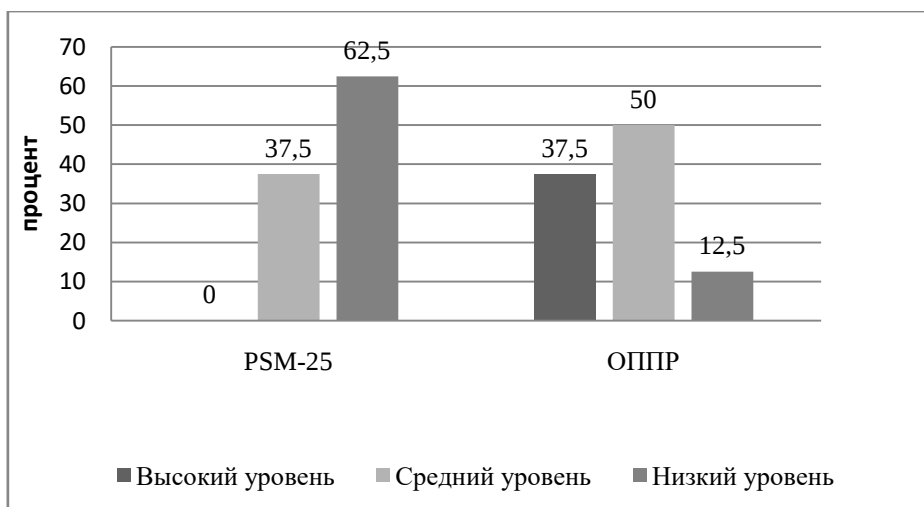

Рисунок 1 - Данные методик «Шкала психологического стресса» (PSM-25), «Потери и приобретения персональных ресурсов»

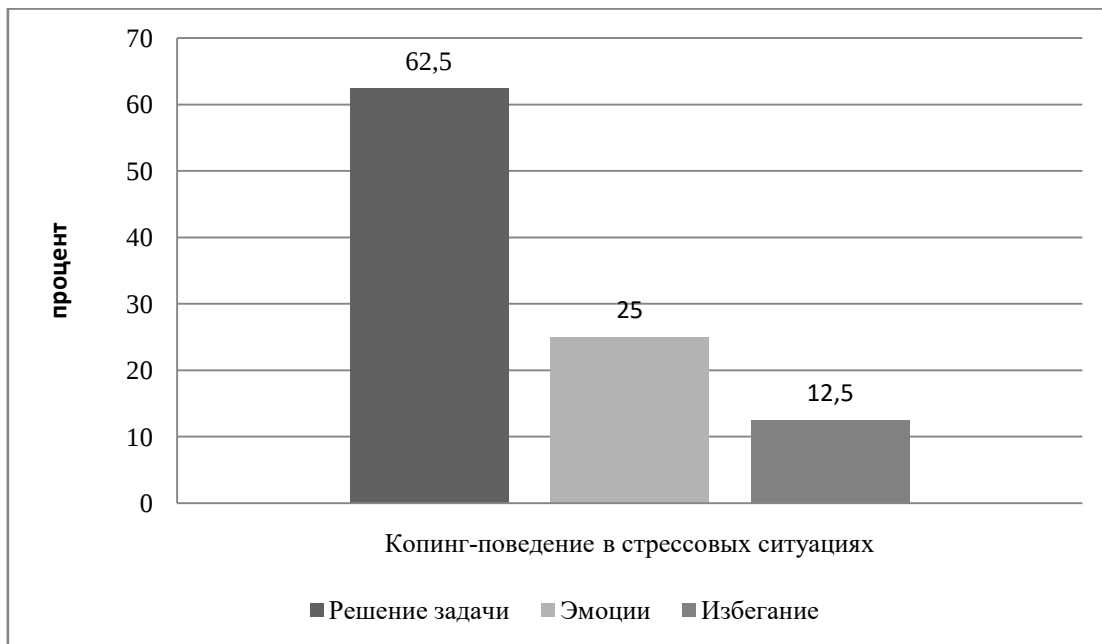

Рисунок 2 - Данные методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях»

По методике «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях»: у 62,5% испытуемых преобладает копинг-стратегия «Решение задачи», у 25% испытуемых преобладает копинг-стратегия «Избегание» и у 12,5% испытуемых преобладает копинг-стратегия «Эмоции». (Рис. 2)

Таким образом, можно констатировать, что у иностранных студентов выделены следующие показатели стрессоустойчивости: низкий уровень стресса, высокий показатель личностной ресурсности и копинг – поведение, направленное на решение задач.

Современный человек живёт в условиях многоязычной среды, где владение двумя и более языками становится не только инструментом коммуникации, но и важным условием успешной социализации. В этой связи билингвизм можно рассматривать как значимый личностный ресурс, оказывающий влияние на когнитивные процессы, эмоциональную регуляцию и стрессоустойчивость.

Можно отметить, что международная академическая мобильность студентов как инструмент получения профессии, может носить еще и функцию более широкую – социализации, а если конкретнее – повышать уровень стрессоустойчивости.

Литература:

1. Еременко, Д. В. Специфика стрессоустойчивости у монолингвов / билингвов / Д. В. Еременко, А. Е. Гришина // Современные тенденции психологических исследований : материалы II Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Севастополь, 17 мая 2024 года. – Севастополь: Федеральное государственное автономное

образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет», 2024. – С. 259-266. – EDN RCUOVH.

2. Еременко, Д. В. Билингвизм как социально-психологическая проблема / Д. В. Еременко, А. Е. Гришина // Проблемы и перспективы психологической науки в России : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Севастополь, 22 марта 2024 года. – Севастополь: Севастопольский экономико - гуманитарного институт (филиала) ФГАОУ ВО «Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского», 2024. – С. 14-21.

3. Сошникова, А. В. Повышение стрессоустойчивости у молодежи с НОДА / А. В. Сошникова // Проблемы и перспективы психологической науки в России : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Севастополь, 22 марта 2024 года. – Севастополь: Севастопольский экономико - гуманитарного институт (филиала) ФГАОУ ВО «Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского», 2024. – С. 127-134.

4. Специфика копинг - стратегий у студентов - психологов с разным типом темперамента / М. В. Косцова, А. В. Гришина, Л. В. Чунихина, Я. Н. Кобец // Modern Science. – 2021. – № 3-2. – С. 429-437. – EDN VSWWNG.

5. Косцова, М. В. Специфика целеполагания студентов - будущих переводчиков / М. В. Косцова, А. В. Гришина, В. А. Быстрыков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 4(56). – С. 327-333. – EDN FGHVJE.

УДК 159.9.07

ПЕРЕЖИВАНИЕ АУТОАГРЕССИИ У ТВОРЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ***Харькова Мирослава Владимировна****магистрант**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный**университет»**г. Томск****Подойницина Мария Анатольевна****кандидат психологических наук, доцент,**доцент кафедры общей и педагогической психологии**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный**университет»**г. Томск*

Аннотация. В статье представлены результаты феноменологического исследования аутоагрессивного поведения у творческих личностей. На основе анализа полустандартизированных интервью респондентов выявлено, что аутоагрессия и творчество выполняют схожую функцию эмоциональной регуляции, выступая соответственно деструктивным и конструктивным способами совладания с интенсивными переживаниями. Особенно важным является выявление связи между аутоагрессией и творческими проявлениями как деструктивным и конструктивным способами эмоциональной регуляции. Эти данные могут быть использованы и в качестве ресурсного подхода в терапии: творческая деятельность рассматривается как способ безопасного выражения внутренних переживаний, на основе которого, клиент с помощью психотерапевта сможет выстроить внутреннюю опору и сформировать альтернативные способы совладания с эмоциональной болью.

Ключевые слова: аутоагрессия, самоповреждающее поведение, творческая личность, эмоциональная регуляция, феноменологический анализ, психологическая помощь.

EXPERIENCE OF AUTOAGGRESSION IN CREATIVE PERSONALITIES***Kharhkova Miroslava Vladimirovna****Master's Student**National Research Tomsk State University**Tomsk****Podoinitsina Maria Anatolievna****Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor*

*Associate Professor of the Department of General and Educational Psychology
National Research Tomsk State University
Tomsk*

Abstract. The article presents the results of a phenomenological study of autoaggressive behavior in creative individuals. Analysis of semi-structured interviews revealed that autoaggression and creativity serve a similar function of emotional regulation, acting as destructive and constructive ways of coping with intense experiences, respectively. It is especially important to identify the connection between auto-aggression and creative manifestations as destructive and constructive methods of emotional regulation. The practical significance of the work lies in the potential use of creative activities within the resource approach in psychotherapy to form alternative coping strategies.

Keywords: autoaggression, self-injurious behavior, creative personality, emotional regulation, phenomenological analysis, psychological assistance.

Постановка проблемы. В условиях современного общества, где стремительное развитие технологий и культурных трендов создает новые возможности для самореализации, изучение творчества становится актуальным. Особенно это касается молодежи, находящейся на этапе формирования своей идентичности и жизненных ориентиров. В этом контексте, творческая деятельность выступает неотъемлемым элементом образования, профессионализации и личностного становления. Креативные люди особенно склонны к рефлексии и познанию себя. Прогресс не стоит на месте, и появляется все больше способов реализации себя и своих идей, что способствует творческому процессу, приводит к развитию и самосовершенствованию. Но также может стать и причиной тревожности, депрессивности, неудовлетворенности в результате и, как следствие, деструктивному поведению. В современном мире, в эпоху цифровизации, активного поиска себя, молодые люди подвержены стрессу, а в силу своей незрелости не всегда способны рационально оценивать ситуацию и справляться с трудностями конструктивными способами [4].

В настоящее время существует дефицит качественных исследований, направленных на изучение опыта аутоагрессии у молодежи. Как правило, феномен изучается как симптом клинических заболеваний, однако, нашей целью является уточнение связи аутоагрессивных проявлений с личностными и характерологическими особенностями вне клинического контекста [3].

Цель статьи. Выявить специфические характеристики аутоагрессивного поведения у творческих личностей.

Изложение основного материала исследования. Для глубинного изучения феномена аутоагрессии был выбран феноменологический анализ, позволяющий выявить смыслы самоповреждающего поведения через личный опыт, что невозможно в рамках статистического подхода [2].

В исследовании рассматривались 2 случая. Первый респондент (далее респондент М) — девушка 21 год, студент, обучается дизайну, увлекается рисованием. Второй респондент (далее респондент Н) — девушка, 21 год — студент педагогического университета, увлекающаяся рисованием и игрой на музыкальных инструментах (не имеет профессионального творческого образования).

Этапы исследования:

1. Поиск респондентов. Осуществлялся путем использования интернет-ресурсов. Объявление с поиском респондентов, подходящим по критериям отбора, с целью исследования было опубликовано в нескольких учебных чатах.

2. Отбор респондентов, с целью уточнения соответствия условиям исследования. К необходимым условиям относились: достижение возраста совершеннолетия и нахождение респондента в ремиссии (отсутствие аутоагрессивного поведения в настоящее время). Также респондентам был задан ряд вопросов, определяющих их соответствие выделенным нами путем теоретического анализа критериям творческой личности [1].

3. Личная встреча с респондентами - сбор данных с использованием метода полустандартизированного интервью.

4. Стенографирование данных.

5. Анализ полученных результатов.

Субфеномены, которые были выделены у первого респондента: аутоагрессивное поведение как доступный способ переживания эмоций; аутоагрессия как когнитивная стратегия; аутоагрессия как источник спокойствия; аутоагрессия как осознанное продумывание действий; аутоагрессия как следствие ощущения неадекватного уровня ответственности; аутоагрессия как стремление к комфорту и отстранению от собственных мыслей; жалость к себе из-за невозможности изменить поведение; стыд за самоповреждения. Субфеномены, представленные у второго респондента: аутоагрессия как эмоциональное замещение; стыд за аутоагрессивное поведение; аутоагрессия как привычка; аутоагрессия как замкнутый круг; недоверие к себе.

В 2023 и 2024 году нами были проведены исследования особенностей аутоагрессивного поведения у молодежи. Это позволило лучше разобраться в феномене и выделить его некоторые отличительные черты:

1. Аутоагрессивные действия напрямую связаны с эмоциональной жизнью человека.
2. Повреждающее поведение взаимосвязано с желанием контроля.
3. Аутоагрессия становится привычкой для человека и без постоянного ощущения боли жизнь не ощущается реальной.

Можно заметить, что некоторые представленные особенности также выделяются у обоих респондентов. Так, например, связь аутоагрессивного поведения с эмоциональными переживаниями. Оба респондента описывают стремление улучшения своего эмоционального состояния через самоповреждения. Парадоксально, что, стремясь облегчить переживания, респонденты приходили к тому, что само аутоагрессивное поведение становилось источником негативных эмоций (таких как стыд или жалость к себе).

Также важным аспектом оказалась и творческая составляющая личности респондентов. Так, респондент М через творчество выражает свои внутренние переживания. Особенно часто описывая ощущение успокоения и состояние гармонии. Для респондента Н творчество помогает поддерживать позитивные эмоции и облегчить негативные.

Можно сказать, что творческая деятельность выполняет важную психологическую функцию в контексте переживания аутоагрессии. Она является не только способом самовыражения, но и эмоциональной регуляции. Оба респондента сублимировали эмоции в творчестве, и это приносило им удовлетворение. Однако, не все переживания удавалось пережить конструктивными способами. И творчество, и причинение себе боли является способом преодоления эмоций. Именно «преодоления», потому что зачастую респондентам неприятно испытывать негативные переживания, они вытесняют их, переключая свое внимание на другую деятельность, чтобы достичь спокойствия и на время отвлечься.

Обобщая вышесказанное, аутоагрессия и творчество выполняют для респондентов схожую функцию — регуляции внутреннего состояния. Индивидуальные особенности, такие как повышенное чувство ответственности, склонность к самообвинению и потребность в признании, оказывают значительное влияние на выбор стратегий совладания с переживаниями. Выводы, вынесенные из результатов анализа:

1. Аутоагрессивное поведение связано с необходимостью справиться с сильными переживаниями
2. Аутоагрессия и творчество имеют общую особенность, заключающуюся в потребности выражения эмоций и гармонизации психического состояния

3. Самоповреждающее поведение сопровождается чувством стыда
4. Аутоагрессия является деструктивным способом «побега» от реальности
5. Процесс самоповреждений является осознанным действием, которое перерастает в привычку

Полученные результаты могут быть использованы в консультативной и психотерапевтической работе с молодыми людьми, демонстрирующими аутоагрессивное поведение. Понимание аутоагрессии не только как симптома, но как многоуровневого личностного феномена, сопряженного с внутренними конфликтами, трудностями самовыражения и эмоциональной регуляцией, позволит специалисту выстраивать более точные стратегии психологической помощи.

Особенно важным является выявление связи между аутоагрессией и творческими проявлениями. Как деструктивного и конструктивного способа эмоциональной регуляции. Эти данные могут быть использованы и в качестве ресурсного подхода в терапии: творческая деятельность рассматривается как способ безопасного выражения внутренних переживаний, на основе которого, клиент с помощью психотерапевта сможет выстроить внутреннюю опору и сформировать альтернативные способы совладания с эмоциональной болью.

Кроме того, феноменологическое описание аутоагрессивного опыта, полученное в ходе интервью, может служить материалом для разработки диагностических опросников и методических рекомендаций для специалистов (практикующих психологов, социальных педагогов, педагогов-психологов), а также просветительских программ, направленных на повышение осведомленности о формах и особенностях аутоагрессии.

Литература:

1. Ильин, Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 448 с.
2. Лукьянов, О.В. Феноменологическая психология: учебное пособие / О.В. Лукьянов. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – 81 с.
3. Реан, А.А. Агрессия и агрессивность личности / А.А. Реан // Психологический журнал. – 1996. – Том 17. № 5. – С. 3-3.
4. Реан, А.А. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта: монография / А. А. Реан, И. А. Коновалов, М. А. Новикова, Д. В. Молчанова; под ред. А. А. Реана. – Санкт-Петербург : Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2021. – 296 с.

УДК 159.923.2

КОГНИТИВНАЯ ГОТОВНОСТЬ К ОБУЧЕНИЮ В ШКОЛЕ У ДОШКОЛЬНИКОВ

*Харченко Анастасия Викторовна**Студент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь**Научный руководитель**Пономаренко Ирина Львовна**Преподаватель кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ когнитивного компонента психологической готовности ребенка к школьному обучению. На основе культурно-исторического подхода Л.С. Выготского и концепций Д.Б. Эльконина раскрывается системная структура когнитивной готовности, включающая речевое развитие, сформированность произвольных форм внимания, памяти, мышления и предпосылок учебной деятельности. Особое внимание уделяется роли зоны ближайшего развития как ключевого критерия готовности и анализируются современные риски, связанные с влиянием цифровых технологий на когнитивное развитие дошкольников. Делается вывод о том, что основой успешной адаптации является не столько объем знаний, сколько сформированность произвольной регуляции и обучаемости ребенка.

Ключевые слова: психологическая готовность к школе, когнитивное развитие, дошкольники, произвольность психических процессов, учебная деятельность.

COGNITIVE READINESS FOR SCHOOLING IN PRESCHOOLERS

*Kharchenko Anastasia Viktorovna**Student of the Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol**Scientific supervisor**Ponomarenko Irina Lvovna**Lecturer of the Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol*

Abstract. The article considers the cognitive component as a key element of the structure of a child's psychological readiness for school. The main structural elements of cognitive readiness are analyzed: speech development, the formation of higher mental functions (attention, memory, thinking), as well as the presence of primary ideas and knowledge about the surrounding reality. The author emphasizes the systemic nature of cognitive readiness and its crucial role in successful adaptation to learning activities.

Keywords: psychological readiness for school, cognitive development, older preschoolers, arbitrariness of mental processes, educational activities.

Постановка проблемы. Несмотря на признание значимости когнитивной готовности, на практике возникает ряд системных противоречий. Во-первых, существует разрыв между теоретическим пониманием когнитивной готовности как сложного системного образования и её практическим сведением к узким дидактическим навыкам, таким как чтение, счёт и письмо. Это приводит к формальной подготовке, при которой у ребёнка могут отсутствовать важные предпосылки для учебной деятельности, такие как произвольность познавательных процессов и развитое понятийное мышление. Во-вторых, актуальной остаётся проблема школьной дезадаптации, непосредственной причиной которой часто является несформированность именно когнитивного компонента. Увеличение числа детей, испытывающих трудности в обучении, вызванные не низким интеллектом, а недостаточным развитием высших психических функций, свидетельствует о неэффективности существующих подходов к диагностике и развитию когнитивной сферы на этапе дошкольного детства. Таким образом, задача исследования заключается в том, чтобы выйти за рамки упрощённого понимания когнитивной готовности и обнаружить системные связи между её отдельными компонентами. Это необходимо для создания эффективных психолого-педагогических методов диагностики и развития.

Цель статьи. Целью данной статьи является теоретический анализ структуры и содержания когнитивного компонента психологической готовности к школе у детей старшего дошкольного возраста, а также определение ключевых направлений его формирования для профилактики школьной дезадаптации.

Изложение основного материала исследования. Проблема когнитивной готовности к школьному обучению занимает центральное место в системе психолого-педагогических исследований. Согласно культурно-исторической теории Л.С. Выготского, переход от дошкольного к школьному возрасту представляет собой критический период развития, когда «возникают многие новообразования, которые являются основой для дальнейшего развития» [1, с. 15]. Когнитивная готовность

формируется в процессе интериоризации внешних средств и знаков, где ведущая роль принадлежит социальному взаимодействию. Современные исследования когнитивной сферы личности позволяют выделить комплекс взаимосвязанных структурных компонентов, составляющих основу когнитивной готовности, которая понимается как интегративное психическое образование, обеспечивающее успешность восприятия, переработки и применения новой информации [4]. Данная структура является многоуровневой и включает в себя следующие ключевые элементы. Первым фундаментальным компонентом выступает интеллектуально-перцептивный, который служит основой для построения целостной картины мира. Он подразумевает не просто набор разрозненных фактов, а системность знаний об окружающей действительности, то есть способность ребенка или взрослого видеть причинно-следственные связи, классифицировать объекты и явления, выстраивать их в иерархические структуры. Не менее важной составляющей является сформированность сенсорных эталонов (цвета, формы, величины), что позволяет точно и дифференцированно воспринимать свойства предметов [3]. Этот базис дополняется развитыми пространственно-временными представлениями (ориентация в сторонах света, понимание цикличности времени, последовательности событий), которые организуют опыт в стройную пространственно-временную матрицу. Второй критически важный компонент — речевой, поскольку язык выступает не только как инструмент коммуникации, но и как главное орудие интеллектуальной деятельности. Как справедливо отмечал Л.С. Выготский, «речь есть не только средство общения, но и орудие мышления» [2, с. 45]. В рамках данного компонента оценивается несколько аспектов: состояние фонематических процессов, то есть способность к слуховому различению звуков речи, что является основой грамотного письма и чтения; развитость лексико-грамматического строя речи, включающая богатый словарный запас и умение строить сложные синтаксические конструкции, что напрямую влияет на качество мыслительных операций; и, наконец, коммуникативная функция речи, обеспечивающая эффективное взаимодействие с окружающими, возможность четко формулировать вопросы, аргументировать свою точку зрения и понимать собеседника [7]. Третий компонент охватывает развитие высших психических функций (ВПФ), таких как внимание, память, мышление и воображение, где ключевым системообразующим фактором является произвольность. Именно произвольность, понимаемая, по словам Д.Б. Эльконина, как «способность опосредствовать свое поведение определенным правилом» [5, с. 136], позволяет субъекту управлять своими познавательными процессами: концентрировать внимание на неинтересной, но важной задаче, целенаправленно запоминать информацию, выстраивать логические цепочки и контролировать

импульсивные реакции. Без сформированной произвольности ВПФ остаются произвольными и ситуативными, что резко ограничивает познавательные возможности. Четвертый, интегративный компонент — это компонент учебной деятельности, который синтезирует в себе все предыдущие. Его сущность заключается в осознанном отношении к учению как к особой форме деятельности. Д.Б. Эльконин подчеркивал, что «учебная деятельность направлена на усвоение знаний и умений, а не на достижение практических результатов» [6, с. 87]. Это означает, что у индивида должны быть сформированы не только конкретные навыки, но и метаумения: способность принимать учебную задачу, планировать свои действия, осуществлять контроль за процессом их выполнения и адекватно оценивать конечный результат. Этот компонент отражает переход от спонтанного познания к целенаправленной, рефлексивной и саморегулируемой учебной работе. Таким образом, когнитивная готовность представляет собой сложную, иерархически организованную систему, где интеллектуально-перцептивный, речевой компоненты и компонент развития ВПФ создают необходимый базис для формирования высшего уровня — полноценной учебной деятельности. В эпоху цифровизации образования важно осознавать потенциальные риски, связанные с неумеренным использованием цифровых технологий. Исследования показывают, что длительное взаимодействие с электронными устройствами может негативно сказаться на развитии произвольного внимания и самоконтроля у детей. Быстрое обновление информации формирует клиповое мышление, которое затрудняет способность концентрироваться и последовательно обрабатывать данные. Пассивное потребление готовых визуальных образов может замедлить развитие наглядно-образного и словесно-логического мышления, так как у ребенка отпадает необходимость самостоятельно создавать внутренние образы. В области речевого развития наблюдается корреляция между увеличением времени, проводимого перед экраном, и снижением качества живого диалогического общения. Это обедняет зону ближайшего развития, что негативно сказывается на общем уровне развития ребенка. На формирование когнитивной готовности влияют как социально-средовые условия, так и качество педагогического сопровождения. Л.С. Выготский подчеркивал, что обучение должно быть ориентировано не на вчерашний, а на завтрашний день детского развития [1]. Это означает, что очень важно учитывать зону ближайшего развития.

Выводы. Анализ показывает, что когнитивная готовность к школьному обучению представляет собой сложную систему, которая формируется в процессе усвоения культурных средств и знаков. Теоретической основой для понимания этого явления служат идеи культурно-исторической теории Л.С. Выготского о социальной ситуации

развития и зоне ближайшего развития. Исследования подтверждают, что основой когнитивной готовности являются произвольные формы высших психических функций, таких как внимание, память и мышление, которые связаны с речью и речевыми знаками. При этом важным критерием готовности является не столько текущий уровень знаний ребёнка, сколько сформированность предпосылок учебной деятельности. Это находит отражение в концепции Д.Б. Эльконина об ориентировочной основе действий. В современном мире особую значимость приобретает вопрос о влиянии цифровых технологий на когнитивное развитие дошкольников. Неконтролируемое использование электронных устройств может привести к снижению способности к произвольной регуляции и обеднению живой речевой среды. Поэтому диагностика и формирование когнитивной готовности должны быть ориентированы на выявление потенциальных возможностей ребёнка. Это возможно через организацию особого сотрудничества со взрослым. Такое сотрудничество закладывает прочный фундамент для успешного перехода к систематическому школьному обучению.

Литература:

1. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский. – Москва : Педагогика, 1991. – 480 с.
2. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – 5-е изд., испр. – Москва : Лабиринт, 1999. – 352 с.
3. Выготский, Л.С. Вопросы детской психологии / Л.С. Выготский. – Санкт-Петербург : Союз, 1997. – 224 с.
4. Гуткина, Н. И. Психологическая готовность к школе: учебное пособие / Н. И. Гуткина. – 4-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 208 с.
5. Эльконин, Д.Б. Избранные психологические труды / Д.Б. Эльконин. – Москва : Педагогика, 1989. – 560 с.
6. Эльконин, Д.Б. Психология развития: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Д.Б. Эльконин. – Москва: Издательский центр «Академия», 2001. – 144 с.

УДК 159.923.2

**КИБЕРБУЛЛИНГ КАК ФАКТОР ДЕФОРМАЦИИ АФФЕКТИВНОГО
КОМПОНЕНТА Я-КОНЦЕПЦИИ У ПОДРОСТКОВ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Чабаненко Светлана Владимировна

Старший преподаватель кафедры «Психология»

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

г. Севастополь

Аннотация. Распространение цифровых технологий неизбежно привело к появлению новых форм агрессии, среди которых кибербуллинг занимает особое место, представляя серьезную угрозу для психического здоровья подростков. Это явление оказывает выраженное деформирующее воздействие на формирующуюся личность, в частности, на аффективный компонент Я-концепции. Данный компонент играет критическую роль в подростковом возрасте. Целью настоящей статьи является проведение теоретического анализа механизмов влияния кибербуллинга на деформацию аффективного компонента Я-концепции у подростков. Путем систематического обзора и синтеза актуальных научных публикаций показано, что опыт кибербуллинга способен провоцировать значительное снижение самооценки, порождать чувства стыда, вины и беспомощности, способствуя формированию негативного самовосприятия.

Ключевые слова: кибербуллинг, Я-концепция, аффективный компонент, подростки, самооценка.

**CYBERBULLYING AS A FACTOR IN THE DEFORMATION OF THE
AFFECTIVE COMPONENT OF SELF-CONCEPT IN ADOLESCENTS: A
CONCEPTUAL ANALYSIS**

Chabanenko Svetlana Vladimirovna

Assistant Professor of the Department of Psychology

Sevastopol State University

Sevastopol

Abstract. The proliferation of digital technologies has inevitably led to new forms of aggression, among which cyberbullying holds a prominent place, posing a serious threat to adolescents' mental health. This phenomenon exerts a pronounced deformative impact on the developing personality, particularly on the affective component of the Self-concept. This component plays a critical role during adolescence. The present article aims to conduct a theoretical analysis of the mechanisms by which cyberbullying influences the deformation of the affective component of adolescents' Self-concept. Through a systematic review and synthesis of

current scientific publications, it is demonstrated that the experience of cyberbullying can provoke a significant decrease in self-esteem, generating feelings of shame, guilt, and helplessness, thereby contributing to the formation of a negative self-perception.

Keywords: cyberbullying, Self-concept, affective component, adolescents, self-esteem.

Постановка проблемы. Распространение кибербуллинга в цифровой среде представляет серьезную угрозу психологическому развитию подростков. Его специфические черты усиливают деструктивное воздействие. Несмотря на изученность негативных последствий, механизмы влияния кибербуллинга на аффективный компонент Я-концепции требуют систематизации. Понимание этих механизмов необходимо для эффективной профилактики и психологической помощи.

Цель статьи - концептуальный анализ влияния кибербуллинга на аффективный компонент Я-концепции у подростков, систематизация подходов и описание механизмов деформации на основе современных научных данных.

Изложение основного материала исследования. Сегодня, в нашем глубоко цифровом обществе, где интернет-пространство стало буквально второй реальностью, особенно для подрастающего поколения, проблема кибербуллинга приобрела невиданные масштабы. И это не просто какая-то там проблема, а сложный феномен, который остро нуждается в глубоком научном осмыслении. Речь идет об агрессивных действиях в сети, совершаемых с явным намерением навредить, и их воздействие на подростков – зачастую разрушительно для их психики и полноценного развития [2; 4; 7]. Особое беспокойство вызывает то, как кибербуллинг может исказить эмоциональную составляющую самооценки, или, если говорить научным языком, аффективный компонент Я-концепции. Актуальность исследования данной проблемы обусловлена не только широкой распространенностью кибербуллинга и его скрытым характером, но и потенциально серьезными долгосрочными последствиями для психического здоровья подростков, что требует глубокого концептуального анализа его влияния на ключевые аспекты самосознания.

Я-концепция представляет собой многомерную и динамичную систему представлений человека о самом себе, включающую когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты [5; 7]. Ее формирование происходит на протяжении всего жизненного пути индивида под воздействием социального опыта, процессов самоанализа и интериоризации оценок, получаемых от значимых других. В.В.Столин подчеркивал, что развитие самосознания неразрывно связано с деятельностью и общением, что указывает на глубокую социальную обусловленность и контекстуальность формирования Я-

концепции. Различные теоретические подходы обогащают понимание ее структуры и функционирования. Так, Уильям Джеймс, один из основоположников психологии, постулировал дуалистическую природу самосознания, разделяя его на «Я-знающее» (I) и «Я-как-объект» (Me). Гуманистическая психология, в лице Карла Роджерса, акцентировала внимание на стремлении индивида к конгруэнтности – гармонии между «реальным Я» (текущим восприятием себя) и «идеальным Я» (желаемым образом себя) [7]. В свою очередь, Р. Бернс определял Я-концепцию как совокупность установок индивида, направленных на самого себя. Теория социального научения Альберта Бандуры выдвигает на первый план роль социального опыта и наблюдения в формировании Я-концепции, особо выделяя концепцию самоэффективности – веры в собственную способность успешно выполнять действия, необходимые для достижения конкретных результатов [5; 7].

В структуре Я-концепции традиционно выделяют три взаимосвязанных компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий. Когнитивный компонент охватывает все знания, представления и убеждения человека о себе, формируя ответы на вопросы «Кто я?» и «Какой я?». Поведенческий компонент проявляется в непосредственных действиях, реакциях и способах взаимодействия с окружающим миром, отражая, как человек реализует свою Я-концепцию в реальной жизни. Однако именно аффективный компонент, включающий самооценку, самопринятие, самоуважение и общее эмоциональное отношение к себе, занимает центральное место в определении эмоционального благополучия и успешной социальной адаптации личности [5]. Исследователи отмечают, что «самооценка является не просто оценкой, но и мощным регулятором поведения и эмоционального состояния, оказывающим значительное влияние на траекторию развития личности» [8, с. 1046].

В подростковом возрасте, характеризующемся интенсивными физиологическими, психологическими и социальными изменениями, Я-концепция претерпевает особенно значительную трансформацию. Это критический период для активного самопознания, поиска идентичности и формирования более устойчивого, хотя порой и колеблющегося, представления о себе. Аффективный компонент Я-концепции в этот период приобретает особое значение, поскольку именно он во многом определяет эмоциональное благополучие подростка. Самооценка, как интегральная оценка собственных качеств и способностей, в этот период может быть особенно нестабильной и сильно зависеть от внешних оценок, в частности от мнения сверстников. Самопринятие, или позитивное отношение к своим достоинствам и недостаткам, является фундаментом психического здоровья, позволяя подростку быть более уверенным в себе и менее склонным к

самокритике. Чувство самоуважения, убежденность в своей ценности и значимости, поддерживает ощущение компетентности и способность справляться с жизненными вызовами [3; 6]. На формирование всех этих аспектов аффективного компонента в подростковом возрасте оказывают влияние ключевые факторы, такие как социальное сравнение (Фестингер), обратная связь от сверстников и взрослых, а также успехи и неудачи в различных сферах деятельности. Социальное сравнение, особенно в условиях повсеместного присутствия социальных сетей, приобретает колоссальное значение, поскольку подростки постоянно сопоставляют себя с идеализированными образами, что может приводить как к повышению, так и к снижению самооценки.

В контексте столь динамичной и уязвимой фазы развития кибербуллинг выступает как деструктивный фактор. Он представляет собой агрессивные действия, совершаемые с использованием электронных средств коммуникации с целью причинения вреда жертве. Ключевые особенности кибербуллинга, отличающие его от традиционной травли, включают публичность, обеспечивающую широкую аудиторию для унижения, анонимность агрессора, затрудняющую противодействие, первазивность, позволяющую преследовать жертву 24/7, и, как следствие, практически полную невозможность «скрыться» от травли. Распространенность кибербуллинга в подростковой среде остается тревожно высокой: по данным различных российских исследований, охватывая значительную долю подростков в роли жертв или агрессоров [3; 4]. Так, исследования Национального центра помощи пропавшим и пострадавшим детям совместно с МГППУ показывают, что около 70% российских школьников сталкиваются с этим явлением в той или иной форме, при этом каждый третий подросток становится его жертвой (НЦППД). Аналогичные выводы подтверждают и более ранние работы Фонда Развития Интернет, где до 50% подростков сообщали о столкновении с агрессией в сети [6].

Воздействие кибербуллинга на аффективный компонент Я-концепции осуществляется через несколько взаимосвязанных механизмов деформации. Во-первых, это искажение обратной связи, ведущее к формированию негативного образа «Я». Публичность кибербуллинга, выражающаяся в распространении унижающей информации перед широкой аудиторией, усиливает чувство стыда и позора, тогда как анонимность агрессора создает иллюзию безнаказанности и провоцирует более жестокие нападки [1; 3]. Эта преимущественно негативная «зеркальная» обратная связь, получаемая из онлайн-пространства, интернализируется подростком. Он начинает верить в навязанные ему ярлыки и негативные оценки, интегрируя их в свой когнитивный Я-образ. Это приводит к значительному снижению самооценки, делая ее крайне нестабильной и зависимой от внешних оценок. Как отмечал Твенге и Кэмпбелл, постоянное воздействие негативной

оценки в условиях социального отвержения может привести к хроническому снижению самооценки и повышению агрессии как защитной реакции.

Во-вторых, кибербуллинг напрямую нарушает фундаментальную потребность в принадлежности и социальной значимости, которая особенно сильна в подростковом возрасте. Акты социального отвержения, такие как исключение из онлайн-групп, бойкотирование в чатах или играх, и публичный «шейминг», не просто ставят под сомнение социальный статус подростка, но и лишают его ощущения безопасности и причастности к коллективу [2; 4]. Публичное осмеяние или распространение позорящей информации, как подчеркивают исследователи, становится мощным актом социального изгнания, от которого чрезвычайно сложно защититься [8]. Это порождает глубокое чувство изоляции и одиночества, а также интенсивный стыд – не столько за конкретный поступок, сколько за собственное «несоответствие» неким негласным социальным нормам. В результате такого воздействия страдает самопринятие подростка, проявляющееся в отторжении себя, формировании чувства неполноценности и даже экзистенциального стыда за собственное существование.

В-третьих, кибербуллинг способствует развитию глубокого чувства беспомощности и потери контроля. Анонимность агрессора и вездесущность онлайн-травли лишают подростка возможности эффективно противостоять нападкам или хотя бы «скрыться» от них. Постоянное ощущение уязвимости, бессилия перед невидимым врагом и потеря контроля над собственной жизнью и репутацией – ведь однажды опубликованная унижающая информация может остаться в сети навсегда, формируя негативный «цифровой след» – серьезно подрывают его внутренние ресурсы [6]. Это оказывает прямое влияние на самоуважение, снижая чувство собственной компетентности и ценности. Если подросток не может защитить себя от непрекращающейся травли, это может быть истолковано им как подтверждение собственной слабости или никчемности, что ведет к глубокому падению самоуважения [8].

Наконец, кибербуллинг порождает широкий спектр интенсивных негативных эмоций, которые не только являются непосредственной реакцией на травлю, но и постепенно закрепляются в аффективном компоненте Я-концепции, оказывая долгосрочное воздействие. Постоянная тревога в ожидании новых нападков, страх перед неизвестным агрессором, депрессивные состояния, гнев, стыд и вина – весь этот эмоциональный спектр становится частью внутреннего мира подростка. Эти негативные эмоции интернализируются, формируя устойчивую модель самовосприятия, пронизанную страданием. Хронический стыд и вина часто приводят к усиленной самокритике и самообвинению, когда подросток убеждает себя в собственной виновности или

заслуженности происходящего. Это формирует глубоко негативное отношение к себе, порождая внутренний конфликт и отвращение к собственному «Я». В наиболее тяжелых случаях длительный опыт кибербуллинга может серьезно деформировать процесс формирования идентичности подростка, что, по Э.Эриксону, является центральной задачей этого возраста. Интеграция навязанных агрессорами негативных ярлыков в собственную идентичность может привести к формированию искаженной, фрагментированной или негативной идентичности, затрудняющей дальнейшее развитие и успешную социальную адаптацию.

Выводы. Проведенный концептуальный анализ убедительно подтверждает, что кибербуллинг выступает как мощный деформирующий фактор, оказывающий глубокое негативное влияние на аффективный компонент Я-концепции подростков. Он подрывает самооценку, самопринятие, самоуважение и общее позитивное эмоциональное отношение к себе, что способно приводить к серьезным психологическим проблемам, включая депрессию, тревогу, социальную изоляцию и, в крайних случаях, суицидальные мысли. С учетом выявленных механизмов воздействия, становится очевидной необходимость разработки комплексных программ профилактики кибербуллинга, учитывающих его специфику и сложные психологические механизмы влияния на Я-концепцию. Эти программы должны быть направлены не только на обучение безопасному поведению в сети, но и на формирование критического мышления, развитие навыков конструктивного общения и умения эффективно противодействовать травле.

Кроме того, критически важна организация эффективной психологической поддержки жертв кибербуллинга. Эта помощь должна быть направлена на восстановление утраченной самооценки, самопринятия и общего эмоционального благополучия, включая переработку травматического опыта, работу с негативными эмоциями и развитие адаптивных стратегий совладания со стрессом. Необходимо активно вовлекать в этот процесс педагогов, родителей и психологов, предоставляя им конкретные рекомендации по созданию поддерживающей среды, способствующей формированию у подростков устойчивости к негативному онлайн-контенту и развитию здоровой Я-концепции. Родителям следует уделять внимание контролю онлайн-активности, а педагогам — внедрять образовательные программы по кибербезопасности и этике онлайн-общения.

В перспективе дальнейших научных исследований представляется актуальной эмпирическая верификация предложенных концептуальных моделей и механизмов, что позволит более точно оценить масштабы и глубину воздействия кибербуллинга. Особый интерес вызывает изучение индивидуальных различий в устойчивости к кибербуллингу, включая роль таких личностных ресурсов, как оптимизм, развитые социальные навыки и

эффективные копинг-стратегии. Также крайне важным направлением является исследование эффективности различных интервенций, направленных на восстановление аффективного компонента Я-концепции у подростков, переживших кибербуллинг, с целью разработки научно обоснованных и действенных методов психологической помощи. Только такой комплексный подход, охватывающий профилактику, своевременную поддержку и непрерывные исследования, позволит минимизировать деструктивное влияние кибербуллинга и способствовать формированию безопасной и поддерживающей онлайн-среды для полноценного развития подрастающего поколения.

Литература:

1. Алексеева, Е. В. Подросток в интернет-среде: показатели благополучия и безопасности / Е. В. Алексеева, О. Р. Веретина, А. В. Орлова // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2019. – № 2. – С. 23-30. – DOI 10.33910/herzenpsyconf-2019-2-2. – EDN SESEQC.
2. Бессонова, Т. И. Роль социально-психологических технологий в развитии ресурсов личности в эпоху вызовов современности / Т. И. Бессонова // Новый человек в новом обществе: проблемы социализации, ресурсы развития личности и коллектива : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию пионерской организации, Кострома, 17–18 марта 2022 года / Костромской государственный университет. – Кострома: Костромской государственный университет, 2022. – С. 167-171. – EDN JXVDTV.
3. Жихарева, Л. В. Психологические особенности Я-концепции личности подростков склонных к рискованному поведению в интернет-пространстве / Л. В. Жихарева, М. В. Корниенко, А. С. Андреев // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Том 11. № 6. – EDN WPCVDY.
4. Лазарева, И. Ю. Профилактика деструктивного информационно-психологического воздействия на молодежь в сети Интернет / И. Ю. Лазарева // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – Том 26. № 4(87). – С. 416-422. – DOI 10.24412/1999-6241-2021-487-416-422. – EDN ULMTDN.
5. Психология самосознания. Хрестоматия / З. Фрейд, И.С. Кон, К. Хорни. – Самара : Бахрах-М, 2020. – 672 с.
6. Солдатова, Г. У. Особенности идентичности и социально-психологической адаптации участников буллинга и кибербуллинга / Г. У. Солдатова, А. Н. Ярмина, О. Б. Темежникова // Академический вестник Академии социального управления. – 2017. – № 3(25). – С. 38-50. – EDN ZXISTV.

7. Столин, В.В. Самосознание личности / В. В. Столин. — Москва : Издательство Московского университета, 1983. — 284 с.
8. Orth, U. Development of self-esteem from age 4 to 94 years: A meta-analysis of longitudinal studies / U. Orth, R. Y. Erol, E. C. Luciano // Psychological Bulletin. – 2018. – Volume 144. – № 10. – pp: 1045-1080. – DOI: 10.1037/bul0000161.

УДК 159.923

РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

Чабаненко Светлана Владимировна

Старший преподаватель кафедры «Психология»

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

г. Севастополь

Бачинская Дарья Сергеевна

Ассистент кафедры «Дидактика, методики и технологии обучения»

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

г. Севастополь

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема повышения эффективности обучения студентов гуманитарных направлений в высшей школе. Цель работы – систематизировать теоретические аспекты роли преподавателя в успешной реализации активного обучения. Проанализированы основные принципы и методы активного обучения, а также специфика гуманитарных дисциплин, определяющая выбор педагогических подходов. Выделены ключевые роли преподавателя как дизайнера учебного процесса, фасилитатора, ментора и мотиватора. Обоснована необходимость развития у преподавателей педагогических, психологических, коммуникативных и рефлексивных компетенций. Статья носит теоретический характер и опирается на анализ научных публикаций по педагогике, психологии и методике преподавания в высшей школе. Результаты могут быть использованы для разработки программ повышения квалификации преподавателей гуманитарных дисциплин и совершенствования образовательного процесса.

Ключевые слова: активное обучение, роль преподавателя, гуманитарные дисциплины, педагогические компетенции, студент.

THE ROLE OF THE TEACHER IN THE SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF ACTIVE LEARNING FOR STUDENTS IN THE HUMANITIES

Chabanenko Svetlana Vladimirovna

Assistant Professor of the Department of Psychology

Sevastopol State University

Sevastopol

Bachinskaia Dariya Sergeevna

Assistant of the Department of Didactics, Teaching Methods and Technologies

Sevastopol State University

Abstract. The article addresses the current problem of improving the effectiveness of teaching humanities students in higher education. The aim of the work is to systematize the theoretical aspects of the teacher's role in the successful implementation of active learning. The main principles and methods of active learning, as well as the specifics of the humanities, which determine the choice of pedagogical approaches, are analyzed. The key roles of the teacher as a designer of the educational process, facilitator, mentor, and motivator are highlighted. The necessity of developing pedagogical, psychological, communication, and reflective competencies in teachers is substantiated. The article is theoretical and based on the analysis of scientific publications on pedagogy, psychology, and teaching methods in higher education. The results can be used to develop training programs for humanities teachers and improve the educational process.

Keywords: active learning, teacher's role, humanities, pedagogical competencies, student.

Постановка проблемы. Современное российское общество характеризуется поликультурным многообразием, в котором образование выступает ключевым инструментом формирования общероссийской гражданской идентичности и обеспечения межкультурного диалога. В контексте гуманитарного образования, целью которого является не только усвоение фактов, но и развитие критического мышления, эмпатии и культурной компетентности, традиционные пассивные методы обучения демонстрируют ограниченную эффективность. Это обуславливает императив перехода к активному обучению, ориентированному на студента как активного субъекта познавательной деятельности. Однако успешность данной трансформации напрямую зависит от готовности и профессиональной компетентности преподавателя [1; 3].

Цель статьи – определить и систематизировать ключевые роли и компетенции преподавателя, необходимые для успешного применения активного обучения студентов-гуманитариев в условиях поликультурной образовательной среды.

Изложение основного материала исследования. В российской педагогике поликультурное пространство определяется как образовательная среда, базирующаяся на принципах диалога культур [2]. Оно предполагает не только сосуществование, но и активное взаимодействие культур, ведущее к их взаимному обогащению и формированию уважения к культурным различиям. Аксиологический аспект поликультурного образования выражается в развитии у студентов культурного интеллекта – способности к эффективному межкультурному взаимодействию.

В контексте развития культурного интеллекта и навыков межкультурной коммуникации, принципы поликультурного образования находят свою эффективную реализацию через методы активного обучения. Активное обучение основывается на принципах конструктивизма [4], постулирующих, что знание не транслируется, а активно конструируется самим обучающимся посредством опыта, рефлексии и интеракции. Методы активного обучения (кейс-стади, проектное обучение, дебаты, симуляции) требуют от студентов не только воспроизведения, но и применения знаний в контекстно-ориентированных ситуациях. В поликультурной среде эти методы приобретают особую значимость, становясь эффективной платформой для развития навыков межкультурной коммуникации. Именно такой подход к формированию практических умений и навыков полностью соответствует требованиям современной образовательной парадигмы, которая ориентирована на компетентностный подход. В гуманитарном образовании это подразумевает, что одной из ключевых задач преподавателя является формирование не только знаний о культурах, но и межкультурной коммуникативной компетенции – способности к пониманию и интерпретации культурно обусловленных поведенческих моделей, преодолению стереотипов и конструктивному разрешению межкультурных конфликтов.

Если в монокультурной среде преподаватель преимущественно выполняет роль фасилитатора познавательного процесса, то в поликультурном пространстве его функции существенно расширяются, приобретая стратегическое значение для формирования гражданской консолидации и гармонизации межкультурных отношений. В данном контексте выделяются следующие ключевые роли преподавателя-гуманитария:

1. Архитектор и дизайнер учебного опыта

Преподаватель выступает разработчиком и организатором учебного контента, интегрирующего различные культурные материалы с целью стимулирования активного взаимодействия студентов. Данная роль предполагает применение принципов интегративного обучения, обеспечивающего не изолированное, а контекстуальное и взаимосвязанное представление материалов из истории, литературы, философии и культурологии. Практическая реализация включает разработку междисциплинарных кейсов, в рамках которых студенты различных культурных групп совместно анализируют проблемы, требующие учета специфики культурных норм (например, этические дилеммы в профессиональной среде или интерпретации исторических событий).

2. Фасилитатор и модератор дискуссии

Активное обучение, реализуемое в поликультурной группе, сопряжено с риском возникновения межкультурных конфликтов или недопонимания в ходе дискуссий. В этих

условиях преподаватель выполняет функцию нейтрального модератора. Решение этой задачи предусматривает применение принципов рефлексивной педагогики, направленной на формирование у студентов способности не только к артикуляции собственной позиции, но и к осознанию культурно обусловленных перцептивных фильтров. Эффективными практиками являются методы «круглого стола» и структурированных дебатов, предполагающие обязательное предварительное парафразирование студентами позиции оппонента перед формулированием контраргумента. Данный подход способствует снижению эмоциональной напряженности и повышению эффективности межкультурного слушания.

3. Медиатор и посредник культур

В условиях поликультурной среды преподаватель выступает медиатором, содействуя студентам в преодолении культурного шока и разрешении конфликтов, обусловленных различиями в коммуникативных стилях (например, дихотомия прямолинейности и косвенности). Теоретической основой данной роли является теория социального обучения А. Бандуры, согласно которой преподаватель выступает ролевой моделью толерантного и эффективного межкультурного взаимодействия. Практическая деятельность медиатора включает открытое обсуждение культурных различий, включая чувствительные темы, с последующим переводом дискуссии из плоскости эмоционально-личностных реакций в сферу академического анализа культурных норм.

4. Эксперт по формированию гражданской идентичности

В российском образовательном контексте на преподавателя гуманитарных наук возлагается ответственность за формирование общероссийской гражданской идентичности, базирующейся на уважении к многонациональному культурному наследию. Данная роль предполагает применение социокультурного подхода. Активное обучение ориентировано на выявление общих ценностей и исторических точек соприкосновения, консолидирующих народы России при сохранении их этнокультурной уникальности. Практическая реализация включает проектное обучение, связанное с исследованием региональной истории, а также совместные межкультурные проекты, направленные на создание общего продукта (например, цифрового архива народных традиций региона) студентами различных этнических групп.

Эффективная реализация активного обучения в поликультурной среде предполагает применение специфических методик, к которым относятся:

- применение метода «кейс-стади», что в поликультурной среде предполагает разработку кейсов, основанных на реальных или гипотетических ситуациях межкультурного взаимодействия. Основное внимание уделяется не поиску единственно

верного решения, а анализу культурно детерминированных причин возникновения конфликта или достижения успеха;

- проектное обучение, которое представляет собой высокоэффективный инструмент при формировании кросс-культурных проектных команд. Успешность реализации проекта определяется способностью студентов к эффективному распределению ролей с учетом культурно обусловленных сильных сторон участников. Роль преподавателя при этом расширяется до фасилитации процесса командного взаимодействия, помимо оценки конечного результата;

- ролевые игры и симуляции, например, международные переговоры или заседания многонационального парламента, позволяют обучающимся интериоризировать и освоить чужую культурную роль. Что выступает значимым механизмом развития эмпатии и деконструкции стереотипного мышления;

- технология взаимного обучения, которая позволяет студентам, представляющим различные регионы или этнокультурные группы, выступать в качестве экспертов по собственной культуре, осуществляя передачу знаний сверстникам. Такой подход способствует повышению их академического статуса, децентрализации образовательной иерархии и интенсификации горизонтального обмена знаниями.

Выводы. В заключение следует отметить, что в условиях глобализации и интенсификации межкультурных взаимодействий роль преподавателя гуманитарных дисциплин в поликультурном образовательном пространстве приобретает критическое значение. Эффективное внедрение активного обучения трансформирует традиционную педагогическую парадигму, требуя от преподавателя готовности к выходу за рамки привычных подходов, принятию на себя ответственности за фасилитацию комплексных дискуссий и позиционированию себя в качестве медиатора конструктивного межкультурного диалога. Только посредством активного, рефлексивного и культурно-сенситивного обучения возможно формирование выпускников гуманитарных направлений, обладающих не только высоким уровнем профессиональной компетентности, но и гражданской ответственностью, способных способствовать укреплению социокультурной гармонии и обеспечению стабильности в условиях многонационального общества.

Литература:

1. Библер, В. С. Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М. М. Бахтина) / В. С. Библер // Одиссей. Человек в истории. – 1989. – Т. 1989. – С. 21-59. – EDN MNIHLG.

2. Библер, В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры / В. С. Библер. – Москва : Прогресс ; Гнозис, 1991. – 176 с.
3. Гончарова, О. М. Гуманитарные образовательные технологии в преодолении «рисков» современного поликультурного мира / О. М. Гончарова // *Univsum: Вестник Герценовского университета*. – 2012. – № 1. – С. 81-92. – EDN QIMCBP.
4. Погорелая, Е. А. Русская языковая личность в контексте социокультурной динамики постсоветских государств / Е.А.Погорелая // *Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: В 2 кн. Кн. 2. М., 2006. – 386 с.*

УДК 159.99

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧЕБНО-
ОЗНАКОМИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ 37.03.01
«ПСИХОЛОГИЯ» (ДЕЛЬФИНОТЕРАПИЯ)**

Чечина Ольга Николаевна,

доктор биологических наук, доцент,

доцент кафедры психологии,

Филиал МГУ в г. Севастополе,

г. Севастополь

Борисенко Зинаида Викторовна

старший преподаватель кафедры психологии

Филиал МГУ в г. Севастополе,

г. Севастополь

Аннотация. Учебно-ознакомительная практика по направлению подготовки «Психология» является важной частью учебного плана, она позволяет закрепить у обучающихся полученные теоретические знания, сформировать первичные профессиональные умения и навыки. Социально-психологические аспекты учебно-ознакомительной практики состоят в ознакомлении студентов с работой психолога в сфере дельфинотерапии, формировании базовых навыков наблюдения за людьми в эмоционально-насыщенной ситуации и интерпретации этих наблюдений. В ходе прохождения учебно-ознакомительной практики по дельфинотерапии могут формировать навыки наблюдения за людьми в эмоционально насыщенной ситуации, в ходе занятий формируются основные навыки установления позитивного эмоционального контакта с респондентами с учетом этических норм работы психолога.

Ключевые слова: учебно-ознакомительная практика, студент, психолог, дельфинотерапия, наблюдение.

Olga Nikolaevna Chechina

Doctor of Biological Sciences (D.Sc., postdoctoral degree,

Associate Professor, Department of Psychology

Lomonosov Moscow State University,

Sevastopol)

Zinaida Viktorovna Borisenko

Senior Lecturer, Department of Psychology

Lomonosov Moscow State University,

Sevastopol

Abstract. The introductory training in the Psychology program is an important part of the curriculum, allowing students to consolidate their acquired theoretical knowledge and develop basic professional skills. The social and psychological aspects of the introductory training include introducing students to the work of a psychologist in the field of dolphin therapy, developing basic skills in observing people in emotionally charged situations, and interpreting these observations. During the introductory training in dolphin therapy, students can develop skills in observing people in emotionally charged situations. During the classes, they develop basic skills in establishing positive emotional rapport with respondents, taking into account the ethical standards of psychologists.

Keywords: educational and introductory practice, student, psychologist, dolphin therapy, observation.

Постановка проблемы. Учебно-ознакомительная практика по направлению подготовки 37.03.01 «Психология» является важной частью учебного плана, она позволяет закрепить у обучающихся полученные теоретические знания, сформировать первичные профессиональные умения и навыки. Помимо этого, одной из наиболее актуальных сторон практики является ознакомление студентов со спецификой работы психолога.

В соответствии с эти учебно-ознакомительная практика по дельфинотерапии дает возможность рассмотреть такие аспекты работы психолога, как установление контакта с людьми, наблюдение за поведением человека в эмоционально-насыщенной ситуации, особенности межвидового взаимодействия в процессе контакта человека и дельфина в ходе сеансов дельфинотерапии. Это позволяет расширить представления о возможности формирования субъектных отношений человека с дельфином.

Цель статьи состоит в актуализации знаний и навыков, которые могут быть сформированы у студентов в процессе учебно-ознакомительной практики в рамках дельфинотерапии. Немаловажно, что целью практики является формирование позитивного представления о профессиональном образе психолога для будущих специалистов, что повышает мотивацию к обучению и стремлению к формированию профессиональных знаний и навыков.

Изложение основного материала исследования. Социально-психологические аспекты практики по дельфинотерапии связаны с изучением деятельности людей, которые можно отнести к вопросам социального взаимодействия и закономерностям поведения личности в группе и обществе. Соответственно, социальное взаимодействие может осуществляться между зрителями во время демонстрационной программы с морскими млекопитающими, при общении студентов и посетителей дельфинария, в

процессе межвидового взаимодействия человек-дельфин.

В ходе демонстрационной программы будущие психологи имеют возможность познакомиться с одним из основных методов психологии – наблюдением. Задачей наблюдения является выявление эмоциональных реакций, поведенческих элементов и взаимодействие людей друг с другом по поводу демонстрационной программы.

Первый аспект наблюдения связан с тем, что демонстрационная программа создает благоприятную среду для возникновения и проявления позитивных эмоций людьми. Важно увидеть, как именно они их проявляют: открыто или закрыто. Это может быть маркером готовности человека к эмоциональному включению в процессы, которые с ним происходят в жизни.

Взаимодействие между людьми можно оценивать в ситуации отношений родителей и детей, являющихся зрителями демонстрационной программы. Реакции родителей на непосредственное эмоциональное поведение ребенка во многом является критерием из взаимоотношений. Например, неэмоциональное включение родителя может говорить об эмоциональной холодности или отвержении; одергивание, неразрешение ребенку ярких эмоциональных реакций может говорить о стремлении к нормотипичному поведению без коррекции на ситуацию; включенность родителя в процесс, разделение с ребенком его эмоций – скорее всего показатель доверительных детско-родительских отношений. Таким образом, студенты могут не только учиться выделять в наблюдении некоторые элементы поведения человека, но и учиться основам их интерпретации.

Помимо наблюдения, в ходе практики важным является аспект взаимодействия студентов с посетителями дельфинария.

Для проведения анкетирования, при возможности его осуществления на небольшой выборке людей, практикантам необходимо установить контакт с ними и предложить ответить на вопросы анкеты. В этой части практики студенты могут формировать и отрабатывать такие профессионально важные навыки, как установление эмоционально позитивного контакта, способность точно и ясно донести свою позицию, предоставить человеку возможность отказаться, соблюдая этические нормы работы психолога и проявляя позитивную реакцию на решение респондента.

После сбора анкетных данных, студенты-практиканты знакомятся с некоторыми способами обработки данных.

В ситуации осуществления взаимодействия человека и дельфина в воде студент-практикант может выявить особенности поведения участников этого процесса. В любом контакте участвуют как минимум две стороны и важно понимать, что знание позиции каждой стороны влияет на результат взаимодействия.

Так, физическое или эмоциональное состояние дельфина и человека может негативно сказаться на процессе установления контакта между ними [2, 3]. Понимание этого может помочь человеку с установлением контакта и позитивным результатом между участниками взаимодействия.

Люди, взаимодействующие с дельфином, в первую очередь попадают в эмоционально насыщенную ситуацию, которая содержит бивалентные конструкторы. Это и радость от нового опыта, контактности дельфинов, страх большого животного и непредсказуемости его поведения.

Наблюдение эмоциональных проявлений человека в этой ситуации значительно облегчено для студентов-практикантов: яркие эмоции разной полярности легко увидеть и зафиксировать. Эта ситуация создает позитивный опыт наблюдения и достаточный объем данных наблюдения для интерпретации. Конкретная ситуация наблюдения облегчает понимание причин проявления те или иных эмоциональных или поведенческих реакций.

Вывод. Студенты в ходе прохождения учебно-ознакомительной практики по дельфинотерапии могут формировать навыки наблюдения за людьми в эмоционально насыщенной ситуации, основы конструктивного взаимодействия с респондентами в процессе анкетирования, умения первичной статистической обработки данных анкетирования и интерпретации данных наблюдения.

Литература:

1. Чечина, О. Н. Особенности поведения дельфинов как основы для установления субъектных отношений с человеком / О. Н. Чечина // Ломоносовские чтения : Сборник материалов научной конференции, Севастополь, 22–24 марта 2017 года. – Севастополь: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Филиал МГУ в г. Севастополе, 2017. – С. 123-124. – EDN YLHUDU.
2. Чечина, О. Н. Особенности взаимодействия человека и дельфина / О.Н.Чечина, Н.Л Кондратьева, З.В. Борисенко // Научная конференция «Ломоносовские чтения» 2008 года. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов — 2008». Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2008. — С.203–204.
3. Чечина, О. Н. Межвидовое взаимодействие человека и дельфина: возможные направления исследований / О. Н. Чечина // Ломоносовские чтения : Материалы ежегодной научной конференции МГУ, Севастополь, 12–15 апреля 2023 года. – Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2023. – С. 158-159. – EDN AGKQVW.

УДК 159.9: 316.6

КОЛЛЕКТИВНЫЙ НАРЦИССИЗМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

*Шабукеева Муслимат Руслановна**Преподаватель Дагестанского государственного университета**Северо-Кавказский федеральный округ, Республика Дагестан, г. Махачкала,
соискатель ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»**г. Ростов-на-Дону*

Аннотация. Изучение коллективного нарциссизма привлекает не только западных исследователей, но и наших. Это подтверждается многочисленными исследованиями и адаптацией методик на российской выборке. Данный феномен возникает в любой социальной группе, объединенной по каким-либо признакам. Выборку составили студенты – аварцы, даргинцы, лезгины, кумыки и азербайджанцы, всего 650 чел. Применяли методики: измерения коллективного нарциссизма, толерантных установок, Торонтский опросник эмпатии и краткий характерологический опросник. В результате установлены значимые различия по шкале застенчиво-раздражительные (в большей степени лезгины), толерантность (в большей степени лезгины и кумыки), педантичность (даргинцы и кумыки), демонстративность (аварцы, даргинцы и азербайджанцы), авторитарность (даргинцы), коллективный нарциссизм (кумыки, аварцы). Коллективный нарциссизм больше преобладал в группах мужского пола. Новизна данного исследования заключается в том, что в условиях полиэтнического взаимодействия был исследован коллективный нарциссизм в связи с личностными чертами на студентах Дагестана.

Ключевые слова: коллективный нарциссизм, толерантность, педантичность, демонстративность, авторитарность, национальные группы.

COLLECTIVE NARCISSISM AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF DIFFERENT NATIONAL GROUPS

*Shabukayeva Muslimat Ruslanovna**Lecturer at Dagestan State University**North Caucasus Federal District, Republic of Dagestan, Makhachkala,
candidate of Educational Institution of Higher Education "Don State Technical
University"**Rostov-on-Don*

Abstract. The study of collective narcissism attracts not only Western researchers, but also ours. This is confirmed by numerous studies and the adaptation of methods in the Russian sample. This phenomenon occurs in any social group united by any signs. The sample consisted

of Avars, Dargins, Lezgins, Kumyks and Azerbaijanis students, a total of 650 people. The following methods were used: measurements of collective narcissism, tolerant attitudes, the Toronto Empathy Questionnaire and a short characterological questionnaire. As a result, significant differences were found on the scale of shy-irritable (mostly Lezgins), tolerance (mostly Lezgins and Kumyks), pedantry (Dargins and Kumyks), demonstrativeness (Avars, Dargins and Azerbaijanis), authoritarianism (Dargins), collective narcissism (Kumyks, Avars). The novelty of this study lies in the fact that in the context of multiethnic interaction, we investigated collective narcissism in connection with personality traits in Dagestan students.

Keywords: collective narcissism, tolerance, pedantry, demonstrativeness, authoritarianism, national groups.

Постановка проблемы. Дагестан является самой многонациональной Республикой на территории Российской Федерации. Свыше десяти представителей разных национальностей имеют свою письменность и алфавит, помимо русского языка. На Территории Республики Дагестан проживают представители различных национальных групп, объединённые общей историей, культурой, традициями и верой. Один раз в году, в обществе принято отмечать День Единства – праздник, посвященный объединению и сплочению жителей республики. Одним важных шагов было объявление будущего года – годом единства народов России. Неимоверный героизм и сплоченность в единении показывает наш межнациональный народ в борьбе за суверенитет. Распространение враждебных настроений между национальными группами может быть обусловлено распространением коллективного нарциссизма среди них. Это обусловило актуальность исследования.

Изучением проблемы коллективного нарциссизма стали заниматься относительно недавно. Многочисленные исследования в этой области принадлежат Agnieszka Golec de Zavala [6]. Она разработала теорию коллективного нарциссизма, основанную на предрассудках и межгрупповой враждебности. Ею была разработана шкала коллективного нарциссизма, которая позволила изучить степень возникновения данного феномена в группах. Коллективный нарциссизм – это преувеличенное значение собственной группы (ингруппы), которое недостаточно признается другими [6].

В эмпирической части исследования была предпринята попытка определить степень выраженности коллективного нарциссизма и психологических особенностей в разных национальных группах. Исследование проводилось среди студентов Дагестанского государственного университета 1-4 курс. В количестве 650 человек, мужского и женского пола, от 18 до 25 лет, национальные группы: аварцы, даргинцы,

лезгины, кумыки и азербайджанцы. Где 30% девушек и 70% юношей. Применили такие методики, как: опросник коллективного нарциссизма (Романова М.О., Иванов А.А., Богатырева Н.И. и др.) [5], опросник «Измерение толерантных установок» (Собкин В.С., Адамчук Д.В.) [2], Торонтский опросник эмпатии R. Spreng et al. [3], Краткий характерологический опросник М.Е. Бурно [4].

Применили критерий Краскала-Уоллиса в группе мужчин и женщин различных национальных групп, что позволило выявить достоверные различия по показателям. Так высокие показатели шкалы «Застенчиво-раздражительный» в группе лезгин объясняются неуверенностью и мнительностью (N=9,521) (рис. 1).

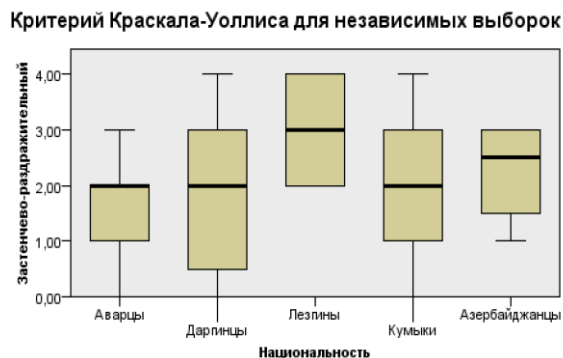

Рисунок 1 - Показатели шкалы «Застенчиво-раздражительный» в национальных группах

Средние значения шкалы «Толерантность» преобладали у лезгин, что может свидетельствовать о терпимости и уважении к взаимодействию с другими. Умении признавать иное мнение и способности поддержать другого человека (N=3,081) (рис. 2).

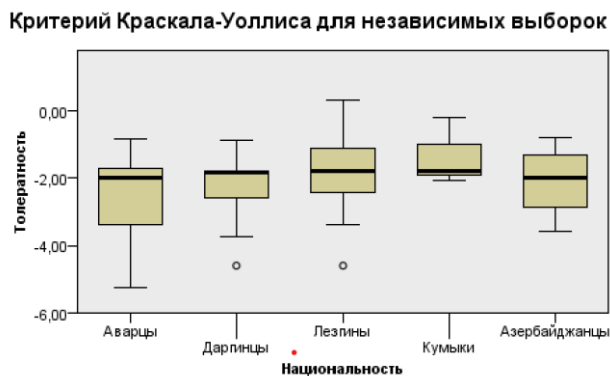

Рисунок 2 - Показатели шкалы «Толерантность» в национальных группах

Шкала «Педантичность» у даргинского и кумыкского национальных групп было значительно выше, чем в группе аварцев, лезгин и азербайджанцев, это объясняется поддержанием определённых правил и отсутствием гибкости. (N=5,055) (рис. 3).

Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок

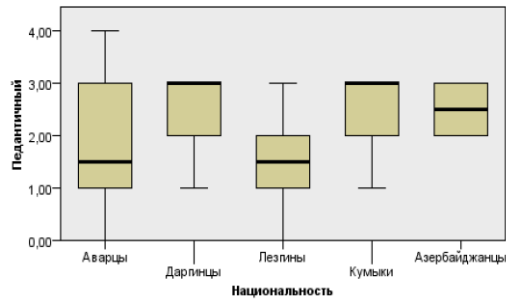

Рисунок 3 - Показатели шкалы «Педантичность» в национальных группах

Значения по шкале «Демонстративность» аварской, даргинской и азербайджанской национальных групп несколько ниже, чем у лезгин и кумыков. Это может быть обусловлено завышенным вниманием к своей личности и подтверждением своего статуса в обществе (N=7,712) (Рис.4.)

Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок

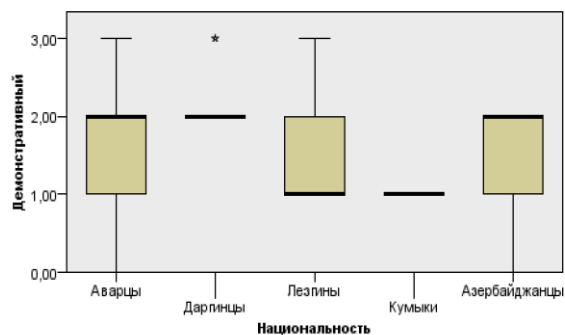

Рисунок 4 - Показатели шкалы «Демонстративность» в национальных группах

Средние значения по шкале «Авторитарный тип» были выявлены у представителей следующих национальных групп: аварцы, лезгины, кумыки, что говорит о демократичном отношении, высокие значения у представителей даргинской национальной группы характеризуются авторитарностью и строгим соблюдением определенных правил, низкие значения у представителей азербайджанской национальной группы основаны на равноправии (N=3,509) (Рис.5.)

Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок

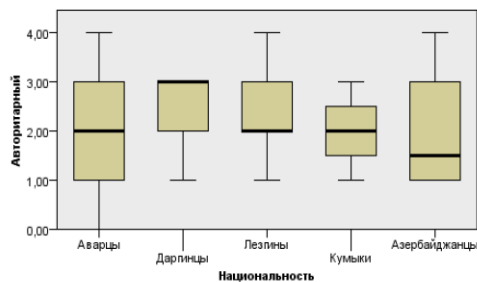

Рисунок 5 - Показатели шкалы «Авторитарный тип» в национальных группах

Высокие показатели шкалы «Коллективного нарциссизма» были выявлены у кумыкской национальной группы, что говорит о завышенном чувстве национальной принадлежности ($N=6,824$) (Рис.6)

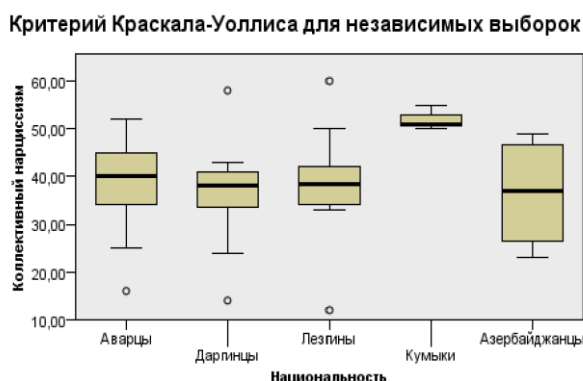

Рисунок 6 - Показатели шкалы «Коллективный нарциссизм» в национальных группах

Далее мы применили критерий Манна-Уитни для независимых выборок в группе мужчин и женщин разных национальностей (аварцы, лезгины, даргинцы, кумыки, азербайджанцы) выявлен показатель по шкале «Коллективного нарциссизма». В группе мужчин ($U=28,88$) значения выше, чем в группе женщин ($U=20,42$), это объясняется тем, что традиционно девушек воспитывают быть гибкими и сдержанными. Представленное исследование требует дальнейшего изучения.

Литература:

1. Абдулвагабова, А. М. Психологические особенности межнационального взаимодействия в полиэтническом Дагестане (на материалах исследования аварцев, даргинцев и русских) : специальность 19.00.05 «Социальная психология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Абдулвагабова Амина Магомедовна. – Москва, 2009. – 25 с.
2. Собкин, В. С. Измерение толерантных установок в сфере межнациональных отношений / В. С. Собкин, Д. В. Адамчук // Вестник практической психологии образования. – 2006. – № 2. – С. 26-35. – EDN FMXENV.
3. Spreng, R. N. The Toronto Empathy Questionnaire: Scale development and initial validation of a factor-analytic solution to multiple empathy measures / R. N. Spreng, M. C. McKinnon, R. A. Mar, B. Levine // Journal of Personality Assessment. – 2009. – Volume 91. – Issue 1. – pp: 62-71. – DOI: <https://doi.org/10.1080/00223890802484381>.
4. Бурно, М. Е. О характерах людей / М.Е. Бурно. – Москва : Академический проект, 2020. – 495 с.

5. Романова, М.О. Адаптация шкалы коллективного нарциссизма на российской выборке / М.О. Романова, А.А. Иванов, Н.И. Богатырева, М.А. Терскова, А.О. Быков, В.В. Анкушев // Социальная психология и общество. – 2022. – Том 13. № 3. – С. 201–220. – DOI: 10.17759/sps.2022130312.

6. Golec de Zavala, A. The Psychology of Collective Narcissism: Insights from Social Identity Theory / A. Golec de Zavala. – London : Routledge, 2023. – 250 p. – DOI: 10.4324/9781003296577.

УДК 159.9

ИЗМЕНЕНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ВИРТУАЛЬНОЙ ДЕЛЬФИНОТЕРАПИИ

Шайхутдинова Камилла Халимовна

студент 4 курса кафедры «Психология»

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

Филиал в г. Севастополе

г. Севастополь

Чечина Ольга Николаевна

доктор биологических наук, доцент кафедры психологии

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

Филиал в г. Севастополе

г. Севастополь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности влияния виртуальной дельфинотерапии на психоэмоциональное состояние студентов. Представлены данные эмпирического исследования, проведенного среди студентов вузов, с использованием методов оценки тревожности, самочувствия, активности и настроения. Обобщены количественные результаты, подтверждающие эффективность виртуального терапевтического воздействия. Виртуальная дельфинотерапия обладает преимуществами доступности, безопасности и комфортности восприятия, что делает её перспективной для использования в образовательной и профилактической практике. Метод может быть интегрирован в программы психопрофилактики и психологического сопровождения студентов.

Ключевые слова: виртуальная дельфинотерапия, психоэмоциональное состояние, тревожность, студенты, виртуальная реальность.

CHANGES IN THE PSYCHOEMOTIONAL STATE OF STUDENTS UNDER THE INFLUENCE OF VIRTUAL DELPHIN THERAPY

Shaykhtdinova Kamilla Khalimovna

4th year student of the Department of Psychology

Lomonosov Moscow State University, Branch in Sevastopol

Sevastopol

Chechina Olga Nikolaevna

Doctor of Biological Sciences (D.Sc., postdoctoral degree)

Associate Professor of the Department of Psychology

Lomonosov Moscow State University, Branch in Sevastopol

Abstract. The article discusses the features of the influence of virtual dolphin therapy on the psychoemotional state of students. The data of an empirical study conducted among university students using methods of assessing anxiety, well-being, activity and mood are presented. Quantitative results are summarized, confirming the effectiveness of virtual therapeutic influence. Virtual dolphin therapy offers the advantages of accessibility, safety, and ease of use, making it promising for use in educational and preventative practices. The method can be integrated into psychoprophylactic programs and psychological support for students.

Keywords: virtual dolphin therapy, psychoemotional state, anxiety, students, virtual reality.

Постановка проблемы. Современная студенческая среда характеризуется повышенной нагрузкой и частыми стрессовыми ситуациями, что приводит к эмоциональному выгоранию и росту тревожности студентов. Традиционные формы психологической помощи не всегда воспринимаются молодежью как комфортные, что актуализирует поиск инновационных подходов. Одним из таких направлений является виртуальная дельфинотерапия — метод психологической поддержки с использованием технологий виртуальной реальности [2]. Механизмы виртуальной дельфинотерапии основаны на сочетании визуальных, аудиальных и эмоциональных стимулов, игровых элементов, физической активности и психологической поддержки. Эти факторы работают вместе, чтобы создать уникальную терапевтическую среду, способствующую улучшению психического здоровья и общего благополучия участников [1; 3].

Цель тезисов - выявить влияние виртуальной дельфинотерапии на психоэмоциональное состояние студентов.

Изложение основного материала исследования. Исследование проводилось на базе Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе и Севастопольского государственного университета. В исследовании приняли участие 60 студентов в возрасте от 18 до 25 лет, среди которых 59 девушек и 1 юноша. Испытуемые были разделены на экспериментальную и контрольную группы по 30 человек в каждой. Дополнительно, внутри каждой группы респондентов была проведена стратификация по уровню тревожности (высокий, средний, низкий), определенному с помощью методики Спилбергера–Ханина. В каждую подгруппу вошло по 10 человек.

Виртуальная дельфинотерапия проводилась в формате просмотра студентами трёхминутного VR-видео с дельфинами в морском пространстве, сопровождавшегося звуками моря. Участники контрольной группы наблюдали в течение этого времени

нейтральный визуальный фон. На первом этапе эксперимента фиксировались исходные показатели тревожности студентов, самочувствия и настроения, а затем, после воздействия, проводилась повторная диагностика. Использовались методики Спилбергера–Ханина (оценка тревожности), САН (самочувствие, активность, настроение), и метод свободных ассоциаций. Для анализа функционального состояния измеряли пульс и артериальное давление. Статистическая обработка данных исследования включала применение критерия Вилкоксона и Манна–Уитни.

После проведения сеанса виртуальной дельфинотерапии у студентов экспериментальной группы наблюдалось выраженное снижение уровня тревожности и улучшение эмоционального состояния. Средний показатель ситуативной тревожности всех участников эксперимента снизился с 43 до 35 баллов, что соответствует уменьшению данного показателя на 13,33 %. В контрольной группе снижение тревожности было незначительным — с 40 до 38 баллов (3,33 %). Особенно выраженные изменения отмечены у участников со средней базовой тревожностью — снижение уровня тревожности составило 25,93 %.

По результатам использования методики САН показатели улучшения самочувствия у студентов с высокой тревожностью увеличились в среднем на 10 % (с 54,29 % до 64,29 %), настроения — также на 10 % (с 61,43 % до 71,43 %). Наибольшие позитивные изменения наблюдались у студентов со средней тревожностью, где уровень самочувствия повысился с 68,57 % до 78,57 %, а настроения — с 72,86 % до 81,43 %.

Физиологические данные подтвердили положительную динамику в состоянии студентов: после просмотра VR-видео пульс в среднем снизился на 6 уд/мин, а систолическое давление уменьшилось со 120 до 115 мм рт. ст. Эти результаты могут отражать эффект релаксации и снижения физиологического напряжения у студентов.

Изменения в экспериментальной группе оказались статистически значимыми по критерию Вилкоксона ($p = 0,01$), что указывает на то, что результаты не являются случайными и подтверждают эффективность виртуальной дельфинотерапии.

Ассоциативный анализ (592 ассоциации) показал, что наиболее часто со словом «дельфин» у студентов ассоциировались категории слов: «описательная» (48 – количество ассоциаций), «эмоциональная» (51) и «поведенческая» (59). Были определены встречаемость каждого ответа и нагрузки по позициям в ряду ассоциаций. Выявлено, что наиболее значимое слово — «умный» (коэффициент значимости — 20,2), что отражает восприятие дельфина респондентами как интеллектуального и дружелюбного существа. Результаты исследования подчеркивают сложную структуру ассоциативных связей, представленных образом дельфина, где ключевую роль играют как когнитивные, так и

эмоционально-эстетические аспекты. Образ дельфина в сознании респондентов в значительной степени ассоциируется с дружелюбием и положительными эмоциями, что может иметь важное значение как для понимания культурных представлений, так и для дальнейших исследований в области дельфинотерапии.

Выводы. Результаты исследования подтверждают эффективность виртуальной дельфинотерапии как инновационного метода психологической поддержки студентов. Кратковременное воздействие способствует снижению тревожности, улучшению самочувствия и эмоционального фона, снижению физиологического напряжения. Виртуальная дельфинотерапия обладает преимуществами доступности, безопасности и комфортности восприятия, что делает её перспективной для использования в образовательной и профилактической практике. Метод может быть интегрирован в программы психопрофилактики и психологического сопровождения студентов.

Литература:

1. Никольская, А.В. Актуальные вопросы анималотерапии / А.В. Никольская, А.А. Костригин // Психология и психотехника. – 2019. - №2. – С.54-67. – DOI: 10.7256/2454-0722.2019.2.29528.
2. Селиванов В. В. Психические состояния личности в дидактической VR-среде / В.В. Селиванов // Экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 20–28. – DOI: 10.17759/exppsy.2021000002.
3. Devirta: виртуальная реабилитация. [Электронный ресурс] / Totalmed. – Режим доступа: <https://total-med.ru/product/rehabilitation/virtual-rehabilitation/devirta/> (дата обращения: 17.05.2025).

УДК 159.9.07

ПОНИМАНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ ПАТРИОТИЗМА У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

*Шишкина Татьяна Владимировна**магистрант кафедры «Психология»**Гуманитарно-педагогического института**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь**Научный руководитель**Бессонова Татьяна Ивановна**кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию понимания и проявления патриотизма среди современных студентов. Рассматриваются теоретические аспекты патриотизма как многокомпонентного феномена, включающего когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты. Особое внимание уделяется личностным компонентам патриотизма, таким как патриотическое сознание, ценности, чувства, мотивация, отношение и поведение. На основе анализа современных исследований выявлены особенности проявления патриотизма в студенческой среде, включая преобладание эмоционального компонента. Подчеркивается роль высших учебных заведений в формировании патриотизма, а также необходимость учета современных информационных реалий и интересов молодежи для повышения эффективности воспитательной работы.

Ключевые слова: патриотизм, многокомпонентная модель патриотизма, патриотическое сознание, патриотические ценности, патриотическое поведение, воспитание патриотизма.

UNDERSTANDING AND EXPRESSING PATRIOTISM AMONG MODERN STUDENTS

*Shishkina Tatyana Vladimirovna**Master's student of the Department of Psychology**Humanitarian and Pedagogical Institute**Sevastopol State University**Sevastopol**Scientific advisor*

Bessonova Tatyana Ivanovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the

Department of Psychology

Sevastopol State University

Sevastopol

Abstract. The article is devoted to the study of understanding and manifestation of patriotism among modern students. The theoretical aspects of patriotism as a multi-component phenomenon, including cognitive, emotional and behavioral aspects, are considered. Special attention is paid to the personal components of patriotism, such as patriotic consciousness, values, feelings, motivation, attitude, and behavior. Based on the analysis of modern research, the article identifies the characteristics of the manifestation of patriotism among students, including the prevalence of the emotional component. The article emphasizes the role of higher education institutions in the formation of patriotism, as well as the importance of.

Keywords: Patriotism, multi-component model of patriotism, patriotic consciousness, patriotic values, patriotic behavior, education of patriotism.

Постановка проблемы. Патриотизм как сложный социально-психологический феномен продолжает оставаться предметом активных научных дискуссий и ключевым ориентиром в государственной образовательной и молодежной политике. В современную эпоху глобализации, трансформации ценностных ориентиров и интенсивного развития информационных технологий понимание и проявление патриотизма в молодежной среде претерпевает значительные изменения. Особую значимость эта проблема приобретает в студенческой среде, поскольку именно студенчество представляет собой наиболее активную и восприимчивую часть общества, находящуюся на этапе активного формирования гражданской идентичности и мировоззренческих позиций.

Актуальность изучения этого вопроса определяет отсутствие единого общепринятого определения патриотизма, формирует методологические трудности для его изучения. Уровень развития эмоционального, когнитивного и, поведенческого компонентов у современной молодежи в условиях воздействия противоречивых информационных потоков, может приводить к формированию искаженных представлений о патриотизме, этнической индифферентности или критико-протестным настроениям. Существует насущная потребность в структурировании теоретических подходов к пониманию патриотизма и в анализе его реальных проявлений в студенческой среде.

Цель статьи. Систематизировать знания о патриотизме как о многокомпонентном личностном образовании и выявить особенности его проявления у современных студентов. Данная статья направлена на систематизацию знаний о патриотизме как о многокомпонентном личностном образовании, выявление ключевых структурных компонентов (сознание, ценности, чувства, мотивация, отношение, поведение) и оценку эффективности существующих практик патриотического воспитания в высшей школе.

Изложение основного материала исследования.

Патриотизм – как много в этом слове...Изучение вопроса, понимания и проявления патриотизма в студенческой среде в первую очередь наталкивает на необходимость изучения самого понятия «патриотизм». Теоретические аспекты, связанные с изучением феномена патриотизма подчеркивают обширное многообразие компонентов, начинающих это понятие. Рассмотрение этого феномена носит междисциплинарный и межотраслевой характер, что в свою очередь добавляет новые элементы, наполняющие эту сложную структуру.

В ряде исследований, направленных на изучение патриотизма его рассмотрение осуществляется в контексте коллективного чувства, основанного на групповой идентификации личности, связанного с национальной идентичностью, подчеркивая выражение патриотизма в социальной солидарности, в единстве личности и социальной системы. Аллегория, что важнее яйцо или курица, актуально как никогда при рассмотрении вопроса в определении места патриотизма в структуре личности студента - общество формирует личность, в свою очередь зрелая патриотическая личность формирует общество делая его более продуктивным, комфортным, значимым.

Центрация на эмоционально-чувственной сфере личности как субъекте проявления патриотизма, затрагивает специфику этого явления, выражающуюся в форме бескорыстной любви к своей стране. Ценностная ориентация чувства патриотизма отсылает к социальному долгу, проявляющемуся в уважении к национальным традициям, формируя духовно-нравственную основу для устойчивого патриотического сознания.

Патриотизм как социальный и педагогический феномен, формирующий особую значимость воспитательного процесса, для укрепления социальной среды в государстве в своей статье раскрыл Юдин Д. В. «Патриотизм, как фундаментальный социальный и педагогический феномен появился на основе становления древних народностей и государств, которые были вынуждены бороться за собственную территорию, сохранять границы своего государства, его природных богатств, собственных традиций и обычаев» [7, с. 42].

Субъектно – объектный характер патриотизма имеет немаловажную значимость при рассмотрении этого понятия. Рассмотрение патриотизма в этом ракурсе предполагает, что патриотизм – это субъективное ощущение, возникающее в ответ на восприятие некой объективной ситуации связанной с понятием Родины (Отечества), как субъективного преломления объекта патриотического отношения в сознании личности. Патриотизм интерпретируется как взаимоотношение гражданина и Родины, а именно субъективного и объективного [7].

В психологической науке, патриотизм рассматривается в разных ракурсах, как чувство, убеждение, социальная установка и др. Ряд исследователей используют интегративное определение патриотизма рассматривая его в ракурсе многокомпонентной модели. Раскрытие понимания компонентов сводится к формированию представлений о понятии и значении «Родина», о гражданском долге, чувстве любви к Родине, и готовности при необходимости выступить на защиту своей страны [1].

Определение многокомпонентной модели патриотизма предполагает включение в его структуру таких компонентов как:

- когнитивный - знания патриотической направленности, знание истории и культуры страны, понимание национальных символов и традиций, осознание гражданской ответственности,
 - эмоциональный – комплекс переживаний, отражающих позитивные чувства, уважения, любви к отечеству, гордость за национальные достижения,
 - поведенческий - действия патриотического характера, активная гражданская позиция [2].
- Рассматриваемая структурированность патриотизма позволяет наиболее ясно расценить понимание и проявление этого феномена у современных студентов.

Говоря о многокомпонентности патриотизма, стоит упомянуть о его характеристике, раскрытой Ефремовой О.И. [3]. Исследователем была изучена специфика реализации компонентов чувства патриотизма, проявляемого молодыми людьми, включающая два блока компонентов: содержательный (когнитивный, эмоциональный, поведенческий), и уровневый (преконвенциональный, конвенциональный, постконвенциональный), что позволило в исследовании выявить особенности сформированности каждой из психологических составляющих чувства патриотизма, а так же проанализировать уровни нравственного сознания по Л. Кольбергу, проявляющийся в мотивах поведения. В ходе исследования было выявлено, что у студентов патриотизм проявляется преимущественно в эмоциональном аспекте, вместе с тем у молодых людей сформировался преимущественно негативно окрашенный образ типичного россиянина, что по мнению исследователей в значительной мере влияет на когнитивный аспект

развития чувства патриотизма, противодействуя его становлению. Анализ поведенческого компонента проявления чувства патриотизма у юношей и девушек показал тенденцию следования влиянию иностранной моде, предполагающей выбор в пользу проживания, получения образования, лечения за рубежом, принятие позиции потребителя в большей мере, чем созидателя. В выборке юношей и девушек намного более явно, чем у взрослых, проявились мотивы выгоды (преконвенциональный уровень).

Исследования о проявлении истинного патриотизма (Муращенкова Н.В., 2014) [7] на респондентах в возрасте от 18 до 27 лет, показали, что в представлениях мужчин наиболее значимыми проявлениями истинного патриотизма в деятельности и поведении являются проявления, связанные с толерантным отношением к представителям других народов и культур. Рассмотрение истинного патриотизма через призму когнитивно-эмоционального наполнения в большей степени свойственно женщинам с наполнением критико-протестного поведения. Согласно данным исследования, безразличное отношение к собственной этнической принадлежности (или выраженная этническая индифферентность) ведет к значительному искажению представлений об истинном патриотизме. По мнению автора исследования, представления о патриотизме и его проявления в молодежной среде будут ориентированы, в первую очередь, на критику и борьбу с явными или мнимыми несовершенствами в стране, если будут доминировать такие ценности индивидуалистского спектра, как власть, достижение, гедонизм и стимуляция, наряду с убеждением в превосходстве собственной нации над другими.

В то же время, если доминирующими ценностями современной молодежи станут ценности доброты и универсализма, будет преобладать позитивная этническая идентичность и сформировано базовое чувство доверия к миру, то представления молодежи о патриотизме (и, вероятно, его проявления) будут отражать просоциальную суть данного феномена, связанную в том числе и с этнической толерантностью. В исследовании, выявлено, что ценности, базовые убеждения, типы этнической идентичности и пол респондентов занимают значимое место в представлении молодежи о проявлениях истинного патриотизма [8].

В границах понимания патриотизма на индивидуально-психологическом уровне рассматривается его место в структуре личности, связь с другими элементами такой структуры. Патриотизм может рассматриваться как системное качество личности, определяющее моральные и нравственные ориентиры, которые в свою очередь способствуют формированию активной и ответственной гражданской позиции, сочетающей три уровня проявления и реализации патриотизма: общегосударственный, социально-групповой и личностный [7; 8].

В отдельных психологических исследованиях патриотизм рассматривается как свойство личности. Конкретизировать понятие патриотизма, как системно-функционального свойства личности, представленного совокупностью инструментально-стилевых и мотивационно-смысловых характеристик, обеспечивающих постоянство стремлений и готовность субъекта к реализации актуальных и потенциальных социально-значимых ценностей, идеалов и убеждений, удалось Потемкину А.В. [7]. Патриотизм выступает, приобретенным свойством личности, имеющим сложную многокомпонентную структуру. Патриотизм должен быть устойчивым звеном в структуре личности студента.

Понимание и проявление патриотизма современными студентами раскрывается через более глубокое понимание их личностных структурных компонентов, характеризующих личность студента с социально-психологической стороны, через призму патриотической направленности.

Одним из базовых личностных компонентов в структуре личности можно выделить такой компонент как патриотическое сознание, которое включает в себя широкий спектр когнитивных процессов и формирует основу для осознанного и ответственного патриотического поведения. Совокупность знаний, убеждений студентов отражающих их отношение к своей Родине, её истории, культуре, народу, и месту в мире, а также осознание своей принадлежности к государству, готовность к ответственным действиям направленным на благо Отчества, все эти показатели являются признаками сформированного патриотического сознания студента.

Укоренение в сознании студента системы идеалов и убеждений, определяющих его отношение к Родине, его поступки и жизненные цели, связанные с национальным благом, участвующие в формировании его мировоззрения и направляя его жизнь на служение своей Родине, формируют такой личностный компонент как патриотические ценности. Важно учитывать, что ключевым аспектом патриотических ценностей студенческой молодежи является, принятие этих ценностей как своих собственных, только в этом случае они становятся частью их мировоззрения, можно предположить, что они формируют основу для патриотических чувств и мотивов, в противном случае, чувства и мотивы могут быть поверхностными или временными.

Эмоциональный компонент патриотизма вбирает в себя патриотические чувства, их можно охарактеризовать, как совокупность позитивных, высоконравственных эмоциональных переживаний, отражающих любовь, преданность и гордость человека за свою Родину. Следует отметить, что молодежь, как и россияне в целом, рассматривают патриотизм как любовь к Родине [8].

Мощной движущей силой, которая стимулирует человека к деятельности, направленной на благо своей Родины, является патриотическая мотивация. Можно сказать, что без патриотических мотивов патриотические чувства остаются лишь декларациями, не приводящими к реальным действиям. Сила и направленность патриотической мотивации зависят от индивидуальных особенностей человека, его жизненного опыта, ценностей и убеждений.

Пограничной степенью понимания патриотизма и его проявления в реальной жизни студентов выступает патриотическое отношение. Системное, устойчивое проявление ценностного отношения личности к своей Родине, которое включает в себя когнитивный и эмоциональный аспекты, выливающиеся в проявление готовности к действиям, поступкам, и есть патриотическое отношение, это интегральное качество личности, объединяющее ум, сердце и волю человека. В современной реальности перенасыщения разрозненной информацией, особенно в студенческой среде формирование патриотического отношения должно отвечать ряду признаков: во-первых, дифференцированности, предполагает разделение как на положительное отношение (любовь, уважение, лояльность), так и критическое (осознание проблем и стремление к улучшению); во-вторых, целостности, не должно являться набором разрозненных элементов, а наоборот, должно представлять собой взаимосвязанную систему, где знания влияют на чувства, чувства побуждают к действиям, а действия, в свою очередь, могут менять знания и чувства; в-третьих, важно достичь устойчивости, уйти от мимолетности, патриотическое отношение может проявляться с разной степенью интенсивности, но в целом должно остаться стабильным.

Важнейший личностный компонент, характеризующий современного студента как патриотическую личность, - это патриотическое поведение. Совокупность конкретных действий, поступков и проявлений человека, обусловленных его патриотическими чувствами, убеждениями, ценностями и смыслами, направленных на благо своей Родины, защиту её интересов, сохранение её культурного и исторического наследия, а также на укрепление её единства и процветания является патриотическим поведением.

Ряд исследований подтверждают, что именно этот поведенческий компонент в молодёжной среде раскрыт наименьшим образом [1; 7; 8].

Вместе с тем, в качестве доступных форм проявления патриотического поведения студентов можно выделить такие как, гражданская активность, подразумевающая участие в выборах, участие в обсуждении и решении общественно значимых проблем, добровольчество, благотворительность, волонтерство.

Когнитивная составляющая патриотического сознания формирует эмоциональную окраску в виде патриотических чувств, порождающих формирование патриотических мотивов, в совокупности они интегрируются в системный компонент, в патриотическое отношение, проявляющееся в готовности к действию, следствием этого многогранного процесса является патриотическое поведение. Когнитивный элемент в структуре личности студента опирается на определённые знания в разных областях, таких как история, география, культура, политическая система страны, а также представления о Родине, её места в мире. Восприятие и правильная интерпретация событий, связанных со страной, позволяет формировать более осознанный патриотизм, основанный не на мифах, а на глубоком понимании реалий [8].

Патриотизм проявляется в конкретных поведенческих действиях таких как, участие в праздниках, патриотических флешмобах, уважительном отношении к государственной символике, так и более активных проявлениях: участие в выборах, волонёрство, защита окружающей среды, активная гражданская позиция. Формой проявления патриотического поведения студенческой молодежи может быть участие в студенческих организациях, научных конференциях, социальных проектах, акциях памяти.

Следует учитывать, что такие базовые процессы психики как центрация на гражданском долге, общественной морали, нравственных традициях и принципах, проекция и когнитивная эмпатия значимых гражданских инициатив лежит в основе патриотической рефлексии. Воспитательный процесс, основанный на понимании механизмов патриотической рефлексии, позволяет выстроить программы воспитания с учётом стимулирования у молодого поколения потребности в самоанализе, самовоспитании воли и стойкого характера, качеств нравственно зрелой личности [2].

Студенты формируют свои установки на основе полученных знаний, личного опыта и взаимодействия с окружением. Важно учитывать современные особенности получения и распространения информации, не редко разрыв между реальной и виртуальной действительностью в сознании молодежи не учитывается в воспитательном процессе.

Выводы. Обобщая, можно выделить ряд аспектов, которые имеют практическое значение в изучении вопроса понимания и проявления патриотизма у современных студентов. Раскрытие личностных структурных компонентов, характеризующих личность студента с социально-психологической стороны в ракурсе патриотической направленности, так же можно использовать для углубленного понимания студентами возможного проявления патриотизма в структуре личности. Результаты проведенного анализа могут быть использованы для разработки более адресных и эффективных

педагогических стратегий, отвечающих запросам и особенностям современного студенчества.

Литература:

1. Бессонова, Т. И. Основные условия развития патриотической рефлексии у молодёжи / Т. И. Бессонова // Севастополь-Сталинград: одна война, одна история. Посвящается 75-летию Победы в Сталинградской битве : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции ученых, преподавателей, специалистов и практиков, аспирантов, магистрантов, студентов и школьников, Севастополь, 27 апреля 2018 года. – Севастополь: «Рибест», 2018. – С. 77-80. – EDN UYOQJG.
2. Бессонова, Т. И. Воспитательный потенциал детских и молодёжных инициатив в развитии патриотических установок личности / Т. И. Бессонова // Социально-психологические проблемы просоциального поведения современного поколения детей и молодежи : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Севастополь, 14–15 октября 2022 года. – Севастополь: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт природно-технических систем», 2022. – С. 486-490. – EDN BMCOMA.
3. Ефремова, О. И. Психологические аспекты проявления чувства патриотизма у современной студенческой молодежи / О. И. Ефремова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № S4. – С. 11-15. – EDN TIPIGN.
4. Потемкин, А. В. Новые методы диагностики патриотизма / А. В. Потемкин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 4(28). – С. 39-42. – EDN KBXQTP.
5. Потемкин, А. В. Национально-психологические особенности проявления патриотизма личности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Потемкин Андрей Валерьевич. ; науч. рук. Кудинов ; С.В. ГОУ ВПО «Тамбовский государственный университет». – Новосибирск, 2009. – 23 с. – Текст : непосредственный.
6. Рядовой, А.Г. Патриотизм как системно-комплексное качество личности: сущность и содержание /А.Г.Рядовой // Омский научный вестник. – 2008. – №3 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-kak-sistemno-kompleksnoe-kachestvo-lichnosti-suschnost-i-soderzhanie> (дата обращения: 19.08.2025).
7. Юдин, Д. В. Проблема патриотизма в трудах отечественных исследователей / Д. В. Юдин // Пензенский психологический вестник. – 2021. – № 2(17). – С. 41-51. – DOI 10.17689/psy-2021.2.4. – EDN TZIYW.

8. Юревич, А. В. Психологические аспекты патриотизма / А. В. Юревич // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 1(34). – С. 5-21. – EDN VSELTV.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Якубовская Ксения Георгиевна*преподаватель кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь***Гвоздёва Алина Олеговна****Горбенко Анастасия Романовна***Студенты кафедры «Психология»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»**г. Севастополь*

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей психологического благополучия у студентов, обучающихся на гуманитарных направлениях подготовки (педагогов и психологов). Установлено, что уровень психологического и субъективного благополучия имеет различия в зависимости от направления подготовки, а именно студенты-педагоги показали более высокую личностную устойчивость и удовлетворенность своей жизнью, а студентам-психологам свойственна изменчивость настроения при большей открытости новому опыту. Выявленные различия указывают на важность дальнейших исследований, направленных на более глубокое понимание факторов, определяющих психологическое благополучие студентов гуманитарных направлений подготовки.

Ключевые слова: психологическое благополучие, субъективное благополучие, студент, направление подготовки, педагог, психолог.

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF STUDENTS OF HUMANITIES TRAINING AREAS

Yakubovskaya Kseniya Georgievna*Lecturer departments of «Psychology»**Sevastopol State University**Sevastopol***Gvozdyova Alina Olegovna****Gorbenko Anastasia Romanovna***Students of the Department of Psychology**Sevastopol State University**Sevastopol*

Abstract. This article presents the results of an empirical study examining psychological well-being among students majoring in the humanities. It was found that psychological and subjective well-being differ depending on the major. Specifically, teacher education students demonstrated higher levels of personal stability and life satisfaction, while psychology students tended to experience mood swings and greater openness to new experiences. The differences identified indicate the importance of further research aimed at a deeper understanding of the factors determining the psychological well-being of students in the humanities.

Keywords: psychological well-being, subjective well-being, student, field of study, teacher, psychologist.

Постановка проблемы. Современное высшее образование предъявляет высокие требования к личности студента, а именно к когнитивным, эмоциональным и адаптационным возможностям и др. Студенты, обучающиеся по гуманитарным направлениям, сталкиваются с высокой когнитивной нагрузкой и значительным объемом коммуникативных взаимодействий, что обусловлено их активным участием в социально ориентированных дисциплинах. Эти факторы оказывают значительное влияние на их психологическое благополучие, вызывая необходимость адаптации к сложным когнитивным процессам и социальным требованиям.

В рамках отечественной психологии изучением психологического благополучия личности занимались такие авторы, как Н.К. Бахарева, Е.В. Бородкина, М.В. Бучацкая, С.А. Водяха, А.В. Воронина, И.А. Джидарьян, Л.В. Карапетян, Н.Ю. Литвинова, А.А. Лебедева, Д.А. Леонтьев, В.Р. Манукян, Я.И Павлоцкая, А.Е. Созонтов, Е.Г. Трошихина, П.П. Фесенко, Р.М. Шамянов, О.С. Ширяева и многие другие [2; 3; 4]. Исследования психологического благополучия личности в зарубежной психологии посвящены труды М. Аргайла, Н. Бредберна, Р. Гринкера, Е. Дейзи, Э. Динера, А. Маслоу, Г. Олпорта, Р.М. Райана, К. Рифф, К. Роджерса, М. Селигмана, Дж. Фишера, Д. Энгеля и других [1; 5; 6; 7].

Цель статьи - выявить и описать особенности психологического благополучия студентов гуманитарных направлений подготовки.

Изложение основного материала исследования. Для исследования психологического благополучия студентов обучающихся на гуманитарных направлениях подготовки были использованы следующие методики: Шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко). Методика диагностики субъективного благополучия Р.М. Шамянова, Т.В. Бескова.

Исследование проводилось на базе ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Гуманитарно-педагогический институт.

Выборку респондентов составили: студенты 1–го курса, обучающиеся по направлению 37.03.01 Психология (далее – 1 группа) и 44.03.01 Педагогическое образование (2 группа) в возрасте от 18-21 года. Исследование проводилось в онлайн формате на платформе Yandex Forms в ноябре месяце 2025 года. Участие было добровольным и анонимным.

Анализ полученных результатов исследования психологического благополучия у студентов гуманитарных направлений подготовки при помощи шкалы К. Рифф в адаптации Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение результатов исследования психологического благополучия у респондентов 1 и 2 группы, в %

Шкала	Респонденты 1 группы			Респонденты 2 группы		
	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Позитивные отношения с другими	24%	69%	7%	28%	36%	36%
Автономия	54%	39%	7%	10%	63%	27%
Управление средой	24%	69%	7%	0%	55%	45%
Личностный рост	23%	54%	23%	0%	90%	10%
Цели в жизни	15%	70%	15%	19%	45%	36%
Самопринятие	54%	23%	23%	10%	63%	27%
Баланс аффекта	30%	54%	16%	45%	45%	10%
Осмысленность жизни	30%	54%	16%	0%	55%	45%
Человек как открытая система	38%	38%	24%	45%	36%	19%
Интегральный показатель психологического благополучия	54%	16%	30%	45%	45%	10%

Полученные результаты исследования (таблица 1) свидетельствуют о том, что у студентов 1 группы преобладают высокие показатели автономии и самопринятия, что говорит о развитой способности к самостоятельному принятию решений, уверенности в себе и положительном отношении к себе. При этом у большей части студентов данной группы выявлен средний уровень по таким шкалам как: позитивные отношения, управление средой, личностный рост, цель в жизни, баланса аффекта, осмысленность жизни. Это свидетельствует о том, что студенты-педагоги находятся в процессе развития

навыка выстраивания социальных взаимодействий, поиске жизненных ориентиров и способности конструктивно управлять обстоятельствами. Однако, несмотря на преобладающие средние и высокие показатели, у некоторых респондентов выявлены трудности в выстраивании позитивных отношений, а также сниженные показатели автономии и самоорганизации. Данные особенности могут быть обусловлены адаптацией первокурсников к новой социальной и образовательной среде.

Для большинства респондентов из 2 группы показатели по основным шкалам находятся в диапазоне средних значений, кроме шкалы баланс аффекта и человек как открытая система, где значения значительно выше. Это указывает на способность студентов-психологов сохранять эмоциональное равновесие, гибкость и восприимчивость к новому опыту. Средние показатели по шкалам автономия, личностный рост, цель в жизни и самопринятие указывают на то, что студенты-психологи находятся в поиске стабильности, внутренней опоры и уверенности в себе.

Далее были рассмотрены результаты исследования субъективного благополучия у студентов-педагогов и студентов-психологов по методике Р.М. Шамионова, Т.В. Бескова. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты исследования субъективного благополучия студентов гуманитарных направлений подготовки в %

Шкала	Респонденты 1 группы			Респонденты 2 группы		
	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Эмоциональное благополучие	61%	39%	0%	45%	45%	10%
Экзистенциально-деятельностное благополучие	61%	39%	0%	45%	55%	0%
Эго-благополучие	85%	15%	0%	27%	55%	18%
Гедонистическое благополучие	85%	15%	0%	36%	54%	10%
Социально-нормативное благополучие	61%	39%	0%	55%	45%	0%
Субъективное благополучие	54%	46%	0%	45%	55%	0%

Исходя из результатов исследования субъективного благополучия полученных при помощи методики Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой свидетельствует о нижеследующем:

Для студентов 1 группы характерны высокие показатели по всем компонентам субъективного благополучия. Это свидетельствует о хорошем уровне удовлетворённости собой, своей деятельностью, эмоциональным состоянием и качеством жизни. Высокие значения по социально-нормативной шкале указывают на согласованность их поведения и жизненных установок с социальными нормами и внутренними ценностями.

У студентов 2 группы наблюдается преимущественно средний уровень субъективного благополучия, что показывает менее выраженное чувство удовлетворённости жизнью в эмоциональной, деятельностной и личностной сферах. При этом высокий показатель по социально-нормативному благополучию говорит о стремлении студентов соответствовать нормам и правилам предъявляемыми обществом и соответствовать социальным ожиданиям, но не всегда это связано с внутренним ощущением удовлетворенности собой и своими потребностями. Низкие показатели по эго- и гедонистическому благополучию позволяют сказать о том, что студенты данной группы испытывают трудности в самопринятии, не всегда уверены в себе и недостаточно удовлетворены базовыми потребностями.

Выводы. Проведенное эмпирическое исследование особенностей психологического благополучия у студентов гуманитарных направлений подготовки позволяет сделать вывод о том, что психологическое благополучие студентов гуманитарных направлений подготовки имеет различный характер в зависимости от направления подготовки. Студенты-педагоги продемонстрировали более выраженную личностную устойчивость и удовлетворённость жизнью, тогда, как студенты-психологи чаще сталкиваются с эмоциональными и личностными колебаниями, несмотря на их открытость новому опыту.

Таким образом, выявленные различия на важность дальнейших исследований, направленных на более глубокое понимание факторов, определяющих психологическое благополучие студентов гуманитарных направлений подготовки.

Литература:

1. Галиахметова, Л. И. Феномен удовлетворенности жизнью на современном этапе / Л. И. Галиахметова // Актуальные проблемы психологического знания. – 2015. – № 2(35). – С. 89-100. – EDN UBZZYJ.
2. Кужильная, А. В. О подходах к изучению субъективного благополучия личности в зарубежных исследованиях / А. В. Кужильная // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2015. – № 1(60). – С. 83-86. – EDN TMDJKV.

3. Карапетян, Л. В. Исследование благополучия в отечественной психологии / Л. В. Карапетян // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2017. – № 2(40). – С. 132-137. – EDN YSRQWR.
4. Осипчукова, Е. В. Видение молодежью своего будущего в аспекте субъективного благополучия / Е. В. Осипчукова, Н. В. Попова // Вестник педагогических инноваций. – 2020. – № 1(57). – С. 59-68. – EDN TWAISR.
5. Толстых, Л. Р. Факторы психологического благополучия студентов в образовательном пространстве вуза / Л. Р. Толстых, Д. Р. Ишмаева // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 55-5. – С. 354-361. – EDN YUBRBB.
6. Созонтов, А. Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического / А. Е. Созонтов // Вопросы психологии. – 2006. – № 4. – С. 105-114. – EDN QCBJLF.
7. Шамионов, Р. М. Субъективное благополучие личности : психологическая картина и факторы / Р. М. Шамионов. – Саратов : Издательство "Научная книга", 2008. – 296 с. – ISBN 978-5-9758-0556-0. – EDN PXNNMN.

Научное издание

Коллектив авторов

**Материалы Всероссийской научно-практической
конференции**

Севастополь, 17 ноября 2025 г.

МИР ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ

сборник

в авторской редакции

**Федеральное государственное автономное учреждение высшего образования
Севастопольский государственный университет
299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.**